

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
В. А. ЖУКОВСКАГО

въ 12-ти томахъ.

Подъ редакціей, съ біографическимъ очеркомъ
и примѣчаніями

проф. А. С. Архангельскаго.

Съ приложеніемъ портрета Жуковскаго, гравированнаго на стали,
и его факсимиле.

ІХ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ за 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1902.

<http://rcin.org.pl>

В. А. ЖУКОВСКИЙ

Типография А. Ф. МАРША, Пезмайловский просп., № 29.

<http://rcin.org.pl>

МЫСЛИ ПРИ ГРОБНИЦѢ.

Уже ночь раскинула покровъ свой, и сребристая луна ливилась въ тихомъ своемъ величїи. Морфей понавасть маковою вѣтвию, и сонъ съ цѣлебною чашею испускается на землю. Все тихо, все молчитъ въ пространной области творенїя; не слышно работы кузнечика, и трели соловья не раздаются уже по роцѣ. Спать ратай, спать волъ, вѣрный товариць трудовъ его, спать вся натура. Одинъ я не могу сомкнуть глазъ своихъ, одному мнѣ чуждо всеобщее успокоеніе. Встану и пойду... Какъ величественно это небо, распростертое надъ нами шатромъ, и украшенное мириадами звѣздъ! а луна?.. какъ прїятно на нее смотрѣть! блѣдномерцающій свѣтъ ея производитъ въ душѣ какое-то сладкое уныніе и настраиваетъ ее къ задумчивости... Вездѣ царствуетъ тишина, только тамъ—вдали шепчетъ дремлющїй ручеекъ, и едва-едва слышно колебаніе листьевъ. Прекрасно, прекрасно! говорилъ я съ восхищенїемъ, и печувствительно приближился къ озеру, окруженному древними дубами, конхъ вершины изображались въ тихой и снежной поверхности воды, какъ въ чистомъ зеркалѣ. Смотрю на нихъ съ почтенїемъ, иду впередъ, и взору моему представляется подуразвалившаяся гробница. Съдой мохъ покрываетъ ее; гнѣзда хищныхъ птицъ пахотятся въ ея трещинахъ; эмблема смерти — чернѣ извѣчень вверху, и еще примѣтны нѣкоторые остатки изглаженной надписи. При семъ видѣ я содрогнулся, трепетъ обь-

ялъ мое сердце. Но мало по малу бодрость моя возвратилась, страхъ исчезъ, нѣкоторая томность овладѣла мною, и мысль за мыслию тѣпилась въ душѣ моей. Живо почувствовалъ я тутъ ничтожность всего подлуннаго, и вселенная представилась мнѣ гробомъ.

«Смерть, лютая смерть! сказалъ я, прислонившись къ иссохшему дубу: когда утомится рука твоя, когда притупится лезвіе странной косы твоей, и когда, когда престанешь ты посѣвать все живущее, какъ злаки дубравныя?.. Ты неутомима; законъ твой непремѣненъ; ничто не избѣжитъ ударовъ твоихъ; ничто не подвигнетъ тебя на жалость... Тамъ вижу я прекраснаго отрока, подобнаго едва распустившейся розѣ; здѣсь зѣлообразнаго, сановитаго юношу, гордящагося превосходными дарованїями своими. Нѣжные родители не могутъ насмотрѣться на нихъ, не могутъ нарадоваться; ими дышуть, ими живутъ, — и надежда, что они будутъ нѣкогда славою своего рода, украшенїемъ своего времени, восхищаетъ чадолюбивое ихъ сердце. Тщетная надежда!.. Одинъ махъ косы твоей — и ихъ цѣть.. стоишь и вопль раздаются; но ты не внемлешь, и свѣшивъ къ новымъ жертвамъ. Свѣшивъ — и мужъ добродѣтельный, коего вся жизнь посвящена благотворенїю, коего примѣръ есть свѣтильникъ вверху горы стоящїй, мужъ, достойный жить цѣлые вѣки, колеблется, падаетъ, и еще разъ взглянувъ глазами любви на оставаемый имъ мїръ, закрываетъ ихъ павѣки. Свѣшивъ — и столбтїй старецъ, безмечто вчера игравши съ милыми праправнучатами, сегодня внослѣднее прижимается ихъ къ холодной груди своей, и

судье его перестаетъ биться. Ты сѣдшишь далѣе, смерть грозная, и все — отъ хижины до чертоговъ, отъ плуга до скипетра — все гибнетъ подъ сокрушительными ударами косы твоей. И я, и я буду пѣкогда жертвою ненасытной твоей алчности! и кто знаетъ, какъ скоро? Завтра взойдетъ салще — и, можетъ быть, глаза мои, сомкнутые хладною твоею рукою, не увидятъ его. Оно взойдетъ еще — и вѣтры прахъ мой развѣютъ...»

Тутъ глубокое смущеніе объяло мой духъ, и грудь моя поколебалась отъ вздоховъ — «Но ничто смущаться сего мысленно? сказалъ я потомъ: развѣ нѣтъ оплота противъ ужасовъ смерти? Взгляни на сей лазоревой сводъ: тамъ обитель міра; тамъ царство истины; тамъ Отецъ любви. Смерть есть путь въ сію вѣчно блаженную страну. Кто не угнеталъ слабыхъ, кто не притѣснялъ невинныхъ, и на кого горькая слеза спроты не воіяла на небо; кто всѣхъ любилъ, какъ братій своихъ, всѣмъ по возможности старался дѣлать добро: тому нечего бояться. Смерть для него будетъ торжество, а гробъ лѣтвица къ небу. Но вы, злодѣи! трепещите... — «Тутъ глаза мои устремилъ къ гробницѣ. «Скажи мнѣ, воскликнулъ я: чей прахъ вмѣщаешь ты? чьи кости въ тебѣ почиваютъ? Другъ ли человѣчества спигъ здѣсь сномъ безпробуднымъ, или извергъ естества, притѣнитель себѣ подобныхъ? Скажи: да омочу табіе сіе слезою чувствительности, или да изреку...»

При словѣ семъ вдругъ вспорхнула изъ гробницы вѣщяя сова, и стономъ своимъ возмущила царствовавшую окрестъ тишину. Кровь во мнѣ волновалась; голова отяжелѣла; я почувствовалъ пѣкоторую слабость, и медленными шагами, съ растроганнымъ сердцемъ, возвратился въ сельскую свою вуну. —

1798.

МИРЪ И ВОЙНА.

Зазвучали оружія брапи; засверкали острые мечи; знамена гордо развѣваются

въ воздухъ, и пернатые племя осѣняютъ главы ратниковъ. Соединившись въ единое ополченіе, съ терпѣливостію ожидаютъ они знака къ сраженію. Раздается гласъ трубный — и подобно молніи летятъ они на враговъ своихъ; кровь брызжетъ подъ ударами; мечъ, разѣвая воздухъ, съ свистомъ упадетъ на крѣпкую брону; она вылетаетъ, и багровая кровь струится по блестящей стали. Стовъ пораженныхъ, мѣшаясь со звукомъ оружія, раздается въ долинь, и земля дрожитъ подъ тяжкими стопами противоборцовъ.

Пламя войны все пожираетъ, ничто не сокростея отъ ужаенаго бича брани; тамъ пылаетъ домъ беззащитной вдовицы, и подавляетъ ее своимъ надеіемъ; тамъ стонетъ сирота, лишенный родителей, — тицетно слабое дитя простраетъ невинныя свои руки, дабы неспросить себѣ пощады; убійца, жаждущій крови, не смягчается, и съ свирѣтвомъ поражасть свою жертву. Заструилась кровь изъ груди младенца, послѣдній вздохъ излетаетъ изъ сердца его, и блѣдность смерти покрываетъ его чело. Тицетно почтенный старецъ дрожащими стопами хочетъ сокрытись отъ ярости ожесточеннаго ратника; извергъ настигаетъ его и, не взирая на сѣдины старца, вопзаетъ дымящійся кровію мечъ въ трепещущее его сердце — онъ падаетъ, и смертный хладъ объемлетъ его чувства. Ужасъ крыломъ своимъ покрываетъ поле брани, и всѣ окрестныя мѣста трепещутъ отъ военныхъ громовъ; введоу отчаяніе и горестъ послалились, и радость отвратила блестящій взоръ свой.

Поспѣши, благодѣтельный миръ, поспѣши угушить вражду чловѣковъ, осѣни крыломъ твоимъ ратующихъ братій и излей базъзамическій сокъ твой въ сердца, возженныя пламенемъ войны.

Онъ нисходитъ, и свѣтлая струя радости пробѣжала въ сердца, горѣвшія злобою. Ратники, за часъ прежде сего яростно сражавшіеся и безъ жалости убивавшіе другъ друга, тѣ самые ратники съ дружелобіемъ объемлются — мечъ не блистаетъ болѣе въ ихъ рукахъ, и кровь не

блнштъ уже на свѣтлой стали; все утихло, и радость, окруженная лучами, явилась посреди воинства.

Супруги въ объятіяхъ семействъ своихъ вкушаютъ неперечисляемой радости; сынъ на колѣняхъ объезжаетъ руку сѣдовласаго родителя, и съ геройскою улыбкою полагаетъ къ стопамъ его залогъ своего мужества. Тенлыя слезы текутъ изъ очей старца и орошаютъ румяныя щеки юноши, гордящагося таковымъ торжествомъ.

Все радуется, все воехщается...

Воинство вступаютъ во градъ, гдѣ милосердый монархъ, пѣвннй отецъ своего народа и тщательно устрояющій блаженство своихъ подданныхъ, съ милостію пріемлетъ дѣтей своихъ и вкушъ съ ними наслаждается плодами тишины.

Продлея, воздѣланный миръ, продлея между людей; подъ тихимъ покровомъ твоимъ блаженство ихъ не поколеблется, и они въ тишинѣ будутъ наслаждаться благами жизни и дарами своего Творца.

ЖИЗНЬ И ИСТОЧНИКЪ.

Солнце торжественно появлялось на горизонтѣ, и заря, предшествуя ему, покрывала румянцемъ вершины горъ; природа скинула тихій покровъ ночи, и день на крыльяхъ зефировъ взлетѣлъ на лазурный сводъ неба.

Морфей отлетаетъ въ царство тѣней, и сны, подобно рою пчелъ, послѣдуютъ за нимъ. Природа пробуждается; блестящій царь свѣтилъ, воздѣя на лучезарной колесницѣ, свѣтъ животворные лучи на поверхность шара; тихая роса блестятъ и мало по малу исчезаетъ на листьяхъ деревьевъ, и жаворонокъ, стремяся въ высоту синяго неба, первымъ гимномъ поздравляетъ пробуждающуюся природу.

Силу на возвышенномъ холмѣ, вѣчающемъ нестройный дугъ; свѣтлый кристаллъ ручейка омываетъ подошву пригорка и оставляетъ перлы на травѣ. Его журчанье трогаетъ мое сердце; голосъ со-

ловья, тихо пробираясь съвозъ священный дубовый лѣсъ, куда лучъ солнца не дерзаетъ проникнуть, мѣшается съ гармонією потока, и эхо далеко его повторяетъ.—Здѣсь, подъ навислыми утесами, въ молчаніи дремлетъ море, и его волны, величественно протекая неизмѣримое пространство, разбиваются о камни. Источникъ, который тамъ, подъ пѣвными сводами душистыхъ цвѣтовъ, скромно изливался черезъ дугъ, вдругъ по голому, неровному утесу кипя низвергается въ море, и струи его пропадаютъ тамъ такъ, какъ часы въ вѣчности.

«Разительная картина жизни!» сказало мое сердце, и флеровая мантия меланхолиі покрыла мои чувства; воображеніе на быстрыхъ крыльяхъ перенесло меня изъ одной мысли въ другую, и полетъ его не находилъ предѣловъ.

«Скоро пролетаютъ дни наши, думалъ я, особенно дни счастья; долго текутъ часы несчастій, и ихъ теченіе оставляетъ глубокія черты въ нашемъ сердцѣ.»

«Человѣкъ, вышедъ изъ утробы матери, бываетъ чистъ и непороченъ; зло не дерзаетъ осквернить его своимъ прикосновеніемъ, и страсти сняты въ его душѣ—но это только младенецъ, онъ ничего не знаетъ, ничто не можетъ его тронуть, самая добродѣтель не имѣетъ прелестей въ глазахъ его; жизнь его подобна тому мѣету, откуда вытекаетъ ручей, подобна зарѣ.—Ахъ! солнце не возшло еще; можетъ быть, облака его закроютъ...»

«Изъ младенчества преступаетъ человекъ на стезю юности, и теченіе жизни его уподобляется тогда струямъ ручья, журчащаго уже среди цвѣтовъ; но камушки преннаютъ путь его, такъ какъ страсти иногда совращаютъ юношу съ истиннаго пути. Если жъ благодѣтельная рука исторгнетъ сѣпъ камни изъ волнъ источника, то бѣгъ его становится прозраченъ и чистъ. Если мудрый пастырь гласомъ истины извлечетъ изъ неопытнаго сердца юноши жало страстей, то дни его просвѣтятся и солнце благо-

разумія разсѣять туманъ заблужденій.— Счастливъ тотъ юноша, который въ златее время своей непорочности посаждаетъ въ своемъ сердцѣ сѣмя добродѣтели; оно пуститъ корни и превратится въ дерево.»

«Теперь источникъ жизни нашей становится быстрой, онъ течетъ по голому утесу, совратяся съ благовоиныхъ луговъ, и съ шумомъ низвергается въ море. Человѣкъ приходитъ въ мужескія лѣта—и если сѣмя добродѣтели не пустило корней своихъ въ его сердцѣ, если порокъ прежде времени вырвалъ его оттуда, то—несчастій!—море заблужденій, море несчастій его поглощаетъ, и ничто не въ силахъ его оттолкнуть; онъ бѣдетъ между валовъ его и, думая достигнуть береговъ, только что отъ нихъ удаляется. О человѣкъ! для чего ты не слѣдуешь добродѣтели?»

«Наконецъ приближается старость, и онъ погибаетъ въ пучинѣ. Тиха старость праведника, солнце чистой совѣсти оживляетъ ее своими лучами; оно закатится лишь тогда, когда поцѣлуй смерти похититъ его жизнь.»

«Порочній! какая была цѣль твоя? Вдали предъ тобою снѣлся океанъ бѣдствій, и ты не задрожалъ; тогда только, когда увидѣлъ ты бѣгущую къ тебѣ смерть, тогда ты почувствовалъ ужасъ. Для чего не страшился ты пороковъ? они ужаснѣе смерти. Для чего позволилъ ты развращенію исторгнуть сѣмя добродѣтели изъ твоего сердца? Для чего не далъ ты ему превратиться въ дерево? Ты бы умеръ—заснулъ подъ его тѣнью.»

Смертній! берегись совращаться съ истиннаго пути, иначе ты, подобно источнику, будешь поглощенъ неизмѣримымъ моремъ несчастій.

РѢЧЬ НА АКТЪ ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОМЪ БЛАГОРОДНОМЪ ПАНСИОНѢ, 14 НОЯБРЯ 1798 г.

Любезные товарищи! Никогда еще не посѣщали сердца нашего толь сладкія

чувства, какъ въ сія достопамятныя для насъ минуты. Заслужить отличіе въ благонавіи, въ стремленіи къ добру, къ просвѣщенію; заслужить право первенства между вами, право, утвержденное собственнымъ признаніемъ безпристрастныхъ, невинныхъ сердець вашихъ—не есть ли восхитительно, неслѣненно?—Заслужить!.. Итъ, любезные товарищи! мы не заслужили толь лестнаго преимущества. Самая сія радость, самое сіе восхищеніе, которое вы читаете теперь въ глазахъ нашихъ, не есть ли уже слабость, малодушіе? Такъ, мы недостойны толь отличной оказанной намъ чести. Многіе изъ васъ имѣютъ, можетъ быть, гораздо болѣе права на то первенство, коимъ вы насъ почтили по одному снисхожденію, по одной своей къ намъ любви. Не мы васъ, вы сами себя побѣдили; и поднесенный вами вѣнокъ другимъ приличіе бы могъ украшать васъ самихъ. Мы слабы, неопытны, часто претыкаемся и надаемъ. Способности наши очень ограничены, достоинства малозначущи, поступки не такъ чисты и неукоризнены, чтобы можно было поставить ихъ въ образецъ подражанія; и если есть въ насъ что нибудь доброе, то, можетъ быть, единая готовность сдѣлаться иѣкогда прямо добрыми. Вотъ всѣ наши преимущества; вотъ единственное наше право на то драгоценное для насъ первенство, коимъ вы насъ почтили.—Друзья любезные! при подожжѣ ихъ священнѣе для насъ изображеній *), поставленныхъ здѣсь пламенную нашею благодарностію, еще держаемъ мы повторить торжественный обѣтъ свой, что употребимъ всѣ силы, да сѣмя добра, лежащее въ груди нашей, произраститъ спасительные плоды свои; и тѣмъ потщимся доказать, сколь высоко цѣнимъ мы снисходительное ваше о себѣ мнѣніе, и сколь признательность наша чистосердечна. Счастливы, счастливы будемъ, если предохранимъ, кого

*) Здѣсь разумѣются портреты гг. кураторовъ. *Примѣч. въ текстъ.*

нибудь из васъ, хотя отъ одного дурнаго поступка, влекущаго за собою горькія слѣдствія; если умножимъ хотя однимъ зерномъ его познанія; если приблизимъ его, хотя на одинъ шагъ, къ добродѣтели.

Священная добродѣтель! не ты ли основаніе прямого нашего счастья? Не ты ли бластителъ нашего спокойствія? не ты ли тотъ чистый, неиссякаемый источникъ, изъ коего почерпаемъ мы, все истинныя свои наслажденія, все радости, восторги, удовольствія? И блаженъ тотъ, кто исполняетъ священные твои уставы! Блаженъ тотъ, кто воинствуетъ подъ побѣдительнымъ знаменемъ твоимъ! Блаженъ! ибо никакія сопротивныя силы не поколеблютъ его, никакія бѣдствія и страданія не одолеютъ. Душа его свѣтла и безмятежна, какъ покоящаяся при вечерѣ пива. Любезные товарищи! мы все ищемъ пути къ счастью: онъ въ добродѣтели. Я знаю васъ: вокругъ сердца вашего обращается кровь благородная—и вы не можете не разумѣть меня; а еіе ваше вниманіе, еіе неподвижныя взоры ваши, на меня устремленные, не показываютъ ли ясно, что вы жаждете заняться со мною, иъсколько минутъ, еімь драгоценнымъ для всехъ насъ предметомъ. Повинуясь—и слабую, дрожащую кистью изображу вамъ иъкоторыя черты добродѣтели, увѣрьте будучи, что сія картина дѣтской руки моеі не останется безъ дѣйствія.

Посмотрите на сего благодѣтеля челоуѣчества, посмотрите: какъ толпятся вокругъ его несчастные, какъ устремляютъ на него слезящее око благодарности, какъ расцвѣтаетъ веселіемъ томное чело ихъ! Это бѣдные, не жившіе пристанища и получившіе покровъ отъ благодѣтельной руки его. Посмотрите: какъ взоры его чисты, божественны! На ланитѣхъ блеститъ слеза восхищенія; въ душѣ царствуетъ миръ и тишина. Онъ есть благотворное иъкое существо, обитающее не въ рудотворномъ храмѣ, но въ еликой сердцемъ обзаванныхъ. Здѣсь, въ

семь святилищѣхъ, поставленъ ему алтарь, на коемъ курится чистая, неугасимая жертва благодарности, алтарь, котораго рука времени не сокрушитъ, и паденіе земли не поколеблетъ. Чистая, ненорочная совесть друга челоуѣчества будетъ ему щитомъ противъ ударовъ ожесточеннаго рока, и украшеніемъ во дни счастья. Сонъ его есть сонъ праведника; и хотя бы камень служилъ ему возглавіемъ, хотя бы колючій тернъ былъ ему одромъ, — и тогда бы во всякой ранѣ его тѣла блистала роса душевнаго здравія.

Посмотрите на сего бѣднаго, лишенаго одежды, нищи, пристанища, но богатаго добрымъ сердцемъ,—посмотрите, еъ какою твердостью покоряется онъ опредѣленіямъ судьбы! Сердце его покойно—подобно ясному солнечному дню, когда ни одно облачко не плаваетъ по лазури неба. Подъ соломеннымъ кровомъ евоей хижины находитъ онъ то счастье, коего вельможа ищетъ въ своихъ чертогахъ, и не обрѣтаетъ. Кусокъ хлѣба, котораго достаетъ онъ въ потѣ лица своего, сладостіе для него роскошной нищи счастья. Сколь часто, еъ душевнымъ умиленіемъ, преклонивъ колѣно, устремляетъ онъ взоры евотуда, гдѣ царствуетъ вѣчная любовь, и говоритъ: «Я бѣденъ, я несчастенъ; по Ты благи, Отецъ небесный! Ты не оставишь меня—и наградишь мое терпѣніе». Такъ говоритъ онъ, и пламенная слеза, капающая изъ сердца его, не упадетъ на землю, но проникнетъ небеса и принесется въ жертву Живущему на нихъ. Добродѣтельный челоуѣкъ твердъ въ несчастіи, непоколебимъ въ панастяхъ, и терпѣливо, безъ ропота, проводитъ бѣдственную жизнь свою... По можно ли назвать бѣдственною такую жизнь? Нѣтъ! Пускай напыщенный богачъ ступаетъ по золотойвѣинымъ коврамъ персидскимъ; пускай стѣны чертоговъ его сияютъ въ златѣ; злато еіе, многоцѣнныя цѣккаія еіе—они помрачены вздохомъ угнетеннаго, кровію пзмученнаго раба... Нѣтъ; еъ чистымъ сердцемъ, еъ тихою со-

вѣстію, предпочту я сыпный лѣсъ мраморному дворцу, гдѣ всякой камень, представляющійся глазамъ моимъ, возмутитъ мою душу; гдѣ неумолимое раскаяніе, съ блѣднымъ лицомъ, съ тусклымъ взоромъ, будетъ слѣдовать на стонахъ моихъ... Въ мирномъ убѣжищѣ престола и невинности, въ тишинѣ лѣсовъ, съ подругою души своей, добродѣтелью, сооружу я изъ естественныхъ вѣтвей чертогъ свой, и мягкой деривъ—будетъ моимъ престоломъ.

Посмотрите далѣе на сего невинно заключеннаго узника. Мракъ темницы его объемлетъ; но свѣтильникъ добродѣтели ярко сіяетъ во глубинѣ души его. Клопочъ соломы служить ему горестнымъ одромъ, и тяжкія оковы обременяютъ его руки. Но взгляните на лицо его: какая небесная радость, какое величіе! Душа его спокойна, и сердце дремлетъ подъ щитомъ совѣсти. Онъ радуется, что скоро достигнетъ цѣль жизненнаго своего странствія; что скоро душа его, оставивъ бренную скинію тѣла, на легкихъ крыльяхъ будетъ протекать небесныя сферы, будетъ пѣвнаться восхитительною, невѣдомою для смертнаго слуха, гармонією блаженныхъ небожителей. Каждый звукъ цѣней напоминаетъ ему теченіе минутъ, приближеніе торжества. Сердце его пламенеетъ, душа пенюлируется умиленія, и онъ, въ восторгѣ, цѣлуетъ бременяція его узы. Когда жъ представитъ ему смерть и благодѣтельною рукою отверзетъ врата вѣчности; когда расторгнетъ покрывающую глаза его завѣсу, и укажетъ предстоящую ему судьбу,—тогда, со восторгомъ праведника, бросивъ во прахъ брѣнное свое покрывало, въ объятіяхъ ея, устремится онъ туда, въ оная вѣчноцвѣтущія поля, гдѣ пѣтъ ни зависти, ни злобы, ни мщениа, и гдѣ царствуетъ единая приносящая любовь.

Посмотрите на сего добраго, честнаго носелянина, окруженнаго многочисленнымъ семействомъ. Какъ онъ доволенъ! Желанія его умѣренны, и счастье обитаетъ въ его хижищѣ. Съ пришептвемъ дня выходитъ онъ на дѣланіе

свое, и съ бодростію, съ удовольствіемъ, принимается за работу. Когда жъ силы его начнутъ слабѣть и востребуютъ подкрѣпленія, онъ возвращается домой; жена и дѣти встрѣчаютъ его, и съ пѣжностію пріемлютъ въ свои объятія. Умѣренный обѣдъ, приправленный дружествомъ и любовію, утоляетъ его голодъ; послѣ краткаго отдохновенія, снова принимается онъ за работу, и престаеетъ трудиться тогда, когда солнце престаеетъ освѣщать землю. Ночь наступаетъ,—сонъ его тихъ и протокъ, и совѣтъ, молчащая въ душѣ его, засыпаетъ съ нимъ вмѣстѣ. Такъ проходитъ его день, такъ проходитъ и жизнь его. Время рукою своею ублажитъ власы его и покроетъ чело морщинами. Смерть, сія предвѣстница его блаженства, тихими шагами приблизится къ нему, и онъ съ улыбкою пенорочности бросится въ ея объятія.

Посмотрите на сего героя, на сего браннаго витязя. Преданность къ государю, ревность къ службѣ, любовь къ славѣ, пламенеютъ въ груди его. Отечество взываетъ къ нему: спаси меня! и онъ летитъ на поле брани; обнажить мечъ—и неборимыя силы валяются. Громъ умолкъ, молнія потухла, побѣда припоситъ свои лавры; но кого убѣчиваетъ она? гдѣ герой нашъ? Онъ здѣсь, любезныя товарищи, на сихъ развалинахъ, на сихъ кучахъ пепельныхъ, на сихъ дымящихся кровію тѣлахъ; онъ здѣсь, и проливаетъ слезы. Да будетъ благословенно имя твое, витязь бранный! Сердце твое отверзетъ состраданію, ты скорбнишь о человѣчествѣ, ты любишь добродѣтель...

Но кто изочтетъ лучи солнца—и кто ичислитъ красоты добродѣтели, кто ичислитъ спасительныя ея дѣйствія? О, священная добродѣтель!

Сіяешь ты въ вертепахъ темныхъ,
И въ самыхъ пропастяхъ подземныхъ,
Всегда свѣтла, мила, чиста.
Тебя вездѣ сопровождаютъ
Надежда, радость и покой;
Вселенну громы поражаютъ,
Но всюду благодать съ тобою.
Ты носишь въ сердцѣ вѣчну радость,

Твоя стихія—миръ и сладость.
Блаженна жизнь, блаженъ твой сонъ.
Сады срѣтаешь въ дебряхъ райски,
Зимою дни вкушаешь майски;
Твоя манна хлѣбъ, твой холмъ тропь..

Да будетъ тропь ея и въ сердцахъ
пашинъ, любезные товарищи! Что про-
свѣщеніе безъ добродѣтели? Мѣдъ звеща-
ющая, кимвалъ бряцающій, печистый, зара-
зительный — петочникъ. Просвѣщеніе и
добродѣтель! — соединимъ ихъ неразрыв-
нымъ союзомъ; да царствуютъ онѣ со-
вокупно въ душахъ пашинъ. Къ сему
должны стремиться все мысли и дѣла
пашп. Сего ожидаетъ отъ насъ отечество,
ожидаютъ благотворные пашп попечители,
которые въ награду за всю свою къ намъ
пѣжность, за всю любовь, за все труды,
о насъ прилагаемые, ничего больше не
желаютъ, какъ только видѣть насъ про-
свѣщенными, добрыми и прямо счастли-
выми. Безчисленны къ намъ ихъ благо-
дѣшны; но дѣла ихъ, но добродѣтельный
примѣръ ихъ есть то, что мы драгоцен-
нѣйшаго отъ нихъ получили.

Возрите на сін изображенія. Се ликъ
Шувалова! Грозная судьба похитила его
отъ насъ; но — сердце еще бьется въ
груди нашей, и Шуваловъ тамъ живетъ.
Другъ человѣчества! ты достоинъ вѣнка
безсмертія; и грядущіе, отдаленные вѣки
съ благоговѣніемъ повторяютъ имя твоё.—
Се образъ Мелиссина!.. Любезные това-
рищи! почто не можемъ мы повергнувъ
на гробъ его, на сіе вѣсталище драго-
цѣннаго для насъ праха! почто не мо-
жемъ окропить его своими слезами! Отъ
нихъ возрали бы на немъ цвѣты, и
благоуханіемъ своимъ возвѣстали бы стран-
нику: Здѣсь почиетъ покровитель
наукъ. — Шуваловъ! Мелиссина! тѣни
ваши, можетъ быть, посяте теперь надъ
нами и улыбаются, видя любовь нашу.
Божественная улыбка! она побуждаетъ
насъ слѣдовать по стопамъ вашимъ, и
если можно, вамъ угодиться. Тѣни
священныя! покойтеся въ селеніяхъ пра-
ведныхъ; мы не возмутимъ тишины ва-
шей уклоненіемъ отъ пути добродѣтели.

Херасковъ, добрый, чувствительный, не-
забвенный основатель сего благотворнаго
мѣста, воспитанію благородныхъ юношей
посвященнаго. — Херасковъ съ достоити-
мыми своими сотрудниками насъ ру-
ководствуетъ.

Питомцы толь знаменитыхъ мужей!
потщимся заблаговременно пользоваться
благодѣтельными поученіями, изъ устъ
наставниковъ пашинъ текущими. Время
летитъ; и сѣмена мудрости и добродѣте-
ли, посажденныя во дни юности въ умахъ
и сердцахъ пашинъ, возрастутъ въ древо
великое, коего плоды будемъ мы соби-
рать и въ самой вѣчности.

1800.

КЪ НАДЕЖДѢ.

Надежда, кроткая посланница небесъ!
тебя хочу я воспѣть въ восторгѣ души
своей. Услышь меня, подруга радости! и
ангельская улыбка твоя да будетъ мнѣ
наградой.

Тобою—все живутъ и дышутъ, о бо-
жественная! Отъ вѣщности до наступка,
отъ перваго счастливаго до послѣдняго
бѣдняка, отверженнаго цѣлымъ міромъ—
въ тебѣ находятъ все отраду и утѣшеніе!

Безъ тебя царь несчастенъ на тронѣ
своемъ и униженъ среди пышности, среди
блеску, его окружающаго, среди хвалеб-
ныхъ въ честь ему восклицаній.

Безъ тебя герой хладѣетъ и лишается
бодрости своей. Ты одушевляешь его ле-
тящаго на поле брани; и среди окрова-
вленныхъ труновъ, среди дымящихся раз-
валинъ, среди гучъ испепеленныхъ, ты по-
казываешь ему растущіе побѣдные лавры.

Ты водишь плугомъ земледѣльца, въ
потѣ лица воздѣлывающаго поле свое, и
поддерживаешь ослабѣвающую руку его,
предвѣщая ему щедрую награду за труды.

Ты управляешь кораблемъ морехода,
плывущаго по зыбкимъ хребтамъ непо-
стоянной и грозной стихіи въ страны
отдаленныя, и веселишь сердце его, воз-
вѣщая ему близкій предѣлъ его страп-

ствія, а тамъ — несмѣтныя ожидающія его сокровища.

Ты радуешь пѣвную мать, неуслыпно некусную о дѣтяхъ своихъ. Ты говоришь ей, что они будутъ пѣвогда украшеніемъ ея, подорою; и извлекаешь изъ очей ея слезы восторга.

Ты утѣшаешь нищаго, оставшаго человѣчествомъ, издыхающаго на голомъ камнѣ. Ты спинаешь благотѣльною рукою покровъ съ томныхъ очей его, и показываешь ему въ отдаленіи будущее — онъ възираетъ, и видитъ могилу, конецъ своихъ страданій, за пелю Бога, вѣчную радость, видитъ — и вооружается твердостію.

Ты озаряешь лучами отрады темницу узника, обремененнаго оковами и не обрѣтающаго сожалѣнія въ сердцахъ братій своихъ. Ты раждаешь бодрость въ унывающей душѣ его, и льешь цѣлительный бальзамъ въ раны его сердца. Ты сопутствуешь ему до послѣдней минуты горестнаго бытія, и провождаешь его даже за предѣлы гроба.

О надежда, усладительница нашихъ горестей! сопутствуй мнѣ на мрачномъ пути сей жизни; сопутствуй до того времени, когда ангелъ смерти, отворивъ таинственные врата вѣчности, приметъ меня изъ объятій твоихъ, и на крыльяхъ безсмертія понесетъ въ лучшій, блаженный міръ.

МЫСЛИ НА КЛАДБИЩѢ.

Почь наступаетъ. Молчаніе, одѣянное мракомъ, величественно несется на землю — все безмолвствуетъ подъ кровомъ его ризы.

Луна, собесѣдница горестныхъ, медленно подымаетъ блѣдное чело свое изъ-за отдаленныхъ горъ; слабо осеребряетъ она кремнистыя ихъ вершины, и лучъ ея пробивается въ дремлющій лѣсъ; кажется, тѣни, чада молчаливой ночи, блуждаютъ въ густотѣ его. —

Сѣрые облачка опушаютъ задумчивый образъ луны — тѣмъ она любезнѣе, тѣмъ

привлекательнѣе!.. Тренущій лучъ ея, преломляясь о нихъ, тихо несется долу.

Здѣсь, въ обители смерти *), въ долиніи спокойствія, разливаешь онъ блѣдное сіяніе на могилы, скрывающія въ пѣдрѣ своемъ почившихъ, — онъ мѣшается съ юными чадами весны, дышущими на нихъ благоуханіемъ, и кажется, хочетъ проникнуть гробныя камни, чтобы оживить тѣлѣне.

Бьетъ полночь — это часъ смерти — луна на половинѣ пути своего; она прямо надъ моею головою; свѣтъ ея ударяетъ въ узкое окно развалившейся часовни, и ршеуетъ рѣшетки ея на руинахъ.

Облокотясь на надшіи столбъ, смотрю и вокругъ себя — все молчитъ — почившіе спятъ сномъ безпробуднымъ. Гейи унынія, въ бѣлой одеждѣ, съ поникшею главою, сидятъ на гробовыхъ обломкахъ, и стонетъ о бренности всего подлуннаго.

Они спятъ — снъ сыны тѣлѣни! они спятъ — и кто ихъ пробудитъ?

Натура, одѣянная мракомъ, дремлетъ на зонѣ полнотчи; все молчитъ; ни единый глазъ не взываетъ къ нимъ.

Все молчитъ въ благоговѣйномъ ужасѣ. Пустынной ручей тихо струится по камнямъ; соловей давно остановилъ громкія трели свои — все молчитъ!..

Но се грядетъ утро!.. Съ высоты отдаленныхъ горъ несется благотворное сіяніе его долу. Натура пробуждается: все твореніе возглашаетъ гимны. — Се грядетъ утро! по они спятъ.

Они спятъ, не внемля глазу взывающего къ нимъ дня; они спятъ — и кто ихъ пробудитъ?

Сните, сыны тѣлѣни! еще не время — наступитъ утро безсмертія; жизненный лучъ его проникнетъ въ сердце міра — и вы возстанете отъ сна своего.

Сните, сыны тѣлѣни! еще не время!..

ИСТИННЫЙ ГЕРОЙ.

Послѣдній лучъ зари угасъ на западѣ, и почь на крыльяхъ тишины спустилась

*) «На кладбищѣ». *Примы. къ тексту.*

на землю; луна въ краткомъ сіяніи ка-
тится по снѣжному своду небесъ, и лучи
ея осребряютъ верхи дубовъ.

Свою у чистаго ручья; въ струистомъ
кристаллѣ его трепещетъ образъ луны;
на берегу воздвигнутьobeliskъ—смотрю,
и при свѣтѣ луны вижу неизгладившуюся
еще надпись: *Побѣдителю.*

Побѣдителю! сказала я, и грудь моя
поколебалась отъ вздохомъ.—Кто сей по-
бѣдитель? Конечно, убійца тысячъ? И
убійцы называютъ побѣдителями, соору-
жаютъ имъ памятники для того, чтобы
потомство прославляло имена ихъ!

Итъ! пускай прославляетъ ихъ безу-
мецъ; но тотъ, кто вмѣстѣ сердце, кто
любитъ добродѣтель, тотъ съ ужасомъ
отвратитъ взоръ отъ гордагоobeliska,
вспомнивъ, сколько жертвъ пало прежде,
нежели онъ воздвигнуть.

Герои! куда стремитесь вы съ обна-
женными мечами? за чѣмъ бѣжите? За
славою? За призракомъ, котораго вы не
достигнете? — Оглянитесь: слѣды ванны
обогрѣны кровію; тѣла убіенныхъ покры-
ваютъ путь вашъ; злоба бѣжитъ съ вами,
потряса пламенникомъ своимъ; природа
унываетъ вокругъ васъ, и бѣдствія лютятъ
отъ руки вашей.

Гдѣ же сія слава, которой вы такъ
алкаете? Вънецъ на главѣ вашей, пуста
въ сердцѣ—вы достигнете предѣла жизни
своей; глыба земли покроетъ прахъ вашъ; ру-
ка времени низложитъ гордыйobeliskъ, въ
честь вамъ воздвигнутый; и громъ дѣлъ ва-
шихъ, раздавшись, подобно эху умолкнетъ.

Слеза благодарности на могилу—вотъ
оттѣкъ славы! Благословенна несчастлив-
ца—вотъ *тѣнь торжественная!* Другъ
человѣчества—вотъ *истинный герой,*
котораго дѣла *въ сердцахъ,* котораго
слава *въ вѣчности!*

1803.

О ПУТЕШЕСТВІИ ВЪ МАЛОРОССІЮ.

Вышла новая книга: Путешествіе
въ Малороссію, наданное К. П. Шали-

ковымъ. Я читалъ ее съ примѣчаніемъ,
съ удовольствіемъ, и желаю сообщить
мысли, которые при чтеніи родилась въ
головѣ моей, тому, кто захочетъ узнать ихъ!

При самомъ началѣ путешествія открыва-
ется цѣль автора. *Changeons de lieu
roug nous défaire du temps,* говоритъ онъ,
и ѣдетъ не съ тѣмъ, чтобы описывать
города и провинціи, но съ тѣмъ, чтобы
уѣхать отъ времени, и если можно, увезти
читателя съ собою.

Не будемъ же некатъ въ этой книгѣ
ни географическихъ, ни топографическихъ
описаній.. Авторъ думалъ объ одномъ
удовольствіи читателя. Изъ отрывковъ
его (сія книга составлена изъ отрывковъ)
мы не узнаемъ, сколь многолюденъ та-
кой-то городъ, могутъ ли ходить барки
по такой-то рѣкѣ, и чѣмъ больше тор-
гуютъ въ такой-то провинціи—мы бу-
демъ бродить вмѣстѣ съ странникомъ,
куда глаза глядятъ; взойдемъ вмѣстѣ съ
нимъ на крутой берегъ шумящаго Днѣпра,
послѣдуемъ глазами за бурнымъ тече-
ніемъ рѣки, вздохнемъ близъ могилы его
друга, освѣщенной лучами заходящаго
солнца, и вмѣстѣ съ нимъ вспомнимъ о
прошедшемъ, которое невозвратно, кото-
рое быстро сокрылось и, можетъ быть,
унесло наше счастье.

Кого не трогаетъ чувствительность?
Кто не предавался меланхоліи? Кто не
мечталъ въ тишинѣ уединенія о своей
участи, не строилъ воздушныхъ замковъ,
не бросалъ унылаго взора на минувшее
время юности? Молодой человѣкъ, съ
пламенною душою, хотѣлъ бы, кажется,
всю натуру прижать къ своему сердцу.
Всюду летаютъ за нимъ мечты, сіи ме-
теоры юнаго воображенія. Взоръ его стре-
мится въ будущее; надежды, желанія
волнуютъ его сердце; онъ вопрошаетъ
судьбу; хочетъ узнать, что готовится ему
за таинственнымъ покровомъ, которымъ
закрѣта она отъ взоровъ любопытныхъ;
самъ за нее отвѣчаетъ себѣ, играетъ
призраками, и счастливъ. Но какъ ско-
ротечна сія пылкая, живая молодость!
Увидаютъ чувства, и бѣдной человѣкъ,

лишенный магической силы, которая прежде создала вокруг него волшебный міръ, напрасно унылымъ взоромъ ищетъ прелестей въ пышной, великолѣпной натурѣ: вокругъ него — развалины! Гробъ и смерть остались для него въ будущемъ; воспоминанія — въ прошедшемъ, воспоминанія прелестныя и вѣтвы печальныя...

Ce peu d'instans, hélas! et si chers et si courts
Ces fleurs dans un desert, ces temps où le ramène
Le regret du bonheur et même de la peine!

Ахъ! кому не дороги сіи минуты слишкомъ быстрыя, сіи цвѣты увядшіе? И что бы осталось намъ въ этомъ мірѣ, когда бѣ, заранѣе положивъ во гробъ свое сердце, мы не могли... Но я, кажется, хотѣлъ говорить о путешествіи господина Шаликова! Возвратимся къ нему.

Всякой скажетъ со мною: приятно путешествовать! Единообразная, сидячая жизнь наскучить; душа наша любитъ перемѣны; одни и тѣ же предметы дѣйствуютъ на нее часъ отъ часу слабѣе, наконецъ перестаютъ дѣйствовать, и она засыпаетъ; всегда новыя предметы, безпрестанно ее возбуждая, не даютъ ей придти въ расслабленіе, питаютъ ее силу. Правда, мы можемъ и не выходя изъ горницы быть дѣятельны и всегда находить новыя занятія для ума, души и сердца; не спорю — но если путешествіе доставляетъ намъ новое, пріятнѣйшее средство занимать свою душу, то мы не должны презирать его, и можемъ имъ воспользоваться.

Путешественники съ образованною душою, съ чувствительнымъ сердцемъ никогда не узнаютъ скуки. Сцены природы, которая, какъ будто на показъ, представляется передъ нимъ свои богатства; сцены городовъ шумныхъ, въ которыхъ тонкій, наблюдательный взоръ его будетъ слѣдовать за человѣкомъ по лѣтничкѣ гражданинскихъ состояній, отъ степеней работника до степеней законодателя — вотъ предметы, которыми займется душа его. Иногда, наскучивъ пестротою городскихъ

обществъ, сойдетъ онъ съ блестящаго, многолюднаго театра, удалится въ мирное село, въ хижину земледѣльца, и опытною новѣрнѣт слова сердца своего, что счастье живетъ въ объятіяхъ природы, въ простотѣ и певности правды. Скопивъ сокровище новыхъ, разнообразныхъ идей и чувствъ, возвратится къ своимъ испатамъ, поставитъ свой посохъ въ уголъ своей хижины, и смотря на него, будетъ веселиться воспоминаніями. Онъ будетъ счастливъ, или по крайней мѣрѣ — достоинъ счастья. Кто украсилъ свою душу цвѣтами мудрости, тотъ имѣетъ право не бояться рока, или ожидать его благодѣяній...

Но я опять забылъ свой предметъ, и думаю, что наскучилъ читателю, если разумѣется, имѣю читателя. Терпѣніе!

Я читалъ, повторяю, Путешествіе г. Шаликова съ удовольствіемъ, и взявъ перо не съ тѣмъ, чтобы написать на него критику, а желая единственно указать, что я... читалъ его. Человѣкъ, не слишкомъ строгой, не станеть бранить меня за то, что отнимаю у него двѣ или три минуты, которыя, можетъ быть, и безъ меня были бы потеряны для его удовольствія. Совѣтую всякому любителю русскихъ книгъ познакомиться съ нашимъ путешественникомъ и замѣтить особенно главы: *Могила друга, Яковъ садовникъ. Физіономія, Послѣдній взглядъ на Диньрѣ, Монастырь, Лѣтній вечеръ въ Малороссіи*; ругаюсь, что онѣ многими полюбятся; а между тѣмъ могу и выпенять одну изъ нихъ — напримѣръ... «*Лѣтній вечеръ въ Малороссіи*».

«Если въ теченіе дня сердце ваше было грустно, печально, то вышедъ при захожденіи солнечномъ въ поле, вы иете въ здѣшнемъ вечернемъ воздухѣ спасительныя струи Леты — забвенія всего, кромѣ счастья. Какая тишина, какой міръ льется въ душу! Какое благоуханіе, какая прохлада освѣжаетъ чувства! Сладкой восторгъ объемлетъ сердце ваше; цвѣтущія фантазіи окружаютъ воображеніе — вы счастливы, и признаетесь въ

счастія своемъ! Пѣтъ! на уныломъ нашемъ Сѣверѣ такихъ лѣтнихъ вечеровъ, какъ здѣсь, не бываетъ! Тамъ безконечной день истощитъ всѣ силы, и минутный вечеръ не успѣетъ предложить вамъ своихъ пріятностей; здѣсь—посреди лѣта—въ семь часовъ уже вечеръ—уже время прохлады, свѣжести и счастія.

«Одинъ съ моими мечтами, съ моимъ сердцемъ, иду въ поле или рощу, наслаждаться вечернею природою. Заботы и прискорбія дня исчезаютъ мгновенно въ животворныхъ объятіяхъ ея, — подобно какъ въ объятіяхъ страстной любовницы или лѣтняго друга; душа моя освобождается отъ всѣхъ тяжелыхъ узъ рока—и я благословляю участь свою.

Смотри на прекрасной разноцвѣтной западъ — на солнце, которое, въ видѣ алаго яхонтоваго шара, съ величественнымъ спокойствіемъ опускается ниже — ниже, думаю о томъ времени, когда смотрѣлъ я на сіе великолѣпное зрѣлище природы изъ оконъ Д... или Т...; множество сладкихъ воспоминаній мнѣ представляется; съ благодарнымъ чувствомъ говорю *прости* миловидному солнцу; оглядываюсь кругомъ; нищу новыхъ прелестей, и вижу въ противоположности его другой, ему подобный шаръ — блѣдную луну, которая—по мѣрѣ того, какъ опускается и тускнѣетъ затмѣвающее ее свѣтло—возвышается и получаетъ сіяніе... Такъ счастіе одного смертнаго зиждется на бѣдствіи другаго! такъ меркнетъ одинъ, и уступаетъ блескъ другому!»

«Люди! вотъ образъ судьбы вашей!» — А мы примолвимъ: читатели! вотъ примѣръ слога нашего путешественника! Иной, прочитавъ эту статью, скажетъ самому себѣ: *пойду въ Малороссію; тамъ такіе прекрасные вечера! Ахъ! если бѣ скорее пришло лѣто!* Но я скажу ему на ухо: не ѣзди въ Малороссію для однихъ лѣтнихъ прекрасныхъ вечеровъ; они и здѣсь, въ Москвѣ, прекрасны. Выдѣнь на пространное Дѣвичье Поле; тамъ, гдѣ возвышаются гордыя

стѣны Дѣвичьяго монастыря, сядешь на высокомъ берегу свѣтлаго пруда, въ которомъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ, изображаются и зубчатая монастырскія стѣны съ ихъ башнями, и золотыя главы церквей, озаренныя заходящимъ солнцемъ, и ясное небо, на которомъ носится блестящія облака; сядешь, и съ тихимъ, спокойнымъ чувствомъ будешь смотрѣть, какъ солнце, приближаясь къ горизонту, начнетъ блѣднѣть, мало по малу терять свой освѣбляющій блескъ, и обратясь въ багряный, пламенный шаръ, броситъ послѣдній, умирающій взоръ на тихую рѣку, на отдаленный лѣсъ, на монастырскія стѣны, на золотыя главы церквей, и потухнетъ. А ты, мой любезной читатель, между тѣмъ будешь сидѣть задумавшись, мечтать, прислушиваться къ тихому гласу вечера, къ журчанію воды, къ дыханію вѣтра, который будетъ колебать тростникъ, растущій на берегу пруда, и струить зеркальную воду; лѣгнисья вечеромъ и... забудешь о Малороссіи!

ВАДИМЪ НОВОГОРОДСКІЙ *).

Безмолвныя дубравы, тихія долины, обители меланхоли! къ вамъ стремлюсь душою, пѣвецъ природы, незнаемый славою! Сокройте меня, сокройте! Радости міра не прельщаютъ моего сердца! радости міра тлѣнны; быстры, какъ тѣни облака, носимаго вихремъ! — Подъ кровомъ неизвѣстнымъ, на лопѣ природы, пускай расцвѣтетъ и увянетъ жизнь моя! Гордый и славный не посвятятъ моей жизни; взоръ ихъ отвратится съ презрѣніемъ отъ скромной обители пустыинника; но бѣдный и гонимый рокомъ приближатея къ ней съ тихимъ восторгомъ благодарности; но сирота забвенный благословитъ ее; но добрый, чувствительный мечтатель, другъ міра и добродѣтели,

*) «Молодой авторъ этой пьесы и мой пріятель, г. Жуковскій, извѣстенъ читателямъ «Вѣстника» по Гречевой элегіи, имъ переведенной.—К.». *Примѣч. къ тексту.*

найдеть въ ней счастье, неизвѣстное гордымъ и славнымъ. Благословляю тебя, жилище покоя и свободы! Теките мирно, дни моей жизни! да грозная буря не помрачитъ васъ; будьте ясны, какъ чистое небо въ красотѣ весенней; цвѣти веселіе по слѣдамъ вашимъ; ваши слѣды да не будутъ ужасны, какъ слѣды льва разяренаго на пескахъ пустынной Сары!—

Божество сердецъ непорочныхъ, уединеніе! да освѣнятъ меня твои кипарисы! задумчивый мракъ ихъ да погрузитъ мою душу въ меланхолію! Здѣсь, на брегѣ рѣки, медленно лиющейся и шумящей, воздвигну тебѣ оltарь изъ дерна, и въ часы торжественнаго безмолвія природы буду мечтать о жизни, смотря на тихія волны, утасоющая съ вечернимъ солнцемъ. Здѣсь моя скромная муза робко будетъ звучать на лирѣ, обвитой цвѣтами, посвященной свободѣ и добродѣтели. Здѣсь воображеніе будетъ воспламенять мою душу, и ночь въ угрюмомъ величій непримѣтно пролетать надъ главою моею! Здѣсь радостный образъ мирнаго счастья избѣнитъ меня своимъ призракомъ, и неслетъ протекшихъ радостей оживителъ моихъ слезами сладкими, посвященными воспоминанію; и тѣни сокрытыхъ во гробѣ, услышавъ мой голосъ, ихъ призывающей, покинуть безмолвныя жилища праха, соединятся со мною остальешнымъ, и будутъ сопутниками, друзьями души моей въ уединенномъ странствіи.

О ты, незабвенный! ты, увидѣнный въ цвѣтѣхъ лѣтъ, какъ увидаетъ ангелъ, прелестная, благовоная! гдѣ слѣды твои въ семь мірѣ? Жизнь твоя улетѣла, какъ туманъ утренній, озлащенный сіяніемъ солнца. Ахъ! гдѣ обитаетъ безсмертная, преображенная душа твоя? Куда унесетъ ты смертію неизяснимую? Гдѣ, гдѣ искать тебя? Восхищенный, счастливый тобою, обнималъ я одну тѣнь минутную. Руки мои не опустылись еще, а тебя нѣтъ; и уже гробъ твой, безмолвный, непроницаемый, передо мною! Священная тайна Провидѣнія! чье око дерзнетъ въ

сію бездну? Смертный исчезаетъ во мракъ! Ему ли вступить во святилище Безконечнаго? Ему ли вопрошать Неизлечимаго?—Но горестъ, сія жестокая, сія непреклонная, вырываетъ стоны изъ слабаго сердца!—Да не оскорбится милосердіе безпрѣдѣльное: вся душа моя устремлена къ сему невозвратному, навсегда улетѣвшему счастью! Ахъ! гдѣ сіе время наслажденій мирныхъ и безмятежныхъ? Куда дѣвалось сердце, которое любило меня любовію чистѣйшею, мучилось моимъ страданіемъ, восхищалось моимъ блаженствомъ? Гдѣ мой товарищъ на пути неизвѣстномъ? Гдѣ другъ мой, съ которымъ я имѣлъ рука въ руку, безъ робости, безъ трепета, съ безпечнымъ, веселымъ спокойствіемъ?.. Все исчезло! Никогда, никогда не встрѣтима въ семь мірѣ. О другъ мой! ты не успѣешь цвѣтами уединеннаго пути моего; твой мялой голосъ не прольетъ отрады въ мою душу. Вотще потускѣлые взоры мои будутъ искать тебя въ минуту страшную, когда смерть повлечетъ меня во гробу; вотще буду простирать холодную руку, чтобы въ послѣдній разъ ощутить бѣшеніе твоего сердца: тебя не будетъ! не примешь моего вздоха, не отпустишь меня съ миромъ — ты уредилъ меня, счастливецъ! Рука утѣшительной дружбы закрыла глаза твои; рука избѣжная благословила тебя охладѣвшаго и безчувственнаго. А я, несчастный, я разлученный съ тобою въ рѣшительной часъ сей — не слыхалъ твоихъ стоповъ, не облегчилъ бременя твоего съ смертію; не зрѣлъ, какъ посыналась земля на безвременный гробъ твой и навѣки тебя сокрыла! Покойся, милый, священный песецъ! Неужели рука Провидѣнія, милосердая, благодатная, могла угасить навѣки свѣтило души прелестной? Ахъ, нѣтъ! пускай отецъ и друзья терзаются надъ гробомъ нечувствительнымъ; пускай умоляютъ его возвратитъ свою добычу! Тѣнь веселая и мирная! ты наслаждайся безпримѣснымъ блаженствомъ; носись невидимо надъ нами; простирай къ намъ

руки съ высотъ эофра... мы твои, твои несомнѣнно!

Въ сей тихой обители сокроется жизнь моя; въ сей тихой обители воздвигну намятннѣгъ тебѣ незабвенному. Я не зрѣлъ твоей могилы; въ отдаленномъ краю есыпааетъ се весна цвѣтами — по тѣнъ твою надо мною; она собесѣдница безмолвныхъ часовъ моихъ, незримый хранитель моего сердца! — Такъ! въ ся священномъ присутствіи, прахомъ твоимъ любезнымъ, драгоценнымъ остаткомъ милой жизни, клянусь быть другомъ добродѣтели. Грознымъ и разъяреннымъ да узрю тебя предъ собою, если порокъ услышитъ хвалу мою, и гордый возвеселится моимъ униженіемъ. Тихая муза моя непорочна, какъ сама природа: не броситъ цвѣтовъ на стезю недостойнаго; въ вѣнцѣ изъ розъ и вѣтвей дубовыхъ она свитается по тихимъ дубравамъ и съ томнымъ журчаніемъ потоковъ соединяетъ свои пѣсни простыя, нестройныя.

Тебѣ, увидшій на зарѣ прелестной, тебѣ посвящается она первый звукъ своей лиры *). Тихой мѣсяцъ таится въ дымѣ облаковъ прозрачныхъ. Рѣка шумитъ. Все покойно! Задумавшись, опирается муза на камень, обросшій мохомъ, и легкою рукою играетъ на лирѣ. Я пою: эхо раздается; роицы, одѣтыя мракомъ, пробуждаются, и робкая лань трепещетъ на брегѣ рѣки, невидимо журчащей въ кустарникѣ.

книга первая.

Оживнись, пепель протекшаго! Тѣни героевъ и великихъ, возстаньте изъ гробовыхъ развалинъ! Явитеесь, явитеесь при басесѣ мѣсяца въ грозномъ величіи! Держаю пѣть вашу славу; держаю снимать цвѣты на минные камни могилъ вашихъ.

Осенній вечеръ испускался на землю. Солнце среди разорванныхъ тучъ кати-

*) «Сія трогательная дань горестной дружбы принесена авторомъ памяти Андрея Ивановича Тургенева, недавно умершаго молодого челоѣка рѣдкихъ достоинствъ. — К.»
Примѣч. къ тексту.

лось въ шумящее озеро Ладоги. На древней вершинѣ чернаго бора сіялъ послѣдній лучъ его. Вѣтеръ вылъ; озеро вздымалось; мрачныя облака летѣли; сѣдые туманы дымились.

На скатѣ скалы, заросшей кустарникомъ и глубоко вдавшейся въ пространное озеро, стояла хижина; дымъ вылеталъ изъ трубы и разносился бурнымъ вѣтромъ. На порогѣ уединенной хижины сидѣлъ старецъ. Потуеклый взоръ его неподвижно устремился на волны; задумчиво склонялъ онъ голову, какъ луня съяду, на правую руку, опирающуюся на колыно; въ лѣвой держалъ арфу; бороды его и длинные волосы, всклокоченные вѣтромъ, развѣивались. Часто во зорахъ его мелькало быстрое пламя, и лицо мрачное являлось грознымъ и ужаснымъ; часто глубокіе вздохи тѣснили грудь его, лицо опять омрачалось, и взоры снова потухали—онъ ударилъ по струнамъ арфы — сильный, величественный звукъ раздался — струны затрещали—долго слышалось ихъ томное, умирающее звучаніе—утихло—пустыникъ вздохнулъ, посмотрѣлъ на вечернее, сумрачное небо, на арфу; вздохнулъ опять—запиралъ и заиѣлъ:

«Шумите, шумите, осенніе вѣтры, чада угрюмага Позведа! *) Обнажайтесь холмы, обнажайтесь дубравы! подымайте, летятъ изсохшіи, столбомъ съ долины! естелитесь, густые туманы! улетя, сокройтесь, веселое лѣто, какъ улетѣло и скрылось мое счастье! — Давно бѣзвѣтъ зима на главѣ слабого старца; давно исчезла крѣпость его мышцы, и охладѣвшая кровь не волнуется. Пѣть мирной тѣни подъ дубомъ, разбитымъ стрѣлою Перуна; пѣть жизни и радости въ моемъ сердцѣ, увидшемъ, какъ летятъ осенній!

«Пронеслось оно — пронеслось и сокрылось мое счастье. Слава дней моихъ улетѣла, какъ дымъ, унесенный вѣтромъ. Гдѣ вы, любимцы души моей, чада му-

*) «Ворей славянскій». — *Примѣч. къ тексту.*

жества и брали? Разсѣяны по лицу зем-
пому, или въ могилахъ покоитесь! —
Ахъ! блаженны почившіе спомъ безмя-
тежнымъ: обитель ихъ тиха и безмолвна,
какъ чаеъ полупочи въ долину уединен-
ной. Миръ вамъ, сыны праха!

«Но горе, горе мнѣ, страннику! Оди
вѣтры пустынные, оди волны шумящія
со мною бесѣдуютъ. Сокрылись любимцы
души моеи—сокрылись, какъ ясны дн
лѣта. Мечъ мой и палица заколебали въ
праздности; пылъ на щитѣ моемъ и шле-
мѣ. Угасаю, какъ заря на западѣ, какъ
уголь истлѣвающій!

«А ты, моя отчизна! ты, незабвенная
и въ дикой пустынѣ и на краю гроба!
куда дѣвалось твоё величіе? Почто утра-
тился блескъ твоей славы? Печаль, какъ
туманъ, покрываетъ тебя своимъ мра-
комъ. Не вижу храбрыхъ сыновъ тво-
ихъ: пали могуціе, или сокрылись. Ино-
племенники ругаются надъ твоимъ без-
силіемъ; иноплеменники терзаютъ тебя,
какъ волки хищные свою добычу. Къ
тебѣ, обожжаемая, къ тебѣ летятъ мои
вадохи. По тебѣ унываю; по кто услы-
шить мои стенанія? Кто прольетъ отраду
въ издохшее сердце?

«Посреди скалъ уединенныхъ и без-
плодныхъ увячу въ горестномъ одиноче-
ствѣ; земля не покроетъ костей моихъ;
другъ славы не посѣтитъ моей могилы.
Набѣжитъ горный вѣтеръ, и прахъ мой
разсѣется; пропадутъ слѣды мои, какъ
лучи вечерніе на облакахъ летящихъ!..»

Старецъ замолчалъ; звуки арфы его
исчезли въ пространномъ воздухѣ —
иракъ всюду царствовалъ, и озеро неви-
димо шумѣло. Долго, уныло задумав-
шись, сидѣлъ пустынный и слушалъ
свисты вѣтра; наконецъ всталъ и ушелъ
въ хижищу. Яркой огонь, пылавшій на
очагѣ, освѣщаль ея стѣны, почерившія
отъ дыму, и багровое сіяніе проливалось
сквозь узкое окно и отверстія худой
двери на мрачную зелень и кустарники,
со всѣхъ сторонъ окружавшіе хижищу.
Старецъ повѣсилъ арфу на стѣну, подлѣ
доспѣховъ военныхъ — щита, панциря,

меча и шлема — покрытыхъ ржавчиною
и паутиною, придвинулъ къ огню соспо-
вой отрубокъ, служившій ему стуломъ,
сѣлъ и пачалъ грѣть свои руки. Дымъ
волновался, какъ паръ, и выходилъ въ
узкое отверстіе, на срединѣ потолка
оставленное. Старецъ былъ задумчивъ,
мраченъ; молчаніе царствовало въ хи-
жинѣ; только изрѣдка прерывалось оно
шумомъ вѣтра и печальнымъ крикомъ
сверчка. — Вдругъ послышался шорохъ —
дверь застучала. — «Викутите странника,
потерявшаго дорогу!» сказала голосъ.
Вся внутренность старца содрогнулась:
языкъ незабвенной, языкъ милой роди-
ны, поразилъ слухъ его, долго внима-
вшій однимъ волнамъ и вѣтрамъ. Со всею
живостію молодыхъ лѣтъ, онъ бросился
къ двери, оттолкнулъ ее — и незнакомый
юноша, прелестный какъ Дагода, вели-
чественный какъ Свѣтовидъ, съ лукомъ
въ рукѣ, съ колчаномъ за спиною, пред-
ставился его взорамъ *). Изумленный,
долго не могъ онъ произнести ни одного
слова, и быстрыми глазами смотрѣлъ на
пришельца. Позволь, добрый пустын-
никъ — сказалъ юноша такимъ голосомъ,
отъ котораго запылала вся душа старца —
позволь провести ночь въ твоей хижинѣ.
Я заблудился; на дворѣ темно и холо-
дно. — «Благословяю приходъ твой, не-
знакомецъ! войди, согрѣйся. Никогда еще
голосъ челоуѣка не вселилъ меня въ
сей дикой пустынѣ. Давно сердце мое
не трогалось разговоромъ дружелюбнымъ.
Благословяю тебя, странникъ! прижмись
къ моей груди.» — Молодой незнакомецъ
кинулся обнимать его съ такимъ жи-
вымъ, искреннимъ чувствомъ, что пу-
стынный на минуту забылся — вообра-
зилъ себя въ объятіяхъ милого сына. —
«Сядь къ огню, доброй юноша! сказала
опъ: мой ужинъ простъ и невкусенъ,
постеля жестка и песнопойна; но ты
усталъ и голоденъ» — и юноша, ослабивъ

*) «Дагода — Зефиръ, Свѣтовидъ — богъ
свѣта и Браги, которому поклонялись сла-
ване острова Рюгена». *Примеч. къ тексту.*

гетиву своего лука, и сиявъ съ плечъ колчанъ, туго набитый стрѣлами, сѣлъ подлѣ очага, на которомъ блестящее пламя развѣвалось и дрова трепали. Старикъ между тѣмъ приготовилъ простый ужинъ, изъ плодовъ лѣсныхъ и сушеной рыбы составленной: разостлалъ на полу медвѣжью кожу и сказалъ своему собесѣднику: «Вотъ все, чѣмъ богата моя хижина. Утоли свой голодъ и успокойся.» Познакомецъ поблагодарилъ гостеприимнаго пустычника, насытился, пожелалъ ему доброй ночи, и бросясь на медвѣжью кожу, скоро заснулъ глубокимъ сномъ.

Старикъ сидѣлъ задумавшись надъ сияющимъ познакомцемъ; душа его была въ волненіи; сладкіи, долго молчавшія струны въ ней оживились. Очарованный взоръ его не могъ отгратиться отъ соннаго полубога, небрежно передъ нимъ простертаго. Съ лицъ выразительное, запечатлѣнное добродушіемъ; сѣи взглядъ быстрый, пылающій; темнорусые волосы, мягкіе какъ шелкъ, и кудрями по плечамъ разсыпанные; величественный станъ; высокая, бѣлая грудь; ибжый и мужественный голосъ — все вмѣстѣ производило неизъяснимое дѣйствіе надъ сердцемъ пустычника. Темное воспоминаніе минувшаго погружало его въ тихую меланхолію; казалось, что вся протекшая слава, всѣ протекшія радости и горести заключены были въ одномъ очаровательномъ образѣ, въ образѣ познакомца, которой такъ безмятежно покоился. Онъ пожиралъ его глазами; сердце его трепетало, и слезы градомъ катились. Время быстро и непримѣтно мчалось. Огонь на очагѣ погасъ, мерцалъ одинъ уголь, и блѣднымъ, трепещущимъ блесканиемъ озарили мрачную хижинку — то гасли, то опять оживлялись — наконецъ все исчезло; глубокая тьма и безмолвіе воцарились, и погруженный въ мысли старецъ ничего не чувствовалъ: душа его летала надъ безднами протекшаго. Вдругъ мелькнула заря: онъ опомнился, осмотрѣлся — познакомецъ еще спалъ, но утро уже цвѣло на восточномъ небѣ и ночь стремилась къ западу.

Онъ вышелъ изъ хижины — все блистало, все было великолѣпно. Не осталось ни одного слѣда ночной непогоды. Утихшее озеро албло; берега, озаренные и спокойные, изображались въ немъ, какъ въ зеркалѣ, и трепетали, какъ скоро мгновенный вѣтерокъ пролеталъ надъ тихою водою и къ ней прикасался. На востокѣ парило солнце; голубые, отдаленные лѣса, возвышаясь одинъ надъ другимъ, подобно огромному, необозримому амфиатру, были покрыты свѣтлымъ, прозрачнымъ туманомъ.

Съ мирною, обновленною душою стоялъ пустыжникъ на утесѣ, и безмолвно восхищался великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Изумленный, растроганный, онъ долго искалъ причины сѣи неопытной радости, которая такъ быстро пролилась въ его сердце, — искать напрасно. Сѣи познакомый, величественный странникъ своимъ явленіемъ очаровалъ всѣ предметы, передъ нимъ разбѣянные; чувство новаго, сильнаго бытія пробудилось въ немъ и пылало.

Наконецъ отворилась дверь хижины — полубогъ явился, оживленный, украшенный мирнымъ спокойствіемъ. Юношеское пламя играло на щекахъ его; смятые, густые волосы вились и развѣвались; на быстрыхъ мѣлахъ мелькали еще легкіе отбѣски сна... Онъ подошелъ къ пустышнику съ онымъ яснымъ ибжняющимъ взоромъ, которой потрясаетъ сердце, и поддалъ ему руку. Они обнялись; пожелали другъ другу пріятнаго утра. «Сонъ твой былъ сладокъ и спокоенъ, молодой познакомецъ,» сказала пустышникъ: живость и свѣжесть блистаютъ на лицѣ твоёмъ. Я внутренно веселился, когда ты спалъ — такъ тихо и безопасно. Печаль и заботы неизвѣстны твоему сердцу. Завидная участь! А я, пустынный обитатель угесовъ, я въ первой разъ еще вижу красное утро въ семъ безмолвномъ уединеніи. Семь дѣтъ, продолжительныхъ и мрачныхъ, сокрылись, не оставивъ ни одного слѣда радости въ душѣ моей. Приходъ твой, странникъ, оживилъ ее, какъ лучъ весенній вззохшее дерево. Давно,

давно я не былъ такъ счастливъ, такъ веселъ!»

Юноша, которой совѣтъ уже изготовился въ путь, опершись на лукъ свой, пристально смотрѣлъ на старца, и пѣжное состраданіе въ глазахъ его блантело. Ты ошибся, пустынный, сказалъ онъ: и мнѣ достался мой удѣлъ печали; молодость не защитила меня отъ горя; насмурно утро моей жизни! Такъ же, какъ и ты, скрываюсь въ пустынь; какъ и ты, оставленъ я міромъ! Уединенной гробъ отца, изгнанника, убитаго печалью, составляетъ все мое богатство. Не зови меня счастливцемъ; не завидуй моему счастью....

«По кто ты, незнаемый?» Воскликнулъ пустынный съ видимымъ беспокойствомъ. — Я — Вадимъ....

«Вадимъ? О Перуны!... Вадимъ!» — Развѣ ты меня знаешь? — «Мнѣ не знать тебя? Сердце мое не обманулось — не обманулось!» повторялъ старецъ, прижимая ко груди молодого человѣка и смотря ему въ глаза съ восторгомъ: «теперь помню, отъ чего такая радость; такое волненіе въ душѣ моей; отъ чего во всю ночь глаза мои не смыкались. Ты, несчастный! ты въ моей жизни, въ моихъ объятіяхъ! Но знаешь ли, кто передъ тобою? Знаешь ли, кто далъ тебѣ пристанище, кто утоилъ твой голодъ, тебя успокоилъ?... Гостомысль!»

Вадимъ содрогнулся. «Ты Гостомысль!» воскликнулъ онъ, упавъ на колѣна. «Ты Гостомысль!» повторилъ онъ, рыдая и прижавъ лицо къ ногамъ пустытника: «о жребій человѣческій!»

Нѣсколько минутъ продолжилось унылое молчаніе. Старецъ, прижавъ ко груди Вадима, осмысляя поцѣлуями лицо его. «Такъ, юноша!» говорилъ онъ: «Гостомысль передъ тобою! Славянской вождь, убогий, оставленный, покрытый рубищемъ, передъ тобою! Обними меня, обними, какъ сынъ отца обнимаетъ. Твой образъ оживилъ мою душу. Тайное предчувствіе потрясло ее, когда ты вошелъ въ мою хижину, когда устремилъ на меня взоры. Ахъ! мнѣ казалось, что самъ Радегастъ, това-

рищъ моей славы, отецъ твой, со всѣмъ очарованіемъ юныхъ лѣтъ и красоты цвѣтущей, стоялъ передо мною! Мечта не обманула меня. Это Вадимъ — живой, украшенный образъ героя, любимца души моей!»

Вадимъ, безмолвный и горестный, мрачными глазами смотрѣлъ на пустытника. Сердце его разрывалось. Образъ сего человѣка, пораженнаго рокомъ, но величественнаго на самыхъ развалинахъ величія, приводилъ его въ трекетъ. «Ты Гостомысль,» повторялъ онъ: «ты другъ отца моего? Въ сей пустынь, въ семь бѣдномъ рубищѣ?» — И слезы его катились градомъ, и пламенные уста невольно прижимались къ рукѣ старца.... «Успокойся, Вадимъ! успокойся, сынъ мой! Тебѣ ли проливать слезы? Меня ли оплакивать? Вадимъ! юноша Гостомысли! Твое сожалѣніе да не оскорбитъ его! Кто выше бѣды и несчастій, тотъ можетъ ли быть жалокъ? Скажи, что ужаснетъ мою душу въ сей дикой пустынь, гдѣ узы ея вѣдъ разорваны и гдѣ самая слава для насъ не существуетъ? О сынъ мой! уже нѣтъ будущаго въ моей жизни: оно печезло; желанія, надежды не волнуютъ моего сердца — но память протекшаго для меня священна; ему иногда посвящаю горестные вздохи. Погибшая слава, отчизна горестная, и вы, сокрывшіеся друзья мои, но васъ унываю, но васъ льютъ мои слезы и по васъ терзаюсь сердцемъ. Но дамъ ли часть моему духу? Погибнетъ ли мое мужество? Нѣтъ, Вадимъ! нѣтъ, другъ мой! среди утесовъ я свободенъ; среди утесовъ не знаю властелина: кто дерзнетъ пожалѣть о судьбѣ моей?»

Священный ужасъ таился въ груди Вадима и взоръ его неподвижно покоился на лицѣ старца, которое пылало. Въ сію минуту Гостомысль, подъ рубищемъ пустытника, подъ сѣдинами лѣтъ, казался божественнымъ и грознымъ.

«Сядемъ — продолжалъ старецъ — сядемъ на сей гранитный отломокъ. Утро ясно и тихо: посвятимъ его сладкимъ воспоминаніямъ. Вадимъ! говори мнѣ объ отцѣ

твоемъ!.. Гдѣ поконится прахъ великаго Радегаста? Въ какой странѣ потухла жизнь его, славная и несчастная? Какимъ случаемъ заведешь ты въ сію пустыню?»

«Ахъ! сказалъ Вадимъ, устремивъ задумчивый взоръ на южной берегъ Ладожскаго озера: давно покрыты землею кости отца моего. Тихая могила Радегаста заросла травой и скрыта отъ взоровъ человѣческихъ. Тамъ, на сей высокой горѣ, окруженной соснами, обнѣяемой шумящимъ озеромъ, жилъ и угасъ старецъ, изгнанникъ, герой славяскій! Мраченъ и печаленъ былъ вечеръ его жизни. Съ веселымъ сердцемъ опъ встрѣтилъ кончину...»

«Благословляю тебя, могила моего друга!» воскликнулъ Гостомысль, поднявшій съ гранита и простерши руки въ ту сторону, гдѣ находился гробъ Радегастовъ.—Быстрый, чувствительный Вадимъ бросился на колѣна, и слезы его на прахъ покатылись. Пролѣтѣла минута священной горести. Пустынникъ прижалъ ко груди пылаго юношу; они сѣли опять на камень, и Вадимъ продолжалъ:

«Тамъ гнѣтъ опустѣвшая хижина Радегастова. Старецъ, лишенный отчины, лишениый силъ тѣлесныхъ и наконецъ зрѣнія, совершалъ путь свой, не слабѣя духомъ. Протекли нятъ лѣтъ, и ни одна жалоба не вырвалась изъ души его. Три года тому, какъ земля приняла въ свое лоно сего странника, бѣдами не побѣжденнаго... Рука моя закрыла померкшіе глаза Радегаста; рука моя украсила дерномъ священную его могилу... Мирный сонъ безмолвному праху!» — Вадимъ умолялъ, снова отверъ слезы, блеснувшія на щекахъ его, и потомъ продолжалъ:

«Будучи двѣнадцатилѣтнимъ младенцемъ, я скрылся въ пустыню съ отцомъ моимъ. Тамъ, гдѣ шумящій Волховъ съ пѣною ввергается въ озеро и въ пень исчезаетъ, на крутой горѣ, во мракѣ сонъ, построили мы хижину. Съ трудомъ питала насъ рыбная ловля. Радегастовъ мечъ, нѣкогда врагамъ ужасный, рубилъ дрова; на щитѣ раскладывали огонь, а въ племѣ

варили пищу; время текло, и силы мои разивались. Я стрѣлялъ изъ лука, прежде въ дѣль, потомъ въ птицъ, а наконецъ мои стрѣлы, мѣткою, сильною рукою пукаемыя, сдѣлались гдбсьны для звѣрей свирѣбныхъ. Рѣдко безъ добычи возвращался я къ отцу моему слабому, отягченному болѣзнію и лѣтами.

«Онъ у а заль неиримѣтл), угасалъ, какъ ясный вечеръ на тихомъ небѣ угасаетъ. Наконецъ глаза его померкли. Я пересталъ удаляться отъ хижины, покинулъ свой лукъ и стрѣлы, оставилъ охоту и посвятилъ все время своему немощному старцу. Примѣръ челоуьба, непоколебимаго и твердаго среди волненій жизни; слова его, убѣдительныя и сильные, образовали мое сердце: я трепеталъ и хватался за мечъ, когда отецъ мой со всею живостію пылаго юности говорилъ о славѣ, о подвигахъ славянъ храбрыхъ; изображалъ ихъ великодушіе, ихъ вѣрность въ дружбѣ, святое почтеніе къ обѣтамъ и клятвамъ. Душа моя пламенѣла; въ восторгѣ я удалъ къ ногамъ Радегаста, и срашалъ ихъ кляцими слезами... О, если бы ты могъ видѣть сѣваго воина, простирющаго руки къ шумящему Волхову.—благословляющаго ту землю, изъ которой изгнали его неблагодарныя!

«Часто, согрѣтый, оживленный лучами солнца, онъ леталъ мѣлкію въ протекшее; думалъ о тебѣ, Гостомысль, и восхищалъ мою душу плѣнительнымъ изображеніемъ твоихъ доблестей. Я боготворилъ тебя въ пустынѣ. Образъ великаго вождя славянъ соединился въ моемъ сердцѣ со всеми совершенствами челоуьба. Воображалъ Гостомысла, я воображалъ Перуна въ его могущество и блескѣ».

Тутъ невольный вздохъ вылетѣлъ изъ груди пустытника. Лицо его измѣнилось и взоры, печально устремленные въ землю, померкли. Вадимъ продолжалъ:

«Время текло, дни нечезали. Радегастъ скрылся изъ моихъ объятій. Далеко отъ взоровъ человѣческихъ цѣлеть его могила. Мракъ и спокойствіе надъ цено; сонъ почившаго безмятеженъ.

«Долго въ тесѣбъ сердечной я плакала надъ мирнымъ гробомъ. Глыба земли, покрывшая почувствительной пещель, казалась мнѣ оживленною; вечеръ и утро находили меня въ горести. Пустота хижинъ меня ужасала, безмолвіе лѣса приводило въ трепетъ; но я не могъ съ ними разгаться, не могъ покинуть того мѣста, въ которомъ все говорило мнѣ о незабвенномъ. Тыль его носилась надо мною; таинственное молчаніе ночи возбуждало ся присутствие. Въ шорохъ листьевъ, потрясаясьхъ вѣтромъ, я слышала голосъ знакомый, трогательный сердце: воображеніе оживляло передо мною все предметы.

«Прошелъ годъ, прошелъ другой: ничто не возмутило моей пустынной жизни. Мой лукъ и стрѣлы ужасали звѣрей; опасности меня вѣселили. Превозмогать трудности, забираться на крутизны, прыгать съ утеса на утесъ, почиталъ я великою славою, и снѣгъ ограничивалъ свое честолюбіе. Сердце мое было спокойно; я не думала, чтобы сіе спокойствіе когда нибудь могло исчезнуть — оно исчезло. Настала весна; природа обновилась, а я увяла. Скука, жестокая, несносная, мною овладѣла. Безпокойная желанія во мнѣ пробудились. Я хотѣла дѣйствовать, но презрѣнная дѣтельность казалась мнѣ снѣжкомъ славою, единообразною. Слава отца моего, слава героевъ славянскихъ явилась передо мною во всемъ величій. Сей образъ очаровалъ мою душу. Все для меня исчезло. Вездѣ я видѣла воиновъ, вездѣ встрѣчала побѣдителей. Гонимый воображеніемъ, я бѣгалъ изъ лѣса въ лѣсъ, по скаламъ, по долинамъ, безъ великой цѣли, только для того, чтобы не сидѣть на одномъ мѣстѣ.

«Вчера едва озарилось небо утреннимъ свѣтомъ, я вышелъ изъ хижины съ лукомъ и стрѣлами. Гдѣ я бродилъ и какъ здѣсь очутился, не знаю. Мрачная, бурная ночь застала меня среди утесовъ. Звукъ арфы поразилъ слухъ мой — я онемѣлъ, ослѣпъ, увидѣлъ огонь, хижину, жилище человѣка... Сердце мое затрепетало, кровь зашумала... я бѣжалъ,

летѣлъ... О Перунъ! Гостомысль обитаетъ въ сей хижинѣ!

«Мечты мои были прелестны, восхитительны. Я воображалъ себя гражданиномъ великаго Новаграда, воиномъ, побѣдителемъ; видѣлъ Гостомысла въ его величій, грозивъ полководцемъ; видѣлъ славянъ, благословляющихъ память изгнанника Радегаста, — видѣлъ вѣщицы, летящія къ ногамъ его сына, — славу, благоденствіе могущаго народа — ужасъ враговъ его... Ты плачешь, Гостомысль?»

(Продолженіе и конецъ будутъ напечатаны особливо).

1808.

ПИСЬМО ИЗЪ УѢЗДА КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

Поздравляю тебя, любезный другъ, съ новою должностію журналиста! Наши провинціалы обрадовались, когда услышали отъ меня, что ты готовишься быть издателемъ Вѣстника Европы; все предсказываютъ тебѣ успѣхъ; одинъ угрюмый, молчаливый Стародумъ качаетъ головою и говоритъ: молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! подумай ли, за какое дѣло берешься! шутка ли выдавать журналъ!

Ты знаешь Стародума — чудакъ, котораго мнѣнне рѣдко согласо съ общимъ, который молчитъ, когда другіе кричатъ, и хмурится, когда другіе смѣются; онъ никогда не споритъ, никогда не вмѣшивается въ общій разговоръ, но слушаетъ и замѣчаетъ, — говоритъ мало и отрывисто, когда матерія для него непринятельна, — краснорѣчиво и съ жаромъ, когда находитъ въ ней пріятность.

Вчера Стародумъ и нѣкоторые изъ общихъ нашихъ пріятелей провели у меня вечеръ, ужинали, цали за твое здоровье, за столомъ разсуждали о Вѣстникѣ и журналахъ, шумѣли, спорили; Стародумъ по обыкновенію своему сидѣлъ спокойно, на все вопросы отвѣчалъ: да, нѣтъ, кажется, можетъ быть! Наконецъ спорщики унялись, разговоръ сдѣлался порядочнѣе и тише; тутъ оживился безмолвный ге-

пій моего Стародума: онъ началъ говорить— сильно и съ живостию; литература его любимая матерія. Мало по малу всё замолчали, слушали; я не проронилъ ни одного слова, и занисалъ для тебя, что слышалъ.

«Друзья мои — говорили Стародумъ — желаю искренно пріятелю нашему успѣховъ; не хочу ихъ предсказывать, опасаясь преслыть худымъ пророкомъ, но буду радоваться имъ отъ добраго сердца; люблю словесность и русскую особенно: въ этомъ случай не стыжусь пристрастія. Всякая хорошая русская книга есть для меня сокровище. Я подписывался и буду подписываться на всё русскіе журналы. Пѣкоторые читаю, другіе просматриваю, а на другіе только смотрю, поставляя изданнымъ писать въ нихъ хорошаго содержанія. До сихъ поръ Вѣстникъ Европы — скажу искренно — былъ моимъ любимымъ русскимъ журналомъ; что будетъ вперёдъ, не знаю: помоги Богъ нашему общему пріятелю!

«Русскіе — говоря только о тѣхъ, которые не знаютъ иностранныхъ языковъ, и слѣдственно должны ограничить себя одною отечественною литературою — любить читать; но если судить по выбору чтенія и тѣмъ книгамъ, которыми, предочтительно предъ другими, печатаются въ типографіяхъ, читаютъ единственно для развѣянія: подумай, что книгою обороняются отъ нападѣній скуки. Раскройте Московскія Вѣдомости! о чемъ гремятъ книгопродавцы въ витійственныхъ своихъ прокламаціяхъ? О романахъ ужасныхъ, забавныхъ, чувствительныхъ, сатирическихъ, моральныхъ, и прочее и прочее. Что покупаютъ охотнѣе посетители Никольской улицы въ Москвѣ? Романы. Въ чемъ состоитъ достоинство этихъ прославляемыхъ романовъ? Всегда почти въ одномъ великолѣпномъ названіи, которымъ обманываютъ любопытство.

«Какая отъ нихъ польза? Рѣшительно никакой: занятіе безъ вниманія, пустая нища для ума, нѣсколько минутъ, проведенныхъ въ забвеніи самаго себя, безъ

свукн и дѣятельности, совершенно потерянныхъ для будущаго — то ли называете, государи мои, чтеніемъ? Нѣтъ! такая привычка занимаетъ разеудокъ пустыми бездѣлками болѣе жѣлаетъ, нежели способствовать образованію — и удивительно ли, что романы въ такой у насъ модѣ? Покуда чтеніе будетъ казаться однимъ постороннимъ дѣломъ, которое позволено пренебрегать; пока не будемъ увѣрены, что оно принадлежитъ къ однимъ изъ важнѣйшихъ и самыхъ привлекательныхъ обязанностей образованнаго человѣка, по тѣхъ поръ не можемъ ожидать отъ него никакой существенной пользы, и романы — самые нѣжные — будутъ стоять на первой полкѣ въ библиотекѣ русскаго читателя. Пускай воспитаніе перемѣнитъ понятія о чтеніи! пускай оно скажетъ пресвѣщенному юношѣ: обращеніе съ книгою готовится къ обращенію съ людьми — и то и другое равно необходимы! въ обществѣ мертвыхъ друзей становившися достоинствѣ живыхъ — то и другое требуютъ строгаго выбора! Каждый день нѣсколько часовъ посвяти уединенной бесѣдѣ съ книгою и самимъ собою; читать не есть забываться, не есть избавлять себя отъ тяжкаго времени, но въ тишинѣ и на свободѣ пользоваться благороднѣйшею частью существа своего — мыслию. Въ сіи торжественныя минуты уединенія и умственной дѣятельности ты возвышаешься духомъ, разеудокъ твой озаряется, сердце пріобрѣтаетъ свободу, благородство и смѣлость; самыя горести въ немъ утихаютъ. Читать съ такою цѣлю — дѣйствовать въ уединеніи съ самимъ собою для того, чтобы научить себя дѣйствовать въ обществѣ съ другими — есть совершенствоваться, стремиться къ тому высокому предмету, который назначенъ для тебя Творцомъ, часъ отъ часу болѣе привязываться ко всему доброму и прекрасному... О, друзья мои! какъ далеко отъ такой благородной дѣятельности духа сіе ничтожное, унизительное развѣяніе, которое обыкновенно мы называемъ чтеніемъ книгъ!

«Дѣло идетъ о журналахъ! Въ Россіи — при такой снѣзливой охотѣ читать, и такомъ нестрогомъ выборѣ чтенія — хорошій журналъ могъ бы имѣть самыя благодѣтельные дѣйствія. Обязанность журналиста — подъ маскою занимательнаго и пріятнаго скрывать полезное и наставительное. Средства безчисленны: къ его услугамъ богатства литературы чужеземной и собственной, искусства и науки; бери что угодно и гдѣ угодно; единственное условіе — разборчивость. Имѣй въ виду пользу, но угождай общему вкусу читателей, хотя не подчиняясь ему съ рабскою робостію, предлагаешь онъ изъ хорошихъ мыслей, чужія и свои, облеченныя разными видами, — иногда разсуждая какъ моралистъ или метафизикъ * предметахъ важныхъ для человѣка; иногда разсказывая повѣсть, въ которой идеальное правилось бы сходствомъ своимъ съ существомъ истиннымъ, которая доставляла бы любопытному удовольствіе сравнивать истину съ вымысломъ, самого себя съ романтическимъ лицомъ и, можетъ быть, объяснить многое, въ собственномъ сердцѣ его казавшееся тайною; иногда занимая воображеніе создаваніями поэзіи, прелестію стихотворной гармоніи одушевляя мысли и чувства. Политика въ такой землѣ, гдѣ общее мнѣніе покорно дѣятельной власти правительства, не можетъ имѣть особенной пріивлекательности для умовъ беззаботныхъ и миролюбивыхъ: она ипнѣтъ одну любопытство; и въ такомъ только отношеніи журналистъ описываетъ повѣстныя и самыя важныя случаи міра, — листы его, такъ сказать, соединяютъ читателя со всѣми отдаленными и близкими краями земли; съ одной стороны открываютъ передъ глазами его сцену кровопролитія, съ другой сцену благоденствія и мира; знакомятъ его съ великими характерами, которыхъ вліяніе, благотворное или губительное, слишкомъ замѣтно въ системѣ разнообразныхъ происшествій; даютъ понятія о новыхъ открытіяхъ чело-вѣческаго ума, дѣйствующихъ на благо общества, къ невѣстнымъ способамъ поль-

зоваться жизнию прибавляющихъ новыя, или болѣе совершенствующихъ старыя. Критика — по, государи мои, какую пользу можетъ принести въ Россіи критика? Что прикажете критиковать? Посредственные переводы посредственныхъ романовъ? Критика и роскошь — дочерпъ богатства; а мы еще не Крезы въ литературѣ! Замѣтно ли у насъ сіе дѣятельное, повсемѣтное усиліе умовъ, желающихъ производить или приобрѣтать, которое требовало бы вѣрнаго направленія, которое подлежало бы подчинить законамъ разборчивой критики? Уроки морали ничто безъ опытовъ, и критика самая тонкая ничто безъ образцовъ! А много ли имѣемъ образцовъ великихъ? Нѣтъ, государи мои, сначала дадимъ свободу раскрыться нашимъ гениямъ; потомъ уже, указывая на красоты ихъ и недостатки, можемъ сказать читателю и автору: восхищайся, подражай, будь остороженъ! Въ этихъ трехъ словахъ заключена вся сущность критики. Однимъ словомъ, въ русскомъ журналѣ критика не можетъ занимать почетнаго мѣста, и я не совѣтую холодному пріятелю нашему вооружаться бичомъ Аристарка, хотя не запрещаю иногда обращать вниманіе читателя на пѣкотерыя новыя, замѣчательныя — и потому самому рѣдкія — явленія словесности; довольно дѣла и безъ критики: пускай напомнитъ русскаго читателя съ предметами, достойными его ума; итаетъ живое, раздраженное, итерифианное любопытство его новымъ, пріивлекательнымъ и небезполезнымъ. Конечно пріятно бы было въ русскомъ журналѣ находить одно русское, собственное, не занятое; но можно ли этого требовать? Самый обширный умъ долженъ ограничить себя нѣкоторымъ только числомъ предметовъ, а первое достоинство журнала разнообразіе; какъ же хотѣть, чтобы журналистъ умѣлъ говорить обо всемъ и съ одинаковою пріятностію? Довольно, если съ будетъ говорить о чемъ умѣетъ и такъ, какъ доля по; словомъ, позволимъ ему, когда не имѣетъ этого, занимать какъ чужимъ,

позволимъ собирать, не давая отвѣта, ученую подать со всѣхъ временъ и народовъ, не будемъ вмѣшиваться въ выборы; единственное требованіе наше: удовольствія! удовольствія! занятія благороднаго и не пустаго! Таковы обязанности журналиста—исполнить ли ихъ наизъ молодой пріятель, не знаю; согласенъ надѣяться хорошаго, а не худаго; Богъ милостивъ! Желать бы, для чести журнала его и собственно для себя, находить въ его листахъ произведенія нашихъ лучшихъ писателей, которыхъ стихи и проза такъ часто утѣшали меня въ моей пустынѣ, трогали, веселили, успокоивали мою душу: напримѣръ, и я и всякой истинно русской были бы конечно рады, когда бы какому нибудь доброму человѣку пришла счастливая мысль послушать, записать и напечатать въ Вѣстникѣ нѣкоторыя монологи старика Силы Андреевича Богатырева, котораго теперь надобно искать не на Красномъ Крыльцѣ, а вѣрно въ какомъ нибудь уединеніи, идѣ въ нѣдрѣ семейства, довольный самимъ собою, наслаждается онъ легкимъ вечеромъ жизни, работаетъ въ саду, разсказываетъ дѣтямъ о преемныхъ своихъ подвигахъ, учить ихъ добру и привязанности къ землѣ русской, и часто, можетъ быть, покоемъ одинъ подъ древнимъ прародительскимъ дубомъ, разговариваетъ съ самимъ собою о томъ и о другомъ... Но, впововать! я отклонился отъ матеріи; люблю мечтать; на старости лѣтъ бываю иногда ребенкомъ.

«Обращаюсь къ журналамъ. Скажу опять: ожидаю великой пользы отъ хорошаго журнала въ Россіи! Произведенія философіи требуютъ особенной зрѣлости въ читателяхъ: одинъ любопытный, жадный, привыкшій къ дѣятельности умъ ищетъ удовольствія въ бесѣдѣ съ важною мыслию мудреца; творенія поэта цѣнятся однимъ образованнымъ вкусомъ,—иногда великій духъ, опередившій своихъ современниковъ, блещетъ въ толпѣ ихъ невидимо, и блескъ его замѣчается однимъ потомствомъ. Безъ нѣкоторой особенной

готовности, безъ нѣкотораго приобретеннаго навыка размышлять и избиваться изысканнымъ, не можемъ пользоваться дарами ума и искусства; въ такомъ случаѣ хорошій журналъ можетъ служить приготовленіемъ. Нерѣдко полезная книга или свѣсѣмъ или очень долго не выходитъ изъ лавки книгопродавца: ее не читаютъ потому, что не ищутъ; она дѣйствуетъ исподоволь, на нѣкоторыхъ частныхъ людей, и очень медленно; напротивъ, хорошій журналъ дѣйствуетъ вдругъ и на многихъ; однимъ ударомъ приводитъ тысячи головъ въ движеніе. Прочешь толстую книгу отъ доски до доски, не упуская ни на минуту продолжительной нити идей, и такъ, чтобы, закрывъ ее, можно было дать самому себѣ отчетъ, какую дорогою дошелъ до послѣдней мысли писателя, съ важными подвижъ, на который, по мнѣнію моему, не всякой, привыкшій къ легкимъ или пріятнымъ трудамъ, способенъ рѣшиться. Сочиненія, обыкновенно помыслима въ журналахъ, не требуютъ такой усомнительной работы вниманія; они вообще кратки, привлекательны своею формою; трудиться не чувствуя труда, слѣдуешь за авторомъ безъ всякой усталости, не замѣчая неволи, съ пріятностію, потому что видишь вблизи конецъ своего поприща; такія легкія, часто возобновляемая усилія открываютъ дорогу къ труднѣйшимъ и болѣе продолжительнымъ: умъ въ движеніи, любопытство возбуждено, возбужденіе и чувства пылаютъ. Итакъ, существенная польза журнала—не говоря уже о пріятности минутнаго занятія—состоитъ въ томъ, что онъ скорѣе всякой другой книги распространяетъ полезныя идеи, образуетъ разборчивость вкуса, и, главное, приманкою повѣсти, разнообразія, легкости, почувствительно привлекаетъ къ занятіямъ болѣе труднымъ, усиливаетъ охоту читать и читать съ цѣлію, съ выборомъ, для пользы! А слѣдствія такого чтенія? Какія счастливыя, какія благодѣтельныя!

«Я старъ, друзья мои; въ виду у меня

одна могила; но, будучи прохлажденъ въ мошхъ чувствахъ и почти равнодушнѣ къ жизни, я еще не охладѣлъ къ добру, и часто юношескія мечты о будущемъ животворять увидѣшее мое сердце. Возможное, близкое благоденствіе отечества моего меня трогаетъ: охота читать книги—очищенная, образованная—сдѣлается общео; просвѣщеніе исправитъ понятія о жизни, о счастьи: лучшая, болѣе благородная дѣятельность оживитъ умы. Что есть просвѣщеніе? Неумѣнье жить, неумѣнье дѣйствовать и совершенствоваться въ томъ кругѣ, въ который заключила насъ рука Промысла: въ самомъ себѣ находить неотъемлемое счастье. Вообразите жъ такое просвѣщеніе общимъ и назову ли его мечтою! рано или поздно оно будетъ—вообразите вокругъ себя людей довольныхъ, благодаря убѣжденію просвѣщеннаго ума, тѣмъ участкомъ благъ, большимъ или малымъ, который получили отъ Провидѣнія! Съ успѣхами образованности, состоянія должны придти въ равновѣсіе: земледѣлецъ, купецъ, помѣщикъ, чиновникъ, каждый равно дѣятельный въ своемъ особенномъ кругѣ, и въ сеи дѣятельности заключившій свое счастье, равно увѣренный въ частныхъ преимуществахъ своего особеннаго званія, для котораго онъ приготовленъ; взирающій независимымъ окомъ на преимущества чуждаго, которое для него не свойственно, сравниваютъ между собою въ стремленіи къ одному и тому же предмету, въ стремленіи образоватъ, украсить, приблизить къ Творческой своей человѣческую натуру. Однакія понятія о наслажденіяхъ жизнью соединятъ чертоги и хижины! Взглянувъ на лервые, будете говорить: тамъ средства находить счастье разнообразіе и тонѣе; взглянувъ на поствѣдшю, скажете: здѣсь средства находить счастье простиѣ и легче; но тамъ и здѣсь живутъ съ одинакою цѣлію. Человѣкъ непросвѣщенный, человекъ непонимающій достоинства жизни, незнакомъ самому себѣ; одни обстоятельства даютъ ему счастье; оно зависитъ отъ

внѣшняго мнѣнія людей, не можетъ существовать безъ свидѣтелей; онъ чувствуетъ себя слишкомъ слабымъ для того, чтобы опереться на одною себѣ—просвѣщеніе уничтожаетъ сеи обманъ; оно показываетъ человѣку, что самъ онъ всего выше, всего привлекательнѣе въ семь множествъ разнообразныхъ предметовъ, представляющихся ему въ жизни. Просвѣщеніе стѣняетъ сильныя, непорочныя связи; но разрываетъ слабыя или низкія: тогда увидите людей менѣе разсѣянныхъ въ шумномъ, обширномъ кругу свѣта, всему предпочитающихъ мирный и тѣсный кругъ семейства; въ семействахъ будетъ заключено сладкое счастье, дѣятельность, награды, все, къ чему стремился, къ чему привязано сердце, что радовать, возвеличиваетъ душу; понятія о супружествѣ оцѣтятся; супружество не будетъ соединеніемъ однихъ прилчій, по радостнымъ, нераздѣлимымъ товариществомъ на пути къ счастью, въ единомъ дѣятельномъ исканіи совершенства; жилище двухъ супруговъ не будетъ мѣстомъ стеченія празднопобѣвъ, но мирнымъ святилищемъ невидимаго счастья, гдѣ обитаетъ псвишность, куда летитъ дружба, гдѣ благодарностію хранится любовь, гдѣ часто восхищенный супругъ, простертый у ногъ своей супруги, глубокимъ, безмолвнымъ чувствомъ благодаритъ ее за тѣ радости, за то очарованіе, которыя развиваются огрестъ ея присутствія. Воспитанію—высокой, пренебреженной обязанности человѣка въ священномъ званіи отца, обязанности, обложившей его съ Творцомъ, который и счастьемъ и несчастіемъ воспитываетъ человѣческій родъ—воспитанію возвратится отпатья права; любовь матери не будетъ однимъ врожденнымъ, необходимымъ чувствомъ, но дѣятельностію просвѣщенною, основанною на правилахъ, дѣятельностію, измѣняющею предметъ великій—образование совершеннаго! Молодая женщина, привязанная къ своему званію, не будетъ легкомысленныхъ забавъ предпочитать материнскимъ заботамъ, пере-

мнѣннмъ удовольствіи разсѣянности постоянному счастью семейственной жизни; равнодушный насмѣикъ не займетъ ея мѣста; несчастіе отказаться отъ лучшихъ наслажденій человѣческихъ, наслажденій отца или матери, не будетъ покусаемо дѣлою золота... Но, друзья мои, замѣчаю, что я нечувствительно очутился на треножникѣ Плутона; старость еще не прохладила моей головы — на краю гроба представляваю золотой вѣкъ!»

Глаза добраго Стародума сверкали; я забылъ объ его сѣдинахъ, видѣлъ передъ собою пылкаго молодого человека, пѣняемаго всеми пріятными призраками надежды и воображенія, и съ чувствомъ возмнмать его руку.

«Мой другъ, — сказалъ онъ мнѣ съ любезнымъ простосердечіемъ — пожелай отъ меня счастья общему нашему пріятелю! Онъ посвятилъ себя такому званію, которое уважаю. Любить истинное и прекрасное, наслаждаясь имъ, умѣть ихъ изображать, стремиться къ нимъ самому и силою краснорѣчія увлекать за собою другихъ — вотъ благородное назначеніе писателя! Счастливъ, когда Провидѣніе, наградивши его талантомъ, одарило и сердцемъ, способнымъ любить высокое, чуждымъ привязанностей унизительныхъ. Скажи молодому пріятелю нашему о томъ, что слышалъ отъ меня: онъ вѣрно уважитъ совѣты старика, въ глазахъ котораго ни дѣта, ни опытность не обезобразили міра; который при концѣ своихъ дней еще съ наслажденіемъ смотритъ на оставляемую имъ землю, и съ радостнымъ чувствомъ, съ волненіемъ участія сѣднть глазами за пылкимъ юношею, который — всенаденный духомъ, влекомый надеждою, наполненный желаніемъ дѣйствовать для собственнаго и чужаго добра — смѣло бросается въ открытое, для него еще новое и, можетъ быть, опасное ширнще.

«Намъ другъ, посвящая себя трудамъ писателя, долженъ забыть пріятную разсѣянность большаго свѣтскаго круга: желаніе въ немъ блистать протнвно спо-

койнымъ занятіямъ автора. И можно ли съ емъ чистымъ, вѣрнымъ, всегда одинаковымъ удовольствіемъ, которое неразлучно съ дѣятельностію ума, произведнпаго или пріобрѣтающаго новое, соединить безпокойное удовольствіе, доставляемое усѣхамъ въ свѣтъ, побѣдами самолюбія, непрочнымъ, слишкомъ непродолжительнымъ для того, чтобы наслаждаться имъ безъ волненія: одно уничтожаетъ другое! Ограничивъ себя уединеніемъ, гдѣ мысли сохраняютъ свободу, а чувства первоначальную живость и свѣжесть, онъ долженъ только мимоходомъ, изъ любопытства, для занятвованія пѣкоторой пріятной образованности, необходимо нужной писателю, заглядывать въ свѣтъ, собирать въ немъ потребный запасъ, и снова съ добычею возвращаться въ уединеніе; уединеніе пусть будетъ главнымъ театромъ его дѣвствій, когда желаетъ произвести что полезное для общества! Разсѣянность мѣшаетъ трудолюбію.

«Но можно ли — ты скажешь — совершенно отдѣлаться отъ людей, заключить себя въ четырехъ стѣнахъ, жить съ одиными безмолвными идеями, съ одними воздушными созданіями воображенія? Даетъ ли одиночество счастье? Кто жъ награждаетъ писателя, когда не люди, и гдѣ же слава его, когда не въ обществѣ? — Мой другъ! я не хочу запретить пріятеля нашего въ келью, но говорю ему: чѣмъ менѣе кругъ, тѣмъ связи привлекательнѣе и сильнѣе. Ниц людей, которые способны другихъ дѣлнть твои работы: ихъ судъ есть голосъ современниковъ и приговоръ потомства. Имѣй друзей, согласныхъ съ тобою въ образѣ чувства, въ желаніи дѣйствовать и въ выборѣ дѣлн: въ минуты уединеннаго труда помни о своихъ товарищахъ, которые — быть можетъ въ разныхъ сторонахъ земли — живутъ, думаютъ, дѣвствуютъ одинаково съ тобою, которые видятъ тебя, которыхъ жизнь твоя должна быть достойна, съ которыми совокупно исполняешь важное условіе бытія: любить и

распространять добро! ихъ голосъ будетъ возбуждать тебя къ трудамъ, и дружеская осторожность предупреждать твои ошибки. Имѣй въ виду семейство, въ которомъ, со временемъ, на самомъ дѣлѣ ты могъ бы исполнить все лучшія мечты, озаренія твою душу въ часы уединеннаго размышленія; снмъ сладостнымъ ожиданіемъ разсѣвай скуку временнаго одиночества; воображай, что дѣйствуешь въ глазахъ избраннаго, достойнаго любви, привязаннаго къ тебѣ сердцемъ существа, которое слѣдуетъ за тобою взоромъ, поминаетъ тебя, съ тобою радѣяетъ надежды, живетъ, образуется твоими мыслями, которое нѣкогда за все наградитъ тебя счастьемъ, ты будешь дѣйствовать съ успѣхомъ, наслажденіемъ, неутомимо; ничто неблагородное не коснется твоей души; перо твое изобразитъ однѣ высокія мысли, достойныя современниковъ, которыя не умрутъ и для потомства!.. Однимъ словомъ, мой другъ, скажи пріятелю нашему, чтобы онъ опасался разсѣянія чрезмѣрнаго. И сказать, гдѣ онъ можетъ искать отдыха, ободренія, образованія и награды.

«А слава?.. Но что такое слава? Одобреніе всеобщее, тихій приговоръ немощныхъ, который съ покорностію повторяетъ безчисленная толпа вѣдухъ; въ дали она привлекательна, въ близи ничтожна. Удаливъ отъ того театра, на которомъ она раздается безъ выбора, когда не хочешь, чтобы животоворящая мечта о ней исчезла. Непристрастная, заслуженная похвала избранныхъ, которыхъ великое мнѣніе управляетъ общимъ и можетъ его замѣнить: вотъ слава истинная, продолжительная, достойная похвалы! И можно ли предпочесть ей минутные успѣхи, полученные въ толпѣ, которой рукоплесканія возмущаются незашуму побужденію? Разбери достоинство сихъ случайныхъ похвалъ: одинъ хвалитъ изъ дружбы; другой изъ жалости; третій изъ противорѣчія; четвертый въ надеждѣ подкупить; пятый отъ равнодушія: для него все равно, хвалитъ или не хвалитъ, что ска-

жется прежде, что прежде услышишь отъ другихъ; шестой изъ зависти, желая оскорбить или унижить соперника; многіе ли потому, что истинно любить прекрасное и радуются, когда его замѣчаютъ? Скажи жѣ, достойны ли уваженія такіа похвалы? Не должно ли съ презирающимъ чувствомъ жалости смотрѣть на бѣдныхъ претендентовъ въ безсмертія, которые сумму такихъ похвалъ называютъ славою; которые заботятся, употребляютъ хитрости, разсылаютъ ласкательства— для чего? Для того, чтобы изъ милости имъ бросили принадлежащее по праву; на колѣняхъ требуютъ вѣнка! Изъ, мой другъ, кто несомонось опереться на благородное чувство собственнаго достоинства; кому не довольно утѣшительной хвалы немногихъ, но просвѣщенныхъ судей—необходимо потому, что человѣческая слабость требуетъ подпоры—кто сими двумя цитами не можетъ отразить оскорбленій зависти и клеветы; для кого все равно производить хорошее или худое, лишь бы похитить успѣхъ: тотъ долженъ отказаться отъ мнимыхъ своихъ правъ на славу! Онъ будетъ торжествовать, благодаря невѣжеству и легкомыслію, но торжество его не оставитъ и признака слѣдовъ; никогда не достигнетъ онъ благородной цѣли писателя—пользы, распространенія идей, благодѣтельныхъ для человечества, наснаженій, совершенствующихъ душу.

«Еще одно слово, другъ мой, и замолчу. Пріятель нашъ, когда не ошибаюсь, согласенъ со мною въ понятіяхъ о славѣ; падѣюсь, что онъ не унижитъ себя неканіемъ награды недостойной: но, можетъ быть и другія награды похитить у него судьба! но, можетъ быть, назначено ему ограничить себя однимъ собою, и будущее не озарено для него никакимъ счастливымъ, никакимъ подкрѣпляющимъ ожиданіемъ: тогда, мой другъ [и если я отгадалъ, то сожалѣю о немъ во глубинѣ души; желалъ бы подать ему руку, но хилая, трепещущая рука старца не можетъ служить подпораго: не долго пре-

буду на землѣ, и дружба наша была бы однимъ печальнымъ приготовленіемъ къ разлукѣ!], тогда пусть ничѣмъ замѣны къ собственной дѣятельности; въ томъ удовольствіи, которое неразлучно съ любовью къ прекрасному, съ трудами ума, съ работами воображенія; въ той неотъемлемой наградѣ, которая, вопреки самой несправедливости людей, вопреки зависти и казвѣтъ, заключена во внутреннемъ спокойномъ увѣреніи, что исполняешь свою должность, какъ человекъ — совершаешь свою науку, какъ гражданинъ — трудясь съ намѣреніемъ [иногда мечтательнымъ, всегда благороднымъ] приносить отечеству пользу, большую или малую, смотря по обширности дарованій. Мечта потомства — можетъ ли она сдѣлать прибѣжищемъ при недостаткѣ награды ближайшихъ и болѣе драгоценныхъ, не знаю! — мечта потомства некая, хотя въ отдаленіи, предъ нами блистаетъ. Но крайней мѣрѣ [говору убѣжденный мойъ сердцемъ] въ минуту прекращенія бытія — тогда, когда ничево, кромѣ прискорбія о прошедшемъ, не остается для человека, когда онъ чувствуетъ, что всему конецъ, но силится еще удержатъ летящую жизнь — мечта потомства должна быть прибѣжищемъ утѣнительнымъ: она воспламеняетъ угасающую душу его, удаливъ отъ нее страшную мысль небытія, и въ мірѣ, который онъ покидаетъ, представляя очамъ его не гробъ — печальной признакъ его ничтожества, но памятникъ — неизгладимый слѣдъ его жизни. Въ минуту рѣшительной борьбы онъ полонъ надеждою на прошедшее, какъ нѣкогда надеждою на будущее: одна непримѣтно смѣнитъ другую и мечуетъ свѣтло, забывшись, еще наслаждаясь нѣкоторымъ образомъ жизнью, которая вся заключена для него въ однихъ воспоминаніяхъ, имъ оставляемыхъ, съ отрадою переходитъ онъ въ усыпительныя объятія смерти.»

Стародумъ пересталъ говорить — я не отвѣчалъ ни слова, и могъ ли отвѣчать? — мы разстались. Еще разстроганный его

краснорѣчіемъ, я съѣлъ писать къ тебѣ письмо, и даю обѣщаніе самому себѣ, всякой разъ, когда певольная улыбка во мнѣ поселится, когда почувствую нужду въ воднорѣ, идти къ Стародуму: душа старика еще выласт!

ИЗЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ.

Судьба управляетъ теченіемъ жизни, очарованной привлекательными, но тщетными мечтами — вотъ содержаніе аллегорической картинки французскаго живописца Караффа, которая заслужила общее одобреніе знатоковъ въ Парижѣ. Достоинства ея: простота расположенія, живость красокъ, искусная смѣсь тѣни и свѣта (clair-obscur), выразительный характеръ лицъ и, — главное, — совершенное согласіе аллегорическаго образа съ тою мыслию, для которой онъ, такъ сказать, служитъ наружною, видимою формою. Эта картина пріятна и потому, что въ ней находили, и потому, что прибавляешь къ ней воображеніемъ. Юная, беззаботная, погруженная въ дремоту Жизнь плыветъ на легкомъ суднѣ по невѣстнымъ водамъ; Судьба, въ видѣ старика, сидитъ на кормѣ, правитъ весломъ и держитъ парусъ, надутый потухлымъ вѣтромъ; Время, другой старикъ, задумчивый, мрачный, съ неподвижными крылами, съ поникшимъ, отвратимо устремленнымъ на роковые часы взоромъ, обвитый змѣю [эмблема вѣчности], сидитъ у мачты и считаетъ падающія песчинки... Привлекательная, возбуждающая мелахолическія мысли картина!.. Смотря на прелестную Жизнь, которая такъ безечно лежитъ на краю бездны, спрашиваешь, откуда и куда влекутъ ее ея два таинственные старца? Легкая ладья со всѣхъ сторонъ окружена мракомъ; блѣдный лучъ, льющійся изъ промежутка облаковъ, не свѣтитъ на пути, а только озаряетъ прозрачный парусъ, на которомъ мелькаютъ магическіе призраки; единый только невинный блескъ ихъ и изрѣдка мелахоли-

чекій образъ Времени замѣтны для взора путницы, обремененнаго сумракомъ дремоты: но бездна, въ которую половина одежды ея уже погружена; но старецъ, у ногъ котораго она простерта, который, смотря на нее изъ-подъ таинственной повязки, одинъ, назадъ, всебъ управлять; но локкость ладіи, но ужасъ окрестнаго мрака: она ихъ не видитъ; ея спокойствіе въ незнаніи; одинъ привидѣнія, разлѣвасмыя въ глазахъ ея дыханіемъ вѣтерка, для нее существуютъ! Обманутая волшебнымъ сномъ, она мечтаетъ, что сама произвольно за ними стремится; ее веселитъ надежда, сладкая надежда ихъ достигнуть—надежда, иногда возмущаемая грознымъ присутствіемъ Времени. На парусѣ, который не весь еще распустился, легкіе призраки ея вѣяются одинъ другимъ: призракъ любви уступитъ уже призраку фортуны—какой послѣдуетъ за ними? Но, можетъ быть, непостоянныя облака сольются, сопутствующій лучъ и съ нимъ милыя, обманчивыя мечты угаснутъ! Быть можетъ, подымется вихрь, ладія не погибнетъ, но тонкій парусъ сорвется его порывомъ! Что озаритъ тогда печальную мрачность? И гдѣ ея неизвѣстная пристань, къ которой рано или поздно ладія примчится? Быть можетъ, близко-стрегущій похъ волнами утесъ: въ него ударится ладія и разлетится въ прахъ! Быть можетъ, въ дали... Таинственный Кормщикъ ихъ видитъ, но онъ молчитъ и правитъ неустойчиво кормою. Наступитъ время, когда оля саятъ, нереломивъ весло и сбросивъ съ головы повязку, торжественно скажетъ: Путница, пробудись! Когда унылый, неподвижный товарищъ его позанно возстанетъ съ мѣста, разобьетъ часы, пакнетъ въ свой очарованный полевъ и улетитъ—тогда разобьется непроницаемая мгла! Изумленная увидитъ, какимъ путемъ, на какомъ легкомъ челнокѣ, къ какому берегу пристала; увидитъ лицомъ къ лицу Невѣдомаго Правителя ладіи; будетъ искать глазами оныхъ призраковъ, которыми такъ беззаботно плѣнялась, и

глазамъ ея, при новомъ, яркомъ свѣтѣ, представится одинъ бѣлый парусъ, на которомъ уже все невидимую рукою изглажено.

ТРИ СЕСТРЫ.

видѣніе минувши.

Вся наша жизнь была бы однимъ послѣдствіемъ скучныхъ и несвязныхъ сновидѣній, когда бы съ настоящимъ не соединялись тѣсно ни будущее, ни прошедшее—три неразлучныя эпохи: одна украшаетъ другую, одна отъ другой замѣстуетъ прелесть.

Мнѣ минуло мнѣ пятнадцать лѣтъ; я гуляла по берегу рѣки; пріятное, меланхолическое воспоминаніе о прошедшемъ наполнило мою душу—тогда была я счастлива, я счастлива и теперь, и въ будущемъ предчувствую одно счастье. Прошедшее, настоящее и будущее сливались для меня въ одно сладостное чувство.

Солнце спокойно склонялось къ голубымъ холмамъ; вечерніе лучи его золотили поверхность озера; мелкіе острова, на немъ разсыпанные, будучи осыпаны розовымъ блескомъ заката, казались воспламененными и прозрачными. Вечерній вѣтерокъ разливалъ прохладу: все уюковало; стада бѣжали съ полей, наступившій рогъ вытѣрилъ отдаленному соловью, и пѣня рыбака, который плылъ одинъ на маленькой лодкѣ посреди озера, неслаея ко мнѣ по гладкой поверхности воды.

Я шла задумавшись—нечувствительно очутилась у зеленой дубовой рощи, растущей на полугорѣ, и вдругъ вижу передъ собою трехъ молодыхъ дѣвушекъ, совершенно сходныхъ лицомъ, прекрасныхъ, вѣтущихъ, какъ майскій день. Одна сидѣла подъ старымъ дубомъ, облокотившись на урну, обвитую лиліями, незабудками и кинарисомъ; другая лежала небрежно на травѣ подъ розовымъ кустомъ, а третья смотрѣла на заходящее солнце:

въ глазахъ ея блистало какое-то сверхъестественное пламя; величественное лицо, озаренное лучами солнца, казалось нечеловѣческимъ. Я удивилась, не зная, идти ли къ нимъ, или удалиться; но одна изъ нихъ — та, которая лежала подъ розовымъ кустомъ, — подлетѣла ко мнѣ, какъ легкій вѣтерокъ. И, улыбаясь, сказала: милый другъ, не удаляйся, пойдемъ со мною, я познакомлю тебя съ сестрами. Сидь подъ этотъ розовый кустъ: розы мои такъ же чисты и нѣжны, какъ твоя красота; ихъ сладкій запахъ такъ же привлекателенъ, какъ непорочность твоей души, и самая жизнь твоя не иное что, какъ распускающаяся роза. Да сохраняется въчно ея пріятность, ароматы и свѣжесть!

Мы взялись за руки и побѣжали; новая знакомка моя, подавая мнѣ розу, сказала: подарокъ въ день твоего рожденія! Старшая сестра — та, которая сидѣла подъ дубомъ, облокотившись на урну, устремила на меня задумчивый взглядъ, и душа моя невольно наполнялась уныніемъ, когда я всмотрѣлась въ черты ея лица, веселаго, но вмѣстѣ и прискорбнаго; тайная сила влекла меня къ ея сердцу, но я не смѣла приблизиться и молчала.

«Ты насъ не знаешь, мой милый другъ, сказала она мнѣ ласково: мы сестры. Я называюсь *Проедшее*; имя средней сестры, которая подарила тебѣ розу, *Настоящее*, а младшей *Будущее*; иначе называютъ насъ: *Вчера*, *Нынѣ*, *Завтра*. Мы неразлучны; тотъ, кого полюбить одна, становится любезенъ и другимъ; противный одной необходимо долженъ быть противенъ и прочимъ.

«Милая Мивана, прекрасное созданіе природы, ты будешь намъ любезна — ты рождена для счастья: святое Провидѣніе сохранить тебя на пути жизни.

«Теперь, пачиная только жить, ты можешь и должна любить одну сестру мою *Нынѣ*, пріятную, живую. Другъ мой, играй душистыми розами, которая дарить она тебѣ съ веселою улыбкою;

знай, о Мивана, что свѣжесть и ароматы ихъ не исчезнутъ, доколѣ въ сердцѣ твоёмъ, еще спокойномъ и чистомъ, сохранится невинность.

«Дружась съ сестрою моею *Нынѣ*, ты приготовишься любить и меня и сестру мою *Завтра*; наступитъ, наступитъ время, когда почувствуешь, что дружба наша для тебя необходима — желанія и надежды откроются въ безмятежной твоей душѣ, а розы настоящего... никогда не родятся безъ шиповъ.

Тогда, мой другъ, моя привлекательная, тихая Мивана, веселая *Завтра* да будетъ твоимъ пріобрѣтениемъ! Смотри... она указываетъ тебѣ на отдаленный западъ: тамъ сіяетъ величественное солнце, тамъ ясный закатъ напоминаетъ объ ясномъ утрѣ!

«Мой другъ, наслаждаясь непорочно розами *настоящаго*, ты будешь съ веселіемъ чистымъ, съ надеждою безмятежною смотрѣть на сію привлекательную отдаленность *будущаго*: веселіе и надежда сонупищи непорочности.

«А если, мой другъ, обманутая красотою розы, уколешься ея шипами; то спокойная довѣренность къ сестрѣ моей *Завтра*, единый взглядъ на очаровательные предметы, которые она открываетъ вдали, должны уладить твое страданіе. Но такое улаженіе получаетъ одна непорочность.

«Иногда — о! сохрани тебя Творецъ моя невинная Мивана — иногда непріятный жребій затмеваетъ утѣшительный блескъ отдаленнаго, будущее скрывается; самое настоящее, утративъ свою веселость, облекаетъ себя покровомъ печали... Мивана, сестры мои, привлекательныя лицомъ, непоколебимы; любя ихъ, по бережь измѣны!

«Въ сія минуты неснѣтаныя, минуты одиночества души я буду съ тобою.. во мнѣ или утѣшителя и друга. Я твоя. *Проедшее* съ тобою неразлучно. Близъ урны моей оживетъ для тебя утраченное въ настоящемъ и замѣнится веселіе призраки будущаго; близъ урны моей

подъ сумракомъ кипариса, обитаетъ военнопоминаніе, которое говорить о томъ, что было и чего уже нѣтъ; задумчивая меланхолія, которая наслаждается скорбію, любить одно минувшее, посылаетъ мыслію надъ гробами, и въ сѣтованіи о мертвыхъ находить сладость. Съ невинностію, твоею подругою, приходи подъ сумракъ моего кипариса: въ бесѣдѣ моей найдешь отраду. Близъ урны моей ты будешь наслаждаться сама собою, и почувствительно съ лица настоящаго спадеть покровъ печали; прискорбная *Нынь* опять улыбнется, и вѣтреная *Завтра* опять прилетитъ къ тебѣ съ своими мечтами.

«О мой другъ, придетъ время оставить цвѣтущую долину жизни; тогда ни горестныя моленія дружбы помедлить, не удаляться, ни тщетная привязанность къ прелестному бытію, которое угасаетъ, ничто не удержитъ тебя посреди мильныхъ, повидасмыхъ навѣи.

«Тогда явима предъ тобою вмѣстѣ, въ новомъ сіяніи, преображенныя, навсегда неразлучныя. Какимъ восхитительнымъ блескомъ озарится для тебя отдаленіе будущаго! Безмертіе, оправданіе надеждъ и вѣры, награда... О Минувана, вся твоя жизнь да будетъ приготовленіемъ къ сеі минутѣ.

«Иди, мой другъ, иди, не опасаясь той неизвѣстности, которую покрыты пути сей жизни: небесное Провидѣніе твой хранитель. Вѣрь его присутствію, вѣрь его наградамъ. Счастіе неотъемлемый удѣлъ непорочности: по гдѣ, и когда?... Это тайна».

Она замолчала. Въ эту минуту закатилось солнце; и небо, и воды, и поля померкли. Ницу глазами прелестныхъ богинь, но привидѣніе исчезло... чувствую одно вѣяніе вѣтерка, благовоіе лилій и розъ, слышу одну гармонию источника, тихо льющагося у ногъ моихъ по камнямъ.

КТО ИСТИННО ДОБРЫЙ И СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ?

Одинъ тотъ, кто способенъ наслаждаться семейственною жизнью, есть прямо добрый и слѣдовательно прямо счастливый человѣкъ.

Свѣтъ называютъ театромъ — каждый изъ насъ въ одно время и дѣйствующій и зритель. Актеры стараются блеснуть искусствомъ; зрители восклицаютъ: великій умъ, чудесное дарованіе. Но мало однимъ блистательныхъ успѣховъ на театрѣ свѣта, чтобъ пріобрѣсть благородное названіе: *добрый*, чтобы имѣть право именоваться *счастливымъ*.

Ты съ честію служилъ отечеству; судья справедливый — все приговоры твои сходны съ приговорами закона и совѣсти; смѣлый, благоразумный полководецъ — никто не видалъ, чтобы ты блѣднѣлъ въ виду непріятели, чтобы терялъ приуствіе духа въ минуту неуспѣха или замѣшательства. Въ обществѣ называютъ тебя приятнымъ, ласковымъ, забавнымъ; нельзя не плѣниться твоимъ разговоромъ; все, окружающее тебя, оживлено твоимъ остроуміемъ, твоими словами, взглядами, умѣшками. Говорю смѣло: умный, дѣятельный, любезный, необыкновенный человѣкъ. Скажу ли: добрый и счастливый?

Нѣтъ: я вижу тебя на сценѣ, въ уборѣ, въ минуту *представленія*, въ минуту торжества; прельщаюся однимъ наружнымъ, временнымъ твоимъ блескомъ. Ты дѣйствуешь не собственною силою, ты окруженъ безчисленными подпорами: общее мнѣніе хранитель твоихъ добродѣтелей; быть можетъ, источникъ ихъ единое твое честолюбіе. Хочу ли узнать совершенно твой характеръ — я долженъ послѣдовать за тобою во внутренность семейства. Семейство есть тихое, сокрытое отъ людей поприще, на которомъ совершаются самые благородные, самые безкорыстные подвиги добродѣтельнаго. Здѣсь человѣкъ одинъ — все призраки исчезли;

онъ дѣйствуетъ, безъ свидѣтелей, въ кругу знакомцевъ, слѣшкомъ короткихъ, слѣдственно для него не страшныхъ; не можетъ удивлять ложнымъ блескомъ; не слышитъ рукоплесканій; онъ можетъ наслаждаться однимъ скромнымъ, для другихъ непримѣтнымъ, но сладостнымъ и неотъемлемымъ счастьемъ. Здѣсь онъ спускаетъ съ себя заметованные покровы; свободно предается естественнымъ своимъ склонностямъ; никому, кромѣ самого себя, не даетъ отчета; и если я вижу его спокойнымъ, веселымъ, неизмѣняемымъ въ тѣсномъ кругу любезныхъ: когда при- ходъ его къ супругѣ и дѣтямъ есть сладостная минута общаго торжества; когда отъ взора его развеселяются лица домашнихъ; когда, возвращаясь изъ путешествія, приносятъ онъ въ домъ свой новую жизнь, новую дѣятельность, новое счастье; когда замѣчаю окрестъ него порядокъ, спокойствіе, довѣренность, любовь — тогда рѣшительно говорю: онъ добръ, онъ счастливъ!

Великіе подвиги въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей бываютъ нерѣдко однимъ чрезвычайнымъ *усиліемъ*. Нерѣдко человекъ, котораго дѣятельность и обширный умъ въ дѣлахъ государственныхъ, котораго пріятность и живость въ блестящемъ кругу свѣта приводятъ насъ въ изумленіе, бываетъ задумчивъ и скученъ среди своихъ домашнихъ, гдѣ онъ свободенъ, гдѣ надобно дѣйствовать безъ всякаго внѣшняго возбужденія, гдѣ все черпается во внутренности души, гдѣ можешь быть веселъ только тогда, когда сердце твое полностью чистымъ, живымъ, неизмѣняющимся ни въ какихъ обстоятельствахъ жизни чувствами.

Быть счастливымъ съ есе наслаждаться самимъ собою гдѣ же сие счастье, какъ не въ семействѣ, и что его источникъ, какъ не спокойное, невинное, доброе сердце? Человекъ—гражданинъ, пользуясь покровомъ общества, трудами своими покупаетъ у него почести и отличія; но *добрыи* получаютъ сіи отличія и почести на ряду съ *недобрыми*, имѣющимъ оди-

наковое съ нимъ искусство, дѣятельность, скажу—дарованіе. Въ чемъ же его преимущество собственное, ни съ кѣмъ не раздѣляемое? Въ счастіи добраго сердца, въ тѣхъ наслажденіяхъ, которыя вкушаютъ онъ въ кругу семейственномъ — яздѣ, заповѣданный для порочнаго.

Не имѣвъ добраго сердца, можно быть въ нѣкоторомъ отношеніи добрымъ гражданиномъ: будь съ дарованіемъ, и будешь успѣшно дѣйствовать на той сценѣ, которая окружена безчисленною толпою судей, любопытныхъ и строгихъ. Честолюбіе замѣнить для тебя внутреннюю доброту; и та и другая причины произведутъ однако видимое дѣйствіе. Но быть хорошимъ семьяниномъ въ полномъ значеніи еего слова, добрымъ супругомъ, отцомъ, покровителемъ своихъ домашнихъ, говорю безъ исключенія, нельзя, не имѣвъ добраго, нѣжнаго, чувствительнаго сердца. Семейство есть малый свѣтъ, въ которомъ должны мы исполнять въ маломъ видѣ всѣ разнообразныя обязанности, налагаемыя на насъ самымъ сѣбѣ; но съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь не можетъ быть заблужденія насчетъ заслуги, здѣсь видятъ тебя такимъ точно, каковъ ты въ самомъ дѣлѣ. И вотъ причина того печальнаго отдѣленія, въ которомъ многіе, такъ называемые, счастливыцы міра, живутъ отъ тухаго, уединеннаго семейственнаго круга; они боятся вступити въ его святинище. Что принесутъ они въ него съ собою? Мертвое, или непорочное сердце, чуждое наслажденій невинныхъ, смутное посреди спокойствія и порядка, нестойкое посреди удовольствій однообразныхъ, но сладостныхъ для души ясной, веселой и непорочной.

Ты ищешь вѣрнаго счастья? Почитай обязанностію быть дѣятельнымъ для пользы отечества: по лучшія твои наслажденія, по самыя драгоценныя награды твои да будутъ заключены для тебя въ нѣдрѣ семейства: если душа твоя невинна, если пылаетъ въ ней тихое пламя добра, то въ мирномъ семействѣ найдешь безмятежное, постоянное счастье. Гдѣ можешь

любить съ такою полнотою, съ такою взаимностію, съ такимъ забвеніемъ самого себя? Гдѣ можешь быть столь добродѣтельнымъ и столь непосредственно получать за добродѣтели твои воздаяніе? Гдѣ найдешь такихъ вѣрныхъ и согласныхъ съ тобою товарищей и въ радости и въ печали? Стремись воображеніемъ къ сему блаженству, когда еще его не имѣешь; образуй для него свою душу; помни, что оно существуетъ для одного невинаго, благороднаго, непоколебимаго высокими чувствами сердца; благодѣтельная, животворящая мечта о немъ да будетъ соупитницею твоихъ юпопескихъ лѣтъ. Совершенство себя для мирной обители семейства, ты избѣжишь опасной заразы разврата: наблизишься ли блестящимъ безобразіемъ порока, имѣя передъ глазами тѣ чистыя наслажденія, ту благородную дѣятельность, которыя неразлучны съ семейственною жизнью? И если твой выборъ уже сдѣланъ, если душа твоя замѣтила существо для нея необходимое: то окружи себя его воспоминаніемъ; воспоминаніе о немъ будетъ твоею добродѣтелію, твоею совѣстію! Такъ, если Провидѣніе опредѣлило тебѣ насладиться сномъ благомъ рѣдкимъ — но рѣдкимъ потому, что рѣдки сн люди, которые полагали бы въ немъ первую и самую благородную цѣль своей жизни, которые минутнаго, живѣйшаго наслажденія, или пѣвѣршій и блестящѣйшей выгоды не предпочли бы сему спокойному, скромному и неразлучному со всѣми добродѣтелями счастью — если Провидѣніе, говорю, опредѣлило тебѣ насладиться сномъ благомъ: то смѣло можешь присвоить себѣ титулъ счастливца; ты возвратишь сему титулу все утраченное его достоинство: на языкѣ твоемъ счастье будетъ знаменовать добродѣтель, наслажденіе самимъ собою, прямое просвѣщеніе, истинную мудрость.

Какое зрѣлище, возвышающее душу, представляетъ намъ добрый семьянинъ — истинно добрый и счастливый человекъ! Войдите въ его домъ, веселый, скромный, гдѣ царствуетъ сиритность и чистота: при

первымъ шагѣмъ не окружаетъ ли васъ какое-то неизъяснимое, невидимое, трогательное очарованіе? Не чувствуете ли во глубинѣ души того утѣшительнаго спокойствія, того внутренняго наслажденія собственнымъ бытіемъ, которое всегда возбуждаетъ въ васъ присутствіе счастья? Вы видите передъ собою довольныя лица, пльняетесь окружающимъ васъ порядкомъ; здѣсь время пролетаетъ быстро; для каждой минуты есть собственное необходимое занятіе; минуты отдѣльнаго труда приготавливаютъ къ минутамъ свиданія, къ минутамъ общаго удовольствія, и всякій трудъ приноситъ съ собою свою награду. Послѣдуйте за добрымъ семьяниномъ — и въ свѣтъ, гдѣ исполняютъ оны обязанности гражданина, и въ домъ его, гдѣ оны представляется вамъ супругомъ, отцомъ, хозяиномъ, и въ уединенный кабинетъ, гдѣ оны остается одинъ съ собою, и къ смертному одру, на которомъ оны ожидаетъ конца, спокойный, увѣренный въ бытіе Божества, которое неоприцаемо для сердца, неизъяснимаго прямую любовь, уповающій на безсмертіе, которое ощутительно для сердца, неизъяснимаго прямую любовь — вездѣ вы его найдете одинакимъ. Въ тѣхъ самыхъ чувствахъ, которыя дѣлаютъ его счастливымъ среди домашнихъ, хранится и чистый источникъ гражданскихъ его добродѣтелей. Разлучаясь на время съ своимъ семействомъ, для исполненія обязанностей въ свѣтъ, оны соединенъ съ своими любезными пльнымъ, никогда не покидающимъ его сердца о нихъ воспоминаніемъ; ихъ мысленное присутствіе хранитъ его во всѣхъ рѣшительныхъ случаяхъ жизни. Какъ можетъ оны не дорожить непорочною своего имени, котораго слава есть слава его любезныхъ? Какъ можетъ не уклоняться отъ зла, когда оны долженъ приходить невиннымъ передъ судилицею безпристрастное, для него драгоценное и святое, передъ судилицею своего семейства, гдѣ обитаетъ его неизъяснимый товарищъ, который вмѣстѣ съ нимъ, одною дорогою стремится къ одной и той же цѣли — къ счастью, осно-

ванному на совершенствѣ моральному, который не узнаеть его, унижившагося порокомъ, котораго довольный, одобряющій взоръ есть самая утѣшительная для него награда. Но всѣ обязанности, всѣ удовольствія свѣта почтаеть онъ только посторонними: главная дѣятельность его внутри семейства — мирная, счастливая дѣятельность, которая животворить душу его, отдаляеть отъ него унылость и скуку, возвышаеть ее, усиливаетъ, пецѣляетъ. Онъ веселъ, онъ спокоенъ среди порядка и тишины, которые окрестъ него царствуютъ. Перепеснитесь мысленно въ обитель согласныхъ супруговъ, согласныхъ въ понятіи своемъ о жизни, согласныхъ въ выборѣ способовъ сю наслаждаться — здѣсь минуты заботъ не имѣють того беспокойства, которое преслѣдуетъ насъ, когда трудимся для однихъ себя: они услаждаются трогательнымъ воспоминаніемъ о существахъ, намъ любезныхъ, которымъ посвятили мы всю свою жизнь; здѣсь всякое благородное чувство души становится живѣе, возвышеннѣе, непорочнѣе — благотворительность награждается не однимъ тайнымъ одобреніемъ сердца, но вмѣстѣ и нѣжнымъ участіемъ милаго существа, которое въ глазахъ твоихъ есть образъ всѣхъ добродѣтелей; оно сопутствуетъ тебѣ въ жилище печальнаго и нищаго; ты дѣйствуешь не въ одномъ невидимомъ присутствіи Промысла: ты видишь передъ собою его посланника въ своемъ товарищѣ, къ которому относишь всякое доброе дѣло, всякое доброе чувство. Что можетъ быть трогательнѣе и пламеннѣе молитвы, произносимой въ присутствіи милой супруги вмѣстѣ съ нею, въ полногѣ своего счастья? Для кого можетъ быть оцутительнѣе Провидѣніе, для кого легче любить своего Создателя, какъ не для нѣжнаго супруга и отца, окруженнаго драгоценнѣйшими залогоми ихъ милосердія? Молитва одинокаго человѣка есть требованіе; молитва семьянина есть благодарность.

Но, представляя себѣ счастье, должно

воображать и горестныя потери. Супругъ перѣдко, и слишкомъ рано, лишается супруги; отецъ переживаетъ дѣтей — утраты незамѣняемы; ибо онѣ разрушаютъ главное счастье жизни, къ которому относили мы всякое другое. Но развѣ съ утратою любезныхъ теряется для насъ воспоминаніе? Развѣ тому, кто наслаждался настоящимъ, не остается меланхолической, усладительной привязанности къ прошедшему? Ты жилъ для нихъ; ты являя вмѣстѣ съ ними; ты радостно летѣлъ къ своей цѣли, окруженный милыми существами: спутилась твои нечезли... но ты самъ не пзмѣнился; поприще твое опустѣло... но оно все то же, и та же цѣль представляется глазамъ твоимъ въ отдаленіи; стремишь къ ней, окруженный знакомыми, дружественными тѣнями! Кто разъ наслаждался семейственнымъ радостями, тотъ никогда не узнаеть уже одиночества; горестъ будетъ для него нѣкоторымъ образомъ любовію.

О НОВОЙ КНИГѢ:

увеличенъ въдѣныхъ, сочиненіе господи ле итенсъ де вомонъ. переводъ съ французскаго наставя плещедей. 2 части. въ типографіи платона бететова.

Издатель «Вѣстника» почитаеть за долгъ сказать нѣсколько словъ объ этой книгѣ, по многимъ отношеніямъ весьма полезной.

Въ Россіи, со времени размноженія школъ, средства просвѣщенія сдѣлались общими — купцы, ремесленники, даже простые земледѣльцы начинаютъ учиться, читають, слѣдовательно образуются. Просвѣщеніе — что бы ни говорили о немъ суровые люди, которые судятъ о вещахъ по одному только ихъ злоупотребленію — необходимо для человѣка во всякомъ состояніи, и можетъ быть благотвельно въ самой хижинѣ земледѣльца. Я разумѣю подъ именемъ просвѣщенія приобрѣтеніе настоящаго понятія о жизни, знаніе лучшихъ и удобнѣйшихъ средствъ ея пользоваться, усовершенствованіе бытія своего, физическаго и моральнаго. Человѣкъ, въ какомъ бы тѣсномъ кругу ни заклю-

чила его судьба, имѣть умъ, требующій занятія, удовольствія, образованія, слѣдовательно могущій быть просвѣщеннымъ, болѣе или менѣе. Не говоря о тѣхъ классахъ людей, которымъ потому именно необходимо просвѣщеніе, что они выше другихъ состояніемъ (слѣдовательно, должны быть выше и образованностію), скажемъ, что люди низкіе — ремесленники, земледѣльцы — должны быть до нѣкоторой степени образованы. Мы видимъ ихъ провозжающихъ дни свои въ трудѣ и заботахъ: сохранить тѣлесную свою жизнь, не умереть съ голоду, имѣть уголь, не быть нагимъ — вотъ цѣль, для которой почитаетъ себя созданнымъ бѣдный работникъ. Будемъ ли съ нимъ согласны? Скажемъ ли, что понятія благородія и наслажденія болѣе достойныя человѣка принадлежать только тѣмъ, которыхъ судьба наградила нѣкоторымъ достаткомъ? Конечно, ремесленникъ и земледѣлецъ, утомленные тяжкою работою, имѣютъ мало времени думать; обыкновенно свободныя минуты ихъ посвящены или бездѣйствительному отдыху, или удовольствію шумному. Но просвѣщеніе простаго ремесленника или земледѣльца, которыхъ вся дѣятельность ограничена грубою работою въ тѣсномъ кругу ихъ семейства, не должно почитать ни многосложнымъ, ни многообъемлющимъ; простые понятія чистой морали, весьма обширныя, но вообще для каждаго человѣка необходимы; знакомство съ нѣкоторыми пріятными чувствами, которыя, трогая сердце и оставляя на немъ слѣды неизгладимыя, дѣлаютъ его добрее и чище; точнѣшнее свѣдѣніе о тѣхъ вещахъ, которыя принадлежать къ особенному званію каждаго — напр., для ремесленника о его ремеслѣ, для земледѣльца о земледѣліи — вотъ просвѣщеніе людей, простыхъ и ограниченныхъ. Смотря на грубыя занятія ихъ, на шумныя, часто отвратительныя и вредныя ихъ удовольствія, осмѣлился ли сказать, что натура, безпримѣрная благотворительница всѣхъ тварей своихъ, навсегда отказала имъ въ наслажденіяхъ благород-

ныхъ? Но развѣ не имѣютъ они собственнаго своего счастья? спросите вы. Конечно, имѣютъ! Но сіи люди, которые довольствуются счастьемъ грубымъ, ужели неспособны постигнуть счастья высшаго? Ремесленникъ, которой находитъ удовольствіе свое въ пьянствѣ, именно отъ того, что лучшее удовольствіе неизвѣстно ему, ужели осужденъ навсегда сохранить сіе несчастное, погибельное для него невѣжество? И можетъ ли быть такое состояніе въ обществѣ человѣческомъ, въ которомъ бы человѣкъ, существо умное и способное совершенствоваться, ничѣмъ инымъ не долженъ былъ отличатся отъ грубаго скота, кромя образа?

Какого же просвѣщенія требую для простолудиновъ? Ограниченнаго, приличнаго ихъ скромному жребію просвѣщенія, которое научило бы ихъ наслаждаться жизнью въ томъ самомъ кругу, въ которомъ помѣщены они судьбою, и наслаждаться достойнымъ человѣчества образомъ! Слѣдовательно, не учености! И нужно ли земледѣльцу занимать себя предметами, слишкомъ отъ него отдаленными, украшающими разсудокъ, привлекательными для любопытства, но вообще не приносящими никакой существенной пользы? Излишество для него вредно! Занятія глубокомысленнаго ума требуютъ свободы и праздности: они отвлекли бы его, а, можетъ быть, и навсегда отвратили бы отъ главныхъ, соединенныхъ съ его званіемъ упражненій; желаю, напротивъ, чтобы онъ, по мѣрѣ распространенія понятій своихъ, болѣе и болѣе привязывался къ своему жребію, научался понимать его преимуществами, ими наслаждаться, или сносить несчастья, необходимо съ нимъ соединенныя: просвѣщеніе должно убѣдить его, что онъ можетъ быть счастливъ, можетъ быть человекомъ во всѣхъ состояніяхъ. Нѣтъ, не желаю для него учености! но знаю, что нѣкоторыя истины, нѣкоторыя чувства для него не могутъ быть чужды. Всякой земледѣлецъ, всякой ремесленникъ можетъ возноситься душою къ Божеству, не такъ какъ умѣтвующій метафизикъ,

по такъ какъ благодарный сынъ природы, знакомый съ благодѣяніями своего Создателя, въ простотѣ сердца, неспорченнаго и мирнаго. Великолѣпіе натуры закрыто ли для его взоровъ? Ему недостаетъ одного вниманія! Хочу, чтобы онъ не лишень быть наслажденій сердца, удовольствій ума; хочу, чтобы не предпочиталъ имъ, или, за недостаткомъ ихъ, не былъ принужденъ искать чувственныхъ забавъ, убійственныхъ для души и умерщвляющихъ самое тѣлесное здоровье. Скажите, такое проевѣщеніе противно ли состоянію ремесленника, земледѣльца и имъ подобныхъ?

Въ Россіи, съ заведеніемъ уѣздныхъ и сельскихъ школъ, открыта къ нему дорога для всякаго простолюдина! Русскіе кушцы, мѣщане, ремесленники — не говорю о земледѣльцахъ, которыхъ судьба зависить отъ помѣщиковъ — учать дѣтей читать и писать. Кругъ воспитанія ихъ самый ограниченный. Сирашиваю, однако: какую истинную пользу можетъ имъ припрести такое воспитаніе? Много ли, напримѣръ, имѣемъ такихъ книгъ, которыя были бы для нихъ прямо полезны? Вышедь изъ училища, они принуждены или отказаться отъ чтенія, или обременять свою голову понятіями, для нихъ ненужными, перубѣдко весьма вредными. Напр., какую нищу найдетъ простолюдинъ въ исторіи, представляющей ему такія происшествія, въ которыхъ ему несвоевременно принимать участія? Романы, привлекательные для свѣтскаго человѣка, именно потому, что онъ находитъ въ нихъ ту самую сцену, на которой и самъ играетъ какую-нибудь роль, знакомятъ простолюдина съ людьми, отдѣленными отъ него званіемъ, обычаями, образованностію; воображеніе переноситъ его въ такой міръ, изъ котораго навсегда онъ исключенъ судьбою; невольно дѣлаетъ сравненіе онъ между собою и мечтательными героями романовъ, и, можетъ быть, научается не уважать самого себя въ ограниченномъ своемъ состояніи. То же почти можно сказать и

о другихъ книгахъ, которыя или писаны языкомъ слишкомъ высокимъ для людей, привыкшихъ выражаться просто, или разсуждаютъ о предметахъ имъ чуждыхъ. Словомъ, мы не имѣемъ еще полезныхъ для простолюдина книгъ, и, вѣроятно, что еще долго не будемъ имѣть ихъ. Много ли найдется писателей, которые захотѣли бы жертвовать талантомъ своимъ такому кругу людей, которыхъ одобреніе не можетъ быть удовлетворительно для авторскаго самолюбія? Но быть полезнымъ, конечно, благородіе, нежели быть славнымъ; и человѣкъ съ дарованіемъ, который захочетъ посвятить нѣсколько лѣтъ жизни своей единственно тому, чтобъ языкомъ простымъ и понятнымъ проповѣдывать счастье въ хижинахъ земледѣльца, въ обителяхъ нищеты и невѣжества, чтобъ разбудить въ простыхъ и грубыхъ сердцахъ благородныя чувства, и познакомить ихъ съ наслажденіями истинными: такой человѣкъ, безъ сомнѣнія, не приобрететъ имени писателя славнаго — ибо онъ рождается только въ кругу образованнаго свѣта — но онъ найдетъ награду во внутреннемъ убѣжденіи своего сердца, которое скажетъ ему: ты былъ полезенъ! ты безкорыстный благотворитель бѣдныхъ! они воздадутъ тебѣ не громкими рукоплесканіями, но собственнымъ своимъ счастьемъ, къ которому дорога указана имъ тобою.

Библіотека поселятъ, ремесленниковъ и имъ подобныхъ не можетъ быть многочисленна. Желая, чтобы она составлена была изъ такихъ книгъ, которыя, не отвлекая ихъ отъ ограниченнаго ихъ состоянія, напротивъ, всегда устремляя на него мысли ихъ, — открывали имъ способъ находить въ немъ счастье, имъ возможное. Самыми необходимыми почтано слѣдующія: 1) *Катихизисъ морали* — предложенной просто, безъ великаго витѣства, объясняемой примѣрами — но примѣрами, взятыми изъ жизни тѣхъ людей, для которыхъ она предлагаема — и что всего важнѣе, основанной на правилахъ свя-

ценнаго христіанскаго ученія; 2) *Общія понятія о натурѣ, о главныхъ ея законахъ, о тѣхъ которыхъ явленіяхъ небесныхъ* — совершенное невѣжество, въ этомъ отношеніи, бываетъ причиною многихъ смѣшныхъ и даже вредныхъ предразсудковъ. 3) *Энциклопедія ремесленниковъ и земледѣльцевъ* — въ этой книгѣ была бы предложена, ясно и кратко, теорія земледѣлія и всѣхъ ремеселъ, т. е. всѣ главныя и пущія ремесленнику и земледѣльцу для успѣшнаго исполненія ихъ обязанностей правила. 4) *Повѣсти и сказки*, которыхъ герои были бы взяты изъ состоянія низкаго, и представлены на сценѣ, знакомой самимъ читателямъ: эта книга была бы необходимымъ дополненіемъ къ *Катихизису морали*. 5) *Общія правила, какъ сохранять свое здоровье*, — нужныя для тѣхъ людей, которымъ здоровье такъ дорого и которые, потерявъ его однажды, уже не имѣютъ почти никакихъ способовъ возстановить его снова. Наконецъ, 6) *народныя стихотворенія*, въ которыхъ воображеніе поэта украсило бы природу, непривлекательную для грубыхъ оней простолюдина; въ душу его, вмѣстѣ съ стихами, врѣзались бы нѣкоторыя высшія понятія о Божествѣ; мысли его приобряли бы нѣкоторую живость, а чувства сдѣлались нѣжливѣе. Вотъ книги, которыя желалъ бы я пайти во всякой уѣздной и деревенской школѣ; которыми въ праздное время желалъ бы занять ремесленника, земледѣльца и слугу, принужденнаго посвящать всю свою жизнь на исполненіе воли другихъ; вотъ чтеніе, которое могло бы быть истинно для нихъ полезно. Желаю—и, быть можетъ, сіе желаніе не останется тщетнымъ — чтобы нѣкоторые изъ соотечественниковъ моихъ, воспламененные челоуколюбіемъ, соединились для распространенія благотельнаго свѣта въ умахъ бѣдныхъ своихъ согражданъ, осужденныхъ проводить всѣ дни свои въ тяжкомъ трудѣ, и ограничившихъ всю дѣятельность свою сохраненіемъ одной тѣлесной жизни! Мы имѣемъ Академію Наукъ и Художествъ, почему же не мо-

жемъ имѣть Академію для просвѣщенія простолюдиновъ?

Книга, которая подала намъ поводъ къ сему разсужденію — *Училище бѣдныхъ* — можетъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ библіотекѣ простолюдина: она заключаетъ въ себѣ всѣ главныя правила практической морали, сдѣланной искусствомъ автора привлекательною для такихъ людей, которые вообще или не любятъ читать, или читаютъ одніи пущія сказки. Почтенная переводчица, которая посвятила общей пользѣ нѣсколько дней своей старости, безъ сомнѣнія заслуживаетъ благодарность отъ всѣхъ, желающихъ добра челоучеству. Книга ея не будетъ занимательна для свѣтскихъ людей; но простодушный ремесленникъ съ жаждою прочтетъ ее въ своемъ семействѣ, и въ сердцѣ его дѣтей укоренится чувство правоты и богопочтенія; во всякой добрый господинъ захочетъ имѣть ее въ своемъ домѣ, для того, чтобы слуги его научились изъ нея любить порядокъ, покорность, и быть довольными скромнымъ своимъ уѣломъ. Переводчица посвятила свой трудъ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. «Воззрѣніе вашего императорскаго величества на слабое мое приношеніе — говоритъ она въ заключеніи своего письма — воспламенитъ и другихъ къ сочиненіямъ или переводамъ, полезнымъ для образованія простолюдиновъ!» Желаемъ искренно, чтобы сія надежда добраго сердца была исполнена, и чтобы, наконецъ, въ Россіи и самыя хижинны земледѣльцевъ сдѣлались жилищемъ людей образованныхъ, слѣдовательно счастливыхъ и знающихъ цѣну своего счастья!

ПИСАТЕЛЬ ВЪ ОБЩЕСТВѢ.

Положеніе писателя въ большомъ свѣтѣ кажется вамъ затруднительнымъ; вы говорите, что онъ не долженъ надѣяться въ немъ успѣха: мнѣніе, единичное и неограниченное. Вопреки ему, позволяю себѣ утверждать, что и писатель паравиѣ со всѣми можетъ съ успѣхомъ играть свою роль на сценѣ большого свѣта.

Прежде всего опредѣлимъ для самихъ себя: что называется обыкновенно большимъ свѣтомъ? что значить имѣть въ немъ успѣхъ? какими средствами успѣхъ сей пріобрѣтается?

Слово: большой свѣтъ, означаетъ кругъ людей отборныхъ—не скажу лучшихъ—превосходныхъ предъ другими состояніемъ, образованностію, саномъ, происхожденіемъ: это республика, имѣющая особенные свои законы, покорная собственному, идеальной и всякую минуточку произвольно смѣняемому правителю—модѣ, гдѣ существуетъ общее мнѣніе, гдѣ царствуетъ разборчивый вкусъ, гдѣ раздаются всѣ награды, гдѣ проходятъ оцѣнка и добродѣтелей и талантовъ. Вообразите множество людей обоого пола, одаренныхъ отъ фортуны или избыткомъ, или знатностію, соединенныхъ одни съ другими естественною склонностію къ общежитію, поставляющихъ цѣлю своего соединенія одно удовольствіе, заключенное въ томъ единственно, чтобы взаимно другъ другу нравиться—и вы получите довольно ясное понятіе о томъ, что называете большимъ свѣтомъ. Слѣдовательно, свѣтскій человѣкъ есть тотъ, который имѣетъ сношеніе, всегдашнее и болѣе или менѣе тѣсное съ людьми, принадлежащими къ большому свѣту, которому обыкновенія и законы сей идеальной республики извѣстны въ точности—и тотъ единственно, кто, пользуясь удовольствіями свѣта, умѣетъ самъ доставлять ихъ; кто, обладая общими, отъ всѣхъ признанными за дѣйствительные, способами нравиться, имѣетъ сверхъ того собственные, одному ему свойственные и заключающіеся въ особенности его ума, характера и способностей: тотъ единственно, говорю, можетъ съ одобреніемъ играть свою роль на сценѣ обширномъ театрѣ, гдѣ всякій есть въ одно время и дѣйствующій и зритель. Два рода успѣховъ свѣтскихъ. Къ первому надлежитъ причислить сіи мгновенныя торжества, пріобрѣтаемая блестящими, но мелкими средствами. Представьте человека, устремившаго всѣ мысли свои на

то единственно, чтобы нравиться всегда, во всякомъ мѣстѣ и всѣмъ: наружностію, одеждою, краспорѣчіемъ языка, лица, движеній; онъ съ удивительнымъ присутствіемъ духа обращаетъ на пользу свою всякое обстоятельство; умѣетъ въ разговорѣ оеюто быть и забавнымъ и важнымъ; неподрожаетъ въ мелкихъ вещахъ: въ искусствѣ разсказать привлекательно и быстро анекдотъ или новѣть, оживить своєю избрѣтательностію общественныя забавы, представить важное смѣшнымъ, или смѣшное важнымъ, сказать приятнымъ образомъ лестное слово; онъ перелетаетъ изъ одного общества въ другое; одушевляетъ каждое мгновеніемъ своимъ присутствіемъ; пещезаетъ въ одномъ, чтобы явиться въ другомъ и слова пещезнуетъ; такого человека называютъ любезнымъ; ищутъ его для того, что онъ нуженъ для увеселеній общественныхъ; онъ имѣетъ въ свѣтѣ успѣхъ; никто не думаетъ о моральномъ его характерѣ; ему благодарны за то удовольствіе, которое доставляетъ онъ другимъ въ ту минуточку, когда онъ съ ними. Другого рода успѣхъ, болѣе твердый и съ болѣею трудностію пріобрѣтаемый, основанъ на уваженіи, которое имѣютъ въ обществѣ къ уму и качествамъ моральнымъ. Чтобы заслужить его, необходимо нужно усовершенствовать свой характеръ, имѣть правила твердыя, разсудокъ образованный, быть дѣятельнымъ для блага общаго; съ сими важными преимуществами надлежитъ соединять и мелкое, совершенно необходимое для пріобрѣтенія отъ общества благо-склонности, искусство обращаться приятно. Конечно, тотъ, кто имѣетъ въ виду одну благородную цѣль: заслужить всеобщее уваженіе качествами и поступками превосходными, отстанетъ въ нѣкоторыхъ мелочахъ отъ человека, употребившаго всѣ дарованія свои на то исключительно, чтобы усовершенствовать себя въ искусствѣ быть приятнымъ; конечно, нѣкоторые мелкіе способы послѣднего могутъ быть или неизвѣстны первому, или оставлены имъ безъ вниманія; но въ томъ же самомъ

обществѣ, въ которомъ послѣдній будетъ восхвалять другихъ своею любезностію, тайное предпочтеніе всегда останется на сторонѣ перваго: къ нему будутъ привязаны чувствомъ постояннымъ, чувствомъ, которое не уменьшится и въ его присутствіи; ибо своимъ обхожденіемъ протѣмъ, но пріятнымъ, онъ будетъ соотвѣтствовать своему характеру. Понятіе о человѣкѣ только любезномъ должно мѣняться съ тѣми обстоятельствомъ, въ которыхъ онъ представляется обществу, о немъ не имѣютъ общаго мнѣнія; привязанность къ нему или уменьшается, или исчезаетъ въ ту самую минуту, въ которую онъ самъ скрывается отъ вашихъ взоровъ; онъ долженъ непремѣнно быть на сценѣ, чтобы могли о немъ помнить, или ему удивляться.

Теперь спрашиваемъ: почему писателю невозможно некаль въ обществѣ успѣха? и званіе писателя противорѣчить ли состоянію человѣка свѣтскаго? Вы скажете, можетъ-быть: всякій писатель обыкновенными занятіями своими сличномъ отдѣленъ отъ жизни свѣтской, шумной, разнообразной и неразлучной съ разсѣянностію. Соглашусь, если подъ именемъ свѣтской жизни разумѣте вы скучное состояніе праздныхъ, которые посвятили себя однимъ удовольствіямъ общественнымъ, которые безпрестанно живутъ виѣ себя, не имѣютъ ни занятія собственнаго, ни должности государственной; которыхъ девизъ — быть пріятнымъ безъ пользы, а иногда и со вредомъ другихъ. Но вы видите, что успѣхъ въ свѣтѣ — не эфемерный, но истинный и продолжительный — соединенъ необходимо съ дѣятельностію полезною и качествами высокими. Нѣтъ человѣка, который назывался бы просто свѣтскимъ; каждый имѣетъ, или долженъ имѣть особенное занятіе, которое на время отдѣляетъ его отъ свѣта и требуетъ уединенія болѣе или менѣе продолжительнаго; многіе подчинены обязанностямъ по службѣ, и всѣ вообще семейственнымъ заботамъ. Обязанность писателя привязываетъ его къ уединенному каби-

нету — но разлучаетъ ли она его съ обществомъ, и можетъ ли воспрепятствовать быть ему членомъ большаго свѣта наравнѣ съ другими, имѣющими каждый особенныя свои заботы и должности? Конечно, писатель, такъ же какъ и всѣ, избравшіе какую нибудь важную цѣль, не можетъ приобрести сего легкаго, пріятнаго блеска, которымъ украшены люди, почитающіе, такъ сказать, единственнымъ своимъ ремесломъ искусство жить въ свѣтѣ; но онъ обладаетъ способами правиться столь же дѣйствительными и безъ сомнѣнія благороднѣйшими.

Писатель — потому единственно, что онъ писатель — лишенъ ли качествъ человѣка любезнаго? Будучи одаренъ богатствомъ мыслей, которые умѣетъ выражать лучше другаго на бумагѣ, долженъ ли онъ именно потому не имѣть способности выражаться съ пріятностію въ разговорѣ? И, обращаясь большую часть времени въ своемъ кабинетѣ съ книгами, осужденъ ли необходимо быть страннымъ и неуклюжимъ въ обществѣ съ людьми? Не думаю, чтобы одно было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ другаго.

Вы утверждаете, что авторъ, вступающій въ общество, долженъ быть непременно жертвою коварнаго любопытства мужчинъ и взыскательнаго самолюбія женщинъ: мнѣніе сіе почтаю не совсемъ справедливымъ. Писатель свѣтскій человѣкъ, будучи всегда въ свѣтѣ, не можетъ возбуждать особеннаго вниманія именно потому, что лицо его уже знакомо, и что онъ играетъ одинакую роль со всѣми: роль собесѣдника, примѣняющагося къ другимъ своимъ обхожденіемъ, своею наружностію, своимъ тономъ. Въ свѣтѣ не любятъ отличій, неохотно показываютъ удивленіе, и рѣдкій бывающій въ немъ предметомъ любопытства, которое само по себѣ есть уже знаніе отличія. Въ свѣтѣ ни отъ кого не требуютъ много, можетъ быть, потому, что высокія требованія неразлучны съ признаніемъ великаго превосходства; а люди, особенно свѣтскіе, хотя вообще несправедливы, не любятъ

никогда обнаруживать такого признака.

Прибавимъ: писатель имѣеть въ обществѣ существенное преимущество предъ людьми болѣе свѣтскими; онъ можетъ порядочнѣе и лучше мыслить. Отъ умственной работы, которой посвящена большая часть его дня, пріучается онъ обдумывать тѣ предметы, которые свѣтскій человѣкъ только что замѣчаетъ; будучи весьма часто одинъ съ собою, онъ имѣеть гораздо болѣе времени возобновлять воспоминаемъ то, что видѣть глазами; привычка приводить въ порядокъ, предлагать въ связи и выражать съ точностію свои мысли, даетъ понятіямъ его особенную ясность, опредѣленность и полноту, которыхъ никогда не могутъ имѣть понятія человѣка, исключительно занимающагося свѣтомъ: послѣдній, по причинѣ разнообразія предметовъ, мелькающихъ мимо него съ чрезвычайною быстротою, принужденъ, такъ сказать, ловить ихъ на лету и устремлять на нихъ вниманіе свое только мимоходомъ. Уединеніе дѣлаетъ писателя глубоко-мысленнымъ; въ обществѣ пріучается онъ размышлять быстро, и наконецъ, замѣстуетъ въ немъ искусство украшать легкими и пріятными выраженіями самыя глубокія свои мысли. Конечно, великій писатель отъ образа своей жизни, болѣе или менѣе ограниченнаго, долженъ быть нѣсколько отъ другихъ отличенъ — по развѣ отличіе и странность одно и то же? И нѣкоторое несходство съ другими, если оно не разительно, а только что замѣтно, развѣ не имѣеть своей пріятности? Человѣку естественно любить разнообразіе. Привыкнувъ мѣшать уединеніе съ свѣтскою жизнью, писатель удобнѣе другихъ можетъ сохранить особенность своей фізіономіи; конечно, онъ будетъ имѣть съ другими нѣкоторое несходство, но въ то же время не отдѣлится отъ нихъ рѣзкою (слѣдовательно непріятною) съ ними противоположностію. Оригинальность, разумеется натуральная, неподдѣланная, имѣеть въ себѣ нѣчто любезное. Напримѣръ, задумчивая молчаливость, если она

впрочемъ соединена съ пріятнымъ умомъ, и не проиходитъ изъ неловкости, изъ отъ угрюмаго характера, поправится именно потому, что она служитъ легкою противоположностію веселому и слишкомъ вѣтревому многорѣчию людей свѣтскихъ.

Отъ чего же, спросите вы, большая часть писателей не имѣеть никакого успѣха въ свѣтѣ, неловки въ обращеніи, и вообще менѣе уважаемы, нежели ихъ книги? Отъ трехъ причинъ, изъ которыхъ двѣ — общія писателю со всѣми: отъ страстной привязанности къ своему искусству, отъ самолюбія, отъ ограниченности состоянія.

Великая страсть, наполняя человѣческую душу предметомъ единственно ей любезнымъ, отдѣляетъ ее отъ всего внѣшняго и сему предмету чуждаго. Напримѣръ, взгляните на страстно-влюбленнаго: каковъ онъ въ обществѣ? Молчаливъ, разсѣянъ, на лицѣ его написано задумчивое уныніе; свѣтская принужденность для него мучительна, мысли его тамъ, гдѣ его сердце; начните съ нимъ говорить: онъ будетъ вамъ отвѣчать несвязно, или безъ смысла; онъ скученъ, тяжелъ и страшенъ. Таковъ честолюбивый, преданный тайнымъ своимъ замысламъ; таковъ и писатель, исключительно притѣвляемый къ своимъ идеямъ. Онъ неохотно является въ общество, и, находясь въ немъ, всегда бываетъ отъ него въ отсутствіи: въ шумную толпу людей переноситъ онъ уединеніе своего кабинета. Онъ неспособенъ примѣняться къ другимъ, и часто оскорбляетъ ихъ своимъ разсѣяніемъ или грубымъ пренебреженіемъ обыкновенныхъ, ему одному неизвѣстныхъ, приличій; не можетъ говорить пріятно потому, что неспособенъ внимательно слушать: въ то время, когда вы съ нимъ говорите, онъ, можетъ быть, запитъ развѣщеніемъ философическаго вопроса, или описывать въ воображеніи спокойный вечеръ, тоску осеротѣвшей любви, очарованный замокъ Альбины. Воображая, что предметы, ему любезныя, для всѣхъ однаково привлекательны, онъ утомляетъ ими ваше вни-

маніе, и перестаетъ васъ слушать, когда начинаете говорить ему о томъ, что важно для васъ самихъ. Имѣеть ли такой человѣкъ нужду въ обществѣ, которое, можно сказать, для него не существуетъ? Онъ обитаетъ въ особенномъ, ему одному знакомомъ, или имъ самимъ сотворенномъ мірѣ; существа идеальныя всегдшіе его собесѣдники; онъ ограниченъ въ самыхъ естественныхъ своихъ потребностяхъ: все то, что ему нужно, находится въ немъ самомъ, въ его идеяхъ, въ мечтахъ его воспламененнаго воображенія.

Другую причину неуспѣховъ писателя въ свѣтѣ полагаю чрезмѣрность самолюбія, свойственнаго ему со всеми другими людьми, но вообще въ писателяхъ болѣе ослѣпленнаго, примѣтнаго и смѣшнаго. Напримѣръ, взгляните на людей свѣтскихъ: одинъ, обманувши нѣсколько слабыхъ или вѣтреныхъ женщинъ, увѣряетъ себя, что уже ни одна изъ нихъ не можетъ быть для него непобѣдима; онъ страшнѣе своимъ излишнимъ уваженіемъ къ самому себѣ, своею самолюбивою надежностію на красоту свою и любезность; другой, сказавши нѣсколько острыхъ словъ, замѣченныхъ въ одномъ обществѣ и повторенныхъ его друзьями въ другомъ и третьемъ, обманывая себя самолюбіемъ, не открываетъ рта безъ того, чтобы не сказать остроты; ищетъ за каждое имъ произнесенное слово лестнаго одобренія въ глазахъ своихъ слушателей, и вмѣсто того, чтобы правиться, бываетъ осмѣянъ. Таковъ и писатель, сдѣлавшись славнымъ по нѣкоторымъ превосходнымъ сочиненіямъ, онъ входитъ въ общество *торжественно*, онъ требуетъ отъ другихъ удивленія, какъ дана, ему принадежающей; онъ говоритъ рѣшительно, воображая, что мнѣніе его должно имѣть перевѣсъ, что его ожидаютъ, что оно не можетъ не быть принято съ уваженіемъ; гордится авторскими успѣхами, онъ смѣшливаетъ ихъ съ успѣхами свѣтскими, и вмѣсто того, чтобы примѣняться къ другимъ, воображаетъ, напротивъ, что другіе должны примѣняться къ нему. Вы

смотрите на него пристально: онъ думаетъ, что вы ищете на его лицѣ того великаго ума, который сіяетъ въ его твореніяхъ. Вы молчаливы при немъ: это отъ робости, чтобы не сказать въ присутствіи великаго человѣка чего шибудь глупаго. Вы разговорчивы—какое сомнѣніе? Вы хотите отличиться при немъ краснорѣчіемъ, познаніями, остроуміемъ. Два человѣка, ему незнакомые, шепчуть, сидя въ углу; одинъ изъ нихъ безъ всякаго намѣренія на него взглянулъ—довольно: они о немъ говорятъ, они удивляются и прозѣ его, и стихамъ, они въ восторгѣ отъ чрезвычайнаго таланта его. Такой человѣкъ долженъ натурально казаться недантомъ, смѣшнымъ, тяжелымъ, цѣловкимъ; онъ вооружаетъ противъ себя самолюбіе, подвергается гоненіямъ зависти, и, отдѣляя себя отъ толпы для того, чтобы ему удивлялись, становится, напротивъ, предметомъ колкихъ насмѣшекъ и наблюденій коварныхъ. Прибавимъ: самолюбіе автора гораздо замѣннѣе и смѣшнѣе самолюбія предстстниковъ, остряковъ и ямъ подобныхъ, тонкаго, искуснаго и болѣе скрытнаго. Они всегда въ свѣтѣ, слѣдовательно, и самыя страпности ихъ менѣе разительны; ихъ суетная гордость прикрыта маскою простоты; они только изрѣдка себѣ измѣняютъ. Напротивъ, писатель, будучи всема часто одинъ, и слѣдственно сохранивъ болѣе собственнаго въ своемъ характерѣ и обращеніи, отличнѣе отъ другихъ и въ смѣшномъ, и въ странномъ. Свѣтскій человѣкъ, научившись замѣчать, но многократному замѣчанію за другими, смѣшную сторону собственнаго своего самолюбія, умѣетъ ее и украшать цвѣтами пріятнаго—писатель въ этомъ случаѣ простодушнѣе; будучи невнимателенъ къ другимъ и слѣн къ самому себѣ, онъ не старается и не умѣетъ скрывать самолюбія своего, слѣдственно обнаруживаетъ его во всей его страпности.

Третья причина случайная: ограниченность состоянія. Она можетъ мѣшать писателю наравнѣ съ другими пользоваться

выгодами и удовлетворяют требованіямъ свѣтской жизни. Лишенный способвъ играть одинакую роль съ людьми, одареннымъ избыткомъ, и будучи не въ состояніи доставлять имъ тѣ удовольствія, которыя самъ отъ нихъ получаетъ, писатель—которому вмѣстѣ съ дарованіемъ досталась въ удѣлъ и бѣдность—принужденъ являться въ общество изрѣдка, и то не иначе, какъ зритель, не имѣющій никакой тѣсной связи съ дѣйствующими на сценѣ его лицами. Сія необходимость блгъ простымъ зрителемъ пренабобуеъ ему пріобрѣсть искусство обхожденія, познакомиться съ приличіями, узнать все нужные обряды свѣтской жизни. Онъ не имѣетъ ничего общаго съ людьми, составляющими большой свѣтъ, отчужденъ отъ нихъ своимъ состояніемъ, своими обстоятельствомъ, для нихъ неизвѣстными; являясь на глаза ихъ рѣдко, онъ всегда кажется имъ новымъ лицомъ, слѣдовательно всегда обращаетъ на себя ихъ вниманіе, но вниманіе, производимое не достоинствами личными, а только новостью предмета, простое, можетъ быть, оскорбительное любопытство. Чувствуя свое одиночество и свое неравенство въ способахъ наслаждаться свѣтскою жизнью даже съ такими людьми, которые во всемъ другомъ его выше, но поддержаны въ свѣтѣ или богатствомъ, или знатнымъ родомъ, чувствуя свое невѣжество въ наукѣ жить, извѣстной всегда тому, кто имѣетъ и можетъ только имѣть сношеніе съ большимъ свѣтомъ, онъ дѣлается робокъ, недвѣрчивъ къ самому себѣ, слѣдовательно, и мелковокъ, и страненъ; непріятность играемой въ обществѣ роли пригубляетъ его часть отъ часу болѣе къ уединенію, часть отъ часу болѣе отчуждаетъ отъ свѣта; и слѣдовательно дѣлаетъ его часть отъ часу неспособнѣе имѣть въ немъ какой нибудь успѣхъ.

Но писатель, который отъ ограниченности своего состоянія не имѣетъ способвъ наслаждаться пріятностями большаго свѣта, ужели долженъ почитать потерю свою весьма важною? Нѣтъ, конечно.

Свѣтская жизнь имѣетъ много привлекательнаго, но только для тѣхъ, которымъ даны средства пользоваться всеми ея преимуществами безъ исключенія. Человѣкъ, желающій, несмотря на препятствія, бѣдностію ему положенныя, оспаривать у снхъ счастливицевъ удовольствія, на которыя, такъ сказать, сама фортуна дала имъ полное право, получить въ награду одно оскорбительное чувство собственнаго безсилія. Писатель съ дарованіемъ петипнымъ щедро вознагражденъ природою за все обиды пристрастной фортуны. Имѣя въ виду одни благородныя занятія мыслителяго, богатаго чувствомъ и любовію ко всему прекрасному человека, онъ будетъ въ тишинѣ души довольствоваться скромнымъ своимъ удѣломъ, своею дѣятельностію въ маломъ кругѣ; онъ будетъ довольствоваться распространіемъ своего ума и ограниченіемъ своего сердца. Утрату разнообразія въ удовольствіяхъ замѣнитъ онъ продолжительностію ихъ и полнотою. Для него человѣческое общество раздѣлено будетъ на два круга: одинъ обнинрный, въ который онъ входитъ изрѣдка съ твердою рѣшимостію, быть просто зрителемъ спокойнымъ, холоднымъ, безъ всякихъ честолюбивыхъ требованій и надеждъ, безъ всякаго соперничества съ людьми, желающими въ немъ торжествовать, равнодушный къ собственнымъ своимъ неусѣхамъ, желающій единственно пріобрѣтенія нѣкоторыхъ новыхъ понятій, нѣкоторой образованности, необходимой его таланту; онъ будетъ не замѣченъ, это вѣрно; зато не будетъ и страшенъ: ибо въ свѣтѣ находитъ странными одни успѣха самолюбивыхъ, бесполезно желающихъ отличить себя предъ другими какимъ нибудь превосходствомъ; тихая скромность будетъ его украшеніемъ. Вся дѣятельность его въ семь кругѣ ограничится единственно тѣмъ влияніемъ, которое онъ можетъ имѣть на него посредствомъ своего таланта. Другой кругъ—тѣсный, съ тоть, въ которомъ онъ счастливъ, любимъ и любитъ, гдѣ онъ имѣетъ успѣхъ безъ всякаго успія, не

прибывая къ утопченному и коварному искусству; тамъ его уединеніе, гдѣ онъ наслаждается жизнью, въ трудѣ безмятежномъ и полезномъ, гдѣ онъ бесѣдуетъ съ самимъ собою, гдѣ онъ высокими чувствами и мыслями совершенствуетъ душу свою, гдѣ онъ вѣбруетъ бумагѣ еокровище собственныхъ мыслей и чувствъ для пользы современниковъ, быть можетъ, и для пользы потомковъ; тамъ его друзья, соединенные съ нимъ одинакою дѣятельностію, сходствомъ жребія, склонностей, дарованій; ихъ строгая разборчивость его образуетъ, ихъ благодѣтельное соревнованіе животворитъ въ немъ творческій элементъ, въ ихъ некрепней похвалѣ его воздаяніе и слава; тамъ, наконецъ, его семейство. Для писателя, болѣе нежелая для кого нибудь, необходимы семейственные связи; привязанный къ одному мѣсту своими уираженіями, онъ долженъ около себя находить тѣ удовольствія, которыя природа сдѣлала необходимыми для души человѣческой; въ уединенномъ жилищѣ евоемъ, послѣ продолжительнаго умственного труда, онъ долженъ слышать трогательный голосъ своихъ любезныхъ; онъ долженъ въ кругу ихъ отдыхать, въ кругу ихъ находить новыя силы для новой работы; не имѣя вдали ничего достойнаго пеканія, онъ долженъ вблизи, около себя соединить все драгоценнѣйшее для его сердца; вселенная, со всеми ея радостями, должна быть заключена въ той мирной обители, гдѣ онъ мыслить и гдѣ онъ любить.

ТРИ ПОЯСА.

[РУССКАЯ СКАЗКА].

Въ царствованіе великаго князя Владимира, неподалеку отъ Кіева, на берегу быстрого Дибира, въ уединенной хижинѣ жили три молодыхъ дѣвушки, сиротки, очень дружныя между собою; одна называлась Пересвѣтою, другая Мирославою, а третья Людмилою. Пересвѣта и Мирослава были прекрасны, какъ майской день; съѣди называли ихъ альми розами, отъ

чего онѣ сдѣлались нѣсколько самолюбивы. Людмила была не красавица, никто ея не хвалилъ, и подруги ея, которыхъ она любила всемъ сердцемъ, твердили ей каждый божій день: Людмила, бѣдпая Людмила, ты никогда не выйдешь замужъ. Кто тебя полюбитъ; ты не красавица и не богата. Добрая Людмила вѣрила имъ въ простотѣ сердца; и не печалплась. «Онѣ говорятъ правду; я никогда не выйду замужъ. Что жъ пужды? Я буду любить Пересвѣту и Мирославу болѣе всего на свѣтѣ, буду ими любима; какого счастья желать мнѣ болѣе?» Такъ думала простосердечная Людмила, и чистая душа ея была спокойна. Ей минуло нятнадцать лѣтъ, но еще никакое смутное желаніе не волновало певниаго ея сердца: любить своихъ подругъ, ходить за цвѣтами, расцѣвлять пѣсни, какъ пѣвчаная малиновка — таковы были все удовольствія доброй Людмилы.

Въ одинъ день все три подруги гуляли по берегу ручья, освѣннаго соснами и березами. Пересвѣта и Мирослава рвали цвѣты для украшенія головы своей, и Людмила также рвала ихъ — для Пересвѣты и Мирославы: она воображала, что ей неприлично думать объ украшеніи. Вдругъ видятъ онѣ на берегу ручья старушку, которая спала глубокимъ сномъ; солнечные лучи падали прямо на ея голову, сѣду и почти лишнюю волось. Пересвѣта и Мирослава заемились. — Сестрица, сказала одна, какова покажется тебѣ эта красавица? — Лучше тебя, Мирослава! — И тебя, Пересвѣга! — Шафранъ едва ли превзойдетъ желтиною эту прекрасную щеки, покрытыя пріятными морщинами. — А этотъ носъ, Пересвѣта, не правда ли, что онъ очень скромно пригнулся къ подбородку? — Скажи правду, и подбородокъ отвѣчаетъ своею фигурою красному носу. — Они еролись, сестрица... Въ продолженіе разговора и та и другая безпрестанно смѣялись. — Ахъ, сестрицы, сказала тихая Людмила: вамъ непристало смѣяться надъ этою старушкою. Что она вамъ сдѣлала? Она стара:

ея ли это вина? И вы состарѣетесь въ свою очередь: для чего же смѣяться надъ тѣмъ недостаткомъ, который непременно будете имѣть сами. Смѣяться надъ старыми значить прежде времени смѣяться надъ собою. Будьте разсудительны, скажу лучше, будьте жалосливы. Посмотрите, какъ солнце налитъ голову этой бѣдной женщины. Наломаемъ березовыхъ вѣтокъ, сидимъ вокругъ нея маленькой палашъ, чтобъ сонъ ея могъ быть и сладокъ и безопасенъ. Проснувшись, она благословить насъ, будетъ за насъ молиться; а Небо всегда исполняетъ молитвы стариковъ и нищихъ, такъ говорила мнѣ покойная матушка. — Пересвѣта и Мирослава почувствовали вину свою; онѣ наломали вмѣстѣ съ Людмилою березовыхъ вѣтокъ, сидели палашъ и прикрыли имъ голову спящей. Она скоро проснулась, увидѣла надъ собою тѣнь, удивилась, начала осматриваться — передъ нею стояли Пересвѣта, Мирослава и Людмила. «Благодарю васъ, милыя незнакомки, сказала она: приближьтесь, хочу оставить вамъ памятникъ моей благодарности. Вотъ три пояса: каждая изъ васъ можетъ выбрать для себя тотъ, который покажется ей лучше и болѣе къ лицу». Старушка кладетъ на траву три пояса: два изъ нихъ были чрезвычайно богаты, изъ крупнаго жемчуга и алмазовъ; третій былъ простой, необыкновенной бѣлизны лентой, украшенная фиалками. Пересвѣта и Мирослава бросились на жемчугъ и алмазы; Людмила достала бѣлая лента. — Благодарю тебя, сказала она старушкѣ: этотъ простой уборъ жабъ приличнѣе. Пересвѣта и Мирослава прекрасны лицомъ: имъ должно имѣть и одежду прекрасную; а для меня довольно простой и самой скромной. — «Ты говоришь правду, мой другъ, сказала старушка Людмилѣ, падывая на нее поясъ; никогда, ни за какія сокровища въ свѣтъ не снимай съ себя этой ленты; не вѣрь людямъ, которые будутъ говорить, что онѣ тебѣ не къ лицу; остерегайся обольщенія гордости: потерявъ этотъ поясъ, ты потеряешь и счастье, съ нимъ

неразлучное». — Людмила поцѣловала старушку и дала ей слово не отдавать никому подарка. Старушка исчезла. Пересвѣта и Мирослава не могли вслушаться въ ея слова; онѣ съ восхищеніемъ разсматривали свои жемчуги и алмазы, и едва успѣли сказать, что онѣ очень ей благодарны.

Пересвѣта и Мирослава взяли за руки и побѣжали въ свою хижищу. Людмила, замѣтивъ, что онѣ имѣли между собою тайну, пла за ними издала. «Не правда ли — сказала накопецъ Мирослава, оборотись къ Людмилѣ — что эта смѣшная старушка сдѣлала тебѣ чрезвычайной богатой подарокъ?» — Не богатый, но очень для меня пріятный; я не люблю пышности. — «Но для чего бы ей не сравнять тебя съ намъ?» — Я объ этомъ не подумала. То, что мнѣ даютъ, пріятнѣе для меня того, въ чемъ мнѣ отказываютъ. — «Посмотрите на мои алмазы блистаютъ». — Посмотрите на мою ленту, какъ она бѣла! — «И тебѣ не завидно?» — Можно ли завидовать тѣмъ, которыхъ любишь? Я довольна, если вы счастливы. — «Ты добрая дѣвушка, Людмила. Останься дома, а мы пойдемъ въ Кіевъ покупать новыя платья: наши слишкомъ бѣдны для такихъ поясовъ, которые украшены алмазами и жемчужгомъ. За одну жемчужнику можемъ купить десять паръ самого богатаго платья». — Пересвѣта и Мирослава пошли въ Кіевъ; Людмила осталась дома поливать цвѣты и кормить своихъ птичекъ.

Ввечеру Мирослава и Пересвѣта возвратились въ хижищу съ великимъ запасомъ богатыхъ ubоровъ. «Важная новость, сестрица — сказала Пересвѣта Людмилѣ: молодой князь Святославъ, Владиміровъ сынъ, прекрасный, какъ весенній день, и храбрый, какъ богатырь Добрыня, хочеть выбирать себѣ невесту. Множество красавицъ, боярскихъ дочерей и даже простыхъ поселянокъ, собираются въ Кіевъ изъ дальнихъ русскихъ городовъ, пѣз деревень и хижинъ. Кто жъ запретить и намъ искать руки прекраснаго князя Святослава? Богъ дасть намъ кра-

соту, а добрая старушка наградила насъ богатствомъ. Мирослава и я хотимъ переселиться въ Кіевъ: каждая изъ насъ, благодаря своему драгоценному полю, можетъ съ честью и отличіемъ показаться въ люди. Мы рѣшились, и завтра отправляемся въ Кіевъ. И ты, добродушная Людмила, можешь за нами поспѣдовать; ты будешь смотрѣть за нашими домою, а наконецъ увидишь и церемонію выбора, которая должна быть чрезвычайно великолѣпна». — Охотно исполнило ваше желаніе, сестрицы, отвѣчала съ веселою улыбкою Людмила; буду служить вамъ отъ всего сердца: ваше удовольствіе составляетъ мое счастье. Старайтесь плѣнить прекраснаго князя, а я буду молить Бога, чтобы Онъ склонилъ къ вамъ его сердце.

Что сказано, то и сдѣлано. Подруги на другой день, рано поутру, отправились въ Кіевъ. Мирослава и Пересвѣта объявили себя дочерьми богатыхъ новгородскихъ посадниковъ. Одинъ изъ бояръ Владиміровыхъ записалъ имена ихъ въ число желающихъ представить себя на выборъ князю Святославу. Людмила не показалась никому; она молилась Богу о счастьи своихъ подругъ, шила имъ платья, низала для нихъ ожерелья, выкладывала золотымъ галуномъ и алмазами ихъ сарафаны; забывая самую себя, она жила для однихъ милыхъ подругъ своихъ.

Наконецъ наступилъ торжественный день выбора. Вечеру дворецъ великаго князя Владиміра освѣтился тысячами свѣтильниковъ; палата, назначенная для торжества, обита была малиновымъ бархатомъ; скамейки, на которыхъ надежало сидѣть красавицамъ, иногороднымъ и кіевкпмъ, были покрыты шелковыми коврами съ золотою бахромою; а для великаго князя Владиміра и князя Святослава приготовили возвышенное мѣсто, на которомъ стояли два кресла изъ слоновой кости съ золотою насѣчкою. На улицѣ, ведущей къ княжескому двору, тѣнилось множество народа, и горѣли огни разноцвѣтные. Наконецъ зазвучали

бубны—представлялось зрѣлище восхитительное: сто красавицъ цвѣтущихъ, какъ весеннія розы, идутъ попарно, среди восхищенной толпы кіевлянъ, ко дворцу великаго князя; каждая изъ нихъ имѣетъ при себѣ прислужницу: Людмила сопутствуетъ Пересвѣтѣ и Мирославѣ. Людмила одѣта была въ бѣлое платье, и описана своими покоемъ; русые волосы ея, заплетенные косою, были перевиты простою лентою. Она приблизилась съ сильнымъ трепетомъ сердца къ палатѣ князя Владиміра, съѣла дозати своихъ подругъ и съ тайнымъ, робкимъ предчувствіемъ смотрѣла на дверь, въ которую должны были войти великій князь Владиміръ и сынъ его Святославъ прекраснѣй. Долго царствовала глубокая тишина въ княжеской палатѣ. Вдругъ заиграла военная музыка; двери растворились съ шумомъ; входятъ попарно бояре и богатыри, одни въ богатыхъ парчевыхъ платьяхъ, другіе въ великолѣпныхъ военныхъ доспѣхахъ, въ золотыхъ кольчугахъ, въ блестящихъ шлемахъ, освѣщенныхъ бѣлыми перьями. Они раздѣляются и становятся по обѣимъ сторонамъ княжескаго трона. Утихаетъ бранная музыка; играютъ нѣжныя флейты; всѣ глаза обращены на отверстыя двери—вдругъ является князь Владиміръ въ богатомъ княжескомъ уборѣ; онъ ведетъ за руку молодаго Святослава, одѣтаго просто, съ открытою головою, съ разбросанными по плечамъ свѣтлорусыми кудрями, прелестнаго, цвѣтущаго молодостию: на щеккахъ его игралъ румянецъ, свѣжій, какъ весенняя роза; въ глазахъ большихъ, черныхъ и освѣщенныхъ густыми рѣсницами, сіяло нѣжное пламя; станъ его былъ гибокъ и строгъ, походка величественна, всѣ движенія приятны. Ахъ, Людмила, бѣдная Людмила, что сдѣлалось съ твоимъ сердцемъ при первомъ взглядѣ на прекраснаго юношу? Для чего я не красавица, для чего я не богата? подумала она, вздохнула, опустила глаза на грудь свою, которая волновалась сильнѣе прежняго; но скоро опять, противъ воли, устремила ихъ на прелестнаго

князя, который стоялъ одинъ, посреди обширной палаты, прекрасный какъ ангелъ въ видѣ человѣка... Но что же она почувствовала?. Вся душа ея пришла въ волненіе... глаза ея встрѣтились съ глазами прекраснаго Святослава. О Небо, онъ подходитъ къ ней... Мпрослава и Пересвѣта вѣтають, думая, что выборъ долженъ-пасть на одну изъ нихъ... Святославъ подаетъ руку Людмилѣ. «Вотъ она, говоритъ онъ, вотъ та, которая представлялась душѣ моей и наяву и въ мечтахъ сновидѣній. Ей отдаю и руку и сердце.» Людмила едва не лишилась памяти; она не вѣрила своимъ ушамъ, трепетала, блѣднѣла, краснѣла... Святославъ подводитъ нареченную свою невѣсту къ великому князю Владиміру, потомъ сажаетъ ее подлѣ его на кресло изъ слоновой кости съ золотомъ насѣкою. Въ палатѣ послышался ропотъ. «Какой выборъ!» шептали оскорбленныя красавицы, смотря на скромную Людмилу, одѣтую просто и совсѣмъ немущую красоты блестящей. Пересвѣта и Мпрослава были виѣ себя отъ досады и зависти. — Кто бы это подумалъ, говорили онѣ одна другой: намъ предочестъ Людмилу; какое ослѣпленіе! — Мужчины также смотрѣли на Людмилу, но чувства ихъ были другаго рода. — Какъ она прелестна! восклицали и старики и молодые: какая привлекательная скромность, какой невпный взглядъ, какая пѣжная, мплая душа изображается на лицѣ ея, пріятномъ, какъ душистая маткина-душка! Людмила сама не понимала того пѣжнаго чувства, которымъ наполнено было ея сердце; она не смѣла взглянуть на прекраснаго князя Святослава, и еще болѣе украшала себя милымъ своимъ смятеніемъ. Святославъ пожималъ ея руку и ободрялъ ее пламеннымъ своимъ взглядомъ.

Но великій князь Владиміръ началъ говорить, и все утихло. — Сыиъ мой, еказалъ онъ прекрасному Святославу: твой выборъ пріятенъ моему родительскому сердцу; но красота не одио достоинство

супруги; хочу, чтобы она соединена была съ качествами и дарованіями болѣе надежными. Избранная тобою невѣста превосходитъ всѣхъ другихъ прелестями лица: посмотримъ, сравниются ли онѣ съ нею дарованіями и умомъ. — Людмила поблѣднѣла, услышавъ слова великаго князя Владиміра. «Ахъ! воскликнула она — я ничему не училась! Это минутное торжество послужитъ только къ тому, чтобы доказать всему свѣту мое невѣжество. Отпусти меня, великій князь Владиміръ; я пришла сюда не для того, чтобы осоривать у другихъ, болѣе достойныхъ, то счастье, для котораго я и рождена судьбою; я пришла насладиться счастьемъ мплыхъ подругъ моихъ. Отпусти меня; мой жребій скрыватьея въ бѣдной хижинѣ, ходить за цвѣтами, довольствоваться уѣломъ низкими, и никогда не мечтать о пышномъ троѣ.» Князь Владиміръ посмотрѣлъ съ улыбною благоволенія на скромную Людмилу и приказалъ ей остаться на своемъ мѣстѣ. Приносятъ стройныя гусели. Всѣ красавицы, каждая въ свою очередь, пѣли пѣсни въ похвалу храбрыхъ витязей, или въ похвалу пѣжной любви; каждая изображала то чувство, которое влекло ея душу къ прекрасному князю Святославу. Пришла очередь Людмилы: она блѣднѣетъ, трепещетъ; вдругъ кто-то, невидимый, шепчетъ ей на ухо: Людмила, ободрись; хранительные взоры мои пады тобою. Спой ту пѣню, которую научила тебя твоя мать; ты еще не знаешь, какими дарованіями наградила тебя природа. Людмила узнаетъ голосъ благодѣтельной волшебницы — той старушки, которая подарила ей поесь. Она идетъ къ гуслямъ, садится — о чудо! пальцы ея съ легкостью вѣтерка летаютъ по струнамъ; голосъ ея имѣетъ чистоту и звонкость соловьиного: онъ льется въ душу, онъ возбуждаетъ въ ней сладкое восхищеніе, погружаетъ ее въ задумчивость, производитъ въ ней томную мечтательность. Людмила поетъ ту пѣню, которую пѣжная мать пѣвала, качая ее въ колыбели:

Роза, весенній цвѣтъ,
Скройся подъ тѣнь
Рощи развѣсистой,
Бойся лучей
Солнца палящаго,
Нѣжный цвѣтокъ!
Такъ мотылекъ златой
Розѣ шепталъ.

Розѣ повятечь боль
Скромный цвѣтъ;
Роза пливается
Блескомъ однимъ!
«Солнце блестяще
Любить меня;
Мнѣ ли, красавицъ,
Тѣни искалъ?»

Гордость безумная!
Бѣдный цвѣтокъ!
Солнце разсыпало
Гибельный лучъ:
Роза поникнула
Пышной главой,
Листья поблкнули,
Запахъ исчезъ.

Дѣвица красная,
Нѣжный цвѣтокъ
Розы падешия
Помни примѣръ.
Маткиной-дуинкою
Скромно цвѣти,
Съ мирной невпичностью,
Цвѣтомъ души.

Данный судьбиною
Скромный удѣлъ,
Дѣвица красная,
Счастье твое!
Въ рошѣ скрываяся,
Явный ручей,
Бури не вѣдал,
Мирно журчитъ!

Людмила замолчала; но голосъ ея отдавался еще въ сердцахъ слушателей. Молодой князь, въ неописанномъ восхищеніи, прижимаетъ ее къ сердцу: «цвѣтъ, ты не можешь быть смертная; ты ангелъ, слетѣвшій съ неба для того, чтобы сдѣлать счастливымъ Святослава!» — «Ахъ, я бѣдная Людмила; сама не постигаю того, что дѣлается со мною; какое-нибудь очарованіе ослѣпило ваши взоры. Вы думаете, что я красавица; это обманъ, я никогда не была прекрасною. Святославъ, ты хочешь возвести меня на тронъ;

но я рождена поселянкою, рождена для бѣдной и неизвѣстной хижинны.»

Опять заиграла музыка и началась пляска. Соперницы Людмилы очаровали зрителей своими пріятными движеніями, своею легкостію, своею быстротою; но Людмила, снова ободренная голосомъ волшебницы, затмила искусство прелестію простоты: во всѣхъ ея движеніяхъ было что-то очаровательное — скромность, соединенная съ милою веселостію. Она являла глазамъ невпичность, играющую съ удовольствіемъ; зрители не могли довольно на нее насмотрѣться; сердца лѣзли за нею вездѣ... Но музыка замолчала. Людмила, съ потупленными глазами, съ разгорѣвшимся румянцемъ на щекахъ, сѣла на свое мѣсто, не смѣла радоваться, не смѣла взглянуть на Святослава прекраснаго.

Давно уже прошла половина ночи. Великій князь беретъ Святослава за руку, и они выходятъ изъ палаты съ боярами и богатырями; красавицы удалились — но еще испытаніе не окончилось: оно должно было продолжаться три дни сряду. Людмилу отвели въ дворцовый теремъ, убранный великолѣпно; приставили къ ней множество прислужницъ. Она осталась одна, погруженная въ задумчивость, съ новыми, доселѣ незнакомыми ей чувствами, и съ милымъ образомъ прелестнаго Святослава въ душѣ своей.

И мы, оставя на время Людмилу, вспомнимъ о двухъ подругахъ ея, Перевѣтѣ и Мирославѣ. «Могли ли мы это вообразить! — сказала Мирослава Перевѣтѣ, возвратившись съ нею домой: Намъ предпочесть Людмилу! Конечно, они сдѣлы. Нельзя, чтобы это было естественно! Какъ ты думаешь, Перевѣтъ? Не скрывается ли какой-нибудь талисманъ въ томъ пояскѣ, который подарила ей старая волшебница? Будучи къ намъ столь щедрою, могла ли она позабыть Людмилу? Конечно, простой ея поясъ драгоцѣннѣе нашихъ, осыпанныхъ жемчугомъ и алмазами. Замѣтила ли ты, какъ

онъ блистать на ней вчера ввечеру?» — Такъ, Мирослава, ты говоришь правду: Людмила имѣть талисманъ, которому сама не знаетъ цѣны—должно его похитить. Тогда увидимъ, помрачить ли она и тебя и меня своимъ дарованіями, своею красотою.

На другой день, рано поутру, Пересвѣта и Мирослава идутъ въ теремъ Людмилы: она бросается къ нимъ въ объятія, цѣлуетъ ихъ съ восторгомъ и краснѣетъ, внимая искреннимъ ихъ поздравленіямъ. «Милыя подруги—говорить имъ скромная Людмила: сама стыжусь тѣхъ почестей, которыми вчера была я осыпана; сама не понимаю, какъ могли предпочесть меня, бѣдную некрасивую Людмилу, вамъ, прекраснымъ, богатымъ, достойнымъ всякаго предпочтенія». — Добрая Людмила, отвѣчала Мирослава: странное для тебя, кажется для насъ весьма естественнымъ; мы не завидуемъ, но искренно радуемся твоему счастью. Время открыть тебѣ глаза: перестань почитать себя не красавицею. Богъ наградилъ тебя лицомъ прелестнымъ; изъ любви къ тебѣ, называли мы тебя дурною — похвалы могли бы испортить твое невинное сердце. Теперь притворство бесполезно, и тебѣ наконецъ должно узнать, милая Людмила, что ты превосходнишь всѣхъ другихъ женщинъ красотою, любезностію, дарованіями. — «Сестрицы, не смѣетесь ли вы надомной?» — Ахъ, мой другъ, какъ можешь это о насъ подумать? Мы говоримъ истинную правду. Но позволь намъ сдѣлать тебѣ одно дружеское замѣчаніе: ты имѣешь два недостатка, весьма важныхъ и препятствующихъ тебѣ воспользоваться дарами природы: ты слишкомъ застѣнчива и слишкомъ небрежна въ своей одеждѣ. Нынче ввечеру опять будемъ представлены великому князю Владиміру и сыну его, Святославу прекрасному; говорить, что въ Кіевъ пріѣхала какая-то нековитица, ангелъ красотою и чрезвычайно некусная въ одеждѣ: боясь, чтобы она не похитила у тебя любви прекрас-

наго Святослава; парадись какъ можно лучше. Красотѣ твоей прилична и одежда пышная; мы принесли тебѣ на выборъ нѣсколько платьевъ. Надѣнь то, которое покажется тебѣ къ лицу, а мы будемъ радоваться твоей побѣдѣ».

Мирослава и Пересвѣта разсталаютъ передъ глазами Людмилы нѣсколько великолѣпныхъ уборовъ. Новое чувство родилось въ душѣ невинной дѣвушки: она вообразила себя первою красавицею во всей русской землѣ, и покраснѣла, взглянувши на простой и бѣдной уборъ свой. Она примѣрjala принесенныя платья одно за другимъ; выбрала самое великолѣпное; хотѣла надѣть богатый поясъ сверхъ бѣлой ленты, которую получила въ подарокъ отъ старушки, но не счастію поясъ былъ слишкомъ малъ—Пересвѣта и Мирослава уговариваютъ ее пожертвовать бѣдною лентою пышному жемчужному поясу. Людмила колеблется. Наконецъ уступаетъ ихъ требованіямъ—отдаетъ Пересвѣтѣ бѣлую ленту и надѣваетъ жемчужный поясъ.—Какой стройный, прелестный станъ! воссияютъ объ подруги. Эта нековитица явилась въ Кіевъ только для того, чтобъ сдѣлать еще славнѣе торжество нашей Людмилы. Прости, милая подруга; ввечеру увидимся во дворцѣ князя Владиміра.—Онъ разлучился. Людмила, въ восхищеніи отъ новаго богатаго убора, любитъ на самую себя въ зеркало, примѣриваетъ жемчужный поясъ, и бѣлая лента совсѣмъ забыта. Ахъ, Людмила! и ты занимаешься красотою своею, какъ суетная, надменная прелестница, и ты смотришься въ зеркало—а прежде и въ свѣтлый ручей смотрѣла ты только для того, чтобы любоваться его чистотою, легкими струйками и блестящими камушками, на днѣ его разсыпанными.

Наконецъ наступила желанная минута. Красавицы, бояре и богатыри стекаются въ палату великаго князя Владиміра. Святославъ прекрасный съ волненіемъ сердца смотритъ на дверь, въ которую должна войти Людмила—раздается прият-

ные звуки флейты—входит Людмила, покрытая бѣлымъ покрываломъ и окруженная множествомъ прислужницъ, богато одѣтыхъ. Святославъ летитъ къ ней навстрѣчу, петербургскою рукою срываетъ съ головы ея бѣлый покровъ... Боже, какая перемена! Онъ не узнаетъ Людмилы. — Что вижу! восклицаетъ изумленный Святославъ. Кто ты, незнакомка, и гдѣ моя Людмила? — «Я Людмила; ужели ты не узналъ меня, Святославъ прекрасный?» — Ты Людмила? Не можетъ быть, это обманъ! — Ропотъ негодованія послышался въ княжеской палатѣ; никто не узнаетъ Людмилы. Святославъ удалился; онъ ищетъ смиренными взорами въ толпѣ красавицъ прекрасной дѣвицы, плѣвившей его душу, но князь Владиміръ подымаетъ руку, и все опять умолкло. — Ты называешь себя Людмилою, говорить онъ Людмилѣ, трепещущей и печальной: вѣрю твоимъ словамъ; вѣрю, что красота твоя могла измѣниться въ теченіе одного дня, но дарованія твои должны быть неизмѣнны. Подайте гусли; садись и спой намъ ту самую пѣсню, которую ты пѣла вчера. — Людмила, нѣсколько ободренная, подходитъ къ гусямъ—о чудо! пальцы ея неподвижны, голосъ дикъ и непріятенъ. Князь Владиміръ въ великомъ гнѣвѣ встаетъ съ престола, приказываетъ Людмилѣ удалиться—испытаніе отложено до слѣдующаго вечера.

Что сдѣлалось съ тобою, несчастная, добросердечная Людмила? Ты плачешь, ты мучишься отчаяніемъ, ты страдаешь безнадежною любовью! Гдѣ твое прежнее спокойствіе, гдѣ прежняя безпечность невинной души твоей? Сиротка, заливаясь слезами, оставляетъ Кіевъ и спѣшитъ укрыться въ бѣдную свою хижину, на берегъ свѣтлаго источника, подъ сѣнь развѣсистыхъ березъ, въ которыхъ провела она цвѣтущую свою молодость. «Зачѣмъ, зачѣмъ я оставляла тебя, спокойная моя хижина!» такъ думала бѣдная Людмила, идя черезъ росу, по знакомой, излучистой тропинкѣ. Приближается къ

хижинѣ и видитъ, что въ ней горитъ огонь—испугалась—не знаетъ, войти ли въ нее или пѣтъ. Наконецъ рѣшилась—отворить дверь: что же? Въ хижинѣ сидитъ старушка волшебница, ея знакомка. Людмила остолебѣла отъ удивленія, нѣсколько минутъ не говорила ни слова; наконецъ пришла въ себя и залилась горькими слезами. — «Ахъ! сказала она старушкѣ: ты одна причиною моего несчастія! Для чего погибельнымъ своимъ очарованіемъ возвела ты меня вчера на тронъ, котораго я не искала, о которомъ никогда не могла думать? и для чего теперь, когда плѣнительная надежда ослѣпила мою душу, когда любовь, произведенная тобою въ моемъ сердцѣ, сдѣлалась для меня драгоцѣннѣе и самыхъ почестей трона, я вдругъ лишена всего, покрыта стыдомъ—и отъ кого же? Отъ тебя, которой я не сдѣлала никакого зла, которой, напротивъ, хотѣла сдѣлать добро, не ожидая никакаго за то награды? Ахъ, для чего обольстила ты глаза прекраснаго Святослава? Для чего вложила мнѣ въ душу безнадежную любовь? Что ты будешь теперь, бѣдная Людмила, въ своей уединенной хижинѣ? Прекрасныя мѣста, въ которыхъ я родилась и провела мою молодость, теперь вы для меня темница! Душа моя въ стѣнахъ пыльнаго града Кіева. Никогда не забуду о томъ, чего я лишилась, чѣмъ обладала одну минуту. Какое земное счастье можетъ служить замѣною того милого взора, который устремилъ на меня Святославъ прекрасный, которымъ воспламенилось мое сердце, прежде спокойное, прежде веселое. Ахъ, душистые мои цвѣты, вы увянете—кто будетъ васъ поливать, кто будетъ за вами смотрѣть? Милыя, голосистыя птички, вы перестанете слетаться къ моей хижинѣ—кто будетъ приносить вамъ зерна и вторить вамъ своею веселою пѣсенкою? Буду сидѣть на большой дорогѣ, смотрѣть на отдаленный Кіевградъ и посылать въ него свою душу. Что сдѣлала я тебѣ, волшебница, чѣмъ навлекла на себя твое гоненіе!» — Выслу-

шай меня, добросердечная Людмила, отвѣчала волшебница: мнѣ легко передъ тобой оправдаться. Я полюбила тебя съ перваго взгляда и, въ знакъ благодарности, подарила тебѣ очарованный поясъ, который имѣеть силу украшать всякую женщину. Дѣвушка, обладающая имъ, торжествуетъ надъ всеми своими соперницами, имѣеть все пріятности, все дарованія; но безъ него и пріятности и дарованія сіи теряютъ всю свою силу: имъ удивляются, но перестаютъ ихъ любить. Для чего же, Людмила, не сберегла ты даннаго мною тебѣ сокровища? Для чего поясъ скромности промѣняла на поясъ суетности? Лишаешь талисмана, которому ты была обязана своимъ торжествомъ, ты потеряла и прелести, съ нимъ соединенныя; самые взоры твоего любовника не могли узнать тебя въ новомъ твоёмъ парядѣ. — «Ахъ! воскликнула Людмила: бѣдная, жалкая моя участь! я сама всему причиною, сама лишила себя своего счастья! Нѣтъ, уже никогда не видать мнѣ прежняго времени. Улетѣло веселіе души моея; умчалась вы, прежнія мои радости; никогда не переставать мнѣ обливаться слезами: другая овладѣеть теперь душою Святослава прекраснаго.» Людмила закрыла обѣими руками лицо свое и плакала горько. — Утѣшься, мой другъ, сказала волшебница, взявъ ее за руку съ иѣзкою улыбкою; тебя обманули твоя неопытность и хитрость завистливыхъ твоихъ подругъ, Мирославы и Пересвѣты; но ты певица въ сердцѣ. Возвращаю тебѣ потерянный поясъ. Я слѣдовала очевидно за Пересвѣтою и Мирославою, когда онѣ пошли отъ тебя со своею добычею. Между ними начался ужасный споръ: каждая хотѣла имѣть поясъ, но онъ не достался ни одной: я унесла его, и теперь возвращаю той, которая одна достойна обладать имъ по своему добросердечію и своей скромности. Людмила бросилась цѣловать руки благодѣтельной волшебницы, которая обтерла ей слезы, поцѣловала ее въ розовыя щеки и опоясала свою очарованною лентою.

Вдругъ, по слову волшебницы, кровля пизенькой хижинны разступилась; глазамъ изумленной Людмилы предстала великолѣпная колесница: въ которую запряжены были два оленя съ серебряною шерстію, съ золотыми рогами и крыльями. Намѣстѣ безобразной старушки явилась молодая женщина, восхитительной красоты, одѣтая въ очарованную одежду, изъ розовыхъ лучей сотканную, и опоясанная бѣлымъ поясомъ, на которомъ блистали золотые знаки зодіака. Добрада — такъ называлась волшебница — посадила Людмилу въ колесницу; златорогіе оленя распустили свои золотыя крылья, и мѣше, нежели въ мигъ, колесница очутилась передъ стѣнами великолѣпнаго града Кіева. Волшебница привела Людмилу въ удивительный теремъ, запретила ей выходить изъ него до наступленія вечера, благословила ее, и скрылась.

Наступилъ вечеръ. Людмила, одѣтая очень просто, опоясанная бѣлою лентою, вошла въ палату великаго князя Владиміра и сѣла на прежнее свое мѣсто, позади Пересвѣты и Мирославы. Онѣ ее не примѣтили; онѣ смѣялись между собою надъ глупою ея легковѣрностію, и говорили другъ другу о гордыхъ своихъ надеждахъ. Но Людмила не думала о нихъ; взоры ея видѣли одного Святослава. Онъ сидѣлъ подлѣ великаго князя Владиміра, на креслахъ изъ слоновой кости съ золотою насѣчкою, задумавшись, склонивши на руку свою голову, не удостоивая ни однимъ взглядомъ окружающихъ его красавицъ: душа его требовала одной Людмилы, одинъ очаровательный образъ Людмилы носился передъ нимъ, какъ милый, плѣнительный призракъ потеряннаго блаженства! Вдругъ — о радость! онъ видитъ ее на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ увидѣлъ въ первый разъ, въ той же простой одеждѣ; видитъ ее, съ сердечною, иѣзкою любовію устремившую на него свои взоры. О Людмила! восклицаетъ онъ и бросается передъ нею на колѣна. — Да здравствуетъ прелестная Людмила! воскликнули единогласно бояре,

богатыри и витязи. Святославъ, видѣвъ себя отъ восхищенія, прижимаетъ къ сердцу милую свою пѣвѣту, которая съ своимъ потушеннымъ взоромъ, съ пылающими щеками своими, казалась ангеломъ красоты и непорочности, подводитъ ее къ престолу великаго князя Владиміра и сажаетъ по правую руку его на кресло изъ слоновой кости съ золотою пашькою. Пересвѣта и Мирослава побѣдидѣли отъ зависти и досады. Заиграла музыка, и все опять должны были уступить Людмилѣ въ искусствѣ пляски и пѣнія. Опять затмила она своихъ соперницъ, которая все единодушно, выключая однихъ Пересвѣты и Мирославы, согласилась признать ее побѣдительницею, и даже радовались ея побѣдѣ: столь сильны очарованія скромной красоты, добродушія, непорочности. Вдругъ раздается въ палатѣ пронзительный вопль... Что такое? Страшныя змѣи, съ отверстою пастью, съ острыми жаломъ, съ горящими глазами обвивались вокругъ Пересвѣты и Мирославы—вмѣсто жемчужныхъ поясовъ... Людмила бросается къ нимъ на помощь, желаетъ спасти ихъ отъ угрызенія сихъ страшныхъ чудовищъ; ея усилія напрасны. Зрители цѣпещуть отъ ужаса. Вдругъ послышалось тихое пѣніе, соединенное съ звуками магическихъ струнъ; въ воздухѣ распространился пріятный запахъ розъ и полевыхъ фіалокъ — предстала волшебница Добрада, окруженная тихимъ розовымъ сіяніемъ. Людмила бросилась передъ нею на колѣна.—Спаси Пересвѣту и Мирославу! воскликнула она, простирая къ ней руки. «Добрая Людмила, отвѣчала волшебница: соглашаюсь простить имъ изъ любви къ тебѣ. Змѣи, которыми онѣ обвиты, суть ядовитыя змѣи самолюбія и зависти. Прикоснись къ нимъ своею бѣлою лентою, и онѣ исчезнутъ». Людмила исполнила приказаніе Добрады, и змѣи исчезли. Пересвѣта и Мирослава кинулись въ объятія своей добросердечной подруги; онѣ поклялись итти къ ней нескрѣпленную дружбу; онѣ полюбили ту, которую за минуту ненавидѣли, которую желали всергнуть въ погибель.

Великій князь Владиміръ благословилъ своего сына и Людмилу.—О Святославъ, сказала прелестная пѣвѣта прелестному жениху своему, показывая на волшебницу Добраду: вотъ моя благодѣтельница, вотъ та, которой обязана и твоимъ сердцемъ! Ахъ, за три дни передъ симъ была я не иное что, какъ бѣдная Людмила, простая поселеница; но теперь?.. Итъ, никогда не была бы я замѣчена взорами Святослава прекраснаго, когда бы могущество благодѣтельной Добрады не украсило меня тѣми пріятностями, тѣми дарованіями, въ которыхъ мнѣ отказала природа. Такъ, Святославъ, въ этомъ очарованномъ поясѣ заключены и красота моя и все мои таланты.

Скромное сіе призваніе украсило еще болѣе въ глазахъ Святослава его прелестную Людмилу.—Другъ мой, сказала Добрада, храни этотъ поясъ, драгоценный даръ моей дружбы: ничто не можетъ лучше его украсить женщины, гдѣ бы она ни была, въ бѣдной ли хижинѣ, въ чертогахъ ли княжескихъ; нося его, ты будешь обожаема своимъ супругомъ, своими друзьями и подданными, обожаема до послѣдней минуты.

Добрада исчезла. Нужно ли сказывать о томъ, что случилось послѣ? И можно ли вообразить, чтобы Святославъ не былъ счастливъ, обладая Людмилою?

1809.

МАРЪИНА РОЩА.

СТАРИННОЕ ПРЕДАНІЕ.

Тихій и прохладный вечеръ заступалъ уже мѣсто палящаго дня, когда Уладъ, молодой пѣвецъ, приблизился къ берегамъ Москвы-рѣчки, на которыхъ провелъ онъ дни своей цвѣтущей юности. Гладкая поверхность воды, тихо лобзаемая легкимъ вѣтеркомъ, покрыта была розовымъ сіяніемъ запада: въ зеркалѣ ихъ отражались съ одной стороны дремучій лѣсъ и теремъ грознаго Рогдая, окруженный высокимъ дубовымъ тыномъ—[онъ былъ

построенъ на крутой горѣ — тамъ, гдѣ нынѣ видимъ зубчатая стѣпы Кремля, великолѣпные чертоги древнихъ русскихъ царей, соборы съ золотыми главами и колокольню Ивандъ-Великій] — съ другой зеленое берега, покрытые кустарникомъ и обсыпанные низкими хижинами земледѣльцевъ. Повсюду царствовало спокойствіе; воздухъ былъ растворенъ благоуханіемъ цвѣтущей лины: иногда во глубинѣ лѣса раздавался голосъ соловья, или печальное пѣніе иволги; иногда непостоянный вѣтерокъ потрясалъ вершины деревьевъ; иногда робкій кроликъ, испуганный шорохомъ, бросаясь въ кустарникъ и шумѣлъ изсохшими вѣтками. Усады шелъ по тропинкѣ, извиравшейся между деревьями; душа его, наполненная воспоминаніями, погружена была въ задумчивость. Время прошедшее, время, въ которое находилъ онъ себя счастливымъ, представилось мыслямъ его со всемъ минувшимъ своимъ очарованіемъ. Гдѣ ты, моя радость? воскликнулъ печальный Усады; гдѣ ты, прежнее время? Прихожу на то же мѣсто, на которомъ пѣкогда называлъ я жизнь свою веселіемъ: тѣмъ же роща, свѣтлая рѣка, зеленые берега, вы не изменились; но, счастье мое, тебя ужъ нѣтъ. Но-прежнему благовонная лина разливать свой сладостный запахъ, по-прежнему звонкіи соловей или пустынная иволга поютъ во глубинѣ дремучаго лѣса; а тотъ, кто пѣкогда усаждался благовоніемъ цвѣтущей лины, или, задумавшись при гласѣ звонкаго соловья и стоишь пустынной иволги, живѣе мечталъ о своемъ счастьи, тотъ уже не похожъ на самого себя. Ахъ! не узнаете вы меня, мѣста прелестныя; очи мои потухли отъ скорби, ланиты мои поблѣднѣли, лицо мое помрачилось уныніемъ... Усады приближается къ берегамъ свѣтлаго ручья *), который, журча и сверкая, бѣжалъ по золотому песку въ зеленомъ кустарникѣ и сливался съ Москвою; онъ увидѣлъ на крутизнѣ горы уединенный теремъ гроз-

наго Рогдая. Последнее блещаніе вѣчера играло еще на тесовой кровлѣ верхней свѣтлицы и на острыхъ концахъ высокаго тына; вершины древнихъ дубовъ, березъ и липъ, которыми покрыта была вся гора, восходящая одиѣ надъ другими, мало по малу омрачались, наконецъ потемнѣли совѣсть; на одномъ только теремѣ, который, подобно великану, возвышался надъ лѣсомъ, оставалось умирающее мерцаніе; наконецъ и оно померкло, повсюду распространился сумракъ. Усады, увидя Рогдасѣ теремъ, затрепеталъ, остановился, долго смотрѣлъ на него въ молчаніи, неподвижный, мрачный, сложивъ крестообразно руки; наконецъ слезы покатались ручьями изъ глазъ его... Ахъ, Марія! воскликнулъ онъ; вдохнулъ изъ глубины сердца, и голова его склонилась ко груди.

Молодой Усады родился на берегу Москвы-рѣки въ бѣдной хижинѣ, отъ честныхъ родителей. Природа наградила его прекрасною душою, прекраснымъ лицомъ и дарованіемъ слагать прекрасныя пѣсни. Часто, простертый на берегу свѣтлой Москвы и смотря на ея серебряныя волны, провожалъ онъ вечернюю зарю звонкимъ своимъ рожкомъ. Приятные звуки раздавались по берегамъ и повторяемы были отголосками свѣтлой рощи. Молодые сельскія дѣвушки любили слушать Усады, когда онъ простыми стихами прославлялъ весну, спокойствіе земледѣльческихъ хижинъ, свободу поднебесныхъ ласточекъ, пѣвность дубравныхъ горлицъ, или изображалъ пріятность маткиной души, которой запахъ сравнивалъ онъ съ милою душою чадлоубиввой матери. Усады былъ вѣсьхъ пріятнѣе на посидѣлкахъ; никто не умѣлъ такъ хорошо разсказывать странныхъ сказокъ, отъ которыхъ робкія дѣвушки трепетали и прижимались къ своимъ матерямъ, а на головѣ молодыхъ мужчинъ становились волосы дыбомъ; ни съ кѣмъ такъ не любили играть въ хороводы и въ разныя игры, какъ съ милымъ, веселымъ, добросердечнымъ Усады. Въ селѣ называли его соловьемъ. Старушки переставали хму-

*) «Нынѣ мутная Пеглинная». *Примѣч. въ текстѣ.*

рится и бранить своихъ дочерей, когда приходилъ къ нимъ Усада; а старики въ его присутствіи оживлялись и чувствовали себя молодыми. Сельскія дѣвушки заемотривались на Усада, который имѣлъ лицо прелестное, черные глаза, омраченные длинными рѣсницами, пѣжные сіяющіе подъ черными густыми бровями; свѣтлорусые волосы, которые легкими кудрями рассыпались по прекрасному лбу, висѣли вокругъ открытой шеи, бѣлой какъ снѣгъ, и отбѣляли свѣжія, румяныя, какъ молодая роза, щеки. Но чаще другіхъ и съ чувствомъ болѣе пѣжнымъ смотрѣла на него прекрасная Марія. Хижина ея построена была на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ быстрый ручей сливался съ прозрачною Москвою. Маріи минуло пятнадцать лѣтъ; она имѣла доброе сердце, но была совершенный младенецъ: все ее веселило, все трогало и увлекало.—Она любила свою старую мать болѣе самой себя; часто смотрѣла ей въ глаза и говорила со слезами: матушка, другъ мой: я готова отдать тебѣ свою душу. Она плакала, когда старушка была или больна, или печальна; но въ то же самое время бездѣлица могла овладѣть ея вниманіемъ, она бросалась за нестрымъ мотылькомъ, или смѣялась отъ добраго сердца, когда слышала забавное слово, замѣчала уродливое лицо. Марія была чувствительна: никакое пѣжное чувство не могло изгладиться въ сердцѣ ея, но оно могло быть забыто [правда на короткое время] для великаго новаго, даже слабѣйшаго впечатлѣнія.

Добрая Марія цвѣла, какъ полевая фіалка, подъ сѣнью родительской хижины, хранящая любовію матери. Съ вѣкового времени душа ея наполнена была тайнымъ пламенемъ, которымъ оживотворены были въ ней все другія чувства — любовію къ прекрасному Усаду; но это чувство не мѣняло ей быть веселою по-прежнему, по-прежнему поливать свои цвѣты, кормить свою малиновку, расцвѣтать веселыя пѣсенки, когда она сидѣла вмѣстѣ съ матерью за прищею на порогѣ хижины, и смѣяться отъ

всей души, когда подружки разсказывали ей смѣшныя сказки. Прекрасный пѣвецъ оцунцалъ и пѣжную томность въ груди своей, когда смотрѣлъ въ глаза добросердечной Маріи. Ахъ! онъ любилъ ее страстно. Милый ея образъ поселялся передъ нимъ, когда онъ засыпалъ; онъ представлялся ему въ сновидѣніи: онъ видѣлъ его при первомъ блескѣ восходящаго утра. Усада былъ задумчивъ, когда былъ съ нею розно, задумчивъ, когда видѣлъ ее передъ собою живую, рѣзвую, веселую. Марія вздыхала, на лицѣ ея изображалось слѣбоое, сердечное чувство, когда глаза ея встрѣчались съ глазами Усада. Она радовалась, когда Усада увѣрилъ ее въ пѣжную своей любви; пѣловала его въ розовыя щеки и говорила ему: добрый Усада, ты мое счастье.

Однажды, вечернею порою, пѣвецъ игралъ на рожкѣ своемъ, простертый на берегу источника, въ виду Маріиной хижины. Марія, услышавъ знакомые звуки, взяла кувшинъ и пошла за водою къ свѣтлому источнику. Поровнявшись съ Усадомъ, она поставила кувшинъ на зеленую траву, сѣла подѣ своего друга, поцѣловала его въ пламенную щеку и, окруживъ его бѣлою рукою, склонила къ нему на плечо свою прелестную голову. Они задумались. Вечеръ былъ тихъ и ясенъ; роса, одушевленная возвратившеюся весною, была наполнена запахомъ черемухи, благовопнымъ дыханіемъ ландышей, матиной-душки и травъ ароматныхъ; вѣтерокъ порхалъ по деревьямъ; соловьи свистали вдаль; въ воздухѣ слышалось жужжаніе насѣкомыхъ; легкія струйки источника, озлащаемыя заходящимъ солнцемъ, которое проникло сквозь рѣдкія деревья, сливали пѣжное свое плесканіе съ шорохомъ тростника и трепетаніемъ цвѣтущаго пиновника, освѣившаго низкіе берега источника: все сіи звуки производили вмѣстѣ единую очаровательную гармонію, которая трогала душу и погружала ее въ задумчивое мечтаніе. Усада и Марія долго молчали, упоенные любовію.

Ахъ, Марія! — сказалъ наконецъ Усладь — люблю тебя болѣе своей жизни. Помнишь ли ту минуту, въ которую мы встрѣтились на берегу свѣтлаго источника? Ты пришла зачерпнуть въ кувшинъ свѣжей воды, заслушалаея соловья и стояла въ задумчивости подъ тою развѣсистую березою — я возвращался изъ Новгорода, былъ утомленъ путемъ и зноемъ; ты утолила мою жажду и посмотрѣла на меня такимъ ласковымъ взглядомъ, что сердце мое наполнилось въ ту минуту неизъяснимою сладостію. Ахъ! съ той минуты я пересталъ владѣть своею душою; съ той минуты единственное мое счастье быть съ тобою, или о тебѣ думать. Тобою прекрасный Божій міръ сдѣлался для меня еще прекраснѣе. Во всемъ, что радуетъ мою душу, нахожу я твой милый образъ. Твой голосъ усладительнѣе для меня воркованіи вольги, когда внимаю ему при блескѣ заходящаго солнца; походка твоя легче шриваго весенняго вѣтерка, когда онъ пролетаетъ надъ поверхностію спокойной Москвы-рѣчки, или колыхаетъ вѣжкую травку. Чувствуя въ роуцѣ запахъ *ночной красавицы*, я думаю: онъ такъ же пріятенъ, какъ сладостное дыханіе моеи Маріи. Свѣтитъ ли полная луна сквозь частую роуцу, я погружаюсь въ задумчивость: мнѣ кажется, что въ свѣтломъ ея мерцаніи летаетъ надо мною твой образъ, что я окруженъ твоимъ невидимымъ присутствіемъ. Часто въ минуту воцаряющагося вечера, забываюсь по вѣлму часу вблизи твоей хижины; сокрытый кустами шивовника, смотрю на тебя, когда ты сидишь у дверейъ выветъ съ твоею матерью, озаренная розовымъ сіяніемъ вечера; мать твоя перебираетъ долгіе свѣтлорусые твои волосы, заплетаетъ ихъ въ косы, вѣдуетъ тебя, называетъ своею радостію; а ты расцѣлаешь, какъ соловей, или подымаешь на свою мать вѣжкий, невинный, неполненный сердечной задумчивости взоръ, тогда.. но, милый другъ, прелестная, добросердечная моя Марія, могу ли сказать, что я тогда чувствую? Ахъ! въ эту

минуту не нахожу въ себѣ души; она стремится къ тебѣ, она исполнена чистѣйшею, непорочною къ тебѣ любовію. — Такъ говорилъ Усладь. Марія не отвѣчала; но она вздохнула, крѣпче обхватила его вѣлою рукою, вѣжнѣе прижала ко груди его прелестную свою голову. Мы соединимся, продолжалъ Усладь, когда исполнится тебѣ шестнадцать лѣтъ. Шестъ разъ полная луна должна освѣтить вершины деревъ прежде, нежели ты будешь моею; тогда вѣжная твоя мать переселится въ пашу хижину; старость ея пройдетъ спокойно, какъ вечеръ яснаго дня... Теперь, мой милый другъ, продолжалъ Усладь, помолчавъ минуту, я долженъ на время съ тобою разлучиться. Старый Пересвѣтъ, мой благодѣтель, мой пастырь, идетъ отсюда въ свою отчизну, къ своимъ ближнимъ и еродникамъ — я долженъ его проводить: ибо мы, вѣроятно, разстается навѣки. Путешествіе мое продолжится до третьей полной луны. Марія, не забывай меня въ отсутствіи. Когда взойдетъ луна, — въ эту минуту золотые рога мѣсяца мелькнули изъ тучи надъ кровлею Рогдаева терема — когда озлазятя струящая волна, приди на берегъ источника и думай объ Усладѣ: душа его будетъ надъ тобою. Въ каждомъ пріятномъ звукѣ, съ которымъ прольется въ душу твою сладостная унылость, внимай вѣжному голосу его сердца. — Марія плакала; Усладь умокнулъ; они встали. Нѣвецъ поднять глаза на высокую Рогдаевъ теремъ — черная туча надъ нимъ носилась; неволью печаль овладѣла его душою: туча сія казалась ему подобіемъ его жребія. О! что ты припесешь мнѣ, время будущее, время далекое, время неизвѣстное? и думалъ онъ. Быстрая молнія раздвоила тучу пламенною браздою; облака встухнули и вдругъ угасли; сердце Услава стѣпенлось; онъ бросилъ на Марію задумчивый взглядъ: на миловидномъ ея лицѣ изображена была робость; взоры ея, устремленные на тучу, какъ будто некали на ней слѣдовъ пролетѣвшей молніи: она вздохнула, поцѣловала Услава, и медленно

пошла въ свою хижину. Усады съѣлъ въ свою лодку, переправился на другой берегъ Москвы, на которомъ находилась его хижина, простерся на траву, печально опустил на руку свою голову и долго смѣрлялъ на хижину Маріи, въ которой свѣтился огонекъ, иногда затмеваемый легкою тѣнію. Наконецъ сіяніе исчезло. Усады закрылъ руками глаза и заплакалъ: ему казалось, что въ эту минуту угасло счастье жизни его, что для него уже не было на свѣтѣ Маріи.

Утренняя заря не застала Усада на берегахъ свѣтлой Москвы. Въ первые два дни Марія не преставаала крушиться и плакать. Потупивъ голову, закрывъ передникомъ прискорбныя очи свои, орошенныя слезами, сидѣла печальная на порогѣ хижины и не внимала утѣшеніямъ своей добросердечной матери. На третій день пошла она къ источнику. Вдругъ представляется взору ея незнакомый витязь: на немъ сіяла блестящая броня, голова покрыта была шишакомъ, на плечахъ лежала медвѣжья кожа. Лицо неизвѣтнаго было величественно и сурово: глаза, глубоко впаившіе, ярко блистали изъ-подъ густыхъ бровей; черная вклокоченная борода закрывала до половины смуглыя щеки его. Марія оторопѣла. Незнакомецъ поглядѣлъ на нее пристально. Кто ты, красная дѣвица? спросилъ онъ. Марія испугалась громозвучнаго голоса, не посмѣла поднять своихъ глазъ и побѣжала опрестыю въ хижину. Витязь послѣдовалъ за нею.

То былъ Рогдай, славный могучій богатырь. Ему принадлежали обширныя поля, между которыми извивалась прозрачная Москва; ему принадлежалъ высокій теремъ, окруженный дубовымъ тыномъ. Онъ долго служилъ могущественною мышцею великому Новгороду; сподвижники называли его: Рогдай *булатная рука*; а прочіе люди: Рогдай *жестокое сердце*; но ни одно человѣколюбивое чувство не было ему извѣстно, никогда на челѣ его не разглаживались морщины; грозный, неукротимый во мщеніи, ни вопли, ни

улыбка невиннаго младенца не проникли въ его неприступную душу. Умертвивъ на соборницѣ народномъ одного изъ знаменитѣйшихъ посадниковъ Новгородскихъ, и принужденный носиться изъ вѣрно дружиною сокрытыя изъ великаго града, носилъ онъ въ знаменитый Кіевъ, къ великому князю Владиміру, дабы служить ему вмѣстѣ съ богатырями Шлею, Чурилою и Добрынею. Желая наперечуть носѣтнть свое послѣдіе и отеческій теремъ, въ которомъ пролежалъ младенческаго лѣта, явился онъ на берегахъ Москвы-рѣки, дни черезъ два по отшествіи пѣвца Усада.

Новое чувство открылось въ душѣ Рогдая въ ту минуту, когда онъ встрѣтился у источника съ Маріею; онъ началъ каждый день посѣщать хижину ея матери. Разговаривая съ старушкою, бросалъ онъ косвенные взгляды на прелестную дочь ея, которая, потупивъ голову, красилась и трепеща, сидѣла за пряхею и ронила изъ рукъ веретено, всякій разъ, когда робкіе взоры ея встрѣчались нечаянно съ задумчивыми взорами Рогдая, въ которыхъ пылало мрачное пламя. Неутолимая страсть, сопутствуемая мукою желаній и тайнымъ волненіемъ ревности, свирѣствовала въ сердцѣ грознаго витязя. Впервые почувствовалъ онъ желаніе быть любимымъ, впервые научился смягчать громозвучный своей голосъ; иногда на устахъ его показывалась усмѣшка; всездѣ и всякую минуту онъ думалъ о Маріи; некалъ ее на берегу источника, во глубинѣ рощи; слѣдовалъ за нею въ село, и даже перѣдко, чтобы угодить ей, вмѣшивался въ веселыя игры поселянъ и поселниковъ. Всякій день приносили ей богатые дары отъ Рогдая: иногда жемчужное блестящее ожерелье, иногда шелковый сарафанъ, обшитый богатымъ галуномъ, иногда ленту съ серебряною бахромою, серьги, золотой перстень. Марія, говорилъ ей грозный витязь, отдай мнѣ свое сердце, я съдѣлаю твоё счастье. Тебѣ будутъ принадлежать мои сокровища, мой теремъ, мои поля и рощи. Будешь хо-

дить въ серебрѣ и золотѣ. Повезу тебя въ великолѣпный градъ Кіевъ, покажу тебѣ великаго князя Владиміра; увидишь богатырскія игры, затмишь собою всѣхъ кіевскихъ красавицъ, будешь украше- ніемъ княжескихъ палатъ и радостію всего града Кіева... Что происходило въ твоёмъ сердцѣ, что думала ты, добрая Марія? Сначала она тосковала и плакала. Усладъ, милый Усладъ, для чего пѣть тебя со мною? говорила она, смотри на струистый источникъ, при которомъ они разстались. Увы! она уже чувствовала, что прилежаніе Услава было необходимо, чтобъ сохранить въ сердцѣ ея прежнюю къ нему привязанность. Воображая Услава, она воображала счастье жизни своей; но думая о Рогдѣѣ, видѣла въ мысляхъ своихъ одинъ безчисленный богатства его, пышный градъ Кіевъ [о которомъ слы- хала только въ сказкахъ], славныхъ бога- тырей, блистаніе великолѣпнаго дворца княжескаго, и никогда не думала о самомъ Рогдѣѣ: ибо никогда сердце ея не могло бы поколебаться между прекраснымъ Усла- домъ и грознымъ витяземъ, котораго мрачный образъ приводилъ ее въ трепеть. Но, увви! ослѣпленный разеудокъ ослѣ- пилъ и нѣжкое сердце Маріи; въ про- долженіе перваго мѣсяца она всякій Бо- жій день приходила къ источнику вспо- минать объ Усладѣ—и всякій разъ встрѣ- чала на берегахъ его витязя Рогдая. Наступилъ другой мѣсяць, и Марія съ большимъ уже вниманіемъ начала слу- шать Рогдаевы предложенія: въ душѣ ея, которая прежде была такъ непорочна, родились гордые мечты о блескѣ, богат- ствѣ и торжествѣ ея прелестей. Насту- пилъ третій мѣсяць — и Марія отдала руку свою Рогдаю... Ахъ! кто бы это подумалъ, добрая Марія? Но для чего же обвинять ея доброе сердце? Оно никогда не измѣняло Усладу. Ты обманывалась, Марія, когда увѣряла себя, что болѣе не любишь своего друга. Скоро исчезнетъ твое ослѣпленіе; скоро опять воскреснетъ въ душѣ твоей прежнее чувство любви, къ которому ты привыкла, которымъ

была такъ счастлива... что будешь тогда, певниная, обманутая, несчастная Марія?

Усладъ приближался уже къ мѣсту своей родины; ужъ видѣлъ онъ вдалекѣ высокій Рогдаевъ теремъ, видѣлъ дымъ, вьющійся надъ кровлями хижинокъ и озла- щенный сіяніемъ восходящаго утра. Душа его наполнена была смутными чувствами радости, любви, нетерпѣнія. Въ эту минуту повстрѣчался ему пастухъ, который гналъ стадо на паству и пѣлъ утреннюю свою пѣсню—они узнали другъ друга. Бѣдный Усладъ, замѣвъ воротился ты на свою родину, воскликнулъ пастухъ. Усладъ поблѣднѣлъ. Что сдѣлалось? спросилъ онъ измѣнившимся голосомъ. Много воды утекло съ того времени, какъ ты оста- вилъ наше селеніе, отвѣчалъ пастухъ. Марія твоя перелетная итичка; она поки- нула родимое гнѣздышко и хочетъ летѣть на чужую сторону; она разлюбила тебя; она отдала свою душу богатому и могучему витязю Рогдаю! Ахъ! бѣдный Усладъ, для чего возвращался ты на свою родину? Пастухъ посмотрѣлъ на него съ состраданіемъ, вздохнулъ, опять погналъ свое стадо, опять запѣлъ свою утреннюю пѣсню. Усладъ не могъ отвѣчать ему ни слова: стоялъ, какъ убитый громомъ, и долго неподвижными очами смотрѣлъ на волны, въ которыхъ отражалось чистое небо. Жаворонокъ кружился и пѣлъ подъ облаками; утренній вѣтерокъ дышалъ ему въ лицо; съ полей подымались благовошія цвѣтотъ и трава. Усладъ ничего не чув- ствовалъ. Солнце взшло; первые лучи его заиграли на кровлѣ высокаго терема: печально взоры Услава на нее устреми- лись; вся душа его пришла въ волненіе; онъ бросился на траву, залился слезами, и цѣлый день пролежалъ на одномъ мѣстѣ неподвижно, вздыхать и терзался. На- ступилъ вечеръ. Земледѣльцы и пастухи пришли съ полей. Веселые голоса ихъ пробудили Услава. Онъ всталъ, опять устремилъ глаза на теремъ, смотрѣлъ на него долго, наконецъ снялъ съ груди пучокъ засохшихъ ландышей, перевязан- ныхъ волосами Маріи, который подавала

она ему наканунѣ разлуки, бросилъ его въ рѣку, нѣсколько минутъ слѣдовалъ за нимъ глазами по теченію волнъ, потомъ, потупивъ голову, стараясь удерживать стѣснившіеся въ груди вздохи, пошелъ назадъ, чтобы никогда, никогда не возвращаться въ то мѣсто, гдѣ все, что радовало его въ жизни, погнѣло навѣки.

Прошла осень, пришла зима — Усладь скитался по городамъ и селеніямъ. Уви! онъ думать забыть прежнее время, забыть утраченное свое счастье — напрасно! Въ тѣхъ самыхъ мѣстнхъ, которыми веселилъ онъ горожанъ и сельскихъ жителей, чтобы избавить себя отъ голодной смерти, изображались мнлыя чувства, нѣкогда усаждавшія душу его. изображенъ былъ тотъ счастливый край, гдѣ прежде встрѣчалъ онъ съ вселіемъ каждое утро, провожалъ съ надеждою каждый вечеръ. Наступила весна, и вся любовь, которую онъ почиталъ почти угасшею, опять воспламенилась въ душѣ его. Ибъ, воскликнулъ Усладь, я не могу дышать въ разлуку съ нею; гдѣ бы я ни былъ, вездѣ мой жребій — угаснуть въ любви, увянуть въ страданіи; здѣсь, на чужой сторонѣ, все для меня чужое; а тамъ, въ отчизнѣ моей, все мнѣ другъ, все было свидѣтелемъ моего счастья, все будетъ повѣреннымъ моей скорби. Не буду съ нею встрѣчаться; но буду съ нею вмѣстѣ, но буду скитаться вокругъ ея жилища, невидимо слѣдовать за нею во глубину рощи, иногда слышать ея голосу, дышать вѣтеркомъ, освѣжающимъ ея грудь, или волнующимъ ея свѣтлыя кудри, орошать слезами слѣды, оставленные на муравѣ легкими ея стопами, въ упоеніи, сокрытый мракомъ ночи, смотрѣть на свѣтъ ея лампы, горящей передъ образомъ и проникающей сквозь окна ея свѣтлицы, и вмѣстѣ съ нею молить Божію Матерь о счастіи жизни ея. Такъ, моя родина, и вы, отческія рощи, и вы, цвѣтущіе берега Москвы, опять увидите возвращающагося къ вамъ Услава; возвратясь къ вамъ, чтобы увянуть на вашемъ лонѣ, увянуть тамъ, гдѣ расцвѣло и увяло мое

веселіе. Ахъ, видя, какъ другой владѣть моимъ счастіемъ, скорѣе умру съ печали. Утро взойдетъ, ранняя ласточка вззовется подъ облака, вѣтерокъ побѣжитъ по вершинамъ деревъ, и листья осенніе посыплются съ шумомъ; тогда, Марія, ты взглянешь въ окно высокаго терема и скажешь: утренняя ласточка, для чего ты поднялась такъ рано? Вѣтерокъ осенній, для чего разсыпался ты красоту дубравы? Для чего въ душѣ моей тоска неизвѣстная? Ты выдешь разсыять печаль свою въ полѣ; тамъ, близъ тропинки излучистой, на краю кладбища, подъ сѣною древнихъ березъ, увидишь свѣжую могилу; ты устремишь на нее задумчивые взоры. Здѣсь положили пѣвца Услава, скажутъ тебѣ сельскія дѣвушки, печально собравшіяся вокругъ могилы. Ты вступишь прежнія наши радости, вступишь пѣвца Услава; приунывши, возвратишься въ свой теремъ, вздохнешь изъ глубины сердца и скажешь: онъ меня любилъ, но его уже нѣтъ.

Солнце почти закатилось, когда Усладь остановился на берегу источника, въ виду Рогдасва терема.

Долго въ унылой задумчивости смотрѣлъ онъ на жилище Маріи; взоры его искали сіянія лампы въ окнѣ уединенной ея свѣтлицы... напрасно; глубокая мрачность царствовала въ теремѣ витязя Рогдая. Уже на западѣ печезла послѣдняя полоса вечерней зари, на востокѣ показывалась полная луна, подобная зареву отдаленнаго пожара; весь теремъ покрылся ея сіяніемъ. Усладь могъ ясно видѣть, что задвижныя окна были всѣ раскриты; что крѣпкія тесовыя ворота, не заложеныя затворомъ, ходили на желѣзныхъ петляхъ — невольно робость проникнула въ его душу. Что это значить? подумалъ онъ. Отъ чего такая мрачность въ Рогдасвомъ теремѣ? Что сдѣлалось съ тобой, Марія? — Усладь переходитъ источникъ въ бродъ, и по тропинкѣ, вьющейся въ кустахъ, идетъ на высоту горы — часто останавливается — слушаетъ — ничего не слышитъ — одиѣ только легкія струйки

ручья переливаются съ журчаніемъ по песку, изрѣдка стучитъ стрекоза, изрѣдка увидѣнный листокъ срывается съ дерева и съ трепетаніемъ падаетъ на землю. Что предвѣщаешь ты мнѣ, тишина ужасная? вопрошалъ Уладъ, осматривалъ съ робостію, и видя вокругъ себя одно печальное запустѣніе. Вдругъ послышался ему близкій шорохъ... кто-то бѣжалъ... сухіе листья хрустѣли подъ ногами... шорохъ приблизился... Уладъ прячется въ кусты... видитъ женщину... луна освѣтила ея лицо... Пѣвецъ узнаетъ добродушную Ольгу, любимую подругу Марію... бросается къ ней навстрѣчу... Ольга закричала, закрыла обѣими руками лицо... Защитите меня, силы небесныя, воскликнула она: привидѣніе, душа Уладова! — Ноги ея подкосились, она упала бы на траву, когда бы Уладъ не принялъ ея въ объятія. «Что съ тобою сдѣлалось, добрая Ольга? Отъ чего боишься Улада». — Ольга дрожала, какъ листъ, не смѣла отворить глазъ, крестилась, читала про себя молитву. — «Опомнись, милая Ольга, взгляди на меня. Я не мертвецъ, я Уладъ, живой Уладъ, возвратился въ свою отчизну, хочу увидѣть Марію». Звукъ знакомаго голоса ободрилъ нѣсколько робкую дѣвушкѣ — нѣсколько минутъ не могла она придти въ себя отъ испуга, наконецъ мало по малу оемѣлилась отворить глаза... Точно ли вижу Улада? спросила она. Въ самомъ дѣлѣ, его лицо, его пріятныя взоры, его знакомый голосъ. Ахъ! добрый Уладъ, зачѣмъ ты здѣсь?.. Но удалимся отъ этого мѣста—мнѣ страшно. Скоро будетъ полночь; никто изъ нашихъ поселенъ не ходитъ сюда въ это время; я сама печально запоздала въ роцъ; удалимся, Уладъ; это мѣсто ужасно. — Ольга побѣжала впередъ, потаивъ за собою Улада, и чрезъ двѣ минуты находились они уже на берегу свѣтлаго источника. — «О, Ольга, сказалъ Уладъ, я не пойду и не нуцѣ тебя дагѣ: хочу знать, отъ чего такъ страшенъ тебѣ Рогдъ, отъ чего такъ страшенъ тебѣ Рогдъ, отъ чего такъ страшенъ тебѣ Рогдъ? — Ахъ! добрый Уладъ, о чемъ ты

у меня спрашиваешь! — «Говори, милая Ольга, именемъ Бога прощу тебя; невѣстность мучительнѣе смерти.» — Хорошо, Уладъ, слушай. Садись ко мнѣ ближе; здѣсь не такъ страшно: я вижу на томъ берегу источника нашу хижину. — Они сѣли. Уладъ трепеталъ: сердце предсказывало ему что-то ужасное.

Много, Уладъ, очень много пережилилось съ тѣхъ поръ, какъ ты оставилъ нашу деревню — такъ начала говорить Ольга. Дорого бѣдная моя подруга заплатила за свое легкомысліе. Ахъ! милосердое небо, для чего, не спросея съ душою своею, повѣрила она коварнымъ обѣщаніямъ обольстителя?.. Уладъ, Марія твои ни на одну минуту не переставала о тебѣ помнить. Что же дѣлать, если она, какъ младенецъ, прельстилась золотыми нарчачами, жемчугомъ, лентами, которыми дарилъ ее грозный Рогдъ, и суебною надеждою сѣять своими прелестями въ великолѣпномъ градѣ Кіевѣ? Увы! она сама обманывала себя, когда почитала прежнюю любовь свою угашенною, а гордые свои замыслы привязанностію къ грозному Рогдаю. Итъ, Уладъ, не обижай ея такою мыслию: никогда Маріино сердце не было переменчиво; и можно ли, другъ мой, забыть тѣ сладкія чувства, которыми животворится душа наша въ лучшіе годы жизни, съ которыми соединены все наши надежды на счастіе, которыми земля претворяется для насъ въ царство небесное? Ни одной минуты веселія не видала она съ той поры, какъ принуждена была оставить родительскую хижину. Слушай: ввечеру наканунѣ того дня, въ который надежало ей идти къ вѣнцу и въ церкви Божіей передъ святымъ алтаремъ навсегда отдать себя Рогдаю, повѣявъ тайно, что позабудетъ Улада навѣки, я навѣстила мою подругу; но гдѣ же наша ея? Здѣсь на берегу свѣтлаго источника, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ты, Уладъ, въ послѣдній разъ съ нею простился. Она сдѣла въ уныніи, сложивъ ко груди прелестную свою голову, съ потухнувшими глазами, увидшими

щеками, какъ будто приговоренная къ смерти. Ахъ! Усладъ, еще не ветушила она въ Рогдасъ теремъ, а уже мечты удовольствій, которыя найти въ немъ она воображала, для нея исчезли: одна только мысль о томъ, что была она готова утрачить, одно минувшее время, одинъ погибшія радости наполнили ея прискорбную душу. Увидя меня, она встала, подала мнѣ знакъ, чтобы я за нею послѣдовала, и молча пошла въ свою хижину. Матери я не было дома; свѣчка горѣла передъ образомъ Богоматери.—Молись вмѣстѣ со мною, сказала Марія, и упала на землю, обливаясь слезами. Святая утѣшительница, воскликнула она, молю не о себѣ; для меня уже нѣтъ счастья: не желаю, не буду искать его, я сама отъ него отказалась; но будь Твое милосердіе надъ милымъ, оставленнымъ, осиротѣвшимъ другомъ моимъ; храни его, Покровительница несчастныхъ.—На другое утро припесни къ ней богатые дары отъ Рогдая: она посмотрѣла на нихъ съ равнодушіемъ. Сельскія дѣвушки пѣли веселыя пѣсни у дверей ея хижины; Марія, казалось, имъ не внимала. Мать убирала ее къ вѣщцу, ласкала словами и зорами: Марія устремляла на нее умильные глаза, дѣловала ея руки, вздыхала, утирала слезы и не говорила ни слова. Грозный Рогдай изумился, когда она вошла въ церковь, печальная, блѣдная какъ полотно, и съ трепетомъ подала ему руку. Лицо ужаснаго витязя во все продолженіе вѣнчальнаго обряда было мрачно: съ суровымъ подозрѣніемъ разсматривалъ онъ свою невѣсту, которая стояла предъ алтаремъ, какъ жертва, приведенная на закланіе. Ихъ обвѣчали. Усладъ, я повторяю: ни единою радостію не наслаждалась твоя Марія съ той самой минуты, въ которую оставила родительскую хижину. Мы видѣлись съ нею каждый Божій день: всегда находила я ее погруженною въ задумчивость. Иногда, вечернею порою, она сидѣла на скатѣ горы и пѣла прекрасныя твои пѣсни; иногда съ прискорбіемъ останавливалась на берегу

источника; по чаще всего приходила къ рѣкѣ, смотрѣть на отдаленную твою хижину. Суровость витязя Рогдай приводила ее въ трепеть: онъ любилъ ее страстно любовію, но самая ибѣжность его имѣла въ себѣ что-то жестокое. Простодушная Марія, которой слова и взоры всегда согласны были съ тайнымъ расположеніемъ сердца, отвѣтствовала на любовь его одною тихою покорностію: она подходила къ нему только тогда, когда онъ самъ приказывалъ ей приблизиться; не смѣла къ нему ласкаться, а только съ смиреніемъ припирала его надменные ласки. Увы, несчастная Марія, которая прежде была такъ весела и рѣзва, которая прыгала отъ удовольствія въ кругу игривыхъ своихъ подругъ, Марія почти никогда уже не улыбалась, и въ самой улыбкѣ ея изображено было душевное прискорбіе. Рогдай замѣтилъ ея тоску; часто съ видомъ угрюмаго подозрѣнія устремлялъ онъ свои взоры на блѣдное лицо Марія: она содрогалась и потупляла глаза свои въ землю. Часто хотѣлъ онъ спросить ее о причинѣ такой непрерывной унылости, начиналъ говорить и уходилъ, не кончивъ вопроса—и что могла бы отвѣчать ему Марія? Прошло три недѣли. Въ одно утро [мы сидѣли вмѣстѣ съ Марією и пизали жемчужное ожерелье для ея матери] приходитъ онъ въ ея свѣтлицу. «Марія, говорить онъ, послѣ завтра мы ѣдемъ въ Кіевъ: будь готова». Марія поблѣднѣла; руки ея опустелись, хотѣла отвѣчать, и слезы побѣжали изъ глазъ ея ручьями. Что это значить? загремѣлъ ужаснымъ голосомъ витязь. — Марія схватила его руку [въ первый разъ позволила она себѣ такую смѣлость]. Ради Бога, воскликнула она, устремивъ на него умильный взоръ, пробудь здѣсь еще одинъ мѣсяць, одинъ только мѣсяць; дай мнѣ познакомиться съ печальною мыслию, что я должна разстаться съ своею родиною, навсегда покинуть свою мать, моихъ подругъ, мои отеческія поля и рощи. Прижавши прекрасное лицо свое къ рукѣ ужаснаго витязя, она орошала

ее слезами. Какое сердце могло бы не тронуться умоляющимъ стечаніемъ Маріи? Нѣсколько минутъ молчалъ суровый Рогдай: въ сумрачныхъ взорахъ его блеснуло чувство. Не могу отказать тебѣ, Марія, отвѣчать онъ, смягчивши голосъ, мнѣ сладко тебя утѣшить. Согласись, еще на мѣсяцъ остаюся въ этихъ мѣстахъ; но, Марія—тутъ устремилъ онъ на нее подозрительный взглядъ—ты худо отвѣчаешь на страстную мою любовь: горе тебѣ, если не одна привязанность къ матери, подругамъ и отчизнѣ удержи-ваетъ тебя въ этомъ мѣстѣ. Онъ удалился. Марія посмотрѣла на меня и не сказала ни слова: мы обѣ вздохнули.

Прошло еще двѣ недѣли—самыя печальныя для бѣдной Маріи. Она старалась удалить отъ себя воспоминанія объ Уладѣ, но всякую минуту противъ воли своей думала: онъ скоро возвратится, онъ придетъ отдать мнѣ свою душу, ненасытной сладкой надежды, исполненной прежней любви, а я.. Она томилась въ тоскѣ и слезахъ, и не могла утаить ни тоски, ни слезъ своихъ отъ Рогдая; онъ видѣлъ ее печаль—но онъ молчалъ, и грозные взоры его часъ отъ часу становились мрачнѣе; страшная ревность свирѣпствовала въ его сердцѣ. Марія, говорила онъ иногда, устремивъ на нее пристальное око, душа твоя неспокойна, совѣтъ тебя обличаетъ: взоры мои тебѣ ужасны. Марія, восклицала онъ иногда громозвучнымъ голосомъ, отъ котораго несчастная цѣснѣла: я люблю тебя страстно... но горе, если ты меня обманула!

Наконецъ наступило время твоего возвращенія, и бѣдная Марія совсѣмъ потеряла спокойствіе. Увы! она боялась ужаснаго Рогдая, боялась твоего милого приуединенія, боялась собственного своего сердца: малѣйшій шорохъ заставлялъ ее содрогаться. Она не хотѣла, она страшилась тебя увидѣть; но, Уладъ, не смотря на то, какъ будто ожидалъ тебя, не отходила она отъ окна своей свѣтлицы, по цѣлымъ часамъ присматривала

на берегу Москвы, устремивъ неподвижные взоры на противоположную рѣчку, туда, гдѣ видима соломенная кровля твоей хижины. Въ одно утро—это случилось на другой день послѣ твоей встрѣчи съ пастухомъ нашего села—навѣщаю ее, нахожу одну, печальную по-прежнему, на берегу Москвы, на томъ же самомъ мѣстѣ, на которое приходила она и вчера и всякій день; сказываю, что тебя видѣли наканунѣ; что ты, узнавши о ея замужествѣ, не захотѣлъ войти въ деревню; что ты удалился неизвѣстно куда. Марія заплакала: Ангелъ хранитель, соудетствуй ему, сказала она; пусть будетъ онъ счастливъ; ищуй, если можешь, забудеть Марію. Она устремила глаза на небо. Мы стояли тогда на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ волны образуютъ мелкій заливъ, разливаясь по свѣтымъ камнямъ, съ тихимъ плесканіемъ—одна волна прикатилась почти къ самымъ ногамъ Маріи—разсыпалась—что-то оставила на песокъ—я наклоняюся—вижу пучокъ увядшихъ ландышей, перевязанный волосами—подымаю его—показываю Маріи: Боже мой, какія слова изображать ея ужасъ! казалось, что грозное привидѣніе представилось ей взору, волосы поднялись на головѣ ея дыбомъ, затрепетала, поблѣднѣла: это мои волосы, воскликнула она. Улада цѣтъ на свѣтъ: онъ бросился въ рѣчку. Она упала къ ногамъ моимъ безъ памяти. Въ эту минуту показался Рогдай: подходитъ, видитъ безчувственную Марію, поднимаетъ ее; смотритъ съ недоумѣніемъ ей въ лицо; оно покрыто было блѣдностію смерти; снимаетъ съ головы шинякъ, велитъ мнѣ зачерпнуть въ него воды, и орошаетъ ею голову Маріи, которая, какъ увядшая роза, наклонена была на правое плечо.—Нѣсколько минутъ старались мы привести ее въ чувство; наконецъ Марія отворила глаза—но глаза ея были мутны; она посмотрѣла на Рогдая—и не узнала его. Ахъ! Уладъ, сказала она умирающимъ голосомъ, я любила тебя болѣе жизни; послѣднія радости, послѣднія надежды,

простите! Какъ описать то дѣйствіе, которое произвели слова ея на душу грознаго Родай? Лицо его поблѣднѣло, глаза его за сверкали, какъ уголья; онъ странно закрещивалъ зубами. Усладь, воскликнулъ онъ, задыхаясь отъ бѣшенства, кто Усладь? Что ты сказала, несчастная? Но Марія была какъ помѣшанная; она не чувствовала, что Родай стоялъ передъ нею: съ судорожнымъ движеніемъ прижимала она его руку къ сердцу и говорила; на что мнѣ жить? Я любила его болѣе моей жизни: все кончилось! Родай затрещалъ; въ изступленіи обхватилъ онъ ее одною рукою поперекъ тѣла и помчалъ, какъ дикій волкъ свою добычу, на высоту горы, къ ужасному своему терему. Я хотѣла за нимъ послѣдовать. Прочь! заревѣлъ онъ охриплымъ голосомъ, биснувъ на меня звѣрскими глазами—ноги мои подкосились. Съ той поры, Усладь, ни разу не видела я нашей Маріи... Вечеру прихожу опять къ горѣ, смотрю на высокій теремъ—все было въ немъ тихо, какъ будто въ могилѣ—свѣтлица Маріи казалась пустою—я долго предсудивалась—но все молчало—ничто, кромѣ трепетанія волнъ и шороха дубравныхъ листьевъ, не доходило до моего слуха—кровь ледѣла въ моихъ жилахъ.—Боже мой, думала я, что сдѣлали они съ тобою, несчастная Марія? Три дни сряду приходила я къ терему: то же молчаніе, та же пустота. Куда дѣвалась Марія? Гдѣ витязь Родай? спрашивали наши поселяне. Одинъ изъ нихъ осмѣлился войти въ самый теремъ; но онъ не нашелъ ни витязя, ни Маріи, ни служителей Родаевыхъ: повсюду царствовала пустота, стѣны были голы, всѣ утвари домашнія исчезли—казалось, что никогда нога человѣческая не заходила въ эту обитель молчанія. Увы! Усладь, съ того времени мы ничего не знаемъ объ участи твоей Маріи. Никто изъ поселянъ не смѣетъ приближаться къ Родаеву терему. Горе заблудившемуся пѣшеходу, который отважится зайти въ него полночную пе-

рою! Божіе проклятiе постигло этотъ вертепъ злодѣйствъ, говоритъ нашъ сельскій священникъ. Мы смотримъ на него изъ-за рѣки, содрогаемся и молимъ Небеснаго Царя, чтобы Онъ успокоилъ душу Маріи. Вѣдная мать ея умерла съ печалю: мнѣ суждено было отъ Бога заступитъ при пей мѣсто дочери; я посадила на могилѣ ея шиновникъ и молодую лицу. Усладь, кто знаетъ? можетъ быть, она уже встрѣтилась теперь на томъ свѣтѣ съ своею Марією.

Ольга перестала говорить; Усладь не могъ отвѣчать ей ни слова. Несчастный сидѣлъ, потупивъ голову, закрывъ руками лицо состояніе души его было ужасно; нѣсколько минутъ продолжалось печальное безмолвіе. Усладь посмотрѣлъ на Маріину подругу: она плакала, онъ поцѣловалъ ее въ щеку. Милая Ольга, сказалъ онъ, возвратись къ своей матери; конечно безпокоить ее теперь долговременное твое отсутствіе; оставь меня, я никогда не сойду съ этой горы: она должна быть моимъ гробомъ. Богъ съ тобою, добросердечная Ольга; будь счастлива; скажи въ деревнѣ, что бѣдный Усладь живъ, что онъ возвратился, что онъ умретъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мучилась и погибла его несчастная Марія. Они поцѣловались опять. Ольга переправилась на другой берегъ источника; Усладь пошелъ по излучистой тропинкѣ на высоту горы, къ ужасному терему.

Полночь была уже близко—полная луна, достигшая вершины неба, сіяла почти надъ самою головою Услада. Онъ приближается къ терему; входитъ въ широкія ворота, растворенныя настежь—они скрипѣли и хлопали; входитъ на дворъ—все пусто и тихо. Дорога отъ воротъ до крыльца, окруженнаго высокими перилами, покрыта кравною, польшею и репейникомъ. Усладь съ трудомъ передвигаетъ ноги, наконецъ вступаетъ на крыльцо, идетъ въ двери... Дикая лиица, неугаанная приходомъ человеческимъ, давно не возмущавшимъ сего пустыннаго мѣста, бросилась въ вы-

сокую траву, сверкнувъ на него глазами; флишь, пробужденный шорохомъ, встрепетулся, захопалъ крыльями, полетѣлъ на кровлю и завылъ... Усладъ почувствовалъ робость и началъ осматриваться. При свѣтѣ луны увидѣлъ онъ себя въ обширной горницѣ, въ которой находилъ длинный столъ, притавленный къ стѣнѣ; двѣ или три скамейки, лежавшія на полу; пустой поставецъ, гдѣ прежде находилъ образъ, и на полу разбросанные черенки разбитыхъ глиняныхъ кружекъ: здѣсь грозный Рогдѣй угощалъ иногда поселянъ и поселянокъ своей деревни. Усладъ прошелъ еще двѣ или три горницы: вездѣ представлялись глазамъ его голыя стѣны, вездѣ царствовала тишина, изрѣдка нарушаемая шумомъ истопырей, которые быстро надъ нимъ порхали. Наконецъ онъ видитъ маленькую дверь и узкую лѣстницу, обвѣшанную вѣтомъ вокругъ столба: сердце его сильно затрепетало—эта лѣстница вела въ свѣтлицу Маріи. Усладъ идетъ по ступенямъ, входитъ въ свѣтлицу, ярко озаренную лучами луны, которая ударяла прямо въ раскрытыя окна. Душа его наполнилась неизъяснимымъ прискорбіемъ, когда онъ увидѣлъ себя въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ бѣдная Марія провела послѣдніе дни своей жизни, встрѣчая утро со вздохами, провожая вечеръ съ уныніемъ. Онъ находилъ горестное удовольствіе дышать тѣмъ воздухомъ, которымъ пѣкогда она дышала; какъ будто чувствовалъ, что въ тихой полуночной прохладѣ разливалось вокругъ него ея присутствіе. Все было ею наполнено—на все устремилъ онъ съ описаннымъ волненіемъ взоры свои; ибо вездѣ мечтались ему слѣды милаго бытія утраченной Маріи. Въ одномъ углу брошены были ея пальцы съ недоконченнымъ шитьемъ, которое все почти петлѣло. Въ другомъ что-то блистало—Усладъ приближается: посмотреть—что же? Находить тотъ самый образъ Богоматери въ серебряномъ окладѣ, который привезъ онъ ей изъ Кіева, и который Марія, до самой разлуки съ Усладомъ, носила на

шеѣ: онъ уналъ передъ нимъ на землю, запаловать, снявъ его съ стѣны, поцѣловалъ и положилъ на грудь свою. Онъ сѣлъ подъ окно—глаза его устремились на Москву, которая тихо вылась подъ горою, отражая въ волнахъ своихъ и берега, покрытые лѣсомъ, и енное небо, усыпанное легкими серебристыми облаками; окрестности, одѣтыя прозрачною пелесою свѣтлаго сумрака, были спокойны; все молчало—и воздухъ, и воды, и роши. Усладъ задумался; минувшее предетало его воображенію, какъ легкій призракъ; онъ видѣлъ Марію, прежде вѣстующую, потомъ выдающую во вѣтъ лѣтъ. Здѣсь, думалъ онъ, сидѣла она въ уныніи подъ окномъ, смотрѣла въ туманную даль и посылала ко мнѣ свои вздохи; здѣсь, проливая слезы, молилася передъ святою иконою; здѣсь, о Боже милосердый, можетъ быть, на самомъ этомъ мѣстѣ убійца... Онъ содрогнулся; ужасъ проникнуть въ его члены; ему мечталось слышать стенанія, выходящія какъ будто изъ могилы; мечталось, что скорбное, тоскующее привидѣніе бродило по горницамъ оставленнаго терема; жила его сильно билась; кровь, устремившаяся въ голову, производила въ ушахъ его звуки, подобные погребальному стону. Часъ полночи, всеобщее безмолвіе, мрачность и пустота ужаснаго терема—все приготавливало душу его къ чему-то необычайному: таинственное ожиданіе наполняло ее. Усладъ сидитъ неподвижно... прислушивается... все молчитъ... ни звука... ни шороха... Вдругъ отъ дубравы подымается тихій вѣтерокъ: листочки окрестныхъ деревьевъ зашевелились, ясная луна затуманилась, но веѣтъ окрестностямъ пробѣжалъ сумракъ, какое-то легкое, почти нечувствительное дуповеніе прикоснулось къ пламеннымъ щечамъ Услада и заиграло въ его разбросанныхъ кудряхъ: казалось, что въ воздухѣ распространилось благовонное дыханіе весны, и разливалась приятная, едва слышимая гармонія подобная звукамъ далекой арфы. Усладъ поднимаетъ глаза... что же? О

ужас! о радость!.. онъ видитъ... видитъ передъ собою Марію—свѣтлый, воздушный призракъ. сіяющій розовымъ блескомъ; одежда ея, прозрачная, какъ утреннее облако, летящее передъ зарею, разстилась по воздуху струями; лицо ея, блѣдное, какъ чистая лилія, казалось приекорбнымъ, на мнѣхъ устахъ видима была унылая улыбка; задумчивый взоръ ея стремился къ Усладу. Священный ужасъ наполнилъ его сердце. «Ты ли, душа моей Маріи? воскликнулъ онъ, простирая къ привидѣнію трепещущія руки. О! скажи, для чего покинула ты селенія неба? Велишь ли мнѣ разлучиться съ жизнью? Хочешь ли приобщить меня къ своему блаженству?» Онъ умолкъ—отвѣта не было. Но призракъ, казалось, хотѣлъ, чтобы Усладъ за нимъ послѣдовалъ—одною рукою указывалъ на дремучій лѣсъ, другою, простертою къ Усладу, манилъ его за собою. Усладъ осмѣлился ступить нѣсколько шаговъ... привидѣніе полетѣло... Усладъ остановился... и вмѣстѣ съ нимъ остановился призракъ, опять устремивъ на него умоляющіе взоры... Усладъ былъ въ першімости... не зная, идти ли ему, или нѣтъ... наконецъ ободрился... пошелъ... руководствуемый таинственнымъ вождемъ, вышелъ на пустынный дворъ, за ворота, наконецъ въ дремучій лѣсъ, который на нѣсколько верстъ простирается позади Рогдаева терема. Входитъ во глубину лѣса—тишина и мрачность окрестъ него царствуютъ; ни одно живое твореніе не представляется взору его; дикіе дубравные звѣри, какъ будто чувствуя присутствіе безплотнаго духа, ему сонутетвующаго, уклоняются отъ стези его съ робостію... хрюпа глубокое безмолвіе, идетъ онъ за блѣднымъ, улетающимъ сіяніемъ... нѣсколько часовъ продолжалось его уединенное шествіе... вдругъ видитъ рѣчку, выходящую подъ сѣнію древнихъ дубовъ, развѣившихся березъ и мрачныхъ елей... устремляетъ глаза на свѣтлую свою сонутиницу... она остановилась... печаль, прежде начатая во взорахъ ея, уже исчезла; онъ

сіяли небеснымъ веселіемъ... привидѣніе указываетъ ему на небо... улыбается... простираетъ къ нему объятія... и вдругъ, какъ легкая утренняя мечта, исчезаетъ въ воздушной пустынѣ. Все помрачилось; Усладъ остался одинъ, въ глуши дремучаго лѣса, въ странѣ ужасной и дикой... осматривается... видитъ вблизи сверкающій огонекъ... идетъ... глазамъ его представляется низенькая хижина, покрытая соломой... онъ отворяетъ дверь... дряхлый старикъ молится передъ Распятіемъ, при свѣтѣ лучника... скрипъ двери заставилъ его оглянуться... онъ поемогрѣлъ пристально Усладу въ лицо... улыбнулся и подаль ему руку.

Благословляю приходъ твой, сказалъ отшельникъ; давно пророческое сповидѣніе возвѣстило мнѣ его въ этой пустынѣ. Въ лицѣ твоёмъ узнаю того юношу, который нѣсколько разъ являлся мнѣ въ полуночное время, когда въ спокойномъ епѣ отдыхалъ я послѣ трудовъ и молитвы.—Кто ты, старецъ? спросилъ Усладъ, непонятный умиленія и тайнаго страха.—Смиранный отшельникъ Аркадій, отвѣчалъ старикъ. Два года, какъ поселился я на берегу свѣтлой Яузы, въ этой уединенной хижинѣ. Здѣсь провожу дни свои въ молитвѣ, оплакиваю прошедшія заблужденія и спасаюсь. Приди въ обитель мою, несчастный труженикъ: въ ней обрѣтешь утраченное спокойствіе, а съ нимъ и желанное забвеніе прошедшаго. Скажи мнѣ, кто указалъ тебѣ дорогу къ моей неизвѣстной хижинѣ?—Усладъ описалъ ему несчастія своей жизни.—Такъ, воскликнулъ Аркадій, выслушавъ повѣсть Услада, здѣсь на берегу Яузы покоится несчастная твоя Марія; мнѣ назначило Божіе Провидѣніе принять послѣдніе взоры ея и примирить съ небомъ ея отлетающую душу. Слушай: въ одно утро я собиралъ коренья на берегу Яузы; внезапно поразили слухъ мой жалобныя степенія... Иду... шагахъ въ пятьдесяти нахожу женщину, молодую, прекрасную, плавающую въ крови—это была твоя Марія; вдали раздавался кон-

скій топотъ; вопиѣ, одѣтый въ панцырь, мелькалъ между деревьями; опъ векорѣ печезъ въ густотѣ лѣса—то былъ убійца Родай. Беру въ объятія умирающую Марію—увъ! послѣдняя минута ея уже наступила, уста и щези ея поблѣднѣли, глаза смыкались. Медленно подняла на меня угасающій взоръ. Прими мою душу, благослови меня, сказала она, усиливаясь приложить руку мою къ сердцу. И перекрестилъ ее—умирающая посмотрѣла на меня съ благодарностію: Ангелъ утѣшитель, сказала она, простирая ко мнѣ объятія, молись о душѣ моей, молись объ Усладѣ. Взоры ея потухли, голова наклонилась на изечо—она скончалась. Могила ея близко. Ты скоро увидишь ее, Усладъ; заря начинаетъ уже заниматься. — Ахъ! несчастная, воскликнулъ Усладъ. Какая участь! И этотъ убійца живъ!.. Нѣтъ, Божій угодникъ, клянусь у ногъ твоихъ... Усладъ, не клянись напрасно, отвѣтствовалъ старецъ; небесное правосудіе наказало Родая: онъ утонулъ во глубинѣ Яузы, куда занесенъ былъ коленемъ своимъ, исцугавшимся дикаго волка. Умири свое сердце, другъ мой; скажи высьѣ со мною: вѣчное милосердіе да помидуетъ убійцу Марію!—Усладъ утихнулъ. Очи мои просенились, воскликнулъ онъ и простерся къ ногамъ священнаго старца. Она сохранила ко мнѣ любовь и за гробомъ. Отецъ мой, тебѣ, воспоминаію и служенію Бога посвятится отнынѣ остатокъ моей жизни.

Заря освѣтила небо, и лѣсъ оживился утреннимъ пѣніемъ птицъ. Старецъ повелъ Услада на берегъ Яузы и, указавъ на деревянный крестъ, сказалъ: здѣсь положена твоя Марія. Усладъ упалъ на колѣна, прижалъ лицо свое, орошенное слезами, къ свѣжему дереву. Милый другъ, воскликнулъ онъ, Богъ не судилъ намъ дѣлиться жизнию: ты прежде меня покинула землю; но ты оставила мнѣ драгоцѣнный залогъ твоего бытія—временную твою могилу. Не для того ли праведная дума твоя оставяла небо, чтобъ указать мнѣ мое пристанище и

превратить безотрадное страшничество мое въ міръ? Повинуюсь тебѣ, священній, утѣшительный голосъ потеряннаго моего друга; не будетъ прискорбна для меня жизнь, посвященная гробу моей Маріи: она обратится въ ожиданіе сладкое, въ утѣшительную надежду на близкій конецъ разлуки.

Усладъ поселился въ обители Аркадія: на гробѣ Маріи построили они часовню во имя Богоматери. Прошелъ одинъ годъ, и Усладъ закрылъ глаза святому отшельнику. Еще нѣсколько лѣтъ ожидать опъ кончины своей въ пустынномъ лѣсѣ; наконецъ и его послѣдняя минута наступила: онъ умеръ, приклонивъ голову къ тому камню, который рука его украсила могилу Маріи.

И хижина отшельника Аркадія, и скромная часовня Богоматери, и камень, нѣкогда покрывавшій могилу Маріи—все ичезло; одно только наименованіе *Марьиной Роши* сохраниено для насъ вѣрнымъ преданіемъ. Проѣзжая по Троицкой дорогѣ, взойдите на Мытищинскій водоводъ—вправѣ представится глазамъ вашимъ синѣющійся лѣсъ; тамъ, гдѣ прозрачная рѣчка Яуза однимъ изгибомъ своимъ прикасается къ рощѣ и отражаетъ въ тихихъ волнахъ и древніе сѣнетыя дубы и бѣдныя хижины, разсыпанныя по берегамъ ея—тамъ нѣкогда погибла несчастная Марія; тамъ сооружена была надъ гробомъ ея часовня во имя Богоматери; тамъ наконецъ и Усладъ копчилъ печальный остатокъ своей жизни.

ДВА СЛОВА ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

[«Вѣстника Европы»].

Издатель имѣлъ удовольствіе получить изъ Петербурга стихи: *Надпись къ портрету моего оруа П. С.* Опъ почтается за долгъ напечатать ихъ въ Вѣстникѣ, позволяя себѣ однако сдѣлать поправку, которая безъ сомнѣнія будетъ пріятна и для самого автора. Вотъ стихи:

Багряная зари, румяный неба шить,
 Тьмь роищи, въ ночь потокъ, сверляющій
 в долинь,
 Пады печной соловей, три граци въ кар-
 тинъ—
 Вотъ все его добро... и счастлив! оны поэты!
 Семень Ист...мнъ *)

Въ чемъ же состоитъ поправка? Въ бездѣлицѣ. Просимъ нашихъ читателей перемѣнить два слова, и вмѣсто имени, подписаннаго подъ стихами, Семень Ист. мнъ, прочесть просто: Иванъ Дмитріевъ; а въ доказательство, что наше требованіе не безразсудно, развернуть второй томъ книги, подъ заглавіемъ: Сочиненія Н. Дмитріева, на 87 страницѣ тамъ найдутъ они ту же самую надпись, напечатанную четкими Бекетовскими литерами. Но каждому свое! Старый сочинитель написалъ *литерная зари*, а новый отдастъ преимущество слову *багряная* — слава ему! однимъ некуснымъ мапевромъ пера онъ взялъ въ полонъ четыре прекрасные стиха, которыми разсудилъ награждать своего друга. Побѣда неоспорима! по—сѣмъ прибавить—примѣръ опасный! Что если какому нибудь другому автору, или самому же господину Ист...мнъ придетъ въ голову, *переставъ* Душеньку Богдановича, поставить въ заглавіи, вмѣсто слова Душенька, другое, собственнаго рукодѣля, примѣръ: Душечка, и выдать эту поэму въ свѣтъ подъ своимъ именемъ... кто осмѣнется тогда заспорить? И титулъ *оригинальнаго* автора не долженъ ли уступить титулу *подъдоноснаго*, такъ какъ иногда, къ несчастію людей, право *наследника* короны уступаетъ праву ея *похитителя*? Дѣло ясное! Но горе нашимъ писателямъ — и прозаистамъ и стихотворцамъ — которыхъ сочиненія уже напечатаны и извѣстны публикѣ. Можно сказать, что они еще ожидаютъ своихъ сочинителей, или могутъ имѣть множество новыхъ, которые, въ отношеніи къ старымъ,

будутъ тоже, что многіе изъ нынѣшнихъ графовъ, князей и бароновъ въ отношеніи къ своимъ родоначальникамъ, съ тою только разницею, что послѣдніе пользуются именемъ своихъ предковъ, не имѣя иногда ихъ добродѣтелей, а первые будутъ пользоваться *добротелями* своихъ праотцевъ, не имѣя ихъ имени. Какъ бы то ни было, но теперь пускай кто хочетъ надѣется на славу, а мы осмѣливаемся утверждать, что слава — дымъ, и что стремиться за нею есть то же, что бѣжать въ мракъ ночи за летучимъ огнемъ, которой заводитъ — въ болото. И какъ узнать будущее? Кто, напримѣръ, поручится, что нашему старому Ломоносову не назначено судьбою дойти до потопства подъ именемъ какого нибудь Кубышкина, Мартышкина, или Суслѣкова?

Едва лишь что сказать удастся мнѣ счастливо,
 Какъ древность заворчитъ съ досадою:
 что за диво!

Я то же до тебя сказала и давно!

«Смѣшна беззубая! вольно

Ей послѣ не прійти, невѣжд!

Тогда бы сказалъ и то же прежде!

Эта эниграмма написана не даромъ! Давно молодые стихотворцы обвиняютъ, и едва ли не сиравадно, старыхъ въ томъ, что они родились раньше ихъ, и завладѣвши лучшими помѣстьями на Парнасъ, не оставили имъ почти ни одного свободнаго уголка, въ которомъ могли бы они помѣститься съ семействомъ собственныхъ своихъ стиховъ: баллады, шарадъ, диетиховъ, агроетиховъ, сонетовъ, куплетовъ и такъ далѣе, отъ надписи къ портрету до самой огромной эпической поэмы. Нынѣ не довольствуются одними тиетными жалобами; но утѣшаютъ себя за потерянное право старшинства и некоторыми *некусными похищеніями*. И кто, повторю, можетъ предугадать будущее? Откройте исторію! Пронесетъ ли политическаго міра не дадутъ ли и некотораго понятія о томъ, что можетъ случиться въ мірѣ стихотворномъ? Судьба великаго Рима вамъ

*) «Въ оригиналѣ выставлено все имя».

Примѣч. къ тексту.

известна: онъ возрасталъ, усиливался, наконецъ овладѣлъ вселенною—для чего же? Не для того ли, чтобы достаться въ добычу варварамъ, которые нѣсколько вѣковъ таплись во глубинѣ германскихъ лѣсовъ, и вдругъ устремилась на него, какъ волки на добычу свою, будучи сдвинуты съ мѣста выгнавшими другими варварами, Богъ знаетъ къмъ и за что, изъ степей азіатскихъ. Кто бы, напримѣръ, могъ подумать, что нападеніе орды гунновъ на орду готтовъ и переходъ послѣднихъ черезъ Дунай причинить погнѣль Западной Римской Имперіи?—Но оно такъ! и слѣдствіемъ сего происшествія, весьма неважнаго съ перваго взгляда, было совершенное уничтоженіе римской власти на Западѣ, всеобщая перемѣна въ нравахъ, правленіи, въ самыхъ наименованіяхъ земель и народовъ, горестный упадокъ наукъ и художествъ. Перенесетесь же изъ политическаго міра въ міръ стихотворный—почему не вообразить вамъ, что гдѣ-нибудь, въ неизвѣстной глуши Парнасса, скрывается орда стихотворцевъ-гунновъ, готовая при первомъ побудительномъ движеніи устремиться на владѣнія стихотворцевъ-римлянъ, ихъ разорить, присвоить и, уничтоживъ прежнихъ владѣльцевъ, погрузить самыя имена ихъ въ бездну забвенія? *Le présent est gros de l'avenir*, сказалъ, кажется, Декартъ. Поэты и прозаисты, будьте осторожны, готовы уже за Дунаемъ!

ПЕЧАЛЬНОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ,

случившееся въ началѣ 1809 года.

«Описывая вамъ горестную судьбу моего знакома—такъ говорить одинъ неизвѣстный въ письмѣ своемъ къ издателю Вѣстника—желаю, чтобы и читатели вашего журнала объ ней узнали. Для чего? спросите вы—признаться, я въ этомъ не умѣю дать себѣ вѣрнаго отчета; я слишкомъ увѣренъ, что жребій несчастнаго моего друга не можетъ перемѣниться; по сердцу моему необходимо сообщить кому-нибудь и горесть свою и

то мучительное негодованіе, которымъ оно наполнено! Сверхъ того утѣшаю себя мыслью, что низкій злодѣй, разрушившій навсегда счастье двухъ добрыхъ твореній, прочитавъ эти строки, ужаснется самого себя, и страшный свѣтъ пропикнетъ во мрачную душу его, можетъ быть спокойную отъ совершеннаго безчувствія.

«Лиза была дворовая дѣвушка. Госпожа N** воспитала ее вмѣстѣ съ своею дочерью. Она имѣла прекрасное лицо, умъ здоровой, сердце наполненное чувствами, необыкновенными въ ея состояніи и еще болѣе образованными воспитаніемъ. Лиза, осужденная жить въ рабствѣ, съ малолѣтства привыкла пользоваться преимуществами людей свободныхъ и превышающими ее своимъ родомъ и званіемъ. Дѣвица N** вышла замужъ; Лиза досталась ей въ приданое. Въ домѣ W**—новаго ея господина—увидѣла она Ліодора (моего пріятеля), пылкаго, добросердечнаго, благороднаго—увидѣла, полюбила,—сердце ея безъ всякой осторожности плѣнилось тѣмъ чувствомъ, котораго еще она не понимала, и которое втайнѣ влекло ее къ одному, любезнѣйшему предмету—мудрено ли! добрая Лиза имѣла не болѣе пятнадцати лѣтъ, и была еще такъ неопытна. И Ліодоръ почувствовалъ къ ней склонность—а склонность сія въ короткое время сдѣлалась страстію, но страстію нѣжною, почтительною, непорочною. Ліодоръ, восемнадцатилѣтній юноша, имѣлъ пламенную душу; любовь значила для него счастье, и привязанность его къ Лизѣ была источникомъ всѣхъ лучшихъ его чувствъ, всѣхъ благороднѣйшихъ его поступковъ. Два года продолжалась ихъ тайная связь, основанная на счастливомъ согласіи двухъ нѣжныхъ сердець, которыя не желали болѣе еще ничего, кромѣ спокойнаго наслажденія собственными чувствами. Ліодоръ и Лиза выдались очень часто, и каждой день сильнѣе увѣряли себя, что были необходимы другъ для друга.

«Въ концѣ послѣдняго года явился въ домѣ господина W** полковникъ Z**»,

вдовецъ, похоронившій двухъ жёнъ, человекъ грубой, скупой и чрезвычайно неприятный наружностию. Онъ увидѣлъ Лизу и полюбилъ ее—что значитъ полюбилъ? Почувствовалъ нѣкоторое раздраженіе въ душѣ своей, привыкшей къ однимъ удовольствіямъ грубымъ, и совершенно почти усмысленной. Лиза не замѣчала выразительныхъ взглядовъ господина полковника — и могла ли она замѣчать ихъ? Она была такъ невинна, а нѣжная привязанность къ Ліодору занимала всю ея душу. Полковникъ Z*** едѣлся неостетунить, наконецъ объяснился—Лиза отвѣчала ему презрѣніемъ. Это раздражило человека, непривычнаго отъказывать себѣ ни въ одномъ желаніи. Могъ ли онъ вообразить, чтобъ бѣдная Лиза, рожденная *рабой*, способна была чувствовать благородіе, нежели онъ, старый дворянинъ и полковникъ! Онъ началъ за нею присматривать; скоро замѣтилъ, что она любима и была любима—ревность, которая въ сердцѣ нѣжномъ и страстномъ есть тяжкая скорбь, уничтожающая въ немъ самую привязанность къ жизни, въ сердцѣ жестокомъ и способномъ чувствовать одни желанія грубыя, есть бѣшенство, несправедливости и мщеніе.—Полковникъ Z*** рѣшился погубить бѣдную Лизу. Онъ собиравъ господина W** евол замѣчанія и, разумѣется, очернилъ въ глазахъ его непокорную привязанность Лизы къ Ліодору. Молодую дѣвушку лишили прежней ея свободы. Она перестала видаться съ Ліодоромъ, или видалась съ нимъ окруженная свидѣтелями подозрительными, предубѣжденными, несправедливыми — одно только бѣдное лицо, одни только померкшіе и унылые взоры ея говорили бѣдному Ліодору, что онъ любимъ, любимъ но-преждему, любовію нѣжнѣйшею. Въ самомъ страданіи находили они нѣкоторую сладость, ибо сіе страданіе было для нихъ любовію. Но полковникъ Z*** не могъ довольствоваться однимъ несчастіемъ своего соперника — воспламененная чувственность его требовала полной жертвы.

И что священно для человека безъ правды, развратнаго и незнакомаго ни съ однимъ движеніемъ добродѣтели! Полковникъ Z*** обманулъ и родственника своего, господина W**, увѣривъ этого добродушнаго человека, что Лиза дала обѣщаніе Ліодору уѣхать съ нимъ въ Петербургъ, что все уже изготовлено къ побѣгу... однимъ словомъ, господинъ W**, желая, можетъ быть, избавить себя отъ неприятнаго безпокойства и, вѣроятно, не подозревая злодѣйскихъ умысловъ родственника своего, согласился, чтобы несчастную Лизу отвезли въ подмосковную полковника Z***, находящуюся въ 17 верстахъ отъ столицы. Можете ли вообразить тотъ ужасъ, который наполнялъ душу этой бѣдной жертвы, когда объявили ей волю ея господина? Она занемогла жестокою горячкою — по что же? Надъ нею не сжалились — въ бреду и безнадежствѣ отвезли ее въ подмосковную полковника Z***—это случилось 28 февраля, и съ тѣхъ самыхъ поръ участь ея покрыта для меня ужасною неизвѣстностію. Но участь Ліодора... ахъ, несчастный! Полковникъ Z*** распустилъ вездѣ слухъ, что Лиза продана ему господиномъ W**; этотъ слухъ дошелъ и до Ліодора... есть люди, которыхъ сильная горестъ погружаетъ въ какую-то мертвую безчувственность, въ какое-то страшное бездѣйствіе, уничтожающія въ нихъ и память и мысли и самую тѣлесную силу. Таковы были первые чувства Ліодора—и счастливъ невинный его убійца. Но Ліодоръ съ того времени не приходилъ уже въ прежнее положеніе—сначала онъ былъ задумчивъ, мраченъ, ни къ чему не внимателенъ, глаза его были тусклы и мертвы, лицо покрыто ужасною бѣдностію, онъ не говорилъ ни слова, казался безчувственнымъ и даже спокойнымъ; но осьмага марта замѣтили въ немъ признаки сумасшествія. Увы! этотъ несчастный совершенно потерялъ разумъ; но онъ сохранилъ всю прежнюю свою кротость—сумасшествіе Ліодора тихое и унылое: безпрестанно начинаеть

говорить о мученіи своего сердца, о любви, о прежнему своемъ счастьи, твердить всякую минуту ся имя и задумывается. На сихъ дняхъ я былъ у его отца—ахъ! онъ имѣетъ еще отца, и какимъ жребіемъ наказало Провидѣніе этого старца: при концѣ жизни быть надзирателемъ сумасшедшаго сына! Какого жъ сына? Предстнаго юности, которымъ онъ утѣшался, въ которомъ заключены были послѣднія надежды его жизни! Причина сумасшествія Людорова была ему еще неизвѣстна—я разсказалъ ему обо всемъ. Мы оба заплакали слезами, въ присутствіи бѣднаго Людора, который ничего не чувствовалъ и безпрестанно, съ выраженіемъ пѣвнѣйшей, глубокой страсти, твердилъ имя своей Лизы, называлъ ее своимъ ангеломъ, своимъ другомъ, своею жизнію. Ахъ! сказалъ мнѣ старикъ, Богъ тернить пороки и злобу; но такое безвинное, варварское гоненіе рано или поздно будетъ наказано Его правосудіемъ! Я не желаю метить господину полковнику Z***, но я боюсь узнать его!—Онъ подошелъ къ Людору: несчастный, какъ будто почувствовавъ, что горестный отецъ принимаетъ участіе въ его жребіи, протянулъ къ нему руки, прижался къ его сердцу и залился слезами.

«Скажите, милостивый государь, какого имени достоинъ, по вашему мнѣнію, полковникъ Z***? Онъ болѣе, нежели похититель чужой собственности: потерянную вещь, какъ бы ни была она драгоценна, можно забыть или замѣнить ее другою—но что замѣнить потерю того блага, съ которымъ сопряжены были всѣ наши надежды, все наше счастье? Онъ болѣе, нежели убійца: похититель жизни причиняетъ намъ одно минутное зло; но похититель счастья, оставляя намъ жизнь, даритъ насъ однимъ безполезнымъ благомъ, однимъ мучительнымъ чувствомъ нашей утраты. Извѣстна казнь, опредѣленная законами похитителю и убійцѣ; но что, скажите, опредѣлитъ законъ злодѣю, по наружности правому передъ его

зеркаломъ, сластолюбцу, коварному клеветнику, хитрому губителю непорочности, скрывающему себя подъ личиною правоты и чести? Порочный достоинѣе наказанія, нежели преступникъ—и ему однако пѣтъ наказанія! Не говорите мнѣ о презрѣніи свѣта—свѣтъ равнодушенъ и беззаботенъ. Его легко обманешь наружностію; и кто возьметъ на себя разсматривать настоящія причины поступковъ? Въ свѣтѣ презираютъ злодѣя—но показываютъ презрѣніе только къ тѣмъ, которые не имѣютъ ни достатка, ни блеску, сопряженнаго съ чиномъ или знатностію рода. А что нужды злодѣю въ томъ презрѣніи, которое онъ заслуживаетъ, по которому отъ него скрываютъ! Полковникъ Z*** имѣетъ достатокъ; онъ можетъ угостить въ домѣ своемъ двадцать или тридцать человѣкъ—чего же болѣе? Онъ спокоенъ насчетъ общаго мнѣнія; а уваженіе нѣкоторыхъ честныхъ *чудаковъ* такъ же для него мало значить, какъ и уваженіе собственное. Не говорите мнѣ объ упрекахъ совѣти—душа, приученная къ чувствамъ грубымъ, засыпается и дѣлается несообщною къ благороднымъ страданіямъ совѣти! Я увѣренъ, что всякой закоренѣлый злодѣй спокоенъ въ сердцѣ своемъ [не говорю счастливъ], и даже почитаетъ себя правымъ по тѣхъ поръ, пока окружающіе его, по наружности, его оправдываютъ или по крайней мѣрѣ его не обвиняютъ—а много ли въ нынѣшнемъ свѣтѣ рыцарей честности и добродѣтели? Всякой старается быть честнымъ и добрымъ для себя, не заботясь о томъ, каковъ его ближній! беззаботность гибельная и слишкомъ выгодная для людей порочныхъ. Итакъ, милостивый государь, нельзя надѣяться, чтобы полковникъ Z*** наказанъ былъ или строгостію законовъ, или презрѣніемъ всеобщимъ; всема даже вѣроятно, что самая совѣтъ его покойна—я не знаю, долго ли продолжится это спокойствіе—но я желаю бы увидѣть этого человѣка на одрѣ смертномъ.»

Издатель позволяетъ себѣ сдѣлать при этомъ случаѣ одно замѣчаніе насчетъ

нѣкоторыхъ мнимыхъ благотвореній, весьма обыкновенныхъ въ свѣтъ. Многіе изъ русскихъ дворянъ имѣютъ при себѣ такъ называемыхъ *фаворитовъ*. Что это значить? Они выбираютъ или мальчика или дѣвочку изъ состоянія служителей, приближаютъ ихъ къ своей *особи*, даютъ имъ воспитаніе, имъ неприничное, позволяютъ имъ пользоваться преимуществами, имъ не принадлежащими, и—оставляютъ ихъ въ прежней *зависимости*. То ли называется благотвореніемъ? Человѣкъ *зависимый*, знакомый съ чувствами и понятіями людей *независимыхъ*, несчастливъ навѣки, если не будетъ дано ему благо, все превышающее—свобода! Для чего развиваете въ бѣдномъ слугѣ познанія и таланты? Для того ли, чтобы онъ могъ легче почувствовать, современнымъ, что Провидѣніе наградило его такимъ удѣломъ, въ которомъ и таланты его и познанія должны угаснуть безплодно? Если вы образуете его единственно для себя, то ваше благотвореніе есть самый жестокой эгоизмъ, или лучше еказать злодѣйство, украшенное блестящею личною благотвѣтельностью! Просвѣщеніе должно возвышать человѣка въ собственннхъ его глазахъ—а что унижаетъ рабства! Вы замѣчаете въ своемъ человѣкѣ дарованія и умъ необыкновенный—итакъ, прежде нежели рѣшитесь открыть ему тайну его сокровища, возвратите ему свободу! или убійственное чувство рабства уничтожить все вани о немъ попеченія. Вы или укажете ему дорогу къ испорченности и разврату; или душа его—если она неспособна привязаться къ пороку—увипнетъ отъ тайной скорби, всегда неразлучной съ униженіемъ. Примѣры безчисленны. Я знаю одного живописца—онъ былъ крѣпостной человѣкъ добраго господина, получилъ хорошее образованіе, жилъ на волѣ и пользовался талантомъ своимъ, по еще не имѣлъ свободы. Что же? Господинъ его умеръ—и этотъ бѣдникъ достался другому, вѣроятно не имѣющему особеннаго уваженія къ челоѣчеству. Новый господинъ взялъ его въ

домъ—и теперь этотъ челоѣкъ, который прежде принимаемъ былъ съ отличіемъ и въ лучшемъ обществѣ, потому что вмѣстѣ съ своимъ талантомъ имѣлъ и паружность весьма благородную—бѣднъ въ ливреѣ за каретою, разлученъ съ женою, которая отдана въ приданое за дочерью господина его—я встрѣтился съ нимъ въ одной лавкѣ, и едва могъ узнать его въ новомъ нарядѣ, а еще болѣе по непріятному запаху вина, которое, вѣроятно, служить ему нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ горестной его участи. Гдѣ же плоды благотвореній, оказанныхъ ему *добрымъ* его господиномъ? Повторяю: такіа благотворенія гибельны и по большей части бываютъ причиною одного разврата. Отчего, напримѣръ, замѣчаютъ въ простыхъ крестьянахъ менѣе испорченности, нежели въ дворовыхъ людяхъ, близкихъ къ господамъ своимъ? Не оттого ли, что послѣдніе, сохраняя свое рабство, имѣютъ янѣйшее понятіе о состояніи людей свободныхъ, и научаясь презирать собственное, досадаютъ на судьбу свою—а ихъ развращеніе не есть ли необходимое слѣдствіе сей тайной досады, невольнаго отравляющей душу? Анекдотъ, сообщенный издателю отъ неизвѣстнаго, можетъ быть страшнымъ урокомъ для многихъ, такъ называемыхъ благотворителей. Для чего эта погибшая Лиза получила понятіе о такомъ счастіи, о которомъ, вѣроятно, никогда бы не могла подумать, если бѣ безразсудная благотворительность ея госпожи не извлекала ее изъ состоянія простой служанки? Для чего воспитали ее съ такимъ тщаніемъ? Для того ли, чтобы она съ живѣйшимъ ужасомъ могла теперь осматривать ту бездну, въ которую низвергнута коварною злобою развратника? Кто жъ настояще ея губители? Не тѣ ли самыя, которые, можетъ быть, въ свѣтъ присвоиваютъ себѣ великолѣпное титло ея благотворителей?

О БАСНѢ И БАСНЯХЪ КРЫЛОВА.

Что въ наше время называется баснею? Стихотворный разсказъ происшествія, въ

которомъ дѣйствующими лицами обыкновенно бываютъ или животныя, или твари неодушевленные. Цѣль сего разсказа — впечатлѣніе въ умъ какой нибудь нравственной истины, замѣтвемой изъ общезжитія, и слѣдовательно болѣе или менѣе полезной.

Отвлеченная истина, предлагаемая простымъ и вообще для рѣдкихъ пріятнымъ языкомъ философа-моралиста, дѣйствуя на одиѣ способности умственной, оставляетъ въ душѣ человѣческой одни только легкія и слышномъ скоро исчезающій слѣды. Та же самая истина, представленная въ дѣйствіи, и слѣдовательно пробуждающая въ насъ и чувство и воображеніе, принимается въ глазахъ нашихъ образъ вещественный, впечатлѣвается въ разсудкѣ сильнѣе и должна сохраняться въ немъ долѣе. Какое сравненіе между сухимъ понятіемъ, облеченнымъ въ простую одежду словъ, и тѣмъ же самымъ понятіемъ, одушевленнымъ, украшеннымъ пріятностію вымысла, имѣющимъ отличительную, замѣтную для воображенія нашего форму? — Таковъ главный предметъ баснописца.

Дѣйствующими лицами въ баснѣ бываютъ обыкновенно или животныя, или шешныя разсудка, или творенія неодушевленные. Полагаю тому четыре главныя причины. Первая: *особенность характера*, которою каждое животное отличено одно отъ другаго. Басня есть мораль въ дѣйствіи; въ ней общія понятія нравственности, извлекаемая изъ общезжитія, примѣняются, какъ сказано выше, къ случаю частному, и посредствомъ сего примѣненія дѣлаются оцутительнѣе. Тотъ міръ, который находимъ въ баснѣ, есть нѣкоторымъ образомъ чистое зеркало, въ которомъ отражается *міръ человѣскій*. Животныя представляютъ въ ней человѣка, но человѣка въ нѣкоторыхъ только отношеніяхъ, съ нѣкоторыми свойствами. и каждое животное, имѣя при себѣ свой неотъемлемый постоянный характеръ, есть, такъ сказать, *готовое* и для каждаго ясное изображеніе какъ человѣка, такъ

и характера, ему принадлежащаго. Вы заставляете дѣйствовать волка — я вижу проважанаго хищника; выводите на сцену лисицу — я вижу лъстеца или обманщика — и вы избавлены отъ труда прибѣгать къ излишнему объясненію. Второе: перенося воображеніе читателя въ повѣи мечтательный міръ, вы доставляете ему удовольствіе *сравнить* вымышленное съ существующимъ (которому первое служитъ подобіемъ), а удовольствіе сравненія дѣлаетъ и самую мораль привлекательною. Третье: басня есть нравственный *урокъ*, который, съ помощію скотовъ и вещей неодушевленныхъ, даетъ въ человѣку; представляя ему въ примѣръ существа, отличныя отъ него натурою, и совершенно для него чуждыя, вы падаете его самолюбіе, вы заставляете его судить безпристрастно, и олъ нечувствительно проносятся строгій приговоръ надъ самимъ собою. Четвертое: *прелесть чудеснаго*. На ту сцену, на которой призывали мы видѣть дѣйствующимъ человѣка, выводите вы могуществомъ поэзіи такія творенія, которыя въ существности удалены отъ нея природою — чудесность, столь же для насъ пріятная, какъ и въ эпической поэмѣ дѣйствіе сверхъестественныхъ силъ, духовъ, эльфовъ, гномовъ и имъ подобныхъ. Разительность чудеснаго сообщаетъ нѣкоторымъ образомъ и той морали, которая сокрыта подъ нимъ стихотворцемъ: а читатель, чтобы достигнуть до этой морали, согласенъ и самую чудесность принимать за естественное.

Напрасно приписываютъ изобрѣтеніе басни рабству *), а честь сего изобрѣтенія отдають въ особенности какому-то азіатскому народу. Не знаю, почему рабамъ

*) Il est vraisemblable que les fables, dans le goût de celles qu'on attribue à Esope et qui sont plus anciennes que lui, furent inventées en Asie par les premiers peuples subjugués; des hommes libres n'auraient pas eu toujours besoin de déguiser la vérité: on ne peut parler à un tyran qu'en paraboles, encore ce détour même est-il dangereux. *Voltare. Questions sur l'Encyclopédie. Art. Fable. Примѣч. съ текстъ.*

приличіе употреблять иносказанія, нежели свободнымъ. Если невольникъ, опасаясь раздражить тирана, принужденъ скрывать истину подъ маскою вымысла, то человѣкъ свободный, въ угожденіе самолюбію — другаго рода тирану и, можетъ быть, еще болѣе взыскательному — не менѣе обязанъ украшать предлагаемое имъ повѣствованіе формою пріятною. Въ обоихъ случаяхъ положеніе моралиста одинаково. Что же касается до изобрѣтенія, то басня, кажется намъ, принадлежитъ не одному народу въ особенности, а всемъ вообще, равно какъ и всѣ другіе роды поэзіи. Вѣроятно, что прежде она была собственностію не стихотворца, а оратора и философа. И ораторъ и философъ, разсуждая о предметахъ политики и нравственности, употребляли, для болѣе ясной ясности, сравненія и примѣры, заимствованныя изъ общежитія или природы. Отъ престога примѣра, въ которомъ представляемо было одно только сходство идеи предлагаемой съ предметомъ замѣтнымъ, легко могли перейти къ баснѣ, въ которой предлагаемая истина выводима изъ *дѣйствія* вымышленнаго, но имѣющаго отношеніе къ дѣйствию настоящему и, такъ сказать, заступающему его мѣсто [ибо, для произведенія сильнѣйшаго впечатлѣнія, дѣйствіе вымышленное должно быть припмасмо въ баснѣ (условно) за събыточное, возможное, и какъ будто въ самомъ дѣлѣ случившееся]. Примѣръ объясняетъ мысль, но онъ сливается съ ея предложеніемъ и, такъ сказать, въ немъ исчезаетъ. Басня есть нѣчто отдѣльное и цѣлое, она заключаетъ въ себѣ дѣйствіе для насъ привлекательное — отъ сей отдѣльности и цѣлости и самая мораль получаетъ характеръ отличный; а, будучи выводима изъ дѣйствія привлекательнаго, сама становится для насъ привлекательнѣе.

Въ исторіи басни можно замѣтить три главныя эпохи: первая, когда она была не иное что, какъ простой риторическій способъ, примѣръ, сравненіе; вторая, когда получила бытіе отдѣльное и сдѣлалась

однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ способовъ предложенія моральной истины для оратора или философа нравственнаго — таково басни, извѣстныя намъ наименѣе Эзоновыхъ, Федровы и въ наше время Лесенгины; третья, когда изъ области краснорѣчія перешла она въ область поэзіи, то есть получила ту форму, которой обязана въ наше время Лафонтену и его подражателямъ, а въ древности Горацію *). Древніе философы — древнихъ баснописцевъ надлежитъ скорѣе причислить къ простымъ моралистамъ, нежели къ поэтамъ] — не сочинили басенъ; они разсказывали ихъ при случаѣ, примѣняя ихъ къ обстоятельствамъ или къ той истинѣ, которую доказать были намѣрены; они хотѣли не нравиться своимъ разсказомъ, а просто повѣствовать, и для того, употребляя басню, какъ способъ убѣжденія, менѣе заботились о формѣ ея, нежели о согласіи своего вымысла съ моральною истиною, изъ него извлекаемою, или тѣмъ случаемъ, замѣваннымъ изъ общежитія, которому онъ служилъ подобіемъ. Слѣдственно отличный характеръ басенъ древнихъ должна быть краткость. Моральность, имѣя въ предметъ: запечатлѣть въ умѣ читателя или слушателя извѣстное правило практической морали, долженъ необходимо избѣгать всякой излишности въ разсказѣ — слѣдовательно всякое *украшеніе* почитать излишностію. Языкъ его долженъ быть самый простой и краткій — слѣдовательно проза [Федръ писалъ въ стихахъ; но его стихи отличны отъ простой прозы однимъ только размеромъ]; наконецъ, заставляя дѣйствовать скотовъ и тварей неодушевленныхъ, онъ долженъ употреблять ихъ какъ *одни аллегорическіе образы* тѣхъ характеровъ, которые намѣренъ изобразить — слѣдовательно въ одномъ только отношеніи къ симъ характерамъ, а не давать каждому характера собственнаго, ему принадлежащаго, неограниченнаго, что отвлекло бы вниманіе отъ главнаго предмета, то есть,

*) Сатира VI, книга II. *Примѣч. въ текстѣ.*

отъ морали, и обратно бы его на принадлежность, то есть, на тѣ аллегорическія лица, которыя входятъ въ составъ басни. Лучшимъ образцомъ такихъ басенъ могутъ быть, по мнѣнію моему, Лессинговы. — Но, сдѣлавшись совѣтственно стихотворца, басня перемѣнила и форму: что прежде было простою принадлежностью—я говорю о дѣйствіи—то сдѣлалось главнымъ и столь же важнымъ для стихотворца, какъ и самая мораль. Поэзію называютъ *подражаніемъ природѣ*; цѣль ея: *правиться* воображенію, образуя, разсудокъ и сердце—сдѣловательно и баснописецъ-поэтъ необходимо долженъ, подражая той природѣ, которую беретъ за образецъ, *правиться* воображенію своимъ подражаніемъ. Итакъ, въ баснѣ стихотворной я долженъ подъ личною вымысла находить существенный міръ со всеми его отгѣнками; животныя, герои басни, представляють людей: сдѣловательно они должны для воображенія моего сохранить не только собственныи дашный природою имъ образъ, но вмѣстѣ и относительный, дашный имъ стихотворцемъ, такъ чтобы я видѣлъ предъ собою въ одномъ и томъ же лицѣ и животное и тотъ человѣческій характеръ, которому оно служить изображеніемъ, со всеми ихъ отличительными чертами.—Баснописецъ-поэтъ составляетъ *одинъ фантастическій міръ изъ двухъ существенныхъ*: въ одномъ изъ сихъ послѣднихъ замѣстуетъ онъ характеры, свойства моральныя и самое дѣйствіе, въ другомъ одинъ только лица. Чего же я отъ него требую? Чтобы онъ изъяснялъ мое воображеніе вѣрнымъ изображеніемъ лицъ; чтобы онъ своимъ разсказомъ принудилъ меня принимать въ нихъ живое участіе; чтобы овладѣлъ и вниманіемъ моимъ и чувствомъ, заставляя ихъ дѣйствовать согласно съ моральными свойствами, имъ данными; чтобы волшебствомъ поэзіи увлекъ меня вмѣстѣ съ собою въ тотъ мысленный міръ, который созданъ его воображеніемъ, и сдѣлать на время, такъ сказать, согражданиномъ его обитателей; и чтобы, наконецъ,

удовлетворилъ разсудку моему какію нибудь моральною истиною, которая не иное что, какъ цѣль, къ которой привелъ онъ меня стезею цвѣтущею. Таковы басни стихотворцевъ повѣвшихъ, и въ особенноти Лафонтеновы.

Изъ всего, сказаннаго выше, слѣдуетъ, что басня [не смотря на Лессингово, нѣсколько натянутое раздѣленіе] можетъ быть естественно: или *прозаическая*, въ которой вымыселъ безъ всякихъ украшеній, ограниченный однимъ простымъ разсказомъ, служитъ только прозрачнымъ покровомъ нравственной истины; или *стихотворная*, въ которой вымыселъ украшенъ всеми богатствами поэзіи, въ которой главный предметъ стихотворца: запечатлѣвая въ умѣ нравственную истину, правиться воображенію и трогать чувство.

Что же, спрашиваемъ, составляетъ совершенство басни? Въ прозаической—краткость, ясный слогъ, соотвѣтственность вымышленнаго происшествія той морали, которая должна быть изъ него извлекаема. Но стихотворная? Она требуетъ гораздо болѣе, и мы, чтобы получить нѣкоторое понятіе о совершенствѣ ея, взглянемъ на того стихотворца, который, первый показавъ образецъ стихотворной басни, остался навсегда образцомъ неподражаемымъ — я говорю о Лафонтенѣ. Опредѣливъ характеръ сего единственнаго стихотворца, мы въ то же время опредѣлимъ и истинный характеръ *совершенной* басни.

Нельзя, мнѣ кажется, достигнуть до надлежаннаго превосходства въ селъ родѣ стихотворенія, не имѣвъ того характера, который находимъ въ Лафонтенѣ, получившемъ отъ современниковъ наименованіе *добродушиаго*. Баснописецъ есть сынъ природы, предпочтительно предъ всеми другими стихотворцами. Самый обыкновенный умъ способенъ украсить правоученіе вымысломъ, вывесъ на сцену скотовъ и дать языкъ вещамъ неодушевленнымъ—но будетъ ли въ произведеніяхъ его та прелесть, которую находимъ въ басняхъ и вообще во всехъ сочиненіяхъ Лафонтена? Чтобы принимать живое уча-

етіе въ тѣхъ маловажныхъ предметахъ, которые должны *овладѣть вниманіемъ* баснописца, и сдѣлать ихъ занимательными для самаго хладнокровнаго читателя, надлежитъ имѣть сію неискусственную чувствительность певниаго сердца, которая привязываетъ его ко всѣмъ созданіямъ природы безъ изытія; сію полноту души, съ которою бываемъ мы счастливы при совершенномъ недостаткѣ премушества, доставляемыхъ и обществомъ и фортуною, съ которою мы веселы въ уединеніи, и запяты, не имѣя никакого дѣла: сіе расположеніе къ добру, съ которымъ все представляется намъ и въ обществѣ и въ природѣ прекраснымъ, потому что все бываетъ тогда украшено въ глазахъ нашихъ собственнымъ нашимъ чувствомъ; сію беззаботность, которая оставляетъ намъ полную свободу заниматься съ удовольствіемъ такими вещами, которыя для другихъ какъ будто не существуютъ, или кажутся презрѣнными; сіе *простодушіе*, которое увѣряетъ насъ, что всѣ имѣютъ одинакое съ нами чувство и всѣ способны принимать одинакое съ нами участіе въ тѣхъ предметахъ, которые для насъ одни привлекательны; тогда вся природа наполнена для насъ существами знакомыми и любезными нашему сердцу; всѣ творенія составляютъ наше семейство—мы трогаетъ судьбою увядающаго цвѣтка, раздѣляемъ заботливость ласточки, свивающей для малютокъ своихъ гнѣздо, наслаждаемся, внимая пѣнію пустыннаго соловья, и сожалѣемъ о немъ, будучи *искренно утѣренны*, что и онъ имѣетъ свои потери; чувства сіи живы, потому что душа, наполненная ими, будучи нетишно непопоща, предается имъ съ младенческою беззаботностію, не развлекаема никакимъ постороннимъ безпокойствомъ, никакою возмутительною страстію. Таковъ характеръ Лафонтена. Можно ли жь удивляться, что басни его имѣютъ для всѣхъ неизъяснимую прелесть? Лафонтенъ разсказываетъ намъ о тѣхъ существахъ, которыя къ нему близки, и первый совершенно увѣренъ въ истинѣ своего разсказа. Но-

думаешь, что натура наимеовала его историкомъ того міра, въ который онъ переселился воображеніемъ; онъ разсказываетъ съ чувствомъ о своей родинѣ; онъ хочетъ и насъ заставить полюбить ту сторону, которая ему такъ мила и знакома; онъ говоритъ съ вами не для того, чтобъ быть вашимъ паставникомъ, но для того, что ему весело говорить; не ищите въ басняхъ его морали—ея нѣтъ!—но вы найдете въ нихъ его душу, которая вся изливается передъ вами въ прелестныхъ чувствахъ, въ простыхъ, для всякаго ясныхъ мысляхъ, безъ умысла, безъ искусства; вы слышите милаго младенца, исполненнаго высокой мудрости; научаясь любить его, становитесь сами и лучше и довольнѣе собственнымъ бытіемъ, и почувствительно находите все вокругъ себя прекраснымъ. Читая Лафонтена, замѣчаемъ въ душѣ своей то чувство, которое обыкновенно производитъ въ ней присутствіе скромнаго, милаго, совершенно добродушнаго мудреца—она спокойна, счастлива, довольна и природою и собою. Съ такимъ единственнымъ характеромъ Лафонтенъ соединялъ и дарованія поэта въ высочайшей степени. Что называю дарованіемъ поэта? Воображеніе, представляющее предметы живо и съ самой привлекательной стороны, способность изображать сіи предметы для другихъ приличными имъ красками, и такъ, что бы они представлялись имъ съ такою же ясностію, съ какою и намъ самимъ представляются; способность [въ особенности необходимая баснописцу] разсказывать просто, пріятно, безъ принужденія, но разсказывать языкомъ стихотворнымъ, то есть, украшая безъ всякой натяжки простой разсказъ выраженіями высокими, поэтическими вымыслами, картинами, и разнообразіемъ его смѣлыми оборотами. Таковъ Лафонтенъ въ своихъ басняхъ. Никто не имѣетъ столь непринужденно переходить отъ простаго предмета къ высокому, отъ обыкновеннаго разсказа къ стихотворному, никто не имѣетъ такого разнообразія оборотовъ; такой живости выраженій,

такого искусства сливать съ простымъ описаніемъ остроумныя мыслы или нѣжныя чувства. Найдите въ баснѣ: *Ястреба и Голуби* (Livre VII. Fable VIII.) описаніе сраженія; читая его, можете вообразить, что дѣло идетъ о римлянахъ и германцахъ: такъ много въ немъ поэзіи; по тонъ стихотворца ни мало не покажется вамъ неприличнымъ его предмету. Отъ чего это? Отъ того, что онъ воображеніемъ пренебрегаетъ при томъ пренебреженіи, которое описываетъ, и первый совершенно увѣренъ въ его важности; не мыслитъ васъ обманывать, но самъ обмануть. Въ этой же баснѣ замѣтите вы удивительное искусство Лафонтена: занимаясь однимъ предметомъ, изображать мимоходомъ предметы посторонніе и пріятныя; онъ говоритъ о ястребахъ:

Certain sujet fit naître la dispute
Chez les oiseaux — non ceux que le printemps
Mène à sa cour et qui sous la feuillée,
Par leur exemple et leurs sons éclatants
Font que Vénus est en nous réveillée, и проч.

Вашему воображенію представляются первыя минуты весны: вы видите молодыя деревья, подъ которыми ноютъ птицы, и со всею тѣмъ ваше вниманіе не отвлечено отъ главнаго предмета; ибо эта прелестная картина естественно слѣдуетъ съ описаніемъ главнымъ. Далѣе, говоря о голубяхъ, Лафонтенъ одною чертою изображаетъ и ихъ наружность и ихъ характеръ:

..... Nation
Au col changeant, au cœur tendre et fidèle.

Въ первомъ полустини картина; въ послѣднемъ трогательное нѣжное чувство; стихотворецъ, изображая предметы, общается вамъ и то пріятное расположеніе души, съ какимъ онъ самъ на нихъ смотритъ. Таково неподражаемое искусство Лафонтена.

Изъ всего, что сказано выше, легко можно вывести общія правила для баснописца. Оставляя этотъ трудъ напимъ читателямъ, мы обратимъ глаза на *Басни*

Крылова, которыя подали намъ поводъ къ симъ разсужденіямъ *). Чтобы опредѣлить характеръ нашего стихотворца, надлежитъ разсматривать басни его не съ той точки зрѣнія, съ какой обыкновенно смотримъ на басни Лафонтена. Лафонтенъ, который не выдумалъ ни одной собственной басни, почитается, не смотря на то, поэтомъ оригинальнымъ. Причина ясна: Лафонтенъ, замѣтуя у другихъ вымыслы, ни у кого не замечивалъ ни той прелести слога, ни тѣхъ чувствъ, ни тѣхъ мыслей, ни тѣхъ истинно стихотворныхъ картинъ, ни того характера *простоты*, которыми украсилъ и, такъ сказать, обратилъ въ свою собственность замеченное. *Разсказъ* принадлежитъ Лафонтену; а въ стихотворной баснѣ разсказъ есть главное. Крыловъ, напротивъ, занявъ у Лафонтена [въ большей части басенъ своихъ] и вымыслъ и разсказъ: слѣдственно можетъ имѣть право на имя автора оригинальнаго по одному только искусству присвоивать себѣ чужія мыслы, чужія чувства и чужой гений. Не опасаясь никакаго возраженія, мы позволяемъ себѣ утверждать рѣшительно, что подражателъ — стихотворецъ можетъ быть авторомъ *оригинальнымъ*, хотя бы онъ не написалъ и ничего собственнаго. Переводчикъ въ *прозѣ* есть рабъ; переводчикъ въ *стихахъ* — соперникъ. Вы видите двухъ актеровъ, которые занимаютъ искусство декламации у третьяго; одинъ подражаетъ съ рабскою точностію и взорамъ и тѣлодвиженіямъ образца своего; другой напротивъ, стараясь сравниться съ нимъ въ превосходствѣ представленія одипакой роли, употребляетъ способы *собственные*, ему одному пріличные. Поэтъ оригинальный воспламеняется идеаломъ, который находитъ *у себя въ воображеніи*; поэтъ-подражателъ въ такой же степени воспламеняется образомъ своимъ, который заступая для него тогда мѣсто идеала собственнаго:

*) Здѣсь говорится о *первомъ* изданіи Крылова, въ одной книгѣ, 1808 года. *Примѣкъ въ текстъ*.

слѣдственно переводчикъ, уступая образцу своему палому избрѣтательности, долженъ необходимо имѣть почти одинакое съ нимъ воображеніе, одинакое искусство слога, одинакую силу въ умѣ и чувствахъ. Скажу болѣе: подражатель, не будучи избрѣтателемъ въ *цѣломъ*, долженъ имъ быть непременно *по частямъ*; прекрасное рѣдко переходитъ изъ одного языка въ другой, не утративъ нѣсколько своего совершенства: что же обязанъ дѣлать переводчикъ? Находить у себя въ воображеніи такія красоты, которыя бы могли служить *замѣною*, слѣдовательно производить *собственное*, равно и превосходное: не значитъ ли это быть творцомъ? И не потребно ли для того имѣть дарованіе писателя оригинальнаго? Замѣтимъ, что для переводчика басня оригинальность такого рода гораздо нужнѣе, нежели для переводчика оды, эпонеи и другихъ *возвышенныхъ* стихотвореній. Всѣ языки имѣютъ между собою нѣкоторое сходство въ высокомъ, и совершенно отличны одинъ отъ другаго въ простомъ, или, лучше сказать, въ простонародномъ. Оды и прочія возвышенныя стихотворенія могутъ быть переведены довольно близко, не потерявъ своей оригинальности; напротивъ басня [въ красоту, принадлежащую всемъ другимъ родамъ стихотворства] будетъ совершенно испорчена переводомъ близкимъ. Что жъ долженъ дѣлать баснописецъ-подражатель? Творить въ подражаніи своимъ красоты, отвѣчающія тѣмъ, которыя онъ находитъ въ подлинникѣ. А если онъ не имѣетъ ни чувства, ни воображенія того стихотворца, которому подражаетъ, что будетъ его переводъ? Смѣшная карикатура прекраснаго подлинника.

Мы позволяемъ себѣ утверждать, что Крыловъ можетъ быть причисленъ къ переводчикамъ искуснымъ, и потому точно заслуживаетъ имя стихотворца оригинальнаго. Слогъ басенъ его вообще легокъ, четкъ и всегда пріятенъ. Онъ рассказываетъ свободно, и рѣдко съ тѣмъ милымъ простодушіемъ, которое такъ

плѣнительно въ Лафонтенѣ. Онъ имѣетъ глѣбкій слогъ, который всегда примѣняется къ своему предмету: то возвышается въ описаніи величественномъ, то трогаетъ васъ простымъ изображеніемъ плѣннаго чувства, то забавляетъ смѣшнымъ выраженіемъ или оборотомъ. Онъ искусенъ въ живописи — имѣя даръ воображать весьма живо предметы свои, онъ умѣетъ и переселять ихъ въ воображеніе читателя; каждое дѣйствующее въ баснѣ его лицо имѣетъ характеръ и образъ, ему одному приличные; читатель точно присутствуетъ мысленно при томъ дѣйствіи, которое описываетъ стихотворецъ.

Лучшими баснями изъ XXIII, имѣющихъ каждая свое достоинство, почитаемъ слѣдующія: *Два Голубя*, *Невѣста*, *Стрекоза* и *Муравей*, *Пустьникъ* и *Медведь*, *Лягушки*, *просіяніи царя*.

Два Голубя, басня, переведенная изъ Лафонтена, кажется намъ почти столько же совершенною, какъ и басня Дмитріева того же имени: въ обѣихъ рассказъ равно пріятенъ; въ послѣдней болѣе поэзіи, краткости и силы въ слогѣ; зато въ первой, если не ошибаемся, чувства выражены съ большимъ простодушіемъ.

Два голубя, какъ два родные брата жили;
Другъ безъ друга они не жили и не пили;
Гдѣ виднѣ одного, другой ужъ вѣрно тамъ;
И радость и печаль, все было пополамъ.
Не видѣли они, какъ время пролетало:
Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.

Въ этихъ шести стихахъ, которые всѣ принадлежатъ подражателю, распространяетъ одинъ прекрасный стихъ Лафонтена:

Deux pigeons s'aimaient d'amour tendre.

но они вѣрно не покажутся никому изпѣнными. Можно ли пріятнѣе представить счастливое согласіе двухъ друзей? Вотъ то, что называется замѣнить красоты подлинника собственными. Вы конечно замѣтили послѣдній, простой и плѣнный стихъ:

Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.

Ну, кажется, куда бы хотѣлъ

Или отъ милой, или отъ друга?—

Нѣтъ, вздумалъ странствовать одинъ изъ нихъ: летѣть,

И этихъ стиховъ пѣтъ въ подлинникѣ — по они милы тѣмъ простодушіемъ, съ какимъ выражается въ нихъ иѣжное чувство.

Хотите ли картинъ? Вотъ изображеніе бури въ одномъ живописномъ стихѣ:

Вдругъ въ встрѣчу дождь и громъ;
Подъ нимъ, какъ океанъ, сплѣтеть степь
кругомъ.

Вотъ изображеніе опасности голубка-путешественника, котораго преслѣдуетъ ястребъ:

Ужъ когти хищныя надъ нимъ распушены;
Ужъ холодомъ въ него съ широкихъ крыль-
евъ пахнетъ.

Въ Лафонтенѣ этихъ стиховъ пѣтъ; по раздражатель, кажется, хотѣлъ замѣнить ими другіе два, иѣсколько ослабленные имъ въ переводѣ:

...Quand des nues

Fond à son tour un aigle aux ailes étendues.

Сожалѣемъ также, что онъ выпустилъ прекрасный стихъ, который переведенъ такъ удачно у Дмитріева:

Le pigeon profita du conflit des voleurs —
Итакъ, благодаря стеченію воровъ.

Стихъ тѣмъ болѣе важный, что въ немъ стихотворецъ мимоходомъ одною чертою напоминаетъ намъ о томъ, что дѣлается въ свѣтѣ, гдѣ иногда раздоръ злодѣевъ бываетъ спасеніемъ невинности. Это искусство *намекать* принадлежитъ въ особенности Лафонтену. Заключение басни прекрасно въ обоихъ переводахъ, съ тою только разницею, что Крыловъ замѣнилъ стихи подлинника собственными, а Дмитріевъ перевелъ очень близко Лафонтена и съ нимъ сравнился. Выишемъ и тѣ и другіе:

Кляни охоту видѣть свѣтъ,
Пошелся кое-какъ домой безъ новыхъ бѣдъ...
Счастливъ еще: его тамъ дружба ожидаетъ!

Къ отрадѣ оиъ споси
Услугу, дѣкаря и помощь видать въ ней;
Съ ней скоро и бѣды и горе забываетъ.

О вы, которые обѣхать свѣтъ вокругъ
Желаніемъ горите,

Вы эту басенку прочтите,
И въ дальній путь такой пускайтесь не-
вдругъ:

Что бы ни судило вамъ воображенье ваше —

Не вѣрьте, той земни не сынете вы краине,
Гдѣ ваша милая и гдѣ живетъ вашъ другъ.
Крыловъ.

О вы, которыхъ богъ любви соединилъ,
Хотите ль страствовать? Забудьте гордыи
Пиль

И далѣ ближняго ручья не разлучайтесь.
Чѣмъ любоваться вамъ? Другъ другомъ
восхищайтесь;

Пускай одинъ въ другомъ находитъ каждый
часть
Прекрасный, новый міръ, всегда разно-
образный.

Бываетъ ли въ любви хоть мигъ для сердца
праздный?

Любовь, повѣрьте мнѣ, все замѣнить для васъ.
Я самъ любилъ — тогда за дугъ уединенный,
Присутствіемъ моею любезной озаренный,
Я не хотѣлъ бы взять ни мраморныхъ палатъ,
Ни царства въ небесахъ... Придете ль вы
пазадъ,

Минуты радостей, минуты восхищеній?
Иль буду я однимъ воспоминаемъ жить?

Ужель прошла пора столь милыхъ об-
лищеній,

И полно мнѣ любить?

Дмитріевъ.

Послѣдніе стихи лучше первыхъ — по должно ли ихъ и сравнивать? Крыловъ, не желая переводить снова, а можетъ быть и не надѣясь перевести лучше то, что переведено какъ нельзя лучше, замѣнилъ красоту подлинника собственною. Заключение басни его [если не сравнивать его ни съ Лафонтеновымъ, ни съ переводомъ Дмитріева] прекрасно само по себѣ. Напримѣръ, послѣ подробнаго описанія несчастій голубка-путешественника, не тронетъ ли васъ этотъ одинъ прекрасный и иѣжный стихъ?

Счастливъ еще: его тамъ дружба ожидаетъ.

Авторъ поставилъ одно имя дружбы въ противоположность живой картинѣ страданія, и вы спокойны насчетъ печальнаго страшика. Поэтъ далъ полную волю вашему воображенію представить вамъ все тѣ отрады, которыя найдеть голубокъ его, возвратившись къ своему другу. Здѣсь всякая подробность была бы излишнею и только ослабила бы главнаго дѣйствіе. Посредственный писатель, вѣроятно, воспользовался бы этимъ случаемъ, чтобы наскучить читателю обыкновенными вы-

раженіями чувства—но истинное дарованіе воздержаніе: оно обнаруживается и въ томъ, что поэтъ описываетъ, и въ томъ, о чемъ оны умалчиваетъ, полагая на чувство читателя. Последние три стиха прелестны своею простотою и ибжностью.

Выищемъ еще нѣсколько примѣровъ. Вотъ прекрасное изображеніе моровой язвы:

Лютойшій бичъ небесъ, природы ужасъ, морь
Свирѣтствуютъ въ лѣсахъ: уныли звѣри;
Въ адъ распахнулись настежь двери;
Смерть рыцетъ по полямъ, по рвамъ, по
высямъ горь;

Вездѣ разметаны ея свирѣтства жертвы;
На часъ по тысячѣ валится ихъ;
А тѣ, которые въ живыхъ,
Такой же части жди, чуть ходятъ полу-

мертвы.
Тѣ жъ звѣри, да не тѣ въ бѣдѣ великой той:
Не давить волкъ овецъ, и смиренъ какъ
святой;

Давъ курамъ роздыхъ и покой,
Лиса постится въ подземельѣ;
И пища имъ на уль нейдетъ;
Съ голубкой голубъ врозъ живетъ;
Любви впомниъ больше нѣтъ;
А безъ любви какое ужъ веселье!

Брыловъ занявъ у Лафонтена искусство смѣшивать съ простымъ и легкимъ разсказомъ картины, истинно стихотворныя:

Смерть рыцетъ по полямъ, по рвамъ, по
высямъ горь;
Вездѣ разметаны ея свирѣтства жертвы.

два стиха, которые не испортили бы никакого описанія моровой язвы въ эпической поэмѣ.

Не давить волкъ овецъ, и смиренъ какъ
святой;

Давъ курамъ роздыхъ и покой,
Лиса постится въ подземельѣ.

Здѣсь разсказъ стихотворный забавенъ и легокъ, но оны не составляетъ неприятной противоположности съ поэтической картиною язвы. А въ слѣдующихъ трехъ стихахъ съ простымъ описаніемъ сливается ибжное чувство:

Съ голубкой голубъ врозъ живетъ;
Любви въ поминъ больше нѣтъ,
А безъ любви какое ужъ веселье!

Это переводъ, и самый лучший, прекрасныхъ Лафонтеновыхъ стиховъ:

Les tourterelles se fuyaient:
Plus d'amour, partant plus de joie!

Какая разница съ переводомъ Княжнина, который однако не дуренъ:

И горницы другъ друга убѣгаютъ,
Нѣтъ болѣе любви въ лѣсахъ и нѣтъ утѣхъ!

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ; мы оставляемъ замѣтить въ нихъ красоты самимъ читателямъ.

Примѣръ разговора. Стрекоза пришла съ просьбою къ Муравью:

Пе оставь меня, кузь милой;
Дай ты мнѣ собраться съ силой,
И до веснихъ только дней
Прокорми и обогрѣй.
«Кумушка, мнѣ странно *это!*
«Да работала ль ты въ лѣто?»
Говорить ей Муравей.
— До того ль, голубчикъ, было:
Въ мягкихъ муравахъ у насъ
Нѣсни, рѣзвость всякой часъ,
Такъ что голову вскружило! и проч.

Лягушки просили у Юпитера царя — и Юпитерь

Даль имъ царя—летитъ къ нимъ съ шумомъ царь съ небесъ;

И плотно такъ оны треснулся на царство,
Что ходемъ пошло трясино государство.

Со всехъ лягушки ногъ
Въ испугѣ пометались,

Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ,

И шепотомъ царю по кельямъ дивовались.

И подлинно, что царь на диво былъ имъ данъ:

Не суетливъ, не вертопрашенъ,
Степененъ, молчаливъ и важенъ;

Дородствомъ, ростомъ великанъ;

Ну, посмотрѣть, такъ это чудо!

Одно въ даръ лишь было худо:

Царь этотъ былъ осиновыи чурбанъ.

Сначала, чья его особу превисоку,
Не смѣетъ подступитъ изъ подданныхъ никто;

Чуть смѣютъ на него глядѣть оны—и то

Украдкой, издали, сквозь апръ и осоку.

Но такъ какъ въ свѣтѣ чуда нѣтъ,

Къ которому не приглядѣлся бы свѣтъ,
То и оны—сперва отъ страха отдохнули,

Потомъ къ царю подползть съ преданностью

дерзнули;

Сперва передъ царемъ ничкомъ;

А тамъ, кто посмѣлѣй, даи сѣсть къ нему

бочкомъ,

Дай попытаться сѣсть съ нимъ рядомъ;

А тамъ, которые еще поудалѣй,

Иъ царю садятся ужъ и задомъ.

Царь терпѣть все, по милости своей.

Немного погода, посмотрѣй, кто захочетъ,
Тотъ на него и вскроить.

Можно забыть, что читася стихи: такъ этотъ разсказъ легокъ, простъ и свободенъ. Между тѣмъ какая поэзія! Я разумью здѣсь подъ словомъ *поэзія* искусство представлять предметы такъ живо, что они кажутся присутственными.

Что ходенемъ пошло трясинно государство... живопись въ самыхъ звукахъ! Два длинныхъ слова: *ходенемъ* и *трясино*, прекрасно изображаютъ потрясеніе болота.

Со всѣхъ лягушки ногъ

Въ испугъ полетались,

Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ.

Въ послѣднемъ стихѣ, напротивъ, красота состоитъ въ искусномъ соединеніи односложныхъ словъ, которыя своею гармоніею представляютъ скачки и прыганье. Вся эта тирада есть образецъ легкаго, пріятнаго и живописнаго разсказа. Смѣемъ даже утверждать, что здѣсь подражаніе превосходитъ подлинникъ; а это весьма много, ибо Лафонтенова басня прекрасна; въ стихахъ послѣдняго, кажется, менѣе живописи, и самый разсказъ его не столь забавенъ. Еще одинъ или два примѣра — и кончимъ.

Жилъ нѣкто человекъ безродной, *одинакой*,

Вдали отъ города, въ глуши.

Про жизнь пустынную какъ сладко не пиши,

А въ одиночествѣ способенъ жить не всякой;

Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлить.

Мнѣ скажутъ: а лужокъ, а темпал дуброва,

Пригорки, ручейки и мурава шелкова? —

Прекрасны, что и говорить!

А все прискучатся, какъ не съ кѣмъ мол-

вить слова.

Вотъ истинное простодушіе Лафонтена, который вѣрно не могъ бы выразиться лучше, когда бы родился русскимъ. Замѣтимъ однако здѣсь ошибку: Крыловъ употребилъ слово *одинакой* [съ кѣмъ или съ чѣмъ - нибудь совершенно сходный] вмѣсто слова *одинокой* [не имѣющей ни родства, ни связей]. Далѣе, авторъ описываетъ пустынника и друга его медвѣдя. Первый усталъ отъ прогулки; послѣдній предлагаетъ ему заснуть:

Пустынникъ былъ стоворчивъ, легъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ.

А Миша на часахъ, да онъ и не безъ дѣла:

У друга на носъ муха сѣла —

Онъ друга обмахнулъ —

Взглянулъ —

А муха на цѣпѣ — согнать — а муха слова

У друга на носу.

Здѣсь подражаніе неравненно лучше подлинника. Лафонтенъ сказалъ просто:

Sur le bout de son nez une (муха) allant
se placer,

Mit l'ours au désespoir — il eut beau la
chasser!

Какая разница! Въ переводѣ картина, и картина совершенная. Стихи летаютъ вмѣстѣ съ мухою. Непосредственно за ними слѣдуютъ другіе, изображающіе противное, медлительность медвѣдя; здѣсь всѣ слова длинные, стихи тянутся:

Вотъ Мишинка, не говори ни слова,

Увѣсистый булыжникъ въ ланы сгрѣбъ,

Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,

Самъ думаетъ: молчи жъ, ужъ я теби во-

струху!

И у друга на лбу подкарауля муху,

Что силы есть, хватъ друга камнемъ въ лобъ.

Всѣ эти слова: *Мишинка, увѣсистый, булыжникъ, корточки, переводитъ, думаетъ, и у друга, подкарауля*, прекрасно изображаютъ медлительность и осторожность: за пятью длинными, тяжелыми стихами слѣдуетъ быстро полустипіе:

— Хватъ друга камнемъ въ лобъ.

Это молнія, это ударъ! Вотъ истинная живопись, и такая противоположность послѣдней картины съ первою.

Но довольно; читатели могутъ сами развернуть *Басни Крылова* и замѣтить въ нихъ тѣ красоты, о которыхъ мы не сказали ни слова за неимѣніемъ времени и мѣста. Сдѣлаемъ общее замѣчаніе о недостаткахъ. Слогъ Крылова кажется намъ въ иныхъ мѣстахъ растянутымъ и слабымъ [зато мы нигдѣ не замѣтили ни малѣйшей принужденности въ разсказѣ]; понадаются погруженности противъ языка, выраженія, противныя вкусу, грубыя и тѣмъ болѣе замѣтныя, что слогъ вообще всадъ и легокъ и пріятенъ.

БЛАГОДАРНОСТЬ ЛЮБЕЗНОМУ ИЗДАТЕЛЮ АГЛАИ.

Я отвѣчаю нѣсколько поздно на два пріятныя слова критика, помѣщенный въ Аглаѣ любезнымъ ея издателемъ— прошу у него извиненія: отсутствіе мое изъ Москвы причиною такой медлительности. Вы угадали, любезной критикъ: самолюбіе мое не оскорбилось, и, правду сказать, я не умѣю вообразить, какъ можетъ полезное замѣчаніе, сдѣланное просто, безъ всякаго вида насмѣшки, съ любезною, можетъ быть слишкомъ осторожною скромностію, и [что всего важнѣе] по требованію женщины, которыя однѣ имѣютъ право быть нашими судьями, когда желаемъ написать что-нибудь пріятное, какъ можетъ такое замѣчаніе быть оскорбительнымъ для самолюбія! Напротивъ, прочитавъ вашу критику, я пожелала искренно, чтобы издатель журналовъ, подражая вамъ въ скромности и учтивости, чаще переписывался другъ съ другомъ; чтобы они, такъ сказать, составили согласное, неполненное взаимнаго доброжелательства семейство авторовъ, семейство, въ которомъ каждый членъ, имѣя въ виду и пользу и усовершенствованіе другихъ сочленовъ своихъ, безъ всякаго пристрастія замѣчалъ бы ихъ ошибки, предлагалъ имъ свои замѣчанія не повелительнымъ языкомъ учителя, не съ колкою насмѣшливостію соперника, но съ кроткою, благородною непринужденностію любителя истины: такой оборотительный и наступательный союзъ журналистовъ, безъ всякаго сомнѣнія, принесъ бы великую пользу ихъ авторскимъ дарованіямъ. Самолюбіе наше весьма обманчиво—говорю по собственному многократному опыту—очарованное зеркало его представляетъ нашимъ глазамъ однѣ только пріятныя стороны предметовъ, а непріятныя или украшаетъ, или дѣлаетъ совсѣмъ незамѣтными для нашего взора. Молчаніе публики, благодаря убѣжденію коварнаго самолюбія, можетъ легко показаться автору одобреніемъ;

онъ перестаетъ быть осторожнымъ, спускаетъ себя съ благосклонностію тѣ ошибки, на которыя читатели его смотрятъ съ равнодушіемъ—а благосклонность сія не должна ли наконецъ погубить или унижить и его дарованія? Скажу откровенно: слышать справедливый упрекъ въ присутствіи многихъ свидѣтелей [ибо авторъ, и въ особенности журналисты, всегда на цепѣхъ болѣе или менѣе обширной], едва ли можетъ быть для насъ пріятно, но крайней мѣрѣ въ первую минуту. Но если мы имѣемъ въ виду одно только усовершенствованіе своего таланта, если мы уважаемъ одну только похвалу заслуженную, и если [что также очень важно] нашъ критикъ говорить съ нами не для того, чтобы насъ оскорбить или осмѣять, а для того, чтобы показать намъ истинный путь, съ котораго мы сбѣгли: то мы послѣ минутной досады на собственную ошибку и, если угодно, на того, кто обнаружилъ ее передъ цѣлымъ свѣтомъ—сами посѣдимъ въ ней признаться, потому что признаніе ловиша исправленія, останемся благодарнымъ своему просвѣтителю, и выиграемъ много, сдѣлавшись осторожнѣе. Осторожность и робость—великая разница. Будучи соединена съ дѣятельнымъ прилежаніемъ, первая несомнѣнно приведетъ насъ къ успѣху.

Теперь позвольте мнѣ обратиться къ вашей критикѣ, за которую благодарю искренно и васъ и тѣхъ любезныхъ женщинъ, которыя поручили вамъ сообщить мнѣ ее посредствомъ Аглаи. «Марія, по мнѣнію ихъ, не могла *ронять веретена*, сидя за *самопрядкою*, ибо веретена не было въ рукахъ ея; а если оно было, то Марія сидѣла просто за *пряжею*». Замѣчаніе истинное, и я не смѣю сказать противъ него ни слова. Но пожалуйте жъ вмѣстѣ со мною объ участіи историка, желающаго быть вѣрнымъ, и имянно оттого впадающаго въ грубыя ошибки. Повѣсть: *Марыша Роща*, основана вся на древнихъ рукописяхъ и преданіяхъ; въ ней не найдете вы ни

одного выраженія, ни одной мысли, которая собственно принадлежала бы новому издателью; все замечено имъ изъ древнихъ записокъ — и онъ-то сдѣлалъ его преступникомъ противъ здраваго смысла. Въ одномъ изъ старинныхъ манускриптовъ, кажется современномъ великому князю Владиміру, сказано имянно, что Марія сдѣлала за самопряткою; въ другомъ, принадлежащемъ, если не ошибаюсь, ко временамъ Владиміра Мономаха, говорится о веретень въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ первый историкъ упоминаетъ о самопряткѣ — явное несогласіе въ происшествіяхъ! Что жъ сдѣлалъ новый историкъ? Онъ вздумалъ одною чертою пера согласить несогласное, въ угодиость одному изъ своихъ Геродотовъ поставить самопрятку, а въ удовольствіе другому прибавивъ къ ней веретено и, надобно признаться, естественною вѣроятностію пожертвовалъ вѣрности исторической — несчастіе, нередко бывающее и съ важными историками, которые въ наше время описываютъ происшествія, случившіяся за десять вѣковъ до Рождества Христова! Нерѣдко мы ошибаемся и оттого, что ищемъ вдали той истины, которая у насъ передъ глазами. — Для чего бы, напримеръ, и мнѣ, вмѣсто того, чтобы умирать со скуки надъ пыльными, едва понятными записками древнихъ бытописателей, не спросить у первой попавшейся мнѣ крестьянки: имѣетъ ли она въ рукахъ веретено въ то время, когда сидитъ за самопряткою? Она отвѣчала бы мнѣ рѣшительнѣе всякаго манускрипта, современнаго великому князю Владиміру. — Виновать! нечего и говорить; но повторяю, признаніе половина исправленія! Что же касается до маленькаго пегодованія нашихъ любезныхъ дамъ, которымъ показалось смѣшнымъ, что витязь Рогдай имѣетъ съ золотыми парчами дарилъ Марію лентами и бисеромъ, а не жемчугомъ и богатыми ожерельями: то оно конечно дѣлаетъ имъ честь! Но историкъ не можетъ принять его на свой счетъ; онъ самъ досадовалъ на Рогдая

за скудость его и неразборчивый вкусъ, однако принужденъ былъ повиноваться строгой исторіи, и вмѣсто жемчуга и ожерельевъ — написать, скрѣпивъ сердце, бисеръ и ленты.

Теперь остается мнѣ [отвѣчать вамъ, какъ справедливому и любезному критику], поблагодарить васъ, какъ добраго пріятели, за то желаніе, которымъ вы заключаете свое письмо. Сказанное вами о усѣбахъ моихъ въ трудахъ кабинета и жизни принимаю за одно доброжелательство благороднаго сердца, и желалъ бы найти въ немъ вѣрное предвѣщаніе, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ послѣднему; ибо что принадлежитъ до трудовъ кабинета, свободныхъ, уединенныхъ и пединныхъ, то [вы знаете это по собственному опыту] никакой блестящій усѣхъ не можетъ быть предпочтенъ тому скромному и тихому наслажденію, которое съ нимъ неразлучно: слѣдовательно они могутъ быть нашимъ счастьемъ, или, если хотите, нѣкоторою замѣною нашего счастья и тогда, когда не будутъ увѣщаны усѣхомъ.

МОСКОВСКІЯ ЗАПИСКИ.

I.

[дѣвица жогъ въ расиновой Федры].

Ноября 4-го видѣли мы на московскомъ театрѣ въ первый разъ славную дѣвицу Жоржъ Веймеръ, въ роли Расиновой Федры; 14 ноября та же трагедія представлена была въ другой разъ.

Эта роль можетъ назваться ослѣпкомъ трагическаго таланта въ актрисѣ. Страсть Федры — единственная по своей силѣ — изображена Расиномъ съ такимъ совершенствомъ, какого, можетъ быть, не найдеть ни въ одномъ произведеніи стихотворцевъ, и древнихъ и новыхъ. Авторъ имѣлъ искусство [но искусство, вѣбественное однимъ только гениемъ первой степени], основать всю трагедію свою не на происшествіяхъ необычайныхъ, возбуждающихъ любопытство, изумленіе, ужасъ, но просто на одной сильной страсти, ко-

торой раскрытіе, отбъикн и измѣненія составляютъ единственно сущность его трагедій. И какая страсть! Съ перваго взгляда отвратительная, не могущая произвести никакого участія — страсть сурруги Тезеевой къ Тезееву сыну. Естественно ли желать, чтобы она могла быть увѣнчана успѣхомъ? И, несмотря на то, на участіи къ этой страсти основана вся трагедія. Въ чемъ же состоитъ очарованіе Федры? Отчего, видя ее, не находимъ въ себѣ того непріятнаго чувства, которое производитъ въ насъ присутствіе ужаснаго преступника, но болѣе наполнены тою сострадательною пѣжностью, съ какоюзираемъ на существо невинное и несчастное, и, погружаясь въ меланхолію, готовы сказать въбѣтъ съ Шекспировою Офеліею:

O what a noble mind is here o'erthrown!

Когда бы Федра сама желала удовлетворенія страсти своей; когда бы она сама не гнушалась ею гораздо болѣе, нежели зритель: тогда не могли бы мы видѣть ее безъ отвращенія на сценѣ — по она жертва, и жертва самая трогательная преступленія непроизвольнаго! Въ какую минуту является она передъ глазами зрителя! Утомленная бесполезною борьбою съ сердцемъ своимъ, потерявъ и силу, и мужество, и привязанность къ жизни, она приходитъ взглянуть въ послѣдній разъ на солнце, на лучезарнаго своего прародителя, съ которымъ прощается навѣки. Поэту не осталось, по видимому, ничего прибавить къ изображенію этой страсти; ибо она уже не можетъ успѣться — по она можетъ представлена быть въ новыхъ отбъикахъ. Дожные слухи о Тезеевой смерти и материнская пѣжность опять возвращаютъ Федру къ жизни: смерть, послѣднее благо свое, приносить она въ жертву дѣтямъ, и сія же материнская пѣжность приводитъ ее къ Ипполиту; по здѣсь ожидало ее то метнтельное божество, которое поселило въ душѣ ея виновный пламень. Федра приходитъ просить покровитель-

ства своему сыну, и можетъ говорить объ одной только своей любви; гибельное признаніе сдѣлано — а Тезей живъ! Какое положеніе для существа, созданнаго любить добродѣтель, и столько времени борющагося съ судьбою, чтобы удалить отъ себя преступленіе! И только сею минутою ужаса, когда самая способность чувствовать и мыслить была уничтожена въ душѣ Федры, могла воспользоваться Эпопа, чтобы оклеветать Ипполита — Федра приходитъ въ себя и первая мысль ея: спасемъ невинность! Она стремится къ Тезею — новый ужасъ! Она узнаетъ, что Ипполитъ чувствителенъ, по чувствителенъ къ другой! Этотъ ударъ послѣдній! Федрѣ оставалось только почувствовать муку ревности; восклицаніе: *il faut perdre Agisic!* вырывается не изъ сердца ея: это вопль изступленія, по оно продолжается недолго; въ Федрѣ остается одна только ненависть, сильнѣйшая прежняго, къ жизни, и ненависть къ себѣ самой — она умираетъ, по ея послѣднее слово: Ипполитъ невиненъ! Во все продолженіе трагедіи она только несчастна: сердце ея ни на минуту не участвовало въ томъ преступленіи, въ которое она ввергнута была помѣнательствомъ страсти.

Выраженіе такихъ характеровъ, каковъ характеръ Федры, столь трудное для стихотворца, есть въ то же время и самое трудное для актера: поэтъ, не имѣя возможности въ прошествіяхъ, поддерживать своихъ вниманіе и любознательство, долженъ поработить душу и зрителя и читателя своего вѣрнымъ изображеніемъ страсти, которая тогда только можетъ быть привлекательна, когда очерпнута изъ самой натуры, когда удержанъ естественный ея ходъ, когда все ея измѣненія вѣроятны, и когда между сильными и главными ея положеніями соблюдена необходимая постепенность, служащая, такъ сказать, нитію соединенія одного съ другимъ. Что въ стихотворцѣ слогъ, то въ актерѣ тѣлодвиженія, голосъ, лицо; по знаніе натуры, воображеніе и чувство, какъ въ

томъ, такъ и въ другомъ, должны быть почти одинаковы, съ тою только разницею, что первый, будучи творцомъ, руководствуетъ послѣдняго, а самъ не слѣдуетъ никому, кромѣ одного избрѣтательнаго своего гедія. Поэтъ, не имѣя чувствительности и знанія природы, не изобразить намъ сильнаго характера со всеми его отбѣнками; актеръ, не имѣющій ни того, ни другаго, или не пойметъ намбреній поэта, или не будетъ способенъ наполниться его чувствами до такой степени, чтобы, забывъ въ себѣ актера, совершенно переселиться въ характеръ и положеніе представляемаго имъ лица.

Судьба иныхъ трагедій рѣшена бываетъ, можно сказать, однимъ только счастливымъ выборомъ трагическаго происшествія. Напримѣръ, въ Ламотовой *Инесъ*, посредственной по слогу и плану, трогаетъ насъ одно положеніе главныхъ лицъ; и актриса, представляющая Инесу, даже не имѣя таланта превосходнаго, всегда возбуждаетъ чувствительность въ зрителѣ, ибо онъ уже предубѣжденъ въ ея пользу трогательнымъ ея положеніемъ. Но Федра... надобно быть такимъ великимъ поэтомъ, каковъ Расинъ, чтобы илѣнить насъ изображеніемъ страсти ея—и надобно быть актрисою превосходною, чтобы представить намъ Федру такую точно, какою изобразилъ ее стихотворецъ. Почти во всѣхъ другихъ трагедіяхъ положенія измѣняются и страсти въ иѣкоторыя только минуты восходятъ на высочайшую степень; напримѣръ, страсть Герміоны тогда только обнаруживается во всей своей силѣ, когда сія оскорбленная принцесса говоритъ въ послѣдній разъ съ Пирромъ; и она доходитъ до изступленія, когда Орестъ объявляетъ Герміонѣ о смерти Пирра: въ другія минуты она спокойнѣе и болѣе скрыта въ глубинѣ души; любовь Запры есть тихая ибжность, тогда только обращается въ страданіе, когда сердце Запры начинаетъ колебаться между привязанностію къ Орозману и обязанностию хри-

стіанки. И актриса, представляющая или Герміону, или Запру, находятъ великое пособіе въ тѣхъ положеніяхъ, которыя стихотворецъ даетъ еимъ лицамъ: она замѣтуетъ силу отъ роли. Напротивъ, страсть Федры возведена уже на высочайшую степенъ свою, такъ сказать, прежде, нежели Федра является передъ глазами зрителя; иѣтъ постепенности; она одинакова отъ первой сцены до послѣдней: это изступленіе, это болѣзнь; актриса, кромѣ тѣхъ частныхъ положеній, въ которыя приходитъ она въ продолженіе трагедіи, имѣетъ собственное, главное, такъ сказать, независящее отъ обстоятельствъ трагическихъ и только измѣняемое опыми: она должна быть въ изступленіи уже за сценою и сохранять это изступленіе до конца трагедіи, сохраняя притомъ и необходимыя отбѣнки его; напримѣръ, Федра въ присутствіи Инолита не можетъ быть тою Федрою, которую мы видѣли за минуту съ Эноною, но страсть ея все та же. И все искусство актрисы, представляющей это лицо, состоитъ въ томъ, чтобы она, не выходя ни на минуту изъ главнаго своего положенія, умѣла примѣнять его къ тому чувству, которое стихотворецъ, согласуясь съ обстоятельствами, влагасть въ уста ея.

Надобно отдать справедливость дѣвицѣ Жоржъ. Она исполнила почти все сіи требованія въ роль Федры: зрители ни на минуту не могли забыть, что они видятъ передъ собою несчастную жертву произвольной страсти. Федра явилась, поддерживаемая Эноною—[мы увидѣли величественную женщину, въ прекрасномъ бѣломъ платьѣ, съ маленькою золотою діадемою на головѣ, въ богатой мантіи, лицо греческое, станъ парижки, руки прелестныя]—ея походка; блѣдность ея лица, слѣдствіе внутренней скорби; глаза мутные, лишеныя послѣдняго блеска, но полныя выраженія тайной страсти—все изображало Федру, палимую внутреннимъ, неестественнымъ пламенемъ. Она съѣла, наклонивъ голову;

Энопа ей говорила, по слова Энопы не доходили до ея слуха; вся душа ея погружена была въ то горестное чувство любви, которое сливалось въ ней съ желаніемъ смерти.

Vous laissez le jour que vous venez chercher!

говорить Энопа. Федра, вмѣсто того, чтобы ей отвѣчать, обращается къ солнцу:

*Noble et brillant auteur d'une triste famille,
Toi, dont ma mère osait se vanter d'être*

Qui peut-être rougis du trouble où tu me vois,

Soleil, je te viens voir pour la dernière fois!

Эти слова, прекрасно выраженные, сказаны были, если не ошибаюсь, слишком торжественно и съ чувствомъ горести сильной; а я желалъ бы найти въ нихъ болѣе выраженія тихой унылости, ибо они изъясняются изъ страстной души, растроганной мыслию о близкой смерти. Федра, за минуту, погружена была въ горестное размышленіе о своемъ жребіи: жизнь представлялась ей бременемъ тяжелымъ, и на лицѣ ея написано было отчаяніе мрачное, нѣсколько угрюмое; по слова Энопы:

Vous laissez le jour que vous venez chercher!

пробудили въ ней мысль о смерти — мысль, трогательная для того, кто въ жизни видитъ одно страданіе и потерялъ все надежды [ибо она представляетъ ему тихое убѣжище]; по вмѣстѣ съ этою мыслию соединяется въ немъ и другая, столь же трогательная, о разлукѣ съ тѣмъ, что ему дорого; а сія послѣдняя устремляетъ душу его и къ тѣмъ предметамъ любви, которые онъ готовъ оставить: все это производитъ не горестъ, а тихое уныніе. Надобно замѣтить, что стихахъ:

Noble et brillant auteur и проч.

служать приготовленіемъ къ той мечтательности, въ которую Федра погружается черезъ минуту — мечтательности, которая, безъ сего приготовления, была бы песе-

образна съ прежнимъ угрюмымъ ея отчаяніемъ. Сказавъ солнцу: прости! Федра, по естественной связи чувствъ, переносится мыслию къ Ниполиту — ибо лишиться жизни и Ниполита для нея одно и то же — по при этомъ воспоминаніи изглаживается въ ней всякое другое чувство, и остается одна любовь: она видѣта его передъ собою; ей представляются тѣ минуты мучительнаго наслажденія, когда, уединенная, подъ тѣнію дѣсовъ, питалась своею страстію, она слѣдовала взорами за Ниполитомъ, летящимъ въ отдаленіи на колесницѣ.

*On vous voit moins souvent, orgueilleux et sauvage
Tantôt faire voler un char sur le rivage*
и проч

говорить Тераменъ, въ первой сценѣ Ниполиту. Расинъ, который имѣлъ искусство ко всему готовить своего зрителя заранѣе, хотѣлъ вѣроятно объявить этими стихами то, что говоритъ Федра въ сценѣ съ Энопою:

*Dieux, que ne suis-je assise à l'ombre des forêts!
Quand pourrai-je, au travers d'une noble poussière,
Suivre de l'oeil un char fuyant dans la carrière?*

Въ этомъ мѣстѣ дѣвица Жоракъ была восхижительна! Слова Энопы:

*Quoi, vous ne perdrez point cette cruelle envie?
Vous verrai-je toujours, renonçant à la vie,
Faire de votre mort les funestes apprêts?*

не коснулись ея вниманія; глаза ея, прежде мрачныя и совершенно потушились, послѣ словъ:

Soleil, je te viens voir pour la dernière fois!

мало по малу начали оживляться, и они уже блистали [но блистали тѣмъ яркимъ огнемъ, который выражаетъ не радость, а сильный безпорядокъ душевный], когда она сказала:

Dieux, que ne suis-je assise à l'ombre des forêts и проч.,

и зритель, прежде нежели она произнесла

эти слова, былъ уже приготовленъ къ чувству необыкновенному: оль угадывать, что душа Федры занята была какимъ-то внезапнымъ видѣніемъ, и то, что она сказала, только объяснило его темную догадку. Вотъ что значить наблюдать постепенность въ переходѣ отъ одного движенія къ другому! Но это искусство известно однимъ только великимъ артистамъ.

Quoi, madame!

вскликнула Энопа—въ минуту, смятеніе и ужасъ заступили мѣсто любви на лицѣ Федры, все черты ея переиначились: этотъ быстрый переходъ изъ одного состоянія въ другое, совершенно ему противное, выраженъ былъ прекрасно.

Энопа умоляетъ Федру вѣрить ей свою тайну; она бросается на колѣна:

Madame, au nom des pleurs que pour vous
j'ai versés.

Par vos faibles genoux que je tiens em-
brassés.

Délivrez mon esprit de ce funeste doute!

Въ продолженіе этихъ стиховъ, жестокая борьба изображена была на лицѣ Федры, котораго все мускулы казались напряженными,—но Энопа замолчала, и Федра была уже спокойна, ибо отчаянная рѣшимость заступила въ ней мѣсто мучительнаго волненія; она приблизила свое лицо къ лицу Энопы—

Tu le veux --

сказала она съ глубокимъ чувствомъ; казалось, что слова ея выражали: безумная! чего ты хочешь? и она приблизила свое лицо къ Энопѣ, какъ будто для того, чтобы разсмотреть въ глазахъ ея, точно ли желаетъ она открыть такую страшную тайну;

-- lève-toi!

Во второе представленіе эти два слова произнесены были гораздо лучше, нежели въ первое. Тогда Федра, сказавши: tu le veux, прибавила съ поспѣшностію: lève-toi! и быстрымъ движеніемъ руки подняла Энопу: въ голосѣ ея чувствительна была одна только рѣшимость! Но въ послѣдній

разъ, послѣ двухъ первыхъ словъ [tu le veux], она отвратила глаза отъ Энопы, сдѣлала тихое движеніе рукою и произнесла съ глубокимъ уныніемъ, послѣ минутнаго молчанія: lève-toi! Самый звукъ ея голоса приготовлялъ уже зрителя къ тому, что онъ услышитъ; а глаза ея въ то жъ время говорили: какое признаніе должна я сдѣлать, и для чего принуждена я его сдѣлать!

Tu vas voir le comble des horreurs
J'aime...

J'aime Hippolyte, хотѣла она сказать—и быстрота, съ какою произнесено было слово: j'aime, показывала, что она снѣшала избавить себя отъ тягостнаго признанія; но при имени Ипполита рѣшимость ея исчезла; она смутилась, затрепетала:

— A ce nom fatal je tremble, je frissonne...
J'aime...

послѣднее слово сказано было тихо и съ робостію, такъ, какъ и слѣдующія:

Tu connais ce fils de l'Amazone,
Ce prince si longtemps par moi-même
opprimé?

она хотѣла, чтобы Энопа ее угадала, но въ то жъ время страшилась ея продолжительности.

C'est toi qui l'as nommé!

она произнесла это разительное слово робкимъ, почти певнятымъ голосомъ, со стыдомъ, ужасомъ и отвращеніемъ; она не смѣла обратить глаза на Энопу, и движеніемъ руки хотѣла, какъ будто, ее отъ себя удалить, ибо слова Энопы:

Hippolyte? Grands dieux!

были и для нея какою-то ужасною новостію, которой она ожидала, по которуде все еще слишкомъ рано слышала.

Монологъ:

Mon mal vient de plus loin etc.

прочтень былъ во второй разъ несравненно лучше, нежели въ первый; надобно было слѣдовать за движеніями лица актрисы, чтобы раздѣлять съ нею всѣ тѣ чувства, которыя выражала она словами:

En vain sur les autels ma main brûlait
 Quand ma bouche implorait le nom de la déesse,
 J'adorais Hippolyte; et, le voyant sans cesse,
 Même au pied des autels que je faisais
 J'offrais tout à ce dieu que je n'osais
 nommer.

Въ эту минуту глаза ея, оживленные, блестящіе, выражали все изступленіе любви; она видѣла предъ собою того бога, котораго наименовать не смѣла.

Въ четвертой сценѣ, когда Нанона извѣщаетъ ее о смерти Тезеевой, она произноситъ одно только слово: *Ciel!* но эта сцена едва ли не одна изъ самыхъ трудныхъ; и надобно признаться, что дѣвица Жоржъ показала въ ней дарованіе актрисы превосходной, которая ни на минуту не удаляется отъ характера и положенія своей роли.

Третья сцена оканчивается стихами:

Je t'ai tout avoué; je ne m'en repens pas:
 Pourvu que de ma mort respectant les
 Tu ne n'affliges plus par d'injustes re-
 Et que tes vains secours cessent de rap-
 Un reste de chaleur tout prêt a s'exhaler.

Положеніе Федры все то же, какое и въ началѣ сцены; вдругъ слышитъ она отъ Наноны, что Тезей живъ:

Hippolyte son fils vient d'apprendre sa mort.

Она говоритъ одно только слово: *Ciel!* но каковыя голосомъ и съ каковыя видомъ? Обыкновенная актриса приняла бы это извѣстіе съ громкимъ воекличаніемъ, которымъ выразила бы одно только то, что оно поразило ее, какъ новость. Но слово: *Ciel!* выражаетъ совсѣмъ иное. Тезеева смерть не можетъ быть сама по себѣ ужасною для Федры; ибо для нея живъ уже несчастія — она рѣшилась умереть! она можетъ на нее дѣйствовать только потому, что имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ главному и единственному ея чувству. И голосомъ тихимъ, съ видомъ

сомнѣнія, перѣшительности, какъ будто стараюсь проникнуть въ то будущее, которое вдругъ совершенно исполнилось для нее съ смертію ея супруга, но еще не имѣя никакой ясной мысли и не позволяя себѣ останавливаться на той, которая одна противъ воли въ душѣ ея пробуждается, она говоритъ: *ciel!* Это слово заключаетъ въ себѣ иблосе положеніе. Произнесъ его, Федра остается погруженною въ задумчивость — она мечтаетъ — въ душѣ ея стѣснилось множество смутныхъ мыслей и чувствъ; но при словахъ Энопы:

Votre flamme devient une flamme ordinaire!

она пробуждается — глаза ея блистаютъ, и зритель угадываетъ, что Энопа встрѣтила то чувство, на которомъ Федра не смѣла остановиться. Она съ жадностію присматриваетъ и одобряетъ тѣ совѣты, которые страшилась сама себѣ сдѣлать; она уже согласна остаться жить и жить для пользы сына — но это одинъ обманъ! Нѣжностію матери украшаетъ она въ своихъ глазахъ виновную любовь къ Ниполиту: она остается жить для одного только Ниполита. Таковы чувства, которыя дѣвица Жоржъ прекрасно выразила нѣмною игрою своею въ IV и V сценахъ перваго акта.

Этихъ замѣчаній довольно. Скажемъ вообще, что Федра во второй разъ была гораздо лучше представлена, нежели въ первой [здѣсь разумѣю одну дѣвицу Жоржъ]; изступленіе ревности въ четвертомъ актѣ и слѣдующее за нимъ отчаяніе выражены были сильнѣе. Чувство, съ каковымъ сказано было стихъ [III актъ, сцена I]:

Quoique Scythe et barbare, elle a pourtant aimé,

привело зрителей въ восхищеніе: его произнесла сама Федра, которая слишкомъ знаетъ, что такое страстная любовь, и которая живетъ одною любовію. Замѣтимъ еще одно выраженіе. Федра, мучимая ревностію, говоритъ:

Ah! douleur non encore éprouvée;
 A quel nouveau tourment je me suis ré-
 servée!
 Tout ce que j'ai souffert, mes craintes, mes
 transports,
 La fureur de mes feux, l'horreur de mes
 remords,
 Et d'un refus cruel l'insupportable injure,
 N'était qu'un faible essai du tourment que
 j'endure.
 Ils s'aiment! Par quel charme ont-ils trompé
 mes yeux?
 Comment se sont-ils vus? depuis quand?
 dans quels lieux?
 Tu le savais: pourquoi me laissais-tu sé-
 duire?

Выраженіе: tu le savais принадлежить къ тѣмъ немногимъ высокимъ [sublime] выраженіямъ чувства или мыслей, которыя изумляютъ насъ въ великихъ трагикахъ; его можно поставить на ряду съ qu'il mouut старою Горація, съ qui te l'a dit Гермiony и съ he has no childern Макдуффа въ Шекспировомъ Макбетѣ. Федра говорить Эпиръ: tu le savais, а она сама, за нѣсколько часовъ, въ первый разъ сказала ей о любви своей—вотъ сумасшествіе ревности, вотъ изступленіе страстной души, совершенно разтросенной и все обвиняющей въ своемъ страданіи. Въ этомъ мѣстѣ игра дѣвicy Жоржъ была несравненна.

Теперь позволимъ себѣ замѣтить то, что кажется намъ недостаткомъ въ игрѣ этой актрисы; она иногда излишне заботится о своей паружности; напримѣръ, въ самыхъ сильныхъ мѣстахъ не забываетъ она поправлять свое покрывало, волосы, порфиру; также замѣтно иногда, что она хочетъ плѣнить глаза живописнымъ своимъ положеніемъ. Такая заботливость не усиливаетъ, а развѣ только ослабляетъ то чувство, которое игрою своею производитъ она въ сердцѣ зрителя: Федра, оправляющая на себѣ порфиру, въ ту самую минуту, когда она, забывшись, открываетъ страсть свою Ниполиту, сама выводитъ насъ изъ очарованія, и мы находимъ въ ней одну только актрису. Дѣвица Жоржъ, кажется, не имѣетъ привычки бояться, чтобы зрители, смотря на выразительное лицо ея, могли не забыть

объ ея платьѣ: чѣмъ менѣе будетъ она думать о дѣйствіи на глаза, тѣмъ болѣе будетъ дѣйствовать на сердце.

Нѣкоторые изъ зрителей недовольны ея декламаціею; они называютъ ее пѣніемъ. Не беремъ на себя рѣшить, справедливо ли они мыслятъ; но спрашиваемъ: можно ли считать стихи какъ прозу, и особливо стихи трагическіе? Языкъ трагедіи, въ особености французской, совершенно отличенъ отъ того простаго языка, который употребляемъ въ обществѣ [онъ гораздо пышнѣе, украшеннѣе, ибо онъ стихотворный]: такой необыкновенный языкъ не требуетъ ли и выраженія необыкновеннаго? Декламація грековъ, какъ извѣстно, весьма близко подходила къ пѣнію, а языкъ трагиковъ греческихъ [по увѣренію знатоковъ греческаго языка] несравненно простѣе, нежели языкъ трагиковъ французскихъ. Стихи шестистопные съ рѣзкими, съ цезурою сликомъ ощутительною, были бы, если не ошибаюсь, испорчены простою прозаическою декламаціею; простота обыкновеннаго разговора не можетъ согласоваться съ пышностію стихотворною: такое соединеніе неестественно; отъ него могло бы произойти одно только безобразіе.

Время не позволяетъ намъ ничего сказать о представленіи *Меропы*. Дѣвица Жоржъ въ нѣкоторыхъ сценахъ, особливо въ той, гдѣ она говоритъ съ Эпиромъ, не зная, что онъ ея сынъ, и въ сценѣ между ею, Эпиромъ и Полифонтомъ была несравненна. Какъ петинная мать и какъ величественная царица, упала къ ногамъ она убійцы Креспонта, воскликнуть:

Que vous faut-il de plus—Mérope est à vos pieds!

А въ ту минуту, когда молодой героиней осыпаетъ Полифонта упреками, на лицѣ ея изобразилась и ужасъ, производимый дерзостію Эпирета, котораго жизнь была въ рукахъ тиранна, и гордое восхищеніе матери, извѣщающей неустрашимостію милого сына. Въ первомъ актѣ, если не ошибаюсь, казалась она излишне ге-

рествою: такая преждевременная горестъ ослабила нѣсколько то дѣйствіе, которое могло бы имѣть на зрителя ся впечатліе въ концѣ втораго акта, когда завѣпають ее о мнимой смерти Энея.— Многие изъ зрителей также замѣтили, что она и въ роли прекрасной поселлики Катерины была нѣсколько Меропию.

Заключимъ: мы опредѣляемъ превосходство трагедіи по тому впечатлѣнію, которое она оставляетъ въ нашей душѣ; и это впечатлѣніе тогда только можетъ быть сильно, когда поражаютъ насъ не одніи отдѣльныя красоты, но когда вся трагедія — въ содержаніи, планѣ, слогѣ, характерахъ — имѣетъ владѣющее превосходство: тогда мелкія погрѣшности или остаются незамѣтными, или имѣютъ на насъ самое слабое дѣйствіе, не уменьшающее главнаго и общаго. То же самое можно сказать и объ игрѣ трагическаго актера: если выходимъ изъ театра съ душою растроганою, и если это впечатлѣніе столь сильно, что это нѣсколько времени не оставляетъ насъ и посреди разбѣганія, или даже препятствуетъ ему предаваться, то мы имѣемъ право назвать актера превосходнымъ — слѣдовательно имя актрисы превосходной при владѣніи дѣвицы Жоржъ по праву; по степенн сего превосходства опредѣлить не можемъ: она опредѣляется только по сравненію.

II.

Дѣвица Жоржъ въ дидонѣ ЛЕФРАНА ДЕ ПОНПЬИНА.

Скажемъ нѣсколько словъ о самой трагедіи. Лефранъ занимательнѣе главныхъ и самыя разительныя положенія у Виргилія; но онъ имѣлъ искусство охладить и сдѣлать непривлекательнымъ все то, что восхищаетъ насъ въ Энеидѣ. Надлежало быть Расиномъ — то есть имѣть необыкновенный даръ поэта, знакомаго съ челоувѣческимъ сердцемъ и способнаго изображать его страсти живыми красками —

чтобы паѣнить насъ страданіями Дидоны: Лефранъ не имѣлъ сего дара, и его Дидона скучна отъ начала до конца, посматривая на многіе блестящіе стихи и близкое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подражаніе Виргилію.

Главная погрѣшность Лефрана, если не ошибаюсь, состоитъ въ томъ, что онъ, желая выставитъ Дидону, забылъ совершенно объ Энеѣ. Какая была его цѣль? Растрогать несчастною страстію Дидоны! Но для того, чтобы эту страсть сдѣлать для насъ привлекательною, надлежало и самый предметъ этой страсти представить ей достойнымъ; чтобы возбудить сожалѣніе къ Дидонѣ оставленной, надлежало насъ прежде убѣдить, что любовь Энея могла бы составить ей счастье, и наслажденія счастливой любви на минуту противоположить ей горестямъ. Если бы мы видѣли въ Энеѣ страстнаго любовника и героя, обожающаго славу наравнѣ съ Дидоною; когда бы эти двѣ страсти одинаково господствовали въ его сердцѣ, по послѣдняя была бы на время подчинена первой, такъ, чтобы Эней въ своемъ ослѣпленіи почиталъ и боговъ сообщниками его сердца; если бы въ ту минуту, когда онъ является на сцену, увидѣли мы его восхищеннаго своею любовію къ Дидонѣ, счастливаго своимъ ослѣпленіемъ, счастливаго мыслию, что онъ получитъ вънецъ изъ милой руки, что будетъ защитникомъ ее тропа, что онъ усилитъ ее могущество, что слава его не будетъ раздѣльна съ ея славою, и наконецъ, если бы онъ началъ бороться съ своею страстію не прежде, какъ послѣ приговора боговъ, опредѣлившихъ ему удалиться: тогда бы и зритель могъ бы наполниться чувствами Дидоны; ея восхищеніе было бы для него понятно, а горестъ ея [незашпый, почему и разительный переломъ судьбы], въ ту минуту, когда она теряетъ Энея, подѣйствовала бы на него сильно, ибо тогда онъ былъ бы увѣренъ, что имѣетъ съ Энеемъ печезло и все ея счастье.

Что же видимъ напротивъ въ Лефрановомъ Энеѣ? Любовника безъ любви,

вицу Жоржъ, которая читала выученное наизусть, безъ всякаго отношенія къ тому, что сказано было за минуту Ярсомъ. Но въ послѣдній разъ это однообразіе было менѣе ощутительно — зато стихахъ:

J'entends et vois ce qu'on m'annonce:
Je sais combien les rois doivent être irrités
D'une paix, d'un hymen trop souvent re-
jetés;
Un refus est pour eux le signal de la guerre.
Autour de mes remparts ensanglantant la terre,
L'ardeur, je le vois, est tout prêt d'éclater;
Je l'attends sans me plaindre, et sans le redouter

произнесены были нѣсколько плачевнымъ голосомъ — такой тонъ едва ли приличенъ Дидонѣ: она отдастъ престолъ своей Энею, въ которомъ будетъ имѣть мужественнаго защитника, и мысль объ Энеѣ должна быть въ душѣ ея, когда она говоритъ съ Ярсомъ, на предложеніи котораго отвѣчала, за нѣсколько минутъ, какъ гордая царица. Слова

Je l'attends sans me plaindre—

также были сказаны голосомъ жалобнымъ: такая несообразность выраженія съ мыслию была тѣмъ ощутительнѣе, что полусетише

— et sans le redouter

произнесено было съ твердостью и величіемъ.

Еще два замѣчанія такого-жъ рода. Въ сценахъ съ Элизой и Барее не слишкомъ ли живо изображаетъ дѣвица Жоржъ разрушеніе Трои?

Même après le danger on craint pour ce qu'on aime...
Je crois voir le combats que j'entends raconter;

Je frémis pour Enée, et je cours l'arrière;
Tantôt sous ces remparts que la Grèce environne

Je le vois affronter les fureurs de Bellone;
Je le suis, et des Grecs défilant le courroux,

Je prétends sur moi seule attirer tous leurs coups:

Mais bientôt sur ses pas je vole épuisée
Dans les murs saccagés de Troie ensanglantée:
Tout n'est à mes regards qu'un vaste embrasement;
A travers mille feux je cherche mon amant!

Когда Мерона описываетъ Песенѣ ту страшную ночь, въ которую Кресфонтъ и дѣти ея были умерщвлены передъ ея глазами, тогда всѣ ужасы убійства должны возобновиться въ ея воображеніи: она сама была ихъ зрительницею; она можетъ видѣть передъ собою умирающаго Кресфонта, и всѣ ея движенія должны быть живописны; но Дидона была только въ мысляхъ свидѣтельницею разоренія Трои: обстоятельства его не должны представляться ей живо, а развѣ только въ отношеніи къ Энею, ибо въ пылающей Троѣ видитъ она одного только Энея; слѣдовательно, говоритъ

Je le suis, et des Grecs défilant le courroux,
Je prétends sur moi seule attirer tous leurs coups—

она должна останавливаться воображеніемъ не на грекахъ, преслѣдующихъ Энея, а на самомъ Энеѣ, и лицомъ своимъ выражать не ужасъ, но страстное чувство любовницы, которая съ восхищеніемъ готова умереть за того, къ мѣсто полно ея сердце.

Tout n'est à mes regards qu'un vaste embrasement!

Этого стиха не надлежало бы слишкомъ отдѣлять отъ прочихъ; тутъ живописность совсѣмъ не у мѣста: поразивъ воображеніе зрителя предметомъ постороннимъ, отвлечешь необходимо душу его отъ главнаго чувства — того, которое должна произвести въ ней страсть Дидоны.

Въ концѣ IV сцены III акта Дидона говоритъ Мадгербау:

Oui, malgré les malheurs où son courroux nous jette,
Allez, et que ma garde assure sa retraite;
Que ce prince, à l'abri de toute trahison,
Accable, s'il le peut, mais respecte Didon.

J'aime mieux, au péril d'une guerre bar-
bare,
Que l'univers, témoin du sort qu'on me
prépare,
Condamne un vain excès de générosité,
Que s'il me reprochait la moindre lâcheté.

Эти стихи дѣвица Жоржъ произнесла съ тѣмъ благородствомъ, которое прилично царицѣ: на лицѣ и въ глазахъ ея блистало величіе; но тотчасъ послѣ стиха [при которомъ выходитъ Мадгербалъ]:

Que s'il me reprochait la moindre lâcheté—
она обращается къ Элизѣ:

Ah! c'est trop retenir ma douleur et mes
larmes,

и въ этомъ переходѣ къ другому чувству, кажется, не соблюдена была надлежащая постепенность. Важный голосъ вдругъ перемѣнился на жалобный и плачевный; величественное лицо вдругъ сдѣлалось печальнымъ; а эти два стиха, если не ошибаюсь, надлежало бы отдѣлить одинъ отъ другаго краткимъ молчаніемъ и, говоря:

Ah! c'est trop retenir ma douleur et mes
larmes,

сохранить по крайней мѣрѣ въ голосѣ нѣсколько того принужденнаго спокойствія, съ которымъ Дидона за минуту говорила Мадгербалу о Ирѣ.

Въ двухъ сценахъ съ Энеемъ и въ послѣдней, когда Мадгербалъ приноситъ Дидонѣ извѣстіе объ отъѣздѣ Энея [лучшихъ во всей трагедіи], игра дѣвицы Жоржъ была прекрасна, особливо въ послѣдній разъ. Надобно однако замѣтить вообще, что нѣжность выражаетъ она не такъ счастливо, какъ сильную горестъ и негодованіе. Натура создала ее для характеровъ важныхъ, гордыхъ, великихъ: величіе можно назвать ея принадлежностію; она царица наружною, движеніями, станомъ, лицомъ; но она гораздо меньше имѣетъ способности для характеровъ нѣжныхъ. Въ голосѣ ея, звонкомъ и чистомъ, нѣтъ довольно мягкости, нѣтъ звуковъ, трогających душу; нѣтъ слезъ, какъ говоритъ Ла-

гарпъ о молодой актрисѣ Госсенъ, которая, въ золотое время французскаго театра, восхищала Парпжъ, играя Занру. Дѣвица Жоржъ можетъ производить удивленіе, поражать, а не трогать; она мѣше дѣйствуетъ на зрителя въ такія минуты, когда изображаетъ или меланхолію страсти, или одно тихое чувство любви, или то состояніе души, когда отчаяніе смѣшано въ ней съ нѣжностію. Напримѣръ, въ Федрѣ [быть можетъ единственная роля страстной любовницы, приличная таланту дѣвицы Жоржъ, ибо любовь Федры есть одно страданіе и никогда не переходитъ въ нѣжность], когда игра ея самая слабая? Въ ту минуту, когда Федра говоритъ Энопѣ о своихъ дѣтяхъ, когда сильное отчаяніе должно уступитъ въ ней мѣсто меланхолической скорби. И въ Дидонѣ всѣ нѣжныя черты любви были выражены нѣсколько слабо. Зато дѣвица Жоржъ торжествуетъ въ тѣхъ сценахъ, которыя требуютъ величія и силы; въ незанныхъ переходахъ изъ одного чувства въ другое противное, напримѣръ, изъ спокойствія въ ужасъ, отъ радости къ сильной печали. Игрою лица трогаетъ она гораздо болѣе, нежели голосомъ и движеніями; глаза ея прелестны, когда они или вдругъ воспаляются яркимъ огнемъ сильнаго чувства, или наполняются мало по малу тѣмъ легкимъ, почти невидимымъ пламенемъ, которое противъ воли измѣняетъ глубокому чувству сердца.

Эпой приходитъ изъ храма, гдѣ слышалъ онъ приговоръ боговъ, повелѣвающихъ ему удалиться; онъ говоритъ Дидонѣ:

Que vous dirai-je enfin? Accablé de dou-
leur,
Déchiré par l'amour, entraîné par l'hon-
neur...

и на лицѣ ея изображалось робкое ожиданіе, соединенное съ предчувствіемъ ужаснаго:

Qu'avez-vous résolu?

спрашиваетъ она такимъ голосомъ, въ которомъ ошутительно было, что она

страшится отвѣта, хотя уже предугнала его. Эней отвѣчаетъ:

Plaignez plutôt mon ame!
Tout parlait contre vous, tout condamnait
ma flamme,
Ma gloire, mes sujets, nos prêtres et mon
fils..

и нерѣшимость, которая приводила въ движеніе лицо Дидоны, исчезла; оно быстро измѣнилось; глаза ея, за минуту оживленные ожиданіемъ, вдругъ потухли.

N'achevez pas, cruel! vous avez tout promis..

сказала она голосомъ слабымъ, которымъ прекрасно выражено было изнеможеніе и сердца и силъ тѣлесныхъ. Въ выраженіи стиховъ:

Est-il bien vrai? ce jour va donc nous sé-
parer?
Qui me consolera dans mes douleurs pro-
fondes?
Mon cœur, mon triste cœur vous suivra
sur les ondes;
Et d'une vaine gloire occupé tout entier,
Au fond de l'univers vous irez m'oub-
lier!..

M'oublier!..

желать бы я найти болѣе меланхолической чувствительности, нежели горести сильной, тѣмъ болѣе, что ихъ принадлежало непременно замѣтнымъ отгѣнкомъ отдѣлать отъ послѣдняго слова:

M'oublier!

Въ первыхъ пяти стихахъ Дидона говорить съ одной только разлукъ, и сердце ея тронуто сильно; но это чувство болѣе унылое, нежели горестное: разлука не столь ужасаетъ ее, какъ забвеніе, и только на словѣ: m'oublier унылость должна была обратиться въ горесть. Это слово сказано было прекрасно; но оно несоразлично сильно тронуло бы зрителя, когда бы предыдущіе стихи не ослабили его дѣйствія, именно потому, что были произнесены такимъ же тономъ, какъ и оно.

Въ шестой сценѣ третьяго дѣйствія, когда оскорбленная Дидона дѣлаетъ упреки Энею, и въ послѣдней пятой, когда,

узнавъ объ Энеевомъ отъѣздѣ, она обещаетъ его проклятіями [и та и другая почерпнуты изъ Виргилія] игра дѣвицы Жоржъ была превосходна. Стихи:

Non, tu n'es point le sang des héros, ni
des dieux!

Il faut d'autres raisons pour convaincre
une amante!

Tes dieux sont le parjure et l'infidélité!
[acte III, scène VI].

Tremble, ingrat! je mourrai; mais ma haine
vivra!

Et moi je te déclare une guerre immor-
telle!

[acte V, scène IV]—

произнесены были съ необыкновенною выразительностью; но мы замѣтимъ здѣсь опять, что роли пѣвшихъ любовницъ несовѣстны таланту дѣвицы Жоржъ: Агриппина, Аталія, Клеопатра [въ Корселевой Родогунѣ], Семпрамида— вотъ характеры, единственно ей принадлежашіе.

«Династія Вострясовъ есть чудный феноменъ, говорить одинъ французскій журналистъ [Жюфруа],—въ ней великое дарованіе, вопреки опытамъ всѣхъ вѣковъ, переходить по прямой линіи отъ отца къ сыну—дарованіе прыгать и плѣнять глаза чудесными прыжками. Вострясъ Великій, или I-й, имѣлъ достойнаго преемника въ своемъ сынѣ; Вострясъ II произвелъ въ свою очередь Востряса III, или Армана Востряса; но дѣдъ оставилъ уже бранный мѣръ: онъ живетъ только въ памяти знатоковъ, а внучекъ танцуетъ теперь за Альпійскими горами. Богиня Терпсихора, любезная повелительница всего, что плѣтитъ легкія ноги, потружена была въ уныніе—вдругъ появился у двора ея принцъ крови изъ дома Вострясовъ, Карлъ Вострясъ, или Вострясъ IV, всхлипательный прыгунъ двѣнадцати лѣтъ, и милая, пѣскольکو пріунывшая богиня танцевъ опять пачкается улыбаясь!... Оставимъ улыбаясь-

ся парижскую Терпехору, а господина Жофруа считать по пальцамъ возникшихъ людей Вестрисовой династии — съверная Терпехора не завидуетъ южной, ибо она имѣетъ при дворѣ своемъ *Дюпора*, пп I, пп II, пп III, а престо *единственнаго*. Побѣдивъ въ Парижѣ Вестриса, царя Вестрисовъ, онъ разсудилъ промѣнить югъ на сѣверъ, и теперь жители снѣжнаго Петербурга не жалуются болѣе на зиму за то, что она разлучаетъ ихъ на цѣлые пять мѣсяцевъ съ зефирами: благодаря Дюпору, онъ, каждую недѣлю два раза, имѣютъ удовольствіе видѣть самого бога зефировъ въ театрѣ; иногда представляется онъ имъ въ собственномъ своемъ видѣ, съ бабочкиными крыльями, легкой, мягкой, привлекательный, одаренный всеми пріятностями, какими онъ обладаетъ въ старину, по словамъ историка басни, блаженной памяти Овидія; иногда въ образѣ Адописа, пламеннаго обожателя Венеры [хотя нѣсколько робкаго въ присутствіи Марса, извѣтнаго грубияна]; иногда въ видѣ забавнаго дирюльнича Фигаро, иногда [чему не скоро повѣритъ потомство] въ русскомъ кафтанѣ синяго дѣла, обшитомъ серебрянымъ галуномъ, въ сапогахъ съ красными сафьянными отворотами. Все это не доказываетъ ли несомненно, что въкъ Овидіевыхъ превращеній еще не миновался? И Дюпоръ, который вѣчно Зефиръ, несмотря на его чудесныя превращенія, не достоинъ ли, по справедливости, имѣть какого нибудь Овидія своимъ биографомъ? Сообщаемъ нашимъ читателямъ его портретъ, списанный съ патуры и весьма сходно однимъ французскимъ живописцемъ [или поэтомъ, что все равно] по имени Бершу:

Jamais Z'phur humain ne parut si léger:
 Dans tous les autres vents rampant dans
 la carrière,
 On avoit reconnu le poids de la matière;
 Mais lui seul, dérangé des terrestres lieux,
 Parait en tout semblable, aux dieux aériens,
 Da parler charmé l'œil peut le suivre à
 peine
 Parmi les jeunes fleurs qu'agite son haleine!

Этотъ любезный Зефиръ удвѣялъ, я, по увѣренію людей, которые обо всемъ знаютъ и все слышатъ, еще нѣсколько времени будетъ удвѣялъ Москву своею легкостію и своими превращеніями, вмѣстѣ съ тремя подругами богини Терпехоры, которыя разсудили пожаловать къ намъ *incognito*, подъ скромными именами Сенклеръ, Новикой, Иконной — по публики московская, какъ извѣстно, весьма прощительная, очень скоро замѣтила обманъ.

Не странно ли? Г. Фрожеръ, извѣстный отличный комическій талантъ, выбралъ для бенефиса своего такую нисеу, въ которой нельзя было ему показать никакого таланта: пародію Латушевой *Ирисини въ Тавриды*. Если вѣрять строгимъ Архистархамъ, то всякая пародія [надобно замѣтить, что эти господа называютъ пародію злоупотребленіемъ драматическаго искусства], можетъ имѣть нѣкоторую пріятность только тогда, когда представляютъ точчасъ послѣ той трагедіи или драмы, на которую она сдѣлана. По мы, не выдавши Латушева Ореста, могли ли смотрѣть съ удовольствіемъ на Ореста Фаварова [авторъ пародіи, если вѣрять театральному объявленію, и Вуазенова, если вѣрять исторіи]? Господинъ Фрожеръ сдѣлалъ насъ очень много, это правда; но только не игрою, а тѣмъ единственно, что онъ выступилъ на сцену въ греческомъ платьѣ и важнымъ голосомъ декламировалъ вздорные стихи. Много дарованія показалъ и господинъ Дюкло, ибо онъ представлялъ Пилата въ огромной прическѣ, съ пучками, въ пудрѣ, въ какомъ-то бѣломъ балахонѣ, и хотѣлъ поднять Тоаса на воздухъ виллами, какъ обыкновенную конну сѣна. Всѣхъ лучше играла госпожа Фурезъ: она старалась представить намъ въ каррикатурѣ дѣвицу Жоржъ, и мы въ самомъ дѣлѣ имѣли удовольствіе видѣть — каррикатуру дѣвицы Жоржъ.

III.

Дѣвица Жюжъ въ Вольтеровой
Семирамидѣ.

Вольтеръ есть самый разительный изъ трагиковъ французскихъ; *grappez fort plutôt que juste!* говорилъ онъ [Лагарпу, если не ошибаюсь]. И почти во вѣсѣхъ своихъ трагедіяхъ держался онъ этого правила: потрясши душу зрителя ударами сильными, онъ ее порабощалъ. Корнель удивляетъ высокою мислей и чувствъ; но удивленіе, дѣйствуя на одинъ только разумъ, именно потому не можетъ оставить глубокаго слѣда на сердцахъ: его продолжительность утомляетъ. Расинъ трогаетъ до глубины души; но онъ постепенно приводитъ насъ къ сильному чувству; онъ наполняетъ имъ всю душу, слѣдовательно дѣйствуетъ медленнѣе: оно глубокое, полное, а потому и не разительное. Вольтеръ, напротивъ, достигаетъ до сердца съ помощью воображенія: покоривъ насъ силою, онъ почитаетъ позволеннымъ пренебрегать тѣ мелкія подробности и отбѣски, которыя сильное чувство могли бы сдѣлать глубокимъ и продолжительнымъ. Изъ трагедій Расиновыхъ выходивъ съ живѣйшею чувствительностію, въ расположеніи меланхолическомъ; послѣ трагедій Вольтеровыхъ сердце поражено и воображеніе пылаетъ.

La vérité terrible est du ciel descendue,
Et du sein des tombeaux la vengeance est venue.

На этихъ двухъ стихахъ, можно сказать, основана вся Семирамида; но это основаніе передъ глазами критики. Напрасно стихотворецъ выводитъ мщеніе изъ гроба и заставляетъ Небо заботиться объ открытіи страшнѣйшей тайны: великій жрецъ Ороэсъ знаетъ давно, что Семирамида и Ассуръ убійцы Нина; слѣдовательно все то, для чего разрушены законы природы, спокойствіе могилъ возмущено и тѣнь оставляетъ гробовой пещель, могло бы исполнено быть самими простыми, человѣческими ередствами: именно съ помощью двухъ понятныхъ словъ изъ

устъ жреца Ороэса; слѣдовательно трагикъ построилъ воздушный замокъ: онъ ужасаетъ насъ китайскими тѣнями. Несмотря однако на этотъ великій недостатокъ, и также несмотря на то, что въ Семирамидѣ истинное дѣйствіе начинается только въ концѣ третьяго акта, эта трагедія оставляетъ на душѣ зрителя впечатлѣніе чрезвычайно сильное. Въ чемъ же очарованіе стихотворца? Въ слогъ его, которымъ онъ воспламеняетъ воображеніе: мы обружены какою-то страшною таинственностію, и ожиданіе сверхъестественнаго производитъ непронзвольный трепетъ въ сердцахъ; въ изображеніи великаго характера; въ положеніяхъ разительныхъ, ужасныхъ и вѣсѣхъ трогательныхъ душу, и наконецъ въ великолѣпнѣй зрѣлища. Послѣ того, когда мы уже узнали, что Семирамида мать Арзаса; что Нипова тѣнь тревожитъ мщенія, которому надлежитъ совершиться во глубинѣ его гроба, и отъ руки Нипіаса, еще не знающаго, кто нареченъ жертвою отъ Неба, когда Семирамида входитъ въ этотъ ужасный гробъ, и когда Нипіасъ, обманутый Аземою, которая ей рассказываетъ, что Ассуръ скрывается въ гробѣ Нина, восклицаетъ, обнаживъ мечъ:

Grands dieux! tout est donc éclairci!

Mon coeur est rassuré, la victime est ici! — кто изъ зрителей не содрогается отъ ужаса! И какая потомъ картина!.. Семирамида, блѣдная, полумертвая, медленно идущая изъ глубины гроба, при блескѣ молній, и наконецъ умирающая на рукахъ своего сына, своего убійцы!.. Можетъ быть, ни въ какой другой трагедіи не найдемъ ничего, что бы поражало и сердце и вѣсѣхъ воображеніе такъ сильно, какъ два послѣдніе акта Семирамиды; но также и ни въ одной трагедіи сила впечатлѣній не зависитъ такъ много отъ пышности зрѣлища и соответствованія декораций воображенію поэта и зрителя: Ниповъ гробъ есть *дѣйствующее лицо* въ Семирамидѣ; онъ долженъ поражать насъ огромностію и величіемъ своей архитектуры:

Ce vaste mausolee où repose Ninus!

Когда Ни́ниасъ входитъ въ него съ обнаженнѣмъ мечомъ, какъ метатель, ведомый Небомъ, тогда и воображеніе зрителя невольно слѣдуетъ за нимъ во глубину могильнаго мрака, гдѣ совершается мщеніе ужасное; по спрашиваемъ: будетъ ли воображеніе обмануто, и слѣдственно одна изъ самыхъ разительныхъ сценъ трагедій не потеряетъ ли свое дѣйствіе, если этотъ гробъ не иное что, какъ низкая невенчанная каменн-то знаками пирамида, на двухъ или трехъ ступеняхъ, съ смѣшанными перилами, на которыя наброшена доска изъ краснаго сукна; и когда сквозь отворенныя двери, ведущія въ мраморное подземелье, виднѣшь заднюю булуцу и людей, подлѣ нее стоящихъ? Сцена, въ которой Семипрамида избираетъ себѣ супруга передъ народомъ, жрецами и вельможами Вавилона, есть одна изъ самыхъ величественныхъ сценъ трагедій; по она только наемѣшить, если за треномъ, вмѣсто многочисленнаго народа, увидимъ не болѣе десяти воиновъ, и если вельможи Семипрамыди будутъ сидѣть на креслахъ изъ краснаго дерева, тапихъ точно, на какихъ вельможи XIX вѣка сидятъ, въ часы отдохновенія, за бостономъ. Также очень много замѣнить и отъ того убора, въ какомъ является Нинова тѣмъ посреди собранія чиновниковъ и народа: если мы увидимъ маленькую челоуѣческую фигуру, если на нее, вмѣсто гробовой одежды, обширной, влекущейся по землѣ, будетъ накинуть мѣшокъ темнаго цвѣта; если этотъ, *ужасный, метательный духъ*, выходи изъ гроба, будетъ съ благоразумною осторожностію смотрѣть подлѣ ноги, чтобы не зацѣпиться за порогъ, и если наконецъ, проговоривъ нѣсколько словъ такимъ голосомъ, какии обыкновенныя смертные говорятъ о погодѣ, сочтеть *она* за нужное оборотиться ко всемъ снвною, чтобы войти опять въ гробъ, а не слетѣть въ него стремглавъ по ступенямъ—тогда мы будемъ имѣть удовольствіе посмѣяться отъ доброй души

въ такой сценѣ, въ которой стихотворцу хотѣлось насъ умирить отъ страха.

Дѣвица Жоржъ торжествуетъ въ Семипрамыдѣ: природа одарила ее тѣмъ величіемъ, которымъ воображеніе наше украшаетъ славную царицу Вавилона. Какимъ разительнымъ взглядомъ отвѣчаетъ она Ассурѣ (въ VII сценѣ II акта), когда онъ говоритъ ей:

Quand la terre obéit, que craignez-vous des dieux?

Она указываетъ на гробницу Ни́на [котораго Ассуръ отравилъ ядомъ], и послѣ минутнаго молчанія, во время котораго пристально разсматриваетъ она лицо Ассура, произноситъ:

La cendre de Ninus repose en cette enceinte
Et vous me demandez le sujet de ma crainte?
Vous!

Вся великость Семипрамыды выражена была въ стихѣ:

Telle est ma volonté, constante, irrévocable!

По слѣдующіе стихи:

C'est à vous de juger si le Dieu, qui m'accable

A laissé quelque force à mes sens interdits;
Si vous reconnaissez encor Sémiramis,—

были выражены, если не ошибаюсь, нѣсколько слабо; особенно послѣдній, который надлежало бы отдѣлить отъ прочихъ, ударивъ на слово: Sémiramis, быть, такъ сказать, потерявъ между предыдущими и послѣдующими. Превосходные стихи:

Le don de mon empire et de ma liberté
Est l'acte le plus grand de mon autorité!—

сказаны были съ какою-то нечеловѣчностію въ этомъ мѣстѣ живостію: ихъ надлежало бы произнести спокойнѣе, голосомъ твердымъ, съ величіемъ повелительницы самовластной.

Вообще въ Семипрамыдѣ игра дѣвицы Жоржъ, отъ начала до конца, кромѣ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ мѣстъ, отвѣчала тому великому характеру, который изобразилъ намъ стихотворецъ; невозможно было не удивляться ея прелестной наружности, когда *она* взошла на тропь [который, замѣтимъ, *не* весьма достоинъ была такой Семипрамыды] и

оперлась съ величіемъ царицы на золотой скипетръ, врученный ей Отаною; нельзя было не содрогнуться отъ ужаса, когда она показалась въ дверяхъ гроба, окруженная пламенемъ молніи, блѣдная, издыхающая — эта картина была бы несравненна, когда бы Пинновъ мавзолей имѣлъ нѣсколько болѣе сходства съ Ниневыхъ мавзолеемъ.

Но въ послѣднихъ стихахъ, полныхъ чувства, раздирающихъ душу, прямо трагическихъ, когда Семирамида, видя простертаго у ногъ ея Шиніаса, прощаетъ ему свою смерть, игра дѣвнцы Жоржъ не во всемъ соответствовала положенію умирающей матери.

Mon fils, n'achève pas!

Je te pardonne tout, si, pour grâce dernière,
Une si chère main fermée au moins ma
rapatrière,—

здѣсь въ звукъ ся голоса не было той нѣжности, того глубокаго материнскаго чувства, которымъ должна бы наполнена быть душа умирающей Семирамиды; напротивъ въ немъ опутительна была одна только слабость, переходящая отъ приближенія смерти. Но стихи:

D'une mère expirante approchez-vous tous
Donnez moi votre main... [deux;

трепули до слезъ — глаза Семирамиды были уже тусклы; она искала той милой руки, которую хотѣла еще разъ прижать къ своему сердцу.

Vivez, régniez heureux:
Cet espoir me console, il mêle quelque joie
Aux horreurs de la mort où mon ame est
en proie.

Je la sens... elle vient... Songe à Sémiramis,
Ne hais point sa mémoire: ô mon fils! mon
cher fils!.

C'en est fait.

Всѣ эти стихи были произнесены умирающимъ голосомъ, въ которомъ опутительна была одна только слабость смерти и [что весьма, какъ я думаю, здѣсь несправильно] со слезами. Разлука въ минуту смерти не можетъ сдерживаться быть съ тою горестію, въ какую ввергается насъ та разлука, послѣ которой мы представляемъ себѣ еще нѣсколько

продолжительныхъ лѣтъ одинокой жизни, лишеной всего, что дѣлало намъ ее драгоценною въ союзѣ съ милыми существами. По настоящему, для умирающаго цѣль разлуки, и минута смерти есть для него, можно сказать, минута наслажденія, *прискорбною потому, что она послѣдняя, но все наслажденія, ибо для него съ потерю счастья соединена и потеря жизни; следовательно онъ не можетъ страшиться ужаснаго чувства утраты: онъ самъ исчезаетъ въ ту минуту, когда исчезаетъ для него все любезное. Я желалъ бы найти въ послѣднихъ словахъ Семирамиды болѣе той любви, съ которою сердце матери должно останавливаться, въ послѣднюю минуту, на милыхъ покидаемыхъ ею дѣтяхъ; я желалъ бы, чтобы она, сказавъ съ сердечною нѣжностію:*

Songe à Sémiramis,

на минуту замолчала, устремила бы тусклые глаза на лицо сына, какъ будто желая переселить въ него угасающую душу *свою*, и потомъ прибавила бы нѣжными, умоляющимъ голосомъ:

Ne hais point sa mémoire...

и наконецъ съ послѣднимъ изліаніемъ любви:

ô mon fils! mon cher fils!.

тогда бы слова:

C'en est fait,

произнесенныя вдругъ, ослабѣвшимъ голосомъ, разительно изобразили совершенно прекращеніе жизни.

О КРИТИКѢ.

[письмо къ издателямъ «вѣстника европы»].

Будучи усерднымъ читателемъ вашего журнала и желая вамъ искренно уснѣха въ его изданіи, почитаю обязанностію сообщить вамъ слышанный мною недавно любопытный разговоръ, который поводомъ было ваше объявленіе о Вѣстникѣ на слѣдующій годъ, припечатанное въ московскихъ газетахъ.

Я обѣдалъ на снѣхъ дняхъ у одного

моего знакомца. Это человекъ стараго времени, совсѣмъ неученый, но одаренный здравымъ разумомъ; онъ не знаетъ иностранныхъ языковъ, но любитъ читать, и всѣ хорошія русскія книги [оригинальныя и переведенныя] прочиталъ отъ доски до доски; любитъ поэзію — по одну русскую, ибо иностранныхъ поэтовъ знаетъ только по слуху, или въ некоторыхъ переводахъ [слѣдовательно, почти не знаетъ; ибо вы сами признаетесь, что большую часть переводовъ можно сравнить съ ложными слухами, которые и самую истину перѣдко превращаютъ для насъ въ небылицу]. Онъ имѣетъ что-то похожее на вкусъ, но по справедливости можно назвать его сусвѣромъ во мнѣніяхъ о словесности, ибо все старое кажется ему прекраснымъ потому единственно, что оно старое. Вообще онъ большой неохотникъ до критики: умѣя чувствовать изящное, онъ мало оскорбляется тѣмъ, что оно бываетъ иногда смѣшано съ дурнымъ; скажу болѣе: самое дурное, отъ своего смѣшенія съ хорошимъ, бываетъ для него или сносно, или совсѣмъ незамѣтно. У него нашель я общаго нашего знакомаца, умнаго и весьма образованнаго человека. Онъ не авторъ, но судить съ великою основательностію о произведеніяхъ писателей. Онъ любитъ изящную словесность и въ особености занимался ея теорією; его мнѣнія о поэтахъ, ораторахъ и вообще о произведеніяхъ искусства основаны на правилахъ вѣрнаго и образованнаго вкуса.

Разсуждая о литературѣ, коснулся я вашего Вѣстника. «Вотъ повесть, сказалъ мой Стародумъ [назову его Стародумомъ], подавая общему пріятелю нашему тотъ листокъ газетъ, въ которомъ помѣщено ваше объявленіе. Издатели расплагаются угощать насъ критикою: весьма любознательную знать, что изъ этого выйдетъ; но, признаюсь вамъ, ничего добраго не обѣщаю себѣ отъ критики: что пользы нападать на писателей, которыхъ и безъ того у насъ очень много? И нужно ли заводить междуусобія въ спокойной рес-

публикѣ литературы, превращать ее въ поле сраженія, на которомъ одинакое безславіе ожидаетъ и побѣдителя и побѣжденнаго; а насъ читателей, сдѣлавшихся просто зрителями, припуждать смѣрять, смѣяться и, можетъ быть, презирать жалкихъ людей, забавляющихъ насъ своими ссорами? И ссору автора съ критикомъ не можно ли по справедливости сравнить съ сраженіемъ пѣтуховъ, забавнымъ только для тѣхъ, которые на него смотрятъ и держать большой закладъ? Я твердо увѣренъ, что такія забавныя ссоры много вредятъ литературѣ и необходимо упускаютъ почтенный характеръ писателя.»

Позвольте съ вами не согласиться [отвѣчалъ намъ общій пріятель]. Увѣряю васъ, что вы испугали себя привѣдѣннымъ; или я ошибаюсь, или понятіе, составленное вами о критикѣ, весьма несправедливо. *Ссора, сраженіе, междуусобіе* — всѣ эти ужасныя слова, которыми вы окружили миролюбивое слово: *критика*, совсѣмъ не принадлежатъ къ ея сущности. Критика есть сужденіе, основанное на правилахъ образованнаго вкуса, безпристрастное и свободное. Вы читаете поэму, смотрите на картину, слушаете сопугу — чувствуете удовольствие или неудовольствие — вотъ вкусъ; разбираете причину того и другаго — вотъ критика. И все ваше неходотство съ настоящими критикомъ состоитъ единственно въ томъ, что вы разсуждаете наединѣ съ собою о такомъ предметѣ, о которомъ онъ говоритъ въ присутствіи многихъ, имѣющихъ полное право соглашаться съ нимъ, или не соглашаться — значить ли это заводить междуусобіе въ спокойной республикѣ литературы? И почему жь упозительно говорить свое мнѣніе вслухъ о такомъ предметѣ, который можно назвать собственностію строгаго мнѣнія. Разумѣе здѣсь всѣ произведенія словесности и изящныхъ художествъ.

«Но прошу покорно замѣтить, не сами ли вы уничтожили пользу критики, сказавъ, что каждый читатель есть самъ по себѣ уже критикъ? Позволено ли одному

представлять цѣлое общество? И не безумное ли высокоуміе почитать себя голосомъ публички, или присвоивать себѣ способность давать законы ся сужденія?» — И въ этомъ случаѣ позволяю себѣ думать различно съ вами. Напрасно приписываете вы критику неприличное намѣреніе быть законодателемъ мнѣній. Положеніе автора можно съ одной стороны сравнить съ положеніемъ чловѣка, разговаривающаго въ обществѣ; на первый говоритъ большими монологами, на которые или не даютъ ему отвѣта, или отвѣчаютъ ему въ критикѣ; другой выражается въ нѣсколькихъ словахъ, слышитъ отвѣты, дѣлаетъ возраженія — то же, что критика: отвѣчать на бумагѣ, отвѣчать на словахъ, не все ли равно? Гдѣ же намѣреніе быть законодателемъ мнѣній? Одно необходимое условіе — учтивость. Предлагайте мысли свои, не думая, чтобы онѣ были неопровержимы. Правда, что каждый читатель есть самъ по себѣ критикъ, ибо онъ думаетъ и судитъ о томъ, что читаетъ; но слѣдуетъ ли изъ того, чтобы критика была бесполезна? Я сомнѣваюсь. Два рода читателей: одни, закрывая прочтенную ими книгу, остаются съ темнымъ и весьма безпорядочнымъ о ней понятіемъ — это происходитъ или отъ непривычки мыслить въ связи, или отъ нѣкоторой безпечности, которая препятствуетъ имъ слѣдовать своимъ вниманіемъ за мыслями автора и разбирать впечатлѣнія, въ нихъ производимыя красотами или недостатками его творенія; другіе читаютъ, мыслятъ, чувствуютъ, замѣчаютъ прекрасное, видятъ погрѣшности — и въ головѣ ихъ остается порядочное, полное понятіе о томъ, что они читали. Нѣкоторые, прибавлю, судятъ криво и вкосо о произведеніяхъ изящнаго, потому, что вкусъ ихъ и разсудокъ или испорчены предубѣжденіями, или весьма еще мало образованы и требуютъ направленія. Для первыхъ благоразумная критика полезна бываетъ тѣмъ, что она можетъ служить Аріаднину нитію ихъ разсудку и чувству, которыя безъ того потерялись

бы въ лабиринтѣ безпорядочныхъ понятій и впечатлѣній; она облегчаетъ для нихъ работу ума; соединяетъ и приводитъ въ систему то, что имъ представлялось безъ связи и по частямъ, побѣждаетъ ихъ безпечность и, избавляя вниманіе отъ тягостнаго усилія, приводитъ ихъ кратчайшимъ путемъ къ той цѣли, къ которой не могли бы они достигнуть безъ указателя. Другимъ доставляетъ она случай сравнить собственныя понятія съ чужими, болѣе или менѣе основательными, и слѣдовательно представляетъ имъ съ другой точки зрѣнія или съ нѣкоторыхъ разматривали; отъ такого сравненія рождаются новыя понятія, или объясняются и ставятся положительныя старыя. Но главная и существенная польза критики состоитъ въ распространеніи вкуса, и въ этомъ отношеніи она есть одна изъ важнѣйшихъ отраслей изящной словесности, прибавлю, и философіи моральной. Что такое вкусъ? Чувство и знаніе красоты въ произведеніяхъ искусства, имѣющаго цѣлю подражаніе природѣ нравственной и физической. Научась живѣе чувствовать красоты подражанія, мы необходимо становимся чувствительнѣе и къ красотамъ образца. Чловѣкъ съ образованнымъ вкусомъ [который всегда основывается на чувствѣ и только *управляется* бываетъ разсудкомъ], долженъ быть и въ своей нравственности выше необразованнаго. Критика, распространяя истинныя понятія вкуса, образуетъ въ то же время и самое моральное чувство; *добро*, красота моральная въ самой натурѣ, отвѣчаетъ тому, что называется *изящнымъ* въ подражаніяхъ искусства; слѣдовательно съ усовершенствованіемъ одного соединяется и усовершенствованіе другаго. Изъ всего, мною сказаннаго, можете заключить, что званіе критика и весьма важное и весьма трудное. Вогъ идеаль, составленный мною о его характерѣ: истинный критикъ, будучи одаренъ отъ природы глубокимъ и тонкимъ чувствомъ изящнаго, имѣетъ

проницательный и вѣрный умъ, которымъ руководствуется въ своихъ сужденіяхъ; чувство показываетъ ему красоту тамъ, гдѣ она есть, во всѣхъ ея отбѣнкахъ и самыхъ пѣжныхъ и самыхъ нечувствительныхъ; разумокъ опредѣляетъ истинную цѣну ея и не даетъ ему ослѣпляться ложнымъ блескомъ, иногда замѣняющимъ прямо истинное. Онъ знаетъ всѣ правила искусства, знакомъ съ превосходѣйшими образцами изящнаго; но въ сужденіяхъ своихъ не подчиняется рабски ни образцамъ, ни правламъ; въ душѣ его существуетъ собственный идеалъ совершенства, такъ сказать, составленный изъ всѣхъ красотъ, замѣченныхъ имъ въ произведеніяхъ изящнаго, идеалъ, съ которымъ онъ сравниваетъ всякое новое произведеніе художника, идеалъ *возможнаго*, служащій ему вѣрнымъ указателемъ для опредѣленія степеней превосходства. Этого не довольно: чтобы судить о произведеніяхъ искусства, которыя не иное что, какъ подражаніе природѣ, надлежитъ хорошо быть знакомымъ и съ самымъ предметомъ подражанія — съ природою. Возьмите въ примѣръ самый высочій изъ всѣхъ родовъ поэзи: эпическую поэмю. Въ ней видите нравственный міръ со всеми его страстями, и міръ физическій со всеми его прелестями и великолѣбіемъ. Спрашиваю: будетъ ли въ состояніи критикъ опредѣлить достоинство стихотворца въ изображеніи страстей и характеровъ, если ни дѣйствія страстей, ни тайны характеровъ, которые надлежитъ наблюдать въ самомъ человѣкѣ, ему неизвѣстны? Замѣтитъ ли онъ вѣрность или невѣрность въ изображеніяхъ физической природы, если иногда самъ не восхищается ея красотами, если очарованіе вечера, или спокойное величіе утра, или пріятность тѣнистыхъ долинъ, или ужасы дикихъ утесовъ, неподвижныхъ посреди падающихъ съ вершины ихъ водопадовъ, не имѣютъ ничего привлекательнаго для его сердца? Истинный критикъ долженъ быть и моралистъ-философъ и прямо чувствителенъ къ красо-

тамъ природы. Скажу болѣе: онъ долженъ быть и самъ *морально-добрымъ*, или по крайней мѣрѣ имѣть въ душѣ своей рѣшительное расположеніе къ добру; ибо доброта моральная, какъ я уже сказалъ прежде, служитъ основаніемъ чувству изящнаго, и послѣднее, не будучи соединено съ первымъ, никогда не можетъ имѣть падежащей вѣрности. Наконецъ хочу найти въ немъ пламенную любовь къ искусству: онъ долженъ имѣть о немъ понятіе высокое; въ противномъ случаѣ никогда не составитъ въ головѣ его тотъ идеалъ совершенства, безъ котораго мысли его не будутъ ни живы, ни убѣдительны. Само по себѣ разумѣется, что критиковъ, близкихъ къ моему идеалу, весьма немного: Ломоносы, Дюпонсы, Аддисоны, Лагарны, Лессингы такъ же рѣдки, какъ и великіе художники, которыхъ твореніямъ они научили насъ удивляться.

«Надобно согласиться, что ваше изображеніе критика можетъ привести въ отчаяніе и самаго неустрашимаго рыцаря критики; и я имѣю причину думать, что господя издателя Вѣстника, которые такъ смѣло выступили на сцену критики въ своей газетной прокламаціи, не близки къ вашему идеалу—[извините, я повторю, что слышалъ]—но позвольте мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе: изъ всѣхъ вашихъ разсужденій не имѣю ли я права заключить, что критикомъ [такимъ, каково вы описали] можетъ быть одинъ только художникъ? Кому лучше живописца судить о живописи, и лучше поэта о стихотворствѣ? Артисту, болѣе нежели другимъ, должны быть извѣстны всѣ тайны его искусства, и не должно ли напередъ самому написать что-нибудь превосходное, чтобы имѣть способность и право критиковать произведенія искусства?»

Замѣчаніе ваше, если хотите, и справедливо и вѣрно. Хорошій артистъ не можетъ не быть и хорошимъ судьей своего искусства, это правда; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы способность разсматривать произведенія искусства непременно соединена была съ способностію

производить изящное. Лагарш посредственный трагикъ; по кому лучше его извѣстна теорія драматическаго искусства? И его примѣчанія на трагедіи Расина и Вольтера не лучше ли несравненно тѣхъ примѣчаній, которыя великій Корнель, сей превосходный трагикъ, написалъ на собственныхъ свои трагедіи? Творецъ дѣйствуетъ по вдохновенію: онъ быстро угадываетъ тѣ красоты, которыя критикъ, руководствуемый чувствомъ изящнаго, съ медлительностію разсудка разсматриваетъ въ самомъ ихъ происхожденіи. Сія медлительность въ работѣ *разбирающаго* вкуса едва ли сообразна съ быстротою *творческаго* духа; и мы не всегда находимъ ихъ соединенными въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Способности восхищаться красою, способность угадывать тотъ путь, по которому творческій гений дошелъ до своей цѣли, то есть, до произведенія изящнаго, не есть еще творческій гений — она степенію ниже; не всякому дано отъ природы производить великое; по тотъ всѣхъ ближе къ великому, кто лучше другихъ угадываетъ его тайны. И если бы надлежало выбирать, то я поручилъ бы послѣднему быть толкователемъ перваго, ибо онъ способенѣе входить въ такія подробности, которыя первый, объемлющій все однимъ взглядомъ и въ цѣломъ; пренебрегъ бы, какъ бесполезныя, а потому и не объяснилъ бы намъ удовлетворительно своего образа дѣйствовать.

«Благодаря вамъ, я помирился съ критикою — но должно признаться, что не всѣ расположены къ ней такъ милостиво, какъ вы. Я наименовалъ бы нѣкоторыхъ извѣстныхъ писателей, которые неавидятъ какъ самую критику, такъ и важныхъ господъ критиковъ. Напримѣръ Фильдингъ [котораго прекрасный романъ, лучший изъ всѣхъ романовъ, умиривленъ для насъ русскихъ въ безбожномъ переводѣ] называетъ ихъ публичными клеветниками, немилосердо марающими *доброе* имя книгъ. Едва ли можно перечестъ тѣ приятныя титулы, которыми ихъ награ-

ждаютъ: это завистники, ядовитые насмѣшники, непріятели славы, и прочее, и прочее. Что скажете?»

Скажу, что все это относится къ одному только злоупотребленію критики, и что имена завистниковъ, ядовитыхъ насмѣшниковъ, непріятелей славы, принадлежать единственно такимъ людямъ, которые вооружаются критикою не для пользы вкуса, а въ угожденіе собственнымъ своимъ страстямъ: зависти, мщенію и пр. По это самозванцы-критики, и ихъ то смѣшныя ссоры съ писателями можно по справедливости сравнить съ сраженіемъ пѣтуховъ, забавнымъ для однихъ только зрителей. Нѣкоторые изъ нихъ нападаютъ на превосходнаго автора изъ одной несправедливости къ превосходству; другіе отрицаютъ, на счетъ вкуса, за личное оскорбленіе; иныя [и, кажется, большая часть] имѣютъ въ виду одно остроуміе, и колкостями, насчетъ хорошаго и дурнаго безъ разбора, угождаютъ врожденной насмѣшливости читателя. Такихъ забавныхъ или презрительныхъ актеровъ было весьма много на сценѣ французской литературы, и нѣкоторые [напримѣръ Фреронъ] прославились своимъ беззавѣемъ. У насъ еще ничего подобнаго не бывало, вѣроятно потому, что мы не богаты произведеніями собственными, можетъ быть, также и потому, что русскіе нѣсколько равнодушны ко всему русскому; а критика и хорошая и дурная существуетъ только тамъ, гдѣ литература есть одинъ изъ любимыхъ предметовъ всеобщаго вниманія. Какъ бы то ни было, злоупотребленіе вещи не унижаетъ ея достоинства. Но прибавлю, званіе критика соединено само по себѣ съ нѣкоторыми неизбежными опасностями: критикъ имѣетъ дѣло съ самолюбіемъ, и, что всего важнѣе, съ самолюбіемъ авторскимъ [которое по своей раздражительности занимаетъ нервую степень между всѣми родами самолюбія]; слѣдственно онъ всегда подверженъ опасности оскорблять и самымъ скромнымъ и самымъ умѣреннымъ сужденіемъ. Въ такомъ случаѣ спасутъ его одни слѣдую-

ція правила: пусть будетъ опъ совершенно безпристрастенъ [безпристрастіе можно назвать *честностію* критика]; пускай имѣетъ въ виду единую пользу искусства, остерегается предубѣжденія и не позволяетъ себѣ быть судьей въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ кака-нибудь личность нечувствительно можетъ замѣшать въ приговоръ его пристрастіе. Думаю также, что, разбирая произведенія изящнаго, опъ долженъ болѣе останавливаться на красотахъ, нежели на погрѣшностяхъ, и, замѣчая только одні важныя ошибки, выставлять превосходное: ибо всякая новая красота есть приобрѣтеніе искусства, есть новый шагъ его къ совершенству. Наконецъ языкъ его долженъ быть важень и простъ, и только въ необходимыхъ случаяхъ [когда простое убѣжденіе недостаточно] позволяется ему употребить оружіе насмѣшки. Насмѣшка производит не убѣжденіе, а предубѣжденіе; она должна быть только пособіемъ здоровой логики, и тѣмъ болѣе опасна, что можетъ упизит самое превосходное. Извѣстно, что забавные софизмы Вольтера повредили для многихъ важнымъ и спасительнымъ истинамъ христіанства.

«Всѣ мнѣнія ваши справедливы; по спрашиваю: много ли найдеть случаевъ такой критикъ, какого вы описали, примѣнять свой идеалъ изящнаго къ произведеніямъ нашихъ писателей и художниковъ? Нельзя ли по справедливости подозревать, что опъ совсѣмъ останется у насъ безъ дѣла?»

Ваша правда, мы еще не богаты произведеніями превосходными; наша словесность едва начинаеть выходить изъ младенчества; оригинальныхъ русскихъ книгъ весьма немного [я говорю объ однихъ хорошихъ]; зато какое множество переводовъ, и какихъ переводовъ! Ихъ смѣло можно назвать *оригиналами*; ибо они совершенно никакого не имѣютъ сходства съ подлинниками. Что же дѣлать критику посреди сего наводненія, въ которомъ утопаеть наша несчастная словесность? Говорить объ искусствѣ и слогѣ,

разсматривая такіа книги, въ которыхъ нѣтъ и слѣдовъ искусства и слога, значило бы сражаться съ вѣтранными мельницами. Но я и разсматриваніе вздорныхъ книгъ, за неимѣніемъ хорошихъ, не почитаю совсѣмъ бесполезнымъ. Критика можетъ быть у насъ *приготовленіемъ* къ хорошему. Разбирая, и, если угодно, осмѣивая безобразные переводы романовъ, которыми книгопродавцы безъ великой пощады насъ угощаютъ, она сдѣлаеть насъ по крайней мѣрѣ взыскательнымъ, по крайней мѣрѣ научитъ называть дурное дурнымъ; а чтобы познакомить насъ съ истинно прекраснымъ, пускай обращаетъ наше вниманіе на произведенія старыхъ, или давно уже извѣстныхъ классическихъ писателей нашихъ. Въ сочиненіяхъ Ломоносова, Державина, Дмитриева, Карамзина и еще нѣкоторыхъ новѣйшихъ найдутся образцы, довольно близкіе къ тому идеалу изящнаго, который долженъ существовать въ головѣ каждаго критика. Причины же небогатства нашей словесности...

Разговоръ былъ прерванъ на самомъ этомъ мѣстѣ прибытіемъ нѣсколькихъ постороннихъ людей. Я простиася съ моимъ знакомцемъ, побѣжалъ домой и записать для васъ слышанное: надѣюсь, что нѣкоторыя мысли моего почтеннаго адвоката критики будутъ полезны и для васъ.

О С А Т И Р Ъ

И

САТИРАХЪ КАНТЕМИРА.

Кантемиръ принадлежитъ къ немногимъ классическимъ стихотворцамъ Россіи; по рѣдкій изъ русскихъ развѣртываетъ его сатиры, ибо старинный слогъ его пугаетъ читателя, который ищетъ въ стихахъ одного легкаго удовольствія. Кантемира можно сравнить съ такимъ человекомъ, котораго суровая наружность сначала не предвѣщаетъ ничего добраго; но съ которымъ надобно познакомиться короче, чтобъ полюбить его характеръ, и потомъ нахо-

дуть наслажденіе въ его бесѣдѣ. Обративши на сего стихотворца вниманіе нашихъ читателей, мы надѣемся заслужить отъ нихъ благодарность; но предварительно позволяемъ себѣ войти въ нѣкоторыя разсужденія о сатирѣ.

Какой предметъ сатиры? Осмѣяніе человѣческихъ заблужденій, глупостей и пороковъ. Смѣхъ производитъ веселость, а веселость почитается однимъ изъ счастливѣйшихъ состояній человеческого духа. Во всѣхъ намъ извѣстныхъ языкахъ, говоритъ Адисонъ, находимъ метафору: *поля смѣются, дуба смѣются*; это служитъ доказательствомъ, что смѣхъ, самъ по себѣ, есть что-то и привлекательное и любезное. Смѣхъ оживляетъ душу, или, разсѣвая мрачность ея, когда она обременяема печалію, или возбуждая въ ней дѣятельность и силу, когда она утомлена умственной, трудною работою. По словамъ Сульцера, смѣхъ бываетъ двоякаго рода: или чистый, просто расклагающій насъ къ веселости; или сложный, то есть, соединенный съ чувствами и понятіями посторонними. Предметъ, самъ по себѣ забавный, заставляетъ насъ смѣяться и болѣе ничего: вотъ чистый смѣхъ; но если подъ личиною смѣшного скрывается что шибудь отвратительное, или достойное презрѣнія, тогда необходимо со смѣхомъ должно соединиться въ нашей душѣ и чувство досады, негодованія, отвращенія: вотъ что называется смѣхомъ сложнымъ. Дарованіе смѣшныя остроумія принадлежитъ весьма немногимъ. Рѣдкій имѣетъ способность замѣчать смѣшныя стороны вещей, находить неожиданное сходство между предметами, ни мало не сходными, или соединять такіе предметы, которыхъ соединеніе или неестественно или чудесно; а все это составляетъ сущность смѣшного. Съ перваго взгляда сія шутливость, или колкая, или живая, покажется свойствомъ человѣка веселаго: но веселость есть характеръ, а дарованіе находить въ предметахъ забавную сторону, или созидать воображеніемъ предметы смѣшныя, есть принадлежность ума, пе-

разлучная съ другими важнѣйшими его качествами. Человѣкъ, по характеру своему веселый, все видитъ съ хорошей стороны; и люди и міръ принимаютъ на себя, такъ сказать, цвѣтъ его сердца; все для него ясно; онъ можетъ смѣяться, потому что смѣхъ и радость почти одно и то же: но онъ менѣе способенъ замѣчать смѣшное, то есть, противорѣчащее нашему понятію и чувству, ибо для сего необходимо нужно имѣть нѣсколько того ѣдкаго остроумія, которое несообразно съ характеромъ кроткой и снисходительной веселости. Напротивъ, человѣкъ, имѣющій даръ насмѣшки, почти всегда имѣетъ и характеръ важный и умъ глубокомысленный. Чтобы пайти въ предметъ смѣшную, для обыкновеннаго взора незамѣтную сторону, надлежитъ разсмотрѣть его со всѣхъ сторонъ, а для сего потребны размышленіе и проинципальная тонкость; чтобы замѣтить, въ чемъ удаляется тотъ или другой характеръ, тотъ или другой поступокъ отъ правилъ и попятій истинныхъ, и потомъ сіе отдаленіе представить смѣшнымъ, потребно имѣть ясное и полное понятіе о вещахъ, колкое остроуміе, духъ наблюдательный и воображеніе живое: все это болѣе или менѣе не принадлежитъ къ характеру ясной и можетъ быть нѣсколько легкомысленной веселости. Изъ всего сказаннаго выше слѣдуетъ, что дарованіе замѣчать смѣшныя стороны предметовъ, соединенное съ искусствомъ изображать ихъ разительно для другихъ, есть дарованіе гениевъ рѣдкихъ.

И сіе дарованіе можетъ быть или благотѣльно или вредно, какъ въ общезити, такъ и въ словесности—но кругъ вреда и пользы, отъ него притекающихъ, несравненно обширнѣе въ послѣдней. Насмѣшка сильнѣе всѣхъ философическихъ убѣжденій опровергаетъ упорный предразсудокъ и дѣйствуетъ на пороки: осмѣянное становится въ глазахъ нашихъ низкимъ; а вмѣстѣ съ уваженіемъ къ вещи теряется и наша къ ней привязанность. Не должно думать однако, чтобы насмѣшка могла исправить порочнаго:

она только *открывает* ему дурныя стороны его и, можетъ быть, живѣе только дасть чувствовать необходимость украсить ихъ личиною пріятнаго. Но цѣль моралиста — какимъ бы онъ оружіемъ ни дѣйствовалъ, насмѣшкою или простымъ убѣжденіемъ, — не есть невозможное исправленіе порока, а только предохраненіе отъ него души неперпорченной, или исцѣленіе такой, которая, введена будучи въ обманъ силою примѣра, предразсудка и навыка, не смотря на то, сохранила ей свойственное расположеніе къ добру. Насмѣшка есть оружіе *предохранительное*; ничто лучше ея не охлаждаетъ воображенія, излишне воспламененнаго; она побуждаетъ и тамъ, гдѣ усилія степеннаго разсудка остаются безплодны. Съ другой стороны, дарованіе смѣяться можетъ быть весьма вреднымъ, если не будетъ оно соединено съ характеромъ благороднымъ и уваженіемъ чистой морали: ибо все то, что мы почитаемъ священнымъ, можетъ унижено быть въ глазахъ нашихъ дѣйствіемъ насмѣшки.

Философы и поэты употребляютъ оружіе насмѣшки для пользы правоты. Сатирикъ и комикъ имѣютъ то сходство съ моралистомъ-философомъ, что они дѣйствуютъ для одной цѣли, которой однако достигаютъ различными путями. Моралистъ разсуждаетъ и, убѣждая умъ, говоритъ сердцу; напротивъ, комикъ и сатирикъ осмѣиваютъ моральное безобразіе, и тѣмъ болѣе привязываютъ насъ къ красотѣ моральной, которая становится ощутительнѣе отъ противоположности. Различіе между сатирою и комедіею заключается въ одной только формѣ: въ комедіи мы видимъ *передъ глазами* тѣ оригиналы и тѣ пороки, которые сатирикъ представляетъ одному только *воображенію*: тамъ они сами выходятъ на сцену и сами себя обличаютъ, а здѣсь выходятъ на сцену поэтъ, который или забавляетъ насъ своими колкими шутками, или производитъ въ душѣ нашей благодѣтельное негодованіе. Изъ всего сказаннаго выше можно легко составить

себѣ понятіе о характерѣ сатирическаго стихотворца и комика. Они необходимо должны имѣть духъ наблюдательный, глубокое знаніе человѣческаго сердца, и рѣдкимъ извѣстнымъ искусствомъ представлять въ смѣшномъ все то, что несогласно съ правилами и понятіями чистой морали. Искусство осмѣивать остроумно тогда только бываетъ истинно полезнымъ, когда оно соединено съ высокою чувствъ, неперпорченнымъ сердцемъ и твердымъ уваженіемъ обязанностей человѣка и гражданина. Истинный сатирикъ и стихотворецъ комическій должны ненавидѣть изображаемыя ими пороки; но если сія ненависть будетъ произведеніемъ не сильной привязанности къ добру, а одного только расположенія все находить или смѣшнымъ, или низкимъ; если они будутъ смотрѣть на міръ и на человѣка съ угрюмостью и пристрастіемъ мизантроповъ, а не съ добрымъ чувствомъ друзей человѣчества, которые желаютъ, чтобы все передъ глазами ихъ наслаждалось счастіемъ, и потому только ненавидятъ порокъ, что онъ есть главнѣйшій противникъ сего счастья: тогда они поселяютъ въ сердцахъ своихъ читателей одно только мрачное чувство несправедности, которое можетъ быть благодѣтельно не иначе, какъ будучи въ равновѣсіи съ усладительнымъ чувствомъ любви: ненависть стѣсняетъ душу, напротивъ любовь ее животворитъ и располагаетъ къ дѣятельности полезной. Сердечный жаръ, какъ говоритъ Сумецеръ, долженъ быть музою сатирика. Это справедливо: и въ ту минуту, когда онъ попираетъ ногами порокъ, или осмѣиваетъ глупость, или забывается насчетъ странности, я долженъ замѣчать въ душѣ его и любовь къ добродѣтели, и чувствительность, и благородное уваженіе ко всему прекрасному. На этихъ только условіяхъ и въ обществѣ бывають терпимы колкіи насмѣшникъ; ибо тогда всѣ тѣ, которые сами имѣютъ характеръ благородный, могутъ полагаться на его справедливость, но тотъ, кто вѣмъ безъ разбора жертвуетъ своему остроумію, необ-

ходимо удаляеть отъ себя всякое доброе сердце; онъ неизвольно обнаруживаетъ предъ нимъ собственную бѣдность свою въ чувствахъ высокихъ и оскорбляетъ его своею жестокостію. Такое и дѣйствіе сатиры, въ которой замѣчаемъ одно желаніе и искусство порицать, и не находимъ ничего питательнаго для сердца.

Сатира, собственно такъ называемая, отлична отъ всѣхъ другихъ сатирическихъ произведеній — и въ прозѣ и въ стихахъ — своею дидактическою формою. Вольтеровъ *Кандидъ*, Сервантовъ *Донъ Кихотъ*, Эразова *Похвала дурачеству*, Свифтовъ *Гулливель*, Ботлеровъ *Гудибрасъ*, Мольеровъ *Тартюфъ*, имѣютъ предметомъ, какъ и сатира, осмѣяніе пороковъ и глупостей: но *Кандидъ*, *Гулливель* и *Донъ Кихотъ* романы, *Гудибрасъ* поэма, *Тартюфъ* комедія. Сатира должна быть сатирою, слѣдовательно, имѣть собственную, ей одной принадлежащую форму. Сатирикъ, можно сказать, занимаетъ эту форму у философа; но онъ занимаетъ какъ стихотворецъ, и сверхъ того пользуется нѣкоторыми особенными способами. Избравши предметъ свой, онъ примѣняется къ нему тономъ, слогомъ и расположеніемъ; наиримѣръ: нападая на странности, онъ вооружается легкою и колкою шуткою, смѣшить и ищѣяетъ пріятнымъ лѣкарствомъ смѣха; напротивъ, имѣя въ виду какой нибудь вредный, заразительный порокъ, онъ возвышаетъ тонъ, выражается съ жаромъ, и тогда самая насмѣшка его принимаетъ на себя наружность негодованія. Все это будетъ ощутительнѣе, когда мы взглянемъ и сатиры Горация и Ювенала. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ предметахъ, которыми всего приличнѣе заниматься сатирику. Онъ долженъ изъ безчисленнаго множества пороковъ, странностей и заблужденій выбирать только такіе, которыхъ вліяніе и общее и самое обширное; частныя заблужденія и пороки, будучи мало замѣтны, потому именно и не могутъ быть заразительны: ибо они протсходятъ по большей части отъ нѣко-

торыхъ особенныхъ недостатковъ ума и характера, которые надлежитъ почитать исключеніями. Личность есть то же, что низкое мнѣніе; она уничтожаетъ нашу довѣренность къ сатирику, который въ глазахъ нашихъ долженъ быть проповѣдникомъ истины и добрыхъ нравовъ. Одинъ человекъ не можетъ быть образцомъ для другихъ ни въ добрѣ, ни въ злѣ: стихотворецъ изображаетъ намъ только то, что свойственно всему человечеству, соблюдая однако все тѣ отличія, которыя человеческая натура замѣтуетъ отъ нравовъ и обычаевъ его вѣка: слѣдовательно, будучи наблюдателемъ тонкимъ, онъ долженъ изображать человека вообще, то есть, представлять намъ въ добродѣтеляхъ и въ порокахъ идеалъ цѣлаго, составленный изъ множества мелкихъ, въ разное время замѣченныхъ имъ частей: таковы должны быть нравственные картины сатирика. Личная сатира только что оскорбляетъ; а оскорбленіе почти никогда не можетъ быть дѣйствительнымъ лѣкарствомъ. Не думаю также, чтобы въ сатирахъ было полезно нападать на пороки, слишкомъ отвратительные и потому именно выходящіе изъ порядка природы: такіа картины только что возмущаютъ чувство; но польза ихъ весьма ограниченная, ибо нѣтъ никому нужды остерегаться отъ того, что необходимо должно казаться естественнымъ и производить отвращеніе.

Эшенбургъ раздѣляетъ сатиры на *важныя* и *веселыя*. Въ первыхъ стихотворецъ сражается только съ такими пороками, которые гибельны для общества: слогъ его долженъ быть елленъ, *негодованіе* должно быть его гениемъ. Въ сатирахъ веселыхъ стихотворецъ имѣетъ передъ глазами одиѣ забавныя странности, одни пороки смѣшныя, и слогъ его долженъ быть легокъ, исполненъ того остроумія, которое Цицеронъ называетъ солюю. Важная сатира можетъ въ нѣцы минуты занимать легкость у веселой, а веселая занимать силу у важной; разноеобразіе почитается одною изъ главныхъ

прелестей слога. Замѣтимъ здѣсь, что важная сатира вообще легче для стихотворца, нежели веселая, именно потому, что въ первой изображаются онъ такіе предметы, которыхъ характеръ разительнѣе, слѣдовательно и болѣе замѣтенъ; а въ послѣдней занимается мелкими, слѣдовательно требующими особенной остроты зрѣнія и занимательности предметами.

Чтобъ получить яснѣйшее понятіе о томъ, какова должна быть истинная сатира, надлежитъ рассмотреть характеры тѣхъ стихотворцевъ, которыхъ сатиры почитаются самыми совершенными; слѣдовательно характеры Горация и Ювенала, которымъ все лучшіе повѣйшіе сатирики, напр. Буало, Понъ и нашъ Кантемиръ болѣе или менѣе подражали.

Горациевы сатиры можно назвать совершеннѣе опытной правдивости, полезной для всякаго, во всякое время, во всехъ обстоятельствахъ жизни. Характеръ сего поэта—веселость, чувствительность, пріятная и остроумная шутливость. Онъ живетъ въ свѣтъ и смотритъ на него глазами философа, знающаго истинную цѣну жизни, привязаннаго къ удовольствіямъ непорочнымъ и свободѣ, имѣющаго прощательный умъ, характеръ откровенный и, наконецъ, способность *видѣть* недостатки людей, не оскорбляясь ими, и только находить ихъ забавными. Посреди разсѣянности и шума придворной жизни, онъ сохранилъ въ душѣ своей привязанность къ простымъ наслажденіямъ природы. Онъ забавляется надъ глупостями, заблужденіями и пороками; но онъ не взыскательнѣе, не выдаетъ себя за строгаго законодателя правовъ и имѣетъ ту естественность, которая и самыя неспріятныя упреки дѣлаетъ привлекательными; его простосердечіе и любезный характеръ примиряютъ насъ съ колкостью его остроумія—и вы охотно соглашаетесь у него учиться, потому что онъ говоритъ отъ сердца, по опыту, и забавляетъ насъ, предлагая намъ правоученіе полезное; его философія не имѣетъ цѣлю моральнаго совершен-

ства стоиковъ, надъ которыми онъ призываетъ себя иногда смѣяться; она заключаетъ въ себя искусство пользоваться благами жизни, быть истинно независимымъ и любить природу. Со стороны стихотворной, сатиры его почитаются совершеннѣйшими изъ всехъ намъ извѣстныхъ. Формы его чрезвычайно разнообразны: иногда говоритъ онъ самъ, иногда выводитъ на сцену постороннія лица, иногда рассказываетъ читателю своему басню. Его описанія чрезвычайно живы; по онъ только прикасается къ описываемому предмету, и никогда не утомляетъ вниманія; изображая характеръ, онъ представляетъ одиѣ главныя и самыя нужныя черты его живою, но легкою кистию. Онъ имѣетъ даръ, говоря уму, оживлять воображеніе и прикасаться къ сердцу—и мысли его всегда согрѣты пламенемъ чувства. Однимъ словомъ, прочитавъ его сатиры [надобно къ нимъ причислить и посланія, изъ которыхъ нѣкоторыя ни въ чемъ не разиствуютъ съ сатирою], вы остаетесь съ лучшимъ знаніемъ свѣта, съ яснѣйшимъ понятіемъ о жизни и съ большимъ расположеніемъ ко всему доброму.

Ювеналь имѣетъ характеръ совсѣмъ противоположный Горациеву: онъ бичъ порочныхъ и порока. Читая сатиры его, увѣряемся, что Ювеналь имѣлъ пламенную, неполненную любви къ добродѣтели душу; но въ то же время и нѣкоторую урюмость, которая составляла его смѣрть на предметы съ дурной только стороны ихъ: представляя ихъ глазамъ читателя, онъ съ памфлетомъ усилчивалъ ихъ безобразіе.—Онъ родился при императорѣ Калигулѣ; по сатиры его, изъ которыхъ дошло до насъ только шестнадцать, все написано во времена Траяна или Адриана, слѣдовательно въ глубокой старости. Сіи обстоятельства объясняютъ намъ и то, отчего сатирикъ всездѣ представляется нашимъ глазомъ, какъ строгій судья, и нигдѣ не утѣшаетъ насъ веселою философіею чувствительнаго человѣка. Ювеналь, стоикъ характеромъ,

видѣлъ всё ужасы Клавдіева, Перопова и потомъ Домиціанова царетвоваіи: онъ былъ свидѣтелемъ, съ одной стороны, неограниченнаго деспотизма, съ другой самой отвратительной пизости, самаго отвратительнаго разврата, и въ душѣ его мало по малу скоплялось содревниче негодованія, которое успивалось въ тишинѣ принужденнаго безмолвія. Сатиры его можно наименовать мщеніемъ пламенной души, которая долго не смѣла себя обнаружити, долго роптала противъ своей пезволн, и вдругъ, получивъ свободу, спѣшитъ воспользоваться ею неограниченно. Старость и привычка къ чувствамъ прискорбнымъ лишили его способности замѣчать хорошія стороны вещей; онъ видитъ одно безобразіе, онъ выражаетъ или негодованіе, или презрѣніе. Онъ не философъ: будучи сильно поражаемъ картиною окружающаго его разврата, онъ не имѣетъ того душевнаго спокойствія, которое необходимо для философа, бесѣдующаго съ самимъ собою; но онъ превосходный живописецъ; въ слогѣ его находимъ силу и высоту его характера:

Juvenal, élevé dans les cris de l'école,
Poussa jusqu'à l'excès sa mordante hyperbole.

Одни предпочитаютъ Ювенала Горацию, другіе отдають преимуществу послѣднему. Не разбирая, на чьей сторонѣ справедливость, мы можемъ замѣтить, что каждый изъ сихъ стихотворцевъ имѣетъ совершенно особенный характеръ. Гораций почти никогда не печаливаетъ души разительнымъ изображеніемъ порока; онъ только забавляетъ насчетъ его безобразія и сверхъ того противопоставляетъ ему тѣ добродѣтели, которыя нужны въ общезжитіи. Ювеналъ производитъ въ душѣ отвращеніе къ пороку и, переливая въ нее то пламя, которымъ собственная его душа наполнена, даетъ ей и большую твердость и большую силу; но Гораций, представляя намъ вездѣ одинъ привлекательные предметы, привязываетъ насъ къ жизни и наущаетъ довольствоваться своимъ

жребіемъ; а Ювеналъ напротивъ, окружая насъ предметами отвратительными, производитъ въ душѣ нашей какую-то мрачность. Первый осмѣиваетъ странности глупыхъ людей, но приближая насъ къ добрымъ; послѣдній, представляя нашимъ глазамъ одинъ порокъ, дѣлаетъ насъ педовѣрчивыми и къ самой добродѣтели. Въ сатирѣ Горация знакомимся и съ самимъ Горациемъ, съ его образомъ жизни, привычками, упражненіями; въ сатирѣ Ювенала никогда не видишь самаго поэта; ибо ничто постороннее не отвлекаетъ нашего вниманія отъ тѣхъ ужасныхъ картинъ, которыя представляются воображенію стихотворца. Кто хочетъ научиться искусству жить съ людьми, кто хочетъ почувствовать прямую пріятность жизни, тотъ вытверди наизусть Горация и слѣдуй его правиламъ; кому нужна подпора посреди несчастій житейскихъ, кто, будучи оскорбляемъ пороками, желаетъ облегчить свою душу излитіемъ тащагося во глубинѣ ея негодованія, тотъ разверни Ювенала, и онъ найдетъ въ немъ обильную для себя пицу.

Опредѣливъ достоинство сихъ сатирик-ковъ, которые почитаются образцовыми, обратимся къ нашему Кантемиру. Мы имѣемъ въ Кантемирѣ нашего Ювенала и Горация. Сатиры его чрезвычайно пріятны [онъ писалъ *слогамъ*, такъ же какъ и псалмы Симеона Полоцкаго и почти всё старинныя русскія пѣсни], въ нихъ виденъ не только остроумный философъ, знающій человеческое сердце и свѣтъ, но имѣетъ и стихотворецъ искусный, умѣющій владѣть языкомъ своимъ [всегда пріятнымъ, хотя онъ и устарѣлъ], и живописецъ, вѣрно изображающій для нашего воображенія тѣ предметы, которыя самаго его поражали.

Кантемиръ оставилъ намъ восемь сатиръ. Мы выищемъ для нашихъ читателей *сво* первую, одну изъ лучшихъ, въ которой стихотворецъ нападаетъ на глупыхъ или пристрастныхъ невѣждъ, порицающихъ ученіе. Сатирикъ обращается къ уму своему. Надобно замѣ-

тѣть, что предлагаемая здѣсь сатира написана имъ на двадцатомъ году:

Уме недоарѣлый, плодъ недолгой науки,
 Покойся, не понуждай къ перу моп руки:
 Не писавай, летящи дни вѣка проводитьи
 Можно, и славу достать, хоть творцемъ
 не слыти.
 Ведуть къ ней нетрудные въ нашъ вѣкъ
 пути многи,
 На которыхъ смѣлыя не запиутся поги:
 Всѣхъ неприятнѣ тотъ, что босы проклали
 Деять сестры; многи на немъ силу по-
 теряли,
 Не дошедъ; нужно на номъ потѣтъ и то-
 миться,
 И въ тѣхъ трудахъ всякъ теби, какъ мору,
 чужителъ,
 Смѣется, глумается. Кто надъ столомъ
 гнетелъ,
 Няя на книгу глаза, большихъ не добьется
 Палагъ, ни развѣченна мраморами саду;
 Овцы не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду

Правда, въ нашемъ молодомъ монархѣ *)
 надежда
 Выходитъ музамъ не мала; со стыдомъ не-
 вѣжда
 Бѣжитъ его. Аполопъ славы въ немъ защиту
 Своей не слабу почувъ; чтища своему свиту
 Видѣлъ его самого, и во всемъ обильно
 Тщится множить жителей парнаескихъ онъ
 сильною.
 Но та бѣда: многіе въ царѣ похваляютъ
 За страхъ то, что въ поданномъ дерзко осу-
 ждаютъ.

«Расколы и ереси науки суть дѣти;
 Больше вретъ, кому далось больше разумѣти;
 Приходить въ безбожіе, кто надъ книгою
 таецъ:
 Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчать и
 вздыхаетъ,
 И проситъ свята душа съ горькими слезами
 Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между
 нами:
 Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
 Праотчскимъ шлн слѣдомъ, къ Божіей про-
 ворны
 Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не
 знали,
 Теперь къ церкви соблазну, біблію честь
 стали;
 Толкуютъ, всему хотять знать поводъ, при-
 Мало вѣры подаи священному чину; [чину,
 Потеряли добрый правъ, забыли пить квасу;
 Не прибьешь ихъ палкою къ солонному мясу;
 Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней
 не знаютъ;

Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ
 лишну чаютъ,
 Шенча, что тѣмъ, кто мірской жизни ужъ
 отстали,
 Помѣстья и вотчины весьма не пристали».

Сильванъ другую вину наукамъ находить.
 Ученіе говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
 Живали мы прежь сего, не зная латынѣ,
 Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ;
 Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали;
 Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ по-
 теряли.
 Бude рѣчь моя слаба, буде въ ней нѣтъ чину,
 Ни связи, должно ль о томъ тужить дво-
 рянину?
 Доводъ, порядокъ въ словахъ, подлыхъ то
 есть дѣло;
 Знатнымъ должно подтверждать, иль отри-
 цать смѣло.
 Съ ума сошелъ, кто души силу и предѣлы
 Пеньтуетъ, кто въ поту томится дни цѣды,
 Чтobъ строй міра и вещей вывѣдать пре-
 мѣну,
 Пль причину: глупо онъ лѣпить горохъ въ
 стѣну.
 Приростетъ ли мнѣ съ того день въ жизни,
 иль въ лицѣхъ
 Хотя грошъ? Могу ль чрезъ то узнать,
 что припашишь,
 Что дворецкой крадетъ въ годъ, какъ при-
 бавитъ воду
 Въ мой прудъ, какъ бочекъ число съ винъ
 наго заводу?
 Не уміте, кто глаза, полонъ безлюбойства,
 Копитъ, нечасъ при огнѣ, чтобъ възнать
 рудъ свойства;
 Видѣ не теперь мы твердимъ, что буки,
 что вѣди;
 Можно знать различіе злата, сребра, мѣди.
 Травъ, болѣзней знаніе—все то голы враки.
 Глава ль болить: тому врачъ ищетъ въ
 рукѣ знани.
 Всему въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
 Пять хоцешь: слабѣемъ ли—кровь тихо
 чрезмѣру
 Течеть; если смѣшно—жарь въ тѣлѣ, от-
 вѣтъ смѣло
 Даетъ, хоти внутрь никто видѣлъ живо тѣло.
 А пока въ басняхъ такихъ время онъ про-
 водить,
 Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его
 вхлодитъ.
 Къ чему звѣздъ теченіе числить, и ни къ
 дѣлу.
 Ни къ стати за однимъ ночь пятномъ не
 спастъ цѣлу?
 За любопытствомъ однимъ лишится покою,
 Ища солнце ль движется, или мы съ землею?
 Въ Часовникѣ можно честь на великой день
 года

*) Петръ II. *Примѣч. въ текстъ.*

Число мѣсяца и часть солнечнаго вехода.
 Землю въ четверти дѣлить безъ Эпикида
 смыслишь;
 Сколько копѣекъ въ рублѣ, безъ алгебры
 счислишь.
 Сильванъ одно знаніе слично людямъ хвалить,
 Что учить множить доходъ, а расходы малить;
 Трудиться въ томъ, съ чего вдругъ карма
 ма не толстѣетъ,
 Гражданству вреднымъ весьма безумствомъ
 звать смѣетъ.

Руминный, трижды рыгнувъ, Лука под
 шиваетъ;
 Наука содружество людей разрушаетъ;
 Люди мы къ сообществу Божію тварь стали,
 Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріали.
 Что же пользы шному, когда я заперелъ
 Въ чуланъ, для мертвыхъ друзей живущихъ
 лишуся?
 Когда все содружество, вся моя вѣстага
 Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
 Въ весельи, въ шпиряхъ мы жизни должны
 провождати;
 И такъ она не долга, на что коротаги,
 Крушиться надъ книгою и повреждать очи?
 Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и
 ночи?
 Вино, даръ божественный, много въ немъ
 провору:
 Дружить людей, подаетъ поводъ къ раз
 говору,
 Веселитъ, всѣ тяжкія мысли отымаешь,
 Скучдость знаетъ облегчать, слабыхъ обо
 дряетъ,
 Жестокихъ смягчитъ сердца, угрюмость от
 водитъ,
 Любовникъ легче виномъ въ цѣль свою до
 ходитъ.
 Когда по небу сохой бразды водить станутъ,
 А съ поверхности земли звѣзды ужъ про
 глянутъ,
 Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ
 быстры рѣки
 И возвратятся назадъ минувшіе вѣки,
 Когда въ постъ чернецъ одну вѣсть станеть
 визигу:
 Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу.
 Медоръ тужить, что чрезчуръ бумаги
 неходитъ
 На письмо, на печать книги, а ему приходится
 Что не во что завертѣть завитые кудри;
 Не смѣнить на Сенену оцъ фунтъ доброй
 пудры;
 Предъ Егоромъ *) двухъ денегъ. Виргилій
 не стоитъ;
 Рексу, не Цицерону похвала долготъ.

*) Егоръ, славный сапожникъ въ Москвѣ,
 умершій въ 1729, а Рексъ также славный
 московскій портной, ижець. *Примеч. съ
 текстомъ.*

Вотъ часть рѣчей, что по всякъ день
 звенятъ мнѣ въ уши;
 Вотъ для чего я, уме, нѣмѣе быть клуши
 Совѣтую. Когда пить пользы, ободрять
 Къ трудамъ хвала; безъ того сердце уны
 ваешь.
 Сколько жъ больше вмѣсто хвалъ да хулы
 терилъ!
 Трудайъ то, нежъ пьяницѣ вина не имѣтъ,
 Нежли не славить пону святую недѣлю,
 Нежли кунцу ниво пить не въ три пуда хмѣлю.

Знаю, что можешь, уме, смѣло мнѣ пред
 ставить,
 Что трудно алонравному добродѣтель славить;
 Что щеголь, сдунецъ, ханжа и такимъ по
 добны
 Науку должны хулить; да рѣчи ихъ злобны
 Умынымъ людямъ не уставъ, плюнуть на
 нихъ можно.
 Изрядень, хваленъ твой судъ; такъ бы то
 бытъ должно
 Да въ нашъ вѣкъ злобныхъ слова умными
 влаждютъ,
 А къ тому жъ не только тѣхъ науки имѣютъ
 Недрузей, которыхъ я, краткости радѣя,
 Ищель, иль правду сказать, могъ честь
 смѣять.
 Позно ль того? Райскихъ вратъ ключари
 свитые,
 И имъ же Оемисъ вѣски вѣбрила златыя,
 Мало любить, чуть не всѣ истину прикрасу.
 Ешилопомъ хочешь быть; уберися въ рיעу,
 Сверхъ той тѣло съ гордостью риза волосата
 Пусть прикростъ, повѣсь цѣпь на шею отъ
 злата,
 Клубкомъ покрой главу, брюхо бородою,
 Ключу пынно повели вести передъ тобою;
 Въ каретѣ раздувшись, когда сердце съ
 гнѣву
 Трещитъ, всѣхъ благословлять цудъ праву
 и лѣву.
 Долженъ архипастыремъ всякъ ты въ сихъ
 познати
 Знакахъ, благоговѣно отномъ называти.
 Что въ наукѣ, что съ нея пользы перкви
 будеть?
 Пной, ишша проповѣдь, выпишь позабу
 деть?
 Отъ чего доходамъ вредъ; а въ нихъ черкви
 Лучшія основаны, и вся ея слава. [права
 Хочешь ли судьбою стать; вздынь парикъ
 съ узлами,
 Брани того, кто проситъ съ пустыми руками;
 Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы пре
 зираешь;
 Спи на стулѣ, когда дышкъ выписку читаешь.
 Если жъ кто вспомянитъ тебѣ гражданин
 уставы
 Иль естественный законъ, иль народны
 права,

Плянь ему въ рожу, скажи, что вретъ
 околёну,
 Налагая на судей ту тягость неснопу,
 Что подьячимъ должно лѣзть на бумажны
 горы,
 А судѣй довольно знать крѣпите приговоры.
 Къ намъ не дошло время то, въ поемъ
 предѣдала
 Надъ **всѣмъ** мудрость, и вѣины одна раз-
 дѣляла,
 Будучи способъ одна къ вышнему восходу.
 Знатый **вѣкъ** то нашего не достигнуть
 роду.
 Гордость, лѣвность, богатство мудрость одо-
 дѣло;
 Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посылло:
 Подъ митрой гордится то, въ шитомъ платьѣ
 ходитъ,
 Судить за краснымъ столомъ, смѣло полки
 водитъ.
 Наука ободрана, въ доскутахъ обшита,
 Изъ **всѣхъ** почти домовъ съ ругательствомъ
 сбита;
 Знаться съ нею не хотять, бѣгутъ ея дружбы,
 Какъ въ морѣ страдавше корабельной
 службы.
 Все кричатъ: никакой плодъ не виденъ съ
 науки;
 Ученыхъ хотъ голова полна, пусты руки.
 Коли кто карты мѣшать, разныхъ винъ
 вкусъ знаетъ,
 Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играть.
 Смыслятъ искусно прибрать въ своемъ
 платьѣ цѣты,
 Тому ужъ и въ самыя молодыя дѣти
 Всякая высша степенъ мзда ужъ не велика,
 Седми мудрецовъ себя достойнымъ мнить
 лнка.
 Нить правды въ людяхъ, кричатъ безмог-
 лый церковникъ;
 Еще не епископомъ я, а знаю Часовникъ,
 Псалтырь и Посланія бѣгло честь умѣю,
 Въ Златоустѣ не запусь, хотъ не разумѣю.
 Воинъ ропщеть, что своимъ полкомъ не
 владѣеть,
 Когда ужъ имя свое подписать умѣеть.
 Писецъ туаитъ, за сумномъ что не сидитъ
 краснымъ;
 Смысля дѣло набѣло списать письмомъ
 яснымъ.
 Обидно себѣ быть мнить въ незнати старѣти,
 Когу въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таитъ,
 И двѣ тысячи дворовъ за собой считаетъ,
 Хотя впрочемъ ни читать, ни писать не
 знаетъ.
 Таковы слыша слова и примѣры вида,
 Молчи, уме, не скучай, въ незнати сиди:
 Безстрашно того житье, хотъ и тяжело мнеться,
 Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таитъ.
 Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
 Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая

Пользу наукъ; не нищи, пзыслися тую,
 Въмѣсто похвалъ, что ты идешь, достать
 хулу злуго.

Эта сатира написана была противу
 тѣхъ, которые своею привязанностію къ
 стариннымъ предразсудкамъ противились
 распространенію наукъ, введенныхъ въ
 предѣлы Россіи Петромъ Великимъ.
 Сатирикъ, имѣя въ предметѣ осмѣять
 безразсудныхъ хулителей просвѣщенія,
 вмѣсто того, чтобъ доказывать намъ ло-
 гически пользу его, притворно беретъ
 сторону глумцовъ и невѣждъ, объявив-
 шихъ ему войну, выводитъ ихъ на сцену
 и каждаго заставляетъ говорить языкомъ,
 приличнымъ его характеру. Такимъ не-
 куснымъ расположеніемъ стихотворецъ
 избавилъ себя отъ сухости и однообразія.
 Мы видимъ нѣсколько забавныхъ чуда-
 ковъ, которые нелѣпыми разсужденіями
 своими еще болѣе привязываютъ насъ
 къ тому предмету, который хотять уни-
 зить и обезобразить въ глазахъ нашихъ.

Приходить въ безбожіе, кто надъ книгой
таеть.

Дѣти наши, что предѣтѣмъ тихи и покорны,
 Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей
 проворны
 Службѣ, съ страхомъ слушаш, что сами не
 знали,
 Теперь къ церкви соблазну, библію честь
 стали.

Потерили добрый нравъ, забыли пить квасу,
и проч.

говоритъ ханжа *Критонъ*, для котораго
 читать библію, или хотѣть понимать то,
 что слушаешь въ церкви; значить быть
 безбожнымъ; а не пить квасу по при-
 мѣру правдѣвъ, значить быть разврат-
 нымъ. Кто жъ не повѣритъ *Критону*?
 И какъ не согласиться съ користоло-
 бивымъ богачемъ *Сильваномъ*, который
 увѣряетъ насъ, что:

Съ ума сошелъ, кто души силу и предѣлы
 Испытуетъ, кто въ поту томится дни цѣлы,
 Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать иремѣну,
 Или причину; глупо онъ лѣнить горохъ въ
 стѣну.

Приростеть ли мнѣ съ того день въ жизни,
или въ ящикѣ

Хотя грошь? Могу ль чрезъ то узнать, что
 Что дворцной крадетъ въ годъ? Какъ при-
 Въ мой прудъ? Какъ бочекъ число съ ви-
 наго заводу?

Травъ, болѣзней знаніе—все то голы враки.
 Глава ль болить: тому врачъ ищетъ въ
 рукѣ знаки.

А пока въ басняхъ такихъ время онъ про-
 водитъ,
 Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его
 входятъ.

Стихъ:

Глава ль болить: тому врачъ ищетъ въ
 рукѣ знаки.

очень забавенъ. Заключение:

Таковы слыша слова и примѣры видя,
 Молчи, уме, не случай, въ незначности сяди.
 Безстрашно того житье, хоть и тяжело мнится,
 Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится,
 Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
 Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
 Пользу наукъ; не пиши, изыскала тую,
 Въсто похвалъ, что ты ждешь, достать
 хулу злую.

удовлетворительно для друзей просвѣщенія. Стихотворецъ не сказалъ ни слова въ пользу наукъ, но онъ выставилъ безумство ихъ порицателей, и всякій повторитъ за нимъ съ сердечнымъ убѣжденіемъ:

Безстрашно того житье, хоть и тяжело мнится,
 Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.

Сатиры Кантемировы можно раздѣлить на два класса: на *философическія* и *жизносныя*; въ однихъ, и именно въ VI, VII, сатирикъ представляется намъ философомъ; а въ другихъ [I, II, III, V], искуснымъ живописцемъ людей порочныхъ. Мысли свои, почерпнутыя изъ общечитія, выражаетъ онъ сильно и кратко, и почти всегда оживляетъ ихъ или картинами, или сравненіями; всѣ характеры его изображены рѣзкою кистью: иногда, можетъ быть, замѣчаешь въ его изображеніяхъ и описаніяхъ излишнее обиліе. Формы его весьма разнообразны; онъ или разсуждаетъ самъ, или выводитъ на сцену актёровъ, или забавляетъ насъ вымысломъ, или пишетъ посланіе.

По *языку* и *стопосложенію* Кантемиръ долженъ быть причисленъ къ стихотворцамъ стариннымъ; но по *искусству* онъ принадлежитъ къ новѣйшимъ и самымъ образованнымъ. Читая сатиры его, видишь предъ собою ученика Гораціевъ и Ювеналовъ, знакомаго со всѣми правилами стихотворства, со всѣми превосходными образцами древней и новой поэзіи. Онъ никогда не отдаляется отъ матеріи, никогда не употребляетъ четырехъ словъ, какъ скоро можетъ выразиться тремя; онъ чувствителенъ къ гармоніи стихотворной; онъ знаетъ, что всякое выраженіе занимаетъ силу свою отъ того мѣста, на которомъ оно поставлено, его украшенія всѣ *необходимы*: онъ употребляетъ ихъ не для пустого блеска, а для того, чтобы усилить или объяснить свою мысль. Въ слогъ его болѣе силы, нежели колкости; онъ не смѣется, не хочетъ забавлять, но чертами разительными изображаетъ смѣшное, и колеть иногда неожиданно, мимоходомъ. Напримѣръ, посланца Лука говоритъ:

Какъ скоро по небу сохой бразды водить
 станутъ,
 А съ поверхности земли звѣзды уже про-
 глянутъ,
 Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ
 быстры ручьи,
 И возвратятся назадъ минувшіе вѣки,
 Когда въ постъ чернецъ одну постъ ста-
 нетъ вязать,
 Тогда, оставя стакаль, примуся за книгу.

Здѣсь стихотворецъ, какъ будто безъ намѣренія, колкнулъ невоздержныхъ монаховъ: невозможность читать одною визигию въ великій постъ напоминать о не-возможности возвратити минувшіе вѣки. Такое сближеніе очень забавно.

Мы предложимъ нашимъ читателямъ нѣсколько примѣровъ изъ слѣдующихъ сатиръ, чтобы дать имъ яснѣйшее понятіе объ искусствѣ Кантемира въ изображеніяхъ *мыслей*, въ *описаніяхъ* и *сравненіяхъ* стихотворныхъ и въ изображеніи *характеровъ*.

Вотъ заключеніе пятой сатиры. Стихотворецъ уступилъ свою роль лѣвиному

сатиру, одѣтому въ модное платье и при-
сланному отъ бога Папа въ городъ для
того, чтобы, наглядѣвшись на людей и
возвратившись въ лѣсъ, забавлять его
въ скучные часы разсказами объ ихъ
дурачествахъ. Сатиръ, описавши Перьергу
нѣкоторую часть того, что видѣлъ и
слышалъ между людьми, заключаетъ:

Несчастливыхъ страстей рабы отъ дѣтства
до гроба!
Гордость, зависть мучить васъ, лакомство
и злота,
Съ самолюбіемъ вещей тщетныхъ гнуса
воля;
Къ свободѣ охотники, вниצלъ въ васъ не-
воля;

Такъ, какъ легкое перо, коимъ вѣтры играетъ,
Летуча и различна мысль ваша бываетъ;
То богатства нинете, то деньги мѣшаютъ,
То грустно быть одному, то люди случаются;
Не знаете сами, что хотѣти; теперь тое
Хвалите, потомъ сіе, съ мѣста на другое
Перебѣгая мѣсто; и, что паче дивно,
Вдругъ одно желаніе другому противно.
Малый въ лѣто муравей потѣтъ, томится,
Зерно за зерномъ таща, и наполнять тщится
Свой анбаръ; когда же мѣръ унывать без-
плоденъ
Мразами начнетъ, съ гнѣзда станеть не-
исходенъ,
Въ зиму наслаждался тѣмъ, что нажилъ
лѣтомъ;
А вы, что мнитесь ума одаренны свѣтомъ,
Въ темнотѣ вѣкъ бродите; не въ время
приезжи,
Въ именуемомъ потѣете, а въ потребномъ
дежи.

Короткъ жизни предѣлъ, велики затѣи;
Своей сами тинниѣ глупые злодѣи,
Состояніемъ своимъ всегда недовольны.
Купецъ, у кого анбаръ и сундуки полны
Богатствъ всякихъ, и можетъ жить себѣ
въ покоѣ
И въ досужествѣ, вотъ не спитъ и мыс-
литъ иное,
Думая, какъ бы ему сдѣлаться судьбою;
Буды де хорошо быть въ людяхъ головою:
И чтить тебя, и даютъ, постою не знаешь;
Много ль, мало ль, для себя всегда соби-
раешь.
Стать судьбою, ужъ кунцу не мало завидитъ,
Когда по несчастію пусто въ мѣшкѣ видитъ,
И слыша просителей у дверей вадыхати,
Долженъ встать, не выпавшись, съ теплыми
кроватьи.

Боже мой, говоритъ онъ, что я не посадской?
Чортъ бы взялъ и чинъ и честь, въ конхъ
жизнь адекой.

Сахаръ, соху ведучи, шъ оброкъ считая,

Не однажды привздохпеть, слезы отирая:
За что де меня Творецъ не сдѣлалъ сол-
датомъ?

Не ходилъ бы въ серіакъ, но въ платьѣ
богатомъ,

Зналъ бы лишь одно свое ружье, да капрала,
На правожъ бы пога моя не стояла,
Для меня бъ свинья моя только поросилась,
Съ коровы мнѣ бъ молоко, мнѣ бъ курия
посилась;

А то все прикащицѣ, стряпчицѣ, киягицѣ
Повесилъ въ поклонѣ, а самъ жарѣи на мякинѣ.
Пришелъ поборъ, вахари вписали въ солдаты:
Не однажды дымныя вспомнить ужъ палаты,
Проклинаеть жизнь свою въ зеленомъ каф-
танѣ,

Десятью заплачетъ въ день по сѣромъ жу-
панѣ.

Толь не житье было мнѣ, говоритъ, въ
крестьянствѣ?

Правда, тогда не ходилъ я въ такомъ
убранствѣ;

Да лѣтомъ въ подклетѣ я, на печи зимою
Сыпалъ, въ дождикъ изъ избы я вонъ ни
погою;

Запачу подушное, оброкъ господину,
Какую жъ больше найду я тужить причину?
Щей горшокъ, да самъ большой, хозяйнѣ
я дома;

Хлѣба у меня чрезъ годъ, а скотамъ солома.
Дальня їзда мнѣ была съѣздитъ въ торгъ
для соли.

Иль въ праздникъ пойти въ село, и то съ
доброй воли:

А теперь чортъ не житье, волочись по свѣту,
Все бы рубашка бѣла, а вымытъ чѣмъ, плту;
Ходи въ штанахъ, возиси за ружьемъ по-
стрѣлымъ,

И гдѣ до смерти всѣхъ бьютъ, надобно
быть смѣлымъ.

Нивыснаться нѣкогда, часто нѣтъ что кушать;
Наряжать мнѣ все собой, а сотерыхъ слу-
шать.

Чернецъ тотъ, кой день назадъ чрезмѣрну
охоту

Имѣлъ ходить въ клубукѣ, и всяку работу
Къ церкви легку сказывать, прося со сле-
зами,

Чтобъ и онъ съ небесными былъ въ щотѣ
чинами,

Сего дня не то поеть, радъ бы скинуть рясю,
Скучили ужъ сухари, полетѣлъ бы къ мясу;
Радъ къ чорту въ товарищи, лишь бы бѣль-
номъ быти:

Нѣтъ мочи ужъ ангеломъ въ слабомъ тѣлѣ
жити.

Стихотворецъ сначала разсуждаетъ про-
сто о неостоянствѣ человѣческихъ же-
ланій; потомъ выводитъ на сцену самыхъ
недовольныхъ, и мысли его одушевленыя

прекрасною драматическою сценою. Въ этомъ мѣстѣ подражалъ онъ Горацио [Sat. I, кн. 1]. Вотъ нѣсколько *мыслей* объ умѣренности и спокойствіи; вы подумаете, что съ вами бесѣдуетъ Гораций; но Кантемиръ почерпалъ свою философію въ собственномъ своемъ сердцѣ:

Тотъ въ сей жизни блаженъ, кто,
малымъ доволенъ,

Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ
воленъ

Мыслей, что мучать другихъ, и топчетъ
надежду

Стезю добродѣтели, къ концу неизбѣжну.

Небольшой домъ, на своемъ построенный
Даетъ нужное моему умѣренной волѣ, [полѣ,
Не скудный, не лишній кормъ, и среднюю
забаву

Гдѣ бы съ другомъ честнымъ я могъ, по
моему праву

Выбраннымъ, въ лишніи часы прогнать
скуки бремя.

Гдѣ бы, отъ шуму отдаленъ, прочее все время
Проводить межъ мертвыми греки и латини.

Изсѣдую всѣхъ вещей дѣйства и причины
И учась знать образомъ другихъ, что по-
лезно,

Что вредно въ правахъ, что въ нихъ гнус-
но или безлезно:

То одно желаніе мое составляетъ.

Богатство, высокій чинъ, что въ очахъ
блещетъ

Предъ неискусной толпой, многія печалитъ
Наноситъ и ищущимъ, и тѣмъ, кто достали.

Кто бы не смѣлся тому, кой стезю жестоку
Топчетъ, лѣзя весь въ поту на гору високу,

Коей вершина остра такъ, что осторожно
Сколь стопы не утверждать, съ покоемъ
не можно

Устоять, и всякій вѣтръ, кой дышетъ,
опасный,

Порываешь бѣднаго въ стремнины ужасны?
Любостыльный однако мужъ на него походить.

Еще, если бы наша жизнь на два, на три вѣки
Тянулася, не столько бы глупы человѣки
Казались, мнѣнію сужа безразсудну,

Меньшу въ пользу большія времени часть
трудну

Спроси, и довольно дней поправить имѣя
Себя, когда ирежніе прожили шалѣя.

Да лихъ человѣкъ, родясь, имѣть наслу
Время оглядѣться вкругъ, и пользы въ
могучу.

И столь короткую жизнь еще уцѣпляють
Младенство, старость, болѣзнь; а дни такъ
летаю,

Что напрасно будешь ждать себя ихъ воз-
врату.

Что жъ столь тяжкій сносить трудъ за
столь малу плату

Я имѣю, и терять золотое время,
Оставляя изъ дня въ день злоправія сѣмя

Изъ сердца искоренять? Пропадутъ степени
Нышніи и сокровища, какъ за пусты тѣни

Бассинный песь опуститъ изъ зубъ кусокъ
мяса.

Добродѣтель лучшая есть наша украса,
Тишина ума при пей, и своя мнѣ воля

Всего драгоценнѣе. Кому богатствъ доли
Пала и славы, тѣхъ трехъ благъ долженъ
лишиться,

Хоть бы крайней гибели и могъ ущититься.
Глупо изъ младенчества мы обыкли бояться

Ничеты, презрѣнія, и тѣ всего мнѣяся
Зла горчае; для того бѣжимъ мы въ другую

Крайность, а должно бы въ вещахъ знать
мѣру прямую.

Велко однако жъ предѣлъ свой дѣлю имѣетъ:
Кто перейдетъ, кто не дойдетъ, подобно
шагѣтъ.

Можешь безъ скудости жить, богатствъ не
имѣя

Лишнихъ, и въ тихомъ углу покоенъ сѣдѣя;
Можешь славу получить, хоть бы за собою

Полкъ людей ты не водилъ, хоть бы предъ
тобою

Народъ шапки не снималъ, хоть бы ты
таскался

Плѣтъ, и одинъ бы слуга тебя лишь боялся.
Мудрая малымъ прожить природа насъ
учитъ

Въ довольствѣ, коль лакомство разумъ нашъ
не мучитъ.

Достать не трудно доходъ не великъ и
сходенъ

Съ состояніемъ твоимъ; а потомъ свободенъ
Отъ прихотной зависти, тамъ оставиши.

Степенямъ блистающихъ именъ не дивися
И богатствъ большихъ; живи тихъ, ища,
что честно,

Что и тебѣ и другимъ пользуетъ ислестно
Къ правовъ исправленью; слава твоя вѣчно

Между добрыми людьми жить будетъ ко-
нечно.

Да хоть бы невѣдомъ дни скончалъ и по
смерти

Свѣту остался забытъ; силенъ ты былъ
стерти

Зубъ зависти, ия трудовъ твоихъ мзда
пропала:

Добрымъ быть собою, мзда есть уже не
маза.

Вотъ еще нѣсколько мыслей; онъ по-
черпнулъ изъ сатиры о *воспитаніи*.
Вы увидите, что Кантемиръ имѣлъ са-
мья основательныя понятія о семъ вале-

номъ предметѣ, и нѣкоторыя мысли его должны быть аксіомами для всякаго воспитателя.

Начало сатиры прекрасно. Это VII, писанная къ князю *Никитѣ Юрьевичу Трубецкому*. Если придетъ мнѣ въ голову увѣрять ханжу, говорить сатирикъ, что онъ однимъ постомъ и молитвою не войдетъ въ рай, то онъ,

Вспылавъ, ревность наградить мою симъ
Напрасно, молокосось, съешься съ совѣ-
томъ.

И дѣло онъ говорить. Еще я тридцатый
Не видѣлъ возвратъ зимы, еще черноватый
Ни одинъ на головѣ волосъ по сѣдѣтъ,
Мнѣ ли въ такомъ возрастѣ поправлять
довѣтъ

Сѣдыхъ, новилыхъ людей, кои чуты съ
очнами,

И чуть три зуба сберечь могли за губами;
Кои помнить морь въ Москвѣ, и, какъ
сего года,

Дѣла Чигиринскаго сказуютъ похода?

И въ самомъ дѣлѣ, какъ не быть тому совершенно умнымъ, кто *едва три зуба сберечь за губами?* Люди упрямы, продолжаютъ сатирикъ: они увѣрены, что великій, считающій себя за шестьдесятъ лѣтъ, *потянетъ умомъ трехъ молодыхъ*, хотя извѣстно, что разеудокъ не всегда ждетъ старости. Но мало ли подобныхъ заблужденій? Одинъ любитъ въ поступкахъ своихъ слѣдовать предисаніямъ здраваго ума; другой, напротивъ, не замѣчаетъ своихъ ошибокъ; а третій, и замѣчая ихъ, не умѣетъ бороться съ *упрямою силою*, и всякой въ оправданіе свое говоритъ, что природы одолѣть невозможно.

Испыталъ ли истину онъ въ томъ остро-
жно?

Не знаю, Никита, другъ; то одно я знаю,
Что если я добрую ливневъ запустию,
Землю свою, обростетъ худою травою;
Если прилежно вспашу, доволно покрою
Навозомъ песчаную, жириѣ ужъ станетъ,
И доволный плодъ отъ ней тотъ трудъ
мой достанетъ.

Каково бѣ отъ природы сердце намъ ни
нало,

Есть, есть время нѣкое, въ кое злу немало

Слопность уйдемъ, буде всю истребить не
можемъ,

И утвердиться въ добрѣ доброму поможемъ.
Время то суть первыи младенчества лѣта.
Чутко ухо, зорокъ глазъ новыи житель
свѣта

Плести; всяка вещь ему примѣтна, все
пово

Будучи, все съ жадностью сердце въ немъ
готово

Принять: что туды вскользятъ, скоро вно-
ренится,

Буде руки приложитъ повадка потщится;
На веревкѣ силою повадки ганцуюемъ.

Петръ Великій старался ввести въ
Россію воспитаніе: имъ заведены училища.
Но полезному часто бываетъ пред-
почтено то, что *ласкаетъ лакомымъ
чувствамъ*.

Кучу къ кучѣ прикопить, домъ постронть
нѣпной,

Развести садъ и заводъ, расчислить дѣлъ
лишней,

Дѣлимъ ужъ богатое оставить наследствю
Печемся, потѣмъ въ томъ; каково жѣ ихъ
дѣтство

Проходить, рѣдко па умъ двумъ или тремъ
всходить;

И у кого не одна въ бездѣлахъ неходить
Тысяча малѣйшаго расхода жалѣтъ

Иъ наставленію дѣтой: когда же шалѣтъ
Сынъ, въ возрастъ пришедъ, отецъ тужитъ
и стыдител.

Напрасно вину свалить съ плечъ своихъ
онъ тѣтител:

Богатства сыну копилъ, презрѣлъ въ сердцѣ
прави

Добры всѣять. Богатъ сынъ будетъ, но
безъ славы

Проживетъ, мало любимъ и свѣтомъ пре-
зрѣнный,

Буде въ постлю не вѣлѣтъ плутъ ужъ со-
вершанныи.

Главное дѣло воспитанія состоитъ въ
томъ, чтобы, украшая умъ свѣдѣніями,
сохранить въ чистотѣ сердце и дать ха-
рактеръ любезный.

Судъ трудный мудро рѣшить, нечеловѣкъ
приходы

Пространна царства, сравнить съ оными
расходы

Одинъ почти почеркомъ; въ бездѣлахъ без-
опасней

Водныхъ предызбрать путь, гдѣ бури ужасны;
Небось числится всякаго удобно свѣтла

Путь и бѣдность, и того, словъ велика сила

Надъ другимъ, въ театрѣ всему знать исту
 причину,
 Мудрымъ звались дасть тебѣ, и, можетъ
 быть, къ чину
 Вышнему покажетъ слѣдъ; народъ будетъ
 цѣлый
 Некуснымъ вождемъ ты звать, зря царства
 предѣлы
 Тобою расширены, и вражиі рати
 И города стерты въ прахъ: но буде унять
 Не знаешь ярость твою, буде неприятель
 Къ тебѣ доступъ, и тебѣ плачь бѣдныхъ
 невинныхъ,
 Ежели волю твою не править смыслъ
 правый,
 Словомъ ежели твои развратны суть нравы,
 Дивиться станешь тебѣ; но любить не ста-
 нетъ,
 Хвалы твои изъ его устъ нужда потянется.
 Пользы своей лишь въ тебѣ искать оль
 потщителъ,
 Гнушаея тобой, и той готовъ отщепиться,
 Только бѣ тебя свалить съ плечъ. Слава
 увидаетъ
 Твоя въ малъ часъ; позабыть человекъ
 бываетъ
 Скоро ненавидимый, и мало жалѣть
 Кто объ немъ, когда ему черный день
 приспѣетъ.
 Добродѣтель лишь одна можетъ намъ до-
 ставить
 Покойну совѣсть, предѣлъ прихотямъ уста-
 вить,
 Повадить тихо смотрѣть счастья грудь и
 ешину,
 И неизбѣжную ждать безстрашно кончину.
 Привычку къ доброму надлежитъ вко-
 ренять съ младенчества: ученость должна
 уступитъ четотѣ нравовъ. Доброе сердце
 съ простымъ умомъ гораздо лучше, не-
 зели остроуміе при испорченномъ сердцѣ.
 Завсегда дѣтямъ тверди строгіе уставы,
 Наскучишь, истребишь въ нихъ всяку лю-
 бовъ славы.
 Если часто предъ людьми обличать ихъ
 станешь:
 Дай имъ время играть; самъ себя обманешь.
 Буде станешь торопить лишно сына дѣло;
 Наединѣ исправлять можешь ты ихъ смѣло:
 Ласковость больше въ одинъ часъ дѣтей
 исправитъ,
 Нежъ суровость въ цѣлый годъ; кто часто
 заставитъ
 Дрожать сына передъ собой, хвалю въ
 немъ заглядитъ
 Смѣлость, и безвременно торопѣтъ пова-
 дить.
 Счастливъ, кто надеждою похвалъ возбудитъ
 знатъ

Младенца; много къ тому примѣръ пособ-
 ляетъ.
 Относить къ сердцу глаза вѣсть уха скорѣе.
 Примѣръ сильнѣе всякаго наставленія.
 Дѣти, умѣя все замѣчать, умѣютъ и по-
 дражать тому, что замѣчаютъ; наставляя
 ихъ примѣромъ:

Одинъ добродѣтелей хвальную дорогу
 Топчетъ, ни надежда свестъ съ нея, ни
 страхъ ногу
 Его не могли; въ своей должности онъ
 вѣрнъ
 И прилеженъ, ласковъ, тихъ, и въ словахъ
 умѣренъ;
 Ни чьей бѣдности смотрѣть сухими гла-
 замъ
 Не можетъ; сердцемъ дасть, что дасть
 руками.
 Другой гордостью надутъ, яростенъ, не-
 щаденъ,
 Готовъ и отпа предать, къ большимъ мѣши-
 камъ жаденъ,
 Казну крадетъ царскую, и, тѣмъ сломи
 шено,
 Весь уже съдѣ, въ петлю бѣжитъ, въ казнь
 должу злодѣю.
 Въ томъ по счастью добры примѣры скрѣ-
 пили
 Совѣтъ: въ семь примѣры злы оной истре-
 били.
 Если бѣ я сыновію имѣлъ унять скупость,
 Описавъ злонавія и гнусность и гаупость,
 Смотри, сказалъ бы ему, сколь Игнатій
 бѣденъ
 Надъ кучею золота; сухъ, печаленъ и блѣ-
 денъ,
 Всякой часъ мучитъ себя! Минш ли ты
 счастливу
 Жизнь въ обильствѣ такую? Если бѣ чрез-
 чуръ щипу
 Руку его усмотрѣлъ, пальцемъ указалъ бы
 Тюрьму, гдѣ сидитъ Клеархъ, и всю раз-
 сказалъ бы
 Потомъ жизнь Клеархову чрезмѣру про-
 хладну.

Всего болѣе надлежитъ быть осторож-
 нымъ въ выборѣ наставниковъ, и опа-
 саться, чтобы дѣти не были окружены
 такими людьми, которые могутъ повре-
 дить имъ своимъ характеромъ, своимъ
 образомъ мыслей и проч.; но сами роди-
 тели въ особенности должны имѣть чистую
 нравственность, чтобы дѣти ихъ не были
 испорчены:

Родителей злѣе
 Всѣхъ примѣръ. Часто дѣти были бы
 честнѣе,

Бези бѣ и мать и отецъ предъ мзденцемъ
 Собой владѣть и языкъ свой въ уздѣ дер-
 жали.
 Правдой и неправдою мнѣ копится гуча
 Денегъ, и стеновъ достать высоку жизнь
 Нужусь полнѣва, во снѣ, въ пирахъ про-
 вождаю,
 Въ сластяхъ всякихъ по уши себя погру-
 жаю;
 Однихъ счастливыми я зову лишь обиль-
 ныхъ,
 И сотью то въ часъ твердя, завидую силь-
 ныхъ
 Своевольству я людей, и дружбу ихъ тнуса
 Вячески снискать себѣ, убогимъ смѣюся:
 А однако жъ требую, чтобъ сынъ мой до-
 вольнъ
 Быть малымъ, чтобъ смиренъ былъ и со-
 бою воленъ;
 Зналъ обуздать похоти, и съ однимъ зинался
 Благоправными, и тѣмъ подражать лишь
 тчался.
 По водѣ тогда мой потце пишуть вилы;
 Домашній, показанный часто примѣръ, силы
 Будеть важной, и идти становъ сынъ тро-
 шую,
 Котору протонтану видить предъ собою.
 И съ какимъ лицомъ журить сына ты
 посмѣешь.
 Когда своимъ наставлялъ его не умѣешь
 Примѣромъ, когда въ тебѣ видить то все-
 часно,
 Что винишь, и ищешь оны, что хвалишь,
 напрасно!
 Если молодого мать рака обличаетъ
 Кривой ходъ: «прямо сама поди, отвѣчаетъ;
 «Я за тобой поплыву и подражать стану.»
 Нельзя добрымъ быть? Вудь золь дѣлать
 не къ изьяну.
 Лучше же отъ всякаго убѣгать порока.
 Если нельзя, скрой его отъ мзденца ока.
 Когда гостя ждешь къ себѣ, одинъ очи-
 щаетъ
 Слуга твой дворъ и крыльцо, другой под-
 метаетъ
 И убираетъ весь домъ, третій треть посуду;
 Ты самъ вездѣ суешься, обгасишь еду,
 Кричишь, безнокоишься, боишь, чтобъ не
 встрѣтилъ
 Глазъ гостевъ малѣйшій соръ, чтобъ не
 примѣтилъ
 Малѣйшу нечистоту; а ты же не тщишься
 Поберечь мзденцевъ глазъ, ему не сты-
 динься
 Открыть твою срамоту. Гостя ближе дѣти,
 Вольну бережь ты для нихъ долженъ бы
 имѣти.
 Представленные примѣры показываютъ

вамъ въ Кантемирѣ превосходнаго фило-
 софа-моралиста: мысли его ясны; оны
 выражаетъ ихъ сильно и съ живостию
 стихотворца. Остается представить нѣ-
 сколько примѣровъ его искусства въ *описаніяхъ*
 и въ изображеніи *характеровъ*.
 Филаретъ и Евгенийъ разговариваютъ о
 благородствѣ [II сатира]. Евгенийъ, доса-
 дую на фортуны, которая благоприятствуетъ
 Туллию, Трифону и Дамону, имѣющимъ
 незнатное происхожденіе, нечисляетъ до-
 стоинства своихъ предковъ и въ заклю-
 ченіи *описываетъ* славу своего покойнаго
 родителя:

Знатны ужъ предки мои были въ царство
 Ольги,
 И съ тѣхъ времянь по сихъ поръ въ углу
 не сидѣли.
 Государства лучшими чинами владѣли.
 Разсмотри гербовники, граматы виды раины,
 Книгу родословную, записки приказы;
 Съ правдѣдова правдѣда, чтобъ начать по-
 ближе,
 Думнаго, намѣстника никто не былъ ниже;
 Искусны въ мирѣ, въ войнѣ разсудно и
 смѣло.
 Вершили ружьемъ, умомъ не одно тѣ дѣло.
 Взгляни на пространны стѣны нашей залы,
 Увидишь, какъ рвали строй, какъ ломали
 валы;
 Въ судѣ чисты руки ихъ; помини чело-
 битчики
 Милость ихъ, и помини зду остуду обид-
 чилъ.
 А батюшка ужъ всемъ верхъ; какъ его
 не стало,
 Государства правое плечо съ нимъ отпало.
 Какъ батюшка выйдеть, всякъ долой съ
 дороги
 И, шапочку снявъ, ему головою въ поги;
 Всегда за нимъ выборна таскалася свита,
 Что на день рано съ утра престова набита
 Тѣми, которыхъ народъ почитаетъ,
 И отъ которыхъ нашъ братъ милость ожи-
 даетъ.
 Сколько разъ не смѣя тѣ приступать къ
 намъ сами,
 Дворецкому кланялись съ полными руками?
 И когда батюшка къ нимъ промолвить хотъ
 слово,
 Заторопѣвъ, онѣмѣвъ, слезы у него
 Текли изъ глазъ съ радости, пной неспо-
 коенъ
 Всемъ паскучилъ, хвастая, что былъ оны
 достоенъ
 Съ временщикомъ говорить, и весь весе-
 лился

Домъ его, какъ бы имъ кладъ богатый
 явился,
 Самъ укъ суди, какъ легко мнѣ должно
 казаться,
 Столь славны предки имѣвъ, забытымъ
 остаться?
 Послѣднимъ видѣть себя, куды глазъ не
 вскину?

Стихотворецъ выводитъ на сцену глупца, надутаго знатностію; но не трудится описывать его характеръ; ибо онъ самъ обнаруживаетъ себя своими забавными разсужденіями. Какія преимущества знатнаго вельможи палобѣе прельщаютъ его душу? Онъ сказалъ только мимоходомъ о томъ, что его предки были:

Искусны въ мирѣ, въ войнѣ . . . . .

По батюшка его *всѣмъ верахъ; съ нимъ отпало правое плечо государста! Бывало, когда выедетъ, всякой бѣжитъ долой съ дороги; его дворецкому кланялись съ поясъ; его слово дѣлало счастливымъ на недѣлю того, кто удостоивался его услышать.* Нужно ли послѣ всего этого стихотворцу сказывать своимъ читателямъ, что Евгений его есть суетный глупецъ, не имѣющій понятія о прямомъ благородствѣ? Далѣе, Филаретъ описываетъ смѣшной образъ жизни Евгенія въ противоположность великимъ дѣламъ его предковъ:

Потрихъ на оселку, другъ, покажи въ чемъ славу
 Крови собой, и твою жалобу быть праву.
 Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
 Солнца верхи горъ, тогда войско выводили
 На поле предки твои: а ты подъ нарчею,
 Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душою,
 Грозно сонешь; когда дни пробѣгутъ дѣт
 доли,
 Зѣвнешь, растворишь глаза, выспнишься до
 воли,
 Тянешься ужъ часъ другой, пѣжнисься,
 сѣждал
 Пойла, что шлетъ Индія, иль везуть съ
 Китая,
 Изъ постели къ зеркалу однимъ прыгнешь
 спокомъ;
 Тамъ ужъ въ попеченіи и трудѣ глубокомъ,
 Женскихъ достойную плечъ завѣску на
 спину
 Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешь
 къ чину,

Часть ихъ надъ лоскимъ лбомъ торчать
 будутъ сановити,
 По рулинымъ часть щокамъ въ колечки
 завиты
 Свободно стануть играть, часть уйдетъ за
 темя
 Въ мѣшокъ. Дивится тому строенію племя
 Тебѣ подобныхъ; ты самъ, новый Нар-
 циссъ, жадно
 Глотаешь очми себя, пота жмется складно
 Въ тѣсномъ башмакѣ твои, потъ со слугъ
 валится,
 Въ двѣ мозолы и тебѣ краса становится;
 Избитъ полъ и подъ башмакъ стерто много
 мѣлу.
 Деревню вздѣнешъ потомъ на себя ты пѣлу.
 Не столько стоитъ шародъ римлиновъ при-
 стойно
 Основать, какъ выбрать цвѣтъ и парчу, и
 стройно
 Сшить кафтанъ по правиламъ щегольства
 и моды:
 Пора, мѣсто, и твои разсмотрѣны годы,
 Чтoby лѣталъ сходясь былъ цвѣтъ, чтoby
 тебѣ въ образу
 Пѣкну зеленъ въ городѣ не досажалъ глазу,
 Чтoby бархатъ не отягчалъ въ лѣтню пору
 тѣло,
 Чтoby тафта не хвастала среди зны смѣло;
 Но зналъ бы всякъ свой предѣлъ, право и
 законы,
 Какъ искусные цопы всякаго дни звоны.

Вотъ изображеніе воспалачника:

Много вышнихъ требуетъ свойствъ чинъ
 воеводы,
 И много разныхъ искусствъ: и входъ и
 пеходы,
 И мѣсто годно къ бою видить однимъ взгля-
 домъ;
 Липней безопасности не опоешь ядомъ,
 Остры, проникаетъ враговъ тайные совѣты,
 Временно предупреждать удобенъ навѣты,
 О обильности въ своемъ таборѣ почтеться
 Неусмынно, и любовь ему предпочтеться
 Войска, и не будетъ за страхъ пенавидимъ;
 Отцомъ невинный народъ зоветъ, не оби-
 димъ
 Его жадностію; врагамъ однимъ лишь ужа-
 сень;
 Тихимъ правомъ и умомъ и храбростію
 прасень;
 Не спѣшить дѣло начать, начавъ произво-
 дить
 Смѣло и скоро; не столь бѣгло перунъ
 сходить,
 Страшно греми. Въ счастья уиѣренъ быть
 знаешь,
 Терпѣливъ въ нуждѣ, въ бѣдствѣ твердъ.
 не уиываешь,

Ты тѣхъ добродѣтелей, тѣхъ чутъ имъ
знаній,
Слышалъ ли? Самыхъ числу дивинься ты
знаній;
И въ одинъ всѣхъ мозгъ вмѣстятъ смерт-
ныхъ столъ мишия труды,
Сколь дворцкому не красть, пль суды
жить скудно.

Слѣдующее описаніе безразсудной за-
блывающей и некоторыхъ стариковъ весьма
забавно:

Видѣлъ я столѣтняго старика въ постели,
Въ которомъ лѣта весь видъ человѣка съѣли,
И на трупъ больше похожи; на бороду
плюютъ,
Однако жъ дряхлой рукой и въ очкахъ ри-
суетъ.
Что такое? Видѣ не гробъ, чтобы ему
кетати;
Эъ огородомъ пышный домъ, гдѣ бъ въ лѣто
гуляти.
А другой, видя, что смерть грозитъ ужъ
госюю,
Но мысля, что сдѣлаться имѣтъ съ душою,
Хоть чутъ видать слабо бумагу ужъ
взгляды,
Начевогъ писать похорошъ своихъ всѣ
обряды,
Сколько архиаствирей, поповъ и причету
Предъ гробомъ церковнаго, и сколько по
счету
Пойдетъ за гробомъ родни съ горькими
словами,
Съ каками и сколькоми провозать свѣчами,
Гдѣ зарыть и какой гробъ, ламаду златую
Свѣситъ пль серебряну, и надписъ какую
Сочинить, чтобъ всякому давалъ знать слогъ
вплитный,
Что лежащій подъ ней прахъ быть госно-
динъ знатный.

Вотъ *характеры* гордеца *Иркана*,
злословнаго *Созима*, летеца *Трофима*,
подозрительнаго *Несви* и завистника
Зоиля:

Въ палату вшедши Ирканъ, гдѣ много па-
роду,
Раздвинетъ всѣхъ, какъ корабль плывущъ
сметъ воду,
И хоть бы зналъ, что много злата съ плечь
убудеть,
Нужно протраться впередъ; позади не бу-
детъ.
Садится ли гдѣ за столъ, то то, то другое
Блюдо передъ собой подать велитъ, снятъ
шное;
Приходить изъ его рукъ съ здоровыми
лубки;

Завѣсть отъ его словъ всѣхъ должны по-
ступки.
Распиливъ грудь, бровь поднивъ, когда
знать ти окомъ
Подаетъ за низкій поклонъ, въ почтении
глубокомъ
Имѣтъ ты: пбо съ кѣмъ проговоритъ слово
Удается не всегда, не всегда готово.
Минтъ оны, что вещество то, что плоть
ему дано,
Было не такое же, но пѣчто сяло
Предъ прочими; и была та фарфорна глина,
Съ чего оны, а съ чего мы—павозная тина.
Созимъ, смотря на него, злобно скалитъ
зубы,

И пенчутъ мнѣ на ухо ядовиты губы:
«Гораздо бѣ приличнѣ Ирканъ пратомою
«Помнилъ бабушку свою и дѣда съ сумою,
«Умѣряя по семьѣ строй свой и походку;
«Гораздо бѣ приличнѣ зашилъ себѣ глотку,
«Чтобъ хотя одинъ глупецъ обмануться
сталомъ
«Его могъ, а не весь свѣтъ окрестилъ бол-
ваномъ.»
Созимъ дѣло говоритъ; но Иркану бѣ мочно
Дружескій подать совѣтъ, чѣмъ ему заочню
Насмѣхаться безъ плода; но о всѣхъ такъ
судитъ
Строго Созимъ. «Чистую удачливо удитъ
«Золотомъ мягкой Сильванъ супругу сосѣда;
«У Прокофія голоденъ вышель изъ обѣда;
«Настя румяна, бѣла своими трудами,
«Красота ея въ ларцѣ лежать за ключами;
«Клементій судья собой взяться не умѣтъ
«Ни за что, и безъ очковъ дѣлка честь по
сбѣтъ.»
Ни возрастъ, ни чинъ, ни другъ, ни самъ
ближній провинный
Языкъ Созимовъ унять не могутъ злослов-
ный.

И несчастливымъ тотъ день себѣ быть
считаю,
Когда случится мнѣ съ нимъ сойтись; пбо
знаю,
Что, какъ скоро съ глазъ его сойду, ужъ
готово
Столь злобноо жъ обо мнѣ будетъ ему слово.

Сообществу язва оны; но больше ужасенъ
Трофимъ съ сладкимъ языкомъ и больше
опасенъ:
Можетъ въ умныхъ клевета пороки заста-
вить
Нечувствительны предѣтьмъ полезно непра-
вити;
Трофимъ надсаждался все хвалитъ безъ
разбору,
И множитъ число глупцовъ. Вѣру даемъ
скору
Похваламъ мы о себѣ, и, въ сердце вскоп-
зал,

Истробить до корени, буде въ немъ какал
Крылась къ добродѣтели ревность много-
трудна.

Самолюбіемъ душа ни одна не скудна,
И однимъ свидѣтелемъ совершенно чаемъ
Хвальными себя, за тѣмъ въ пути уни-
васемъ.

Не успѣлъ Титъ растворить усть, Трофимъ
дивится,

Искусной рѣчи его, прилежно трудится
И самъ слушать, и другихъ къ тому при-
нуждаетъ,

Боясь чихнуть, плъ дохнуть, пока рѣчь
скончается,

Котору мнѣ выслушать нельзя не зѣвая.
У Тита на ужины пальцы позизая,

Небеснымъ всякой зоветъ кусокъ, хотъ
противень

Ему, гадить; нигдѣ онъ не выдалъ столь
дивень

Чинъ и столько чистоту; все у Тита чудно
Въ домѣ, и самъ домъ почестъ раемъ утъ
не трудно.

Если бѣ Титова жена Парису знакома
Была, Менеласа прила бѣ пражу дома.

Всѣ до облакъ Титовы дѣла возвышаетъ;
Титъ высморкать носъ кривой весьма умно
знаетъ.

И не отличенъ ему Титъ одинъ: по равно
Всякому льстить, все ему чудно и пре-
славно

И мнѣ, что тѣмъ способомъ любимъ ведемъ
бываетъ.

.....

Невій бося и безъ портокъ съ постели
ветанеть,

Пятью и десятью въ почъ осмотритъ при-
лежно,

Заперты ли окна всѣ и двери надежно,
На мѣстѣ ли кабинетъ и сундукъ и ящикъ.

Сотью шлетъ въ деревню онъ извѣдать
прикащикъ

Не крадетъ ли за очьмъ; за дворецкимъ
ходить

Самъ тайно въ ряди; за собой слугъ своихъ
не водить,

Чтобъ, гдѣ беретъ, гдѣ кладеть онъ деньги,
не знали.

Котель сосѣду ссудилъ, тотчасъ думы
вспали,

Что слуга уйдеть съ котломъ, тотчасъ шлетъ
другаго

По пятамъ за нимъ смотрѣть, и, спусти
немного,

Пришло въ утъ, что самъ сосѣдъ въ котлѣ
отпереться

Можеть; воротитъ слугу третій шлется.
Вспинеть ли глазъ на кого жена ненарочно,

Невій чаеть, что тому ужъ ожидать мочно
Все стъ жены, и за тѣмъ душу свою мучитъ;

Дѣтей мать долги конитъ потаенно учить;
Другъ шепчетъ о чемъ съ другимъ — Невію
навѣты

Строить, или смѣются тѣ. Мѣряеть отвѣты
Долго на всякой вопросъ, бося обмана

Во всемъ; подозрителенъ весь свѣтъ, и
изъяна

Вездѣ опасается. Въ такомъ непрестанно
Безпокойствѣ жизнь свою пуритъ окаяно.

И бѣ на такомъ не хотѣлъ принять дого-
ворѣ

Ни самый царскій престолъ; скучило бѣ
вскорѣ

И нарско титло. Суму предпочту въ покоѣ
И бѣдство я временно, сколь бы то ни злое,

Тревогъ, волненію ума непрестанно,
Хотъ бы въ богатство вели, въ славу нескан-
зашну.

Часто быть обмануту предпочту конечно,
Нежелъ подовѣрять мучитъ себя вѣчно.

Не меньше мучитъ себя Зонль нашъ
утрюмый:

Что ни видить у кого, тѣ новыя думы,
Нова печаль и не спитъ бѣдный цѣлы ночи.

Недавно закинутъ онъ завистныя очи
Въ сосѣдній дворъ, и видя, что доминно
строить,

Который, хотъ дорого цѣнить, ста не стоить
Рублей, поблѣдиль весь вдругъ и, въ себѣ
неволенъ,

Горячкою заболѣвъ, по сю пору боленъ.
У бѣднаго война, что двадцать лѣтъ слу-
житьъ,

Ощупавъ въ карманѣ рубль, еще тенерь
тужить.

Удалось ли кому въ чинъ неважный до-
биться,

Хвалить ли кого — ворчить и злобно дѣ-
вится

Слѣпому суду людей, что свойства столь
плохи

Высоко цѣнить. Въ чужихъ рукахъ хлѣба
крохи

Большимъ ломтемъ кажутся. Суму уubo-
гихъ,

Бороду у чернеца завидитъ, и въ многихъ
случаяхъ..... Да не пора ль, Муза моя,
губы

Прижавъ, кончить нашу рѣчь?..

Снхъ примѣровъ весьма довольно для
того, чтобы имѣть ясное понятие о сти-
хотворномъ искусствѣ и дарованіи Кап-
темира. Какъ сатирикъ, онъ можеть за-
нимать средину между Горациемъ и Юве-
наломъ. Онъ не имѣеть той живости,
того пріятнаго остроумія, той колкой и
при томъ неоскорбительной насмѣшливо-
сти, какую мы замѣчаемъ въ Горациѣ;

но онъ имѣеть его философію, и съ такимъ же чувствомъ говорить о простотѣ, умѣренности и тѣхъ веселыхъ досугахъ, которые мы, не будучи обременяемы посторонними заботами, посвящаемъ удовольствію и размышленію. И въ самыхъ обстоятельствахъ жизни имѣеть онъ нѣкоторое сходство съ Горациемъ: и тотъ и другой жили у двора; но Гораций, какъ простой зритель, а Кантемиръ, какъ зритель и дѣйствующій. Горация удерживала при дворѣ благодарность къ Меценату, а Кантемира важнѣйшія дѣла государственныхныя. Для перваго стихотворство было занятіемъ главнымъ, для послѣдняго было оно отдохновеніемъ. Гораций думалъ единственно о томъ, какъ наслаждаться жизнію: разнообразіе удовольствій оживляло и самое воображеніе стихотворца. Кантемиръ, будучи обремененъ обязанностию государственнаго человѣка, наслаждался болѣе одною мыслію. Философія перваго живѣе, и мысли болѣе согрѣты пламенемъ чувства: говоря о природѣ, онъ восхищается васъ прелестными описаніями природы; онъ увлекаетъ васъ за собою въ сельское свое уединеніе; вы видите роши его, слышите вмѣстѣ съ нимъ пѣніе птицъ и журчаніе источника. Философія послѣдняго не такъ трогательна: онъ разсуждаетъ о тѣхъ же предметахъ, но съ важностію мыслящаго человѣка; онъ говоритъ о посредственности, спокойствіи, беззаботности, какъ добрый философъ, истинно чувствующій всю ихъ цѣну, но пользующійся ими весьма рѣдко. Въ слогѣ имѣеть онъ, если не ошибаюсь, болѣе сходства съ Ювеналомъ: и тотъ и другой богаты описаніями, и тотъ и другой иногда утомляютъ насъ излишнимъ обиліемъ; но все описанія римскаго сатирика носятъ на себѣ отпечатокъ его характера суроваго и гнѣвнаго: Ювеналь съ намѣреніемъ увеличиваетъ то безобразіе, которое хочетъ сдѣлать для насъ отвратительнымъ; но тѣмъ самымъ, можетъ быть, уменьшаетъ и нашу къ себѣ довѣренность. Кантемиръ умѣреннѣе и безпристрастнѣе: онъ описываетъ то, что

видитъ, и какъ видитъ; онъ смѣшны чаше, нежели Ювеналь, и почти никогда не опечаливаетъ безполезнымъ изображеніемъ отвратительныхъ ужасовъ. И въ самыхъ планахъ своихъ Кантемиръ имѣеть болѣе сходства съ Ювеналомъ, нежели съ Горациемъ: характеръ послѣдняго есть неприужденность и разнообразіе; характеръ Ювенала порядокъ. Такой же порядокъ находимъ и въ Кантемировыхъ планахъ: ести, напримѣръ, сатирикъ начинаеть разсуждать, то уже во все продолженіе сатиры не перемѣняетъ тона, и переходитъ безъ великихъ скачковъ отъ одной мысли къ другой; начиная изображать характеры или описывать, онъ вводитъ васъ, такъ сказать, въ галерею портретовъ, разставленныхъ въ ряды, и показываетъ ихъ одинъ за другимъ: все это, вѣроятно, могло бы произвести нѣкоторое однообразіе, когда бы сатирикъ не имѣлъ истинно-стихотворнаго слога, не оживлялъ своихъ разсужденій картинами и не былъ живописецъ превосходный.

1808—1809.

РЕДАКТОРСКІЯ ЗАМѢТКИ ПРИ
СТАТЬЯХЪ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»
1808—1809 гг.

I.

Издатель искренно благодаритъ почтеннаго незнакомца за присланный ему анекдотъ. Онъ вмѣстѣ съ нимъ осмѣливается надѣяться, что новал, или правильнѣе сказать, старинная природительская и очепь недавно возобновленная мода, предпочитая русское иностранному, найдетъ [какъ онъ сказалъ въ своемъ письмѣ] послѣдователей въ Россіи; что, можетъ быть, современемъ рѣшимся называть Россію отечествомъ, русскія добродѣтели—добродѣтелями, русскія дарованія дарованіями; не будемъ удивляться, когда нѣкоторые чудачи начнутъ публично говорить, что наши сограждане изычю собственныи умъ, которымъ порядочно

дѣйствуютъ при случаѣ; что они сами способны воспитывать дѣтей, учить ихъ правиламъ чести, закону Божию, и даже въ состояніи готовить французскіе соусы или шить французскіе чепцы а l'ineouable. Придетъ время, что въ привлеченіи Московскихъ Вѣдомостей не будутъ печатать: потребны садовникъ, коровница и камады или мамзель для обученія дѣтей!

II.

Этотъ путешественникъ есть Николай Федоровичъ Ааферовъ, [о которомъ упомянуто въ № 23 «Моск. Вѣд.» нынѣшняго года], молодой архитекторъ изъ дворянъ, съ особеннымъ талантомъ, страстно привязанный къ своему искусству, но по несчастію лишенный средства усовершенствовать свое дарованіе. Онъ воспитанникъ дворянина Слободско-Украинской губерніи, почтеннаго Александра Александровича Палицына, вѣвѣстнаго по своимъ упражненіямъ въ литературу и свободныхъ художествахъ. Любопытство, пламенная любовь къ изящному, благородное честолюбіе заслужить въ отечествѣ своею имя, заставилъ его предпринять продолжительное, сопряженное со всеми трудностями путешествіе. Памятники древности, особенно великолѣпныя развалины зданій, которыми украшена Италия и Греція, составляютъ главный предметъ его вниманія. Этотъ необыкновенный молодой человекъ — въ которомъ [почему знать!] могъ бы со временемъ образоваться русскій Винкельманъ, когда бы обстоятельства способствовали развитію дара его и не умерщвляли его гений — оставилъ Россію съ обширнымъ предпріятіемъ, осмотрѣть [имѣя въ предметѣ одно искусство свое, архитектуру] величественныя остатки Рима, Афинъ, Геркуланума, Агригента и другіе памятники древнихъ вѣковъ; потомъ объѣздить Египеть, Африку, Индію; короче, составить для себя лениую идею о томъ, какова была и есть архитектура во всехъ вѣкахъ и народахъ; сравнить восточное зодчество съ западнымъ, древнее съ по-

вымъ; зданія просвѣщенныхъ народовъ съ безобразными зданіями полупросвѣщенныхъ или дикихъ; видѣть его во всехъ пзмѣненіяхъ, производимыхъ образомъ жизни, правами, понятіями, совершенствомъ и несовершенствомъ гражданской жизни, и потомъ возвратиться въ отечество съ богатствомъ открытій, съ обширнымъ запасомъ новыхъ идей, съ болѣею образованностію, съ сильнѣйшимъ желаніемъ трудиться для пользы общей. Усовершенствованіе, или, если позволено такъ выразиться, созданіе настоящей [можетъ быть, еще несуществующей] отечественной архитектуры, т. е. согласной съ нашимъ климатомъ, обычаями, образомъ жизни — есть цѣль, которую предполагалъ себѣ молодой путешественникъ; и сильное желаніе, съ которымъ онъ къ ней стремится, и мужественное постоянство, съ какимъ старается побѣдить все трудности, представляющіяся ему въ путешествіи, и горестъ, въ которую повергаетъ его иногда несчастная мысль [къ сожалѣнію, сашкомъ часто оправдываемая обстоятельствами], что онъ не въ силахъ достигнуть своего предмета, служить, по моему мнѣнію, самыми неоспоримыми признаками таланта необыкновеннаго. Одно дарованіе бываетъ источникомъ такой рѣшительной, страстной привязанности къ искусству; одно дарованіе можетъ бороться съ фортуною и побѣждать ее. Человекъ, не имѣющій въ душѣ своей той всемогущей силы, которая влечетъ его неодолимо къ одному избранному для него натурою предмету, спокойно покоряется обстоятельствамъ; но тотъ, кто чувствуетъ въ душѣ своей сію врожденную силу, или навѣкъ остается несчастнымъ, если по волѣ непріязннаго жребія принужденъ съ нею бороться и истощать ее безплодно; или, превозмогая все обстоятельства, самъ прокладываетъ себѣ дорогу среди препятствій и затрудненій. Что жъ, если обстоятельства будутъ ему благопріятны! что жъ, если гений его можетъ развиваться и дѣйствовать свободно! Сама натура велѣла путе-

шественнику нашему быть артистом!— Но обстоятельства ему противны и поприще дѣятельности для него закрыто! Нужда—проводникъ его въ трудномъ путешествіи! Онъ ищетъ усовершенствовать себя въ благородномъ искусствѣ, и—долженъ бояться голодной смерти! Онъ предается многимъ опасностямъ для того, чтобы со временемъ принести отечеству своему пользу, а, можетъ быть, и нѣчто прибавить ко славѣ его своими трудами— и отечество, которое никогда не дѣлало воздаянія достойныхъ сыновъ своихъ, обѣ немъ не знаетъ, оставило его безъ покрововъ... Но можетъ ли быть, чтобы оно пренебрегло человѣка, исполненнаго благородной привязанности къ его пользѣ и, по несчастію, забытаго фортуною? Можетъ ли быть, чтобы оно допустило угаснуть такому дарованію, которымъ со временемъ могло бы гордиться? Россія въ великодушномъ ободреніи раждающихся талантовъ и справедливомъ воздаяніи трудовъ полезныхъ, равняется со всѣми просвѣщенными народами Европы: монархъ ея требуетъ только случая благотворительствовать; самые чужеземцы гордятся ея наградами!— Благодаря патриотизму нѣкоторыхъ дворянъ Слободской Украинской губерніи, молодой Алферовъ имѣлъ сносебы, хотя весьма ограниченныя, продолжать свое путешествіе. Мы увѣрены, что многіе изъ соотечественниковъ нашихъ, русскіе въ сердцѣ и прямо привязанные ко всему, что можетъ хотя отчасти, съ какой бы то ни было стороны, способствовать возмущенію ихъ отечества, обрадуются сему случаю удовлетворить любезнѣйшей и самой благородной склонности сердца своего— благотворительности. Издатель «Вѣстника Европы» сочелъ бы за особенное счастье быть ихъ посредникомъ; но онъ не имѣетъ никакого сношенія съ молодымъ Алферовымъ. Почтенный издатель «Русск. Вѣстника», С. П. Глипка, готовъ принять на себя эту приятную обязанность, которую, вѣроятно, не замедлятъ возложить на него нѣкоторые изъ благородныхъ нашихъ со-

отечественниковъ. — Бывшій російскій министръ въ Константинополь, тайный совѣтникъ Андрей Яковлевичъ Италинскій, выражается насчетъ г-на Алферова слѣдующимъ образомъ въ письмѣ, писанномъ изъ Триеста, отъ 4 февраля 1808 къ В. Н. К.: «Спѣшу удовлетворить желанію вашему знать о поведеніи г-на Алферова, талантахъ его и о употребленіи имъ времени. По первымъ двумъ соотвѣтствуетъ онъ совершенно пріемлемому въ немъ благодѣтелями его участию, и заслуживаетъ дальнѣйшее къ себѣ ихъ благоволеніе. Относительно же употребленія имъ времени, извѣстно мнѣ, что будучи въ Аѳонахъ, занимался онъ безпрестанно усовершенить таланты свои, а по засвидѣтельствованію мнѣ извѣстнаго артиста г-на Лузіери, пріобрѣлъ довольно искусства; но чѣмъ потомъ занимался по прибытіи своемъ въ Корфу и какъ проводилъ время свое, не былъ я увѣдомленъ ни отъ кого.—

III.

Извините, милостивая государыня! то чувство, которое почитали вы любовію, кажется намъ, было не иное что, какъ сильное желаніе правиться. Послѣ печальной зимы и скучныхъ провинціаль-ныхъ лицъ, явленіе весны и съ нею пріятнаго нарижекаго лица, съ блестящими, краснорѣчивыми глазами, съ привѣтливою улыбкою, можетъ показаться очаровательнымъ. Удовольствіе, которое противъ воли находишь въ обществѣ молодого человѣка, должно быть слишкомъ живо, когда оно непосредственно слѣдуетъ за скукою зимнихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ пустомъ замкѣ, и весьма пріятительно принять его за настоящую любовь: привѣтствія, соединенныя съ иблж-нымъ взглядомъ и трогательною гармоніею пріятнаго голоса, дѣйствуютъ съ-вѣемъ иначе на сердце штинадцатилѣтней дѣвушки, нежели шумъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, отъ котораго стучатъ готическія окна и хлопаютъ желѣзные ставни; и мы не увидимся, если первая пока-

жуются истинною мелодією любви для той, которая цѣлые три мѣсяца осуждена была внимать однимъ послѣднимъ. Всѣ снъ обстоятельства легко могли обмануть любезную некапельницу *меланхолию*. Она, по совѣти, можетъ пастъ удѣлять, что испытала прямую *любовь*; столь же естественно ей удивляться, что вмѣстѣ съ любовью не чувствовала она меланхолию; наконецъ, весьма позволительно ей утверждать, что меланхолия есть приближице любви празднои, т. е. счастливои и еще постоянной. Мы, съ своей стороны, отваживаемся замѣтить, что любовь, разумѣется истинная, та, которая объемлетъ сердце и не даетъ въ пемь мѣста никакому другому чувству, и счастливая и несчастная, неразлучна съ меланхолією, несовмѣстною, напротивъ, съ желаніемъ правитьея—сказать кокетствомъ было бы грубо; по говоря языкомъ нашихъ прародителей, которые никогда не таили правды, и основываясь на ихъ священномъ правнѣ: *Тому, кто солжетъ, да будетъ стыдно*—осмѣлимся признаться нашей остроумной сочинительницѣ, что истинную любовь ея почитаемъ истиннымъ кокетствомъ, слѣдовательно охотно увольняемъ ее отъ меланхолиі. Желаніе правитьея—возвратимся къ учтивости нашихъ современниковъ—оживляетъ, приводитъ въ волненіе, въ безпокойство, слѣдовательно не даетъ мѣста меланхолиі, тихой, ограничивающей душу тѣмъ единственнымъ чувствомъ, которымъ она полна, которое для нее дорого, отъ котораго она отдѣлится не въ силахъ. Любовь, и счастливая и несчастная [выключая одно несчастіе мучительной ревности], до тѣхъ поръ, пока она остается любовью, необходимо соединена съ меланхолією. Меланхолия не бытъ ни горестъ, ни радостъ: я назвалъ бы ее отгѣнкомъ веселія на сердцѣ печальнаго, отгѣнкомъ унынія на душѣ счастливаца. Любовь, и счастливая и несчастная, съ той самой минуты, въ которую поселяется она въ сердцѣ, усиливается въ немъ безпрестанно, и та минута, въ которую это стремленіе прекра-

щается, или уничтожаетъ ее на вѣки, или обращаетъ ее въ тихую, незамѣнимую привязанность: въ обоихъ случаяхъ она теряетъ имя любви, и тогда только отдѣляется отъ нее меланхолия. Счастіе любви есть наслажденіе меланхолическое: то, что чувствуешь въ настоящую минуту, менѣе того, что будешь или что желалъ бы чувствовать въ слѣдующую: ты счастливъ, но стремишься къ большому, болѣе совершенному счастію, слѣдовательно въ самомъ своемъ упоеніи ощутилъ бы для тебя какой-то недостатокъ, который вливаетъ въ душу твою тихое уныніе, придающее болѣе живости самому наслажденію; ты не находишь словъ для изображенія тайнаго сегоянія души твоеи, и это самое безсліе погружаетъ тебя въ задумчивость! И когда же счастливая любовь выражалась веселіемъ? Когда не замѣняла она изобильнаго языка ораторовъ томностию меланхолическаго взгляда, задумчивымъ безмолвіемъ, чувствомъ неprimѣнно разливающимся по лицу и поигнымъ для одного только взора, тихимъ звукомъ голоса, слышимымъ и отзывающимся въ одномъ только сердцѣ? Пока любовь возрастаетъ, по тѣхъ поръ она неразлучна съ надеждою: надѣяться и не довѣрять почти одно и то же, а невѣрная надежда въ самую минуту счастія соединена съ уныніемъ меланхолиі. Я говорю объ одной любви счастливои, т. е. раздѣляемой и не горимой судьбою. Любовь несчастная, любовь, наполняющая душу, но разлученная съ сладкою надеждою жить для того, что намъ любезно, слишкомъ скоро умертвила бы наше бытіе, когда бы отдѣлапа была отъ меланхолиі, отъ сего непонятнаго очарованія, которое придаетъ неизяснимую прелесть самымъ мученіямъ. Невидимая цѣпь привязываетъ тебя къ твоей горести; въ ней твое бытіе; утративъ ее, ты самъ уничтоженъ, ибо все то, что прежде наполняло твою душу, вдругъ исчезаетъ... и какой любовникъ предпочтетъ мертвую пустоту сею животворному, ничѣмъ незамѣнимому терзанію своей страсти? Говоря о несча-

стіяхъ любви, я воображаю только одинъ преніятевія жребія: несчастіе утратить то, что украсило бы нашу жизнь, что для насъ всего выше, всего святѣе, чему нѣтъ никакой замѣны, и утратить безъ надежды возврата, навѣки—такое несчастіе можетъ отвратить душу отъ привязанности къ жизни, ибо жизнь мила не собою, но тѣми привязанностями, которыми животворится наше сердце; но это самое чувство отвращенія отъ жизни можетъ имѣть пѣкоторую сладость, меланхолическую, драгоценную, благо единственное; сладость, заключенную въ мысли, что ты любимъ, хотя не должно мечтать о соединеніи; или въ мысли, которая не даетъ тебѣ счастья, но въ то же время не даетъ и совершенно разрушиться заблужденію души твоей; въ мысли, что сердце, отнятое у тебя судьбою, еще свободно, еще спокойно, еще не отдано; невозможность владѣть ими тебя терзаетъ, но тайный голосъ тебѣ говорить въ то же время: перемѣнись твой жребій, и, можетъ быть, она была бы твоею! Ты призываешь смерть, ты веселишься, примѣчая, что жизнь твоя, въ которой нѣтъ уже будущаго, начинаетъ гаснуть и наконецъ угасаетъ, но разлучаясь съ нею и оставившая на ней послѣдній, меланхолическій взглядъ, ты говоришь: жизнь моя могла бы быть прелестна! Пока человекъ упрекаетъ одну только судьбу, по тѣхъ поръ остается ему пѣкоторая обманчивая надежда на перемѣну: и въ спхъ-то упрекахъ, и въ семь-то обманчивомъ ожиданіи перемѣны заключено тайное меланхолическое наслажденіе, которое самую горестъ дѣлаетъ для него драгоценною. Но если мысль о взаимности, существующей, или только возможной, отдѣлена отъ любви,—тогда исчезаетъ и то, что въ самой горести было уладителю для сердца: ты чувствуешь одно утомительное отвращеніе отъ жизни; говоря самому себѣ: я для нее ничто, никогда бытіе мое не будетъ необходимо для ея счастья, ты ощущаешь себя слишкомъ одинокимъ, оставленнымъ; самое уваженіе

къ самому себѣ пѣкоторымъ образомъ теряется: оскорбительная мысль быть ничѣмъ для того существа, въ которомъ заключается для насъ все, уничтожаетъ самихъ насъ передъ собственными нашими глазами; ты разстаешься съ жизнью безъ сожалѣнія, равнодушный, увѣренный, что въ ней ничто не можетъ уже перемѣниться, что никакія обстоятельства не дадутъ тебѣ единственнаго, незамѣнимаго счастья: любви существа любимаго. Вотъ единственный случай, въ которомъ меланхолія разлучается съ любовью и уступаетъ мѣсто унынію мрачному; во всякомъ другомъ—выключая одно мучительное состояніе ревности—онѣ нераздѣльны. Итакъ—любезная некательница меланхоліи, говоря, что не имѣла ее вмѣстѣ съ любовью, доказываетъ намъ только то, что она—не любила.

IV.

Фенелонъ имѣлъ несчастіе пережить своего питомца (Герцога Бурбонскаго). Услышавъ о смерти его, воскликнулъ онъ въ сокрушеніи сердца: «всѣ радости мои на землѣ миновались!» и самъ очень скоро послѣдовалъ за нимъ въ могилу. Не знаю, воздвигла ли Франція памятникъ образователю этого принца, котораго царствованіе, вѣроятно, избавило бы ее отъ многихъ несчастій, постигнувшихъ вмѣстѣ съ нею и всю Европу. Въ нашемъ отечествѣ многіе умѣютъ удивляться добродѣтелямъ сего человека, истинно великаго какъ дѣятельностію для блага людей, такъ и искусствомъ изображать свои мысли и чувства языкомъ, для всѣхъ равно привлекательнымъ. Я видѣлъ въ саду И. В. Л. [*Ио. Вл. Лопухина*], находящемся верстахъ въ 30 отъ Москвы, въ подмосковномъ его селѣ Савинскомъ, скромную урну, посвященную памяти Фенелона. На ровномъ мѣстѣ, гдѣ прежде было топкое болото, явились тѣнныя роши, пересѣкаемыя прекрасными дорожками и орошенныя чистою, прозрачною какъ кристаллъ водою. Расположеніе сада прекрасно; лучшее въ немъ мѣсто есть

Юновъ островъ. Вы видите большое пространство воды. Берегъ обѣишь рощею, въ которой мелькаетъ *Руссова хижина!* На самой срединѣ озера *Юновъ островъ*, съ пустынноческою жилищною и нѣсколькими памятниками, между которыми замѣтите мраморную урну, посвященную *Фенелону*. На одной сторонѣ урны изображена госпожа Гюйонъ, другъ Фенелона, а на другой Ж. Ж. Руссо, стоящій въ размышленіи передъ бюстомъ Камбрейскаго архіепископа. Артистъ выбралъ ту самую минуту, въ которую женевискій философъ воскликнулъ: «для чего не могу быть слугою Фенелона, чтобы удостоиться быть его камердинеромъ!» Островъ обѣишь разными деревьями: еляни, липами, березами и другими; его положеніе чрезвычайно живописно: всего пріятнѣе быть на немъ во время ночи, когда сіяетъ полная луна, воды спокойны и рощи, окружающія берегъ, отражаются въ нихъ какъ въ чистомъ зеркалѣ! Это нѣбѣе невольно склоняетъ васъ къ какому-то увывому, пріятному размышленію.

1810.

РАДАМИСТЪ И ЗЕНОБІЯ,

трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сочиненіе Кревильйона.

Перевелъ съ французскаго Степанъ Висковатовъ.

Переводить стихотворца можетъ одинъ только стихотворецъ. — «Какая премудрость! воскликнетъ читатель. Конечно, хотите вы намъ сказать, что Родевъ концертъ можетъ разыгрывать одинъ только тотъ, кто умѣетъ играть на скрипкѣ? Благодаримъ за открытіе!» — Государи мои! намъ надобно объяснитьсь. Всякой скрипачъ охотно согласенъ будетъ, въ удовольствіе ваше, проскрипичать на скрипкѣ своей Родевъ концертъ, если вы возьмете на себя трудъ учтивымъ образомъ уговорить его на этотъ подвигъ. Но я желаю знать, будете ли вы слушать этого вир-

туоза съ тѣмъ восхищеніемъ, которое производила въ васъ Родева скрипка, одушевленная его дарованіемъ? Чтoby замѣнить для васъ Роде, надобно, если не ошибаюсь, имѣть не одинъ бѣглые пальцы его, но вмѣстѣ и его душу. Переводя стихотворца, весьма полезно присоединить къ основательному понятію о приемахъ богатыхъ и бѣдныхъ, о цезурѣ, о грамматикѣ, о томъ языкѣ, съ котораго переводишь и еще о томъ, на которой переводишь, и дарованіе стихотворное — и чѣмъ оно ближе къ дарованію образца, тѣмъ лучше для подражателя; по-и позволяю себѣ думать, что оно непременно должно быть съ нимъ одинаково. — «А что называете вы дарованіемъ стихотворнымъ?» — Способность воображать и чувствовать сильно, соединенную съ способностію находить въ языкѣ своемъ такіа выраженія, которыя соотвѣтствовали бы тому, что чувствуешь и воображаешь! Напримѣръ: вамъ угодно обогатить русскою языкъ превосходнымъ стихотвореніемъ иностраннымъ — трагедію, баснею, одою, поэмою. Прежде нежели вы рѣшитесь на ужасное и невозвратное чернилопреленіе — пеловѣдайте передъ самимъ собою чистосердечно въ благодушномъ увѣреніи, что богъ парнаескій васъ слышитъ, что предъ очами его никакая стихотворная софствъ закрыта быть не можетъ; спросите у себя: чувствую ли я въ душѣ своей тотъ пламень, которымъ наполнена душа моего поэта, видимая въ его сочиненіи? Могу ли съ необыкновенною живостію, со всѣхъ сторонъ, со всѣми отбѣнками, замѣтными для одного только стихотворнаго взора, представлять себѣ тотъ предметъ, который въ подлинникѣ моемъ изображенъ съ такимъ превосходствомъ? Чувствуешь, можешь, скажешь вамъ софствъ. Спросите въ другой разъ, въ третій — она повторитъ отвѣтъ свой. Тогда прибавьте еще нѣсколько вопросовъ, менѣе важныхъ — однако важныхъ: знаю ли я грамматику? знакомъ ли съ хоревми, амбами и даже апанестами? имѣю ли разборчивое ухо, легко оскорбляемое скрипомъ и визгомъ

проклятыхъ отъ Аполлона словъ? врагъ ли и бомбаста? противна ли мнѣ галиматы, и прочее и прочее. И если ваша совѣть опять не усумнится сказать, что вы съ одной стороны имѣете въ высшезначенныя добродѣтели грамматическія, синтаксическія и просодическія, а съ другой совершенно чисты отъ всякаго попятнозенія на галиматю, бомбастъ и прочіе смертныя грѣхи стихотворцевъ—то вамъ останется только очипить перо, не покалѣть чернилъ, и я увѣрю васъ, что въ патриоты, люди со вкусомъ, порадуются на вашего новорожденнаго младенца, и вамъ отъ всей души пожелають прилежанія и плодовитости. Скажу вамъ, если вы не знаете—но вы безъ сомнѣнія уже это знаете—что переводчикъ стихотворца есть въ иѣкторомъ смыслѣ самъ творецъ оригинальный. Конечно, первая мысль, на которой основано зданіе стихотворное, и планъ этого зданія принадлежатъ не ему—и надобно признаться, что планъ великое, едва ли не главное дѣло, особливо въ эпической поэмѣ, трагедіи, комедіи, ибо отъ него зависитъ дѣйствіе дѣлаго—по, уступивъ это почетное преимущество оригинальному автору, переводчикъ остается творцомъ выраженія, ибо для выраженія имѣетъ онъ уже собственные материалы, которыми пользоваться долженъ самъ, безъ всякаго руководства и безъ всякаго пособія посторонняго.—«А выраженія автора оригинальнаго?»—Ихъ не найдеть онъ въ собственномъ своемъ языкѣ; ихъ долженъ онъ сотворить. А сотворить ихъ можетъ только тогда, когда, наполнившись идеаломъ, представляющимъ ему въ твореніи переводимаго имъ поэта, преобразитъ его, такъ сказать, въ езданіе собственного воображенія; когда, руководствуемый авторомъ оригинальнымъ, повторитъ съ начала до конца работу его генія—но сія способность дѣйствовать одинаково съ творческимъ геніемъ не есть ли сама по себѣ уже творческая способность? Чтобъ перевести искусно Лафонтеневу басню, необходимо надобно имѣть и собственное воображеніе и собственное

чувство одинакія, или почти одинакія съ Лафонтеневыми. Пльпнуть ли меня переводъ Гораціева посланія, если переводчикъ не будетъ одаренъ любезнымъ воображеніемъ римскаго поэта, одушевляющимъ самыя обыкновенныя мысли его, если не будетъ ему знакома та привлекательная философія, а въ сердцѣ его не будетъ ни той меланхолической иѣжкости, ни того глубокаго чувства натуры, которыми столь часто приводитъ насъ въ восхищеніе Горацій! Но отъ посланія и басни—какой переходъ къ трагедіи! Переводчикъ, обязанный прежде всего имѣть своего автора, тогда только можетъ понять его совершенно, когда человѣческая натура, служившая образцомъ для трагика, будетъ и ему близко знакома, когда онъ въ состояніи будетъ сличить съ подлинникомъ списокъ. Онъ долженъ говорить языкомъ страстей; слѣдовательно и самыя законы страстей должны быть ему извѣстны. Въ изображеніи страстей трагическихкихъ онъ долженъ быть приготовленъ разематриваніемъ страстей естественныхъ—наука сія почти такъ же нужна для него, какъ и синтаксисъ и просодія! Въ противномъ случаѣ изображаемые имъ герои, не смотря на пособіе оригинала, при всемъ богатствѣ римоу, при самомъ усердномъ наблюденіи цезуры и знаковъ прещанія, будутъ говорить—безмыслину! Не думаю, чтобы это утѣшило было для слушателей.

Открываю русскій переводъ *Радамиста и Зенобіи*. Если вы не варваръ, если родители ваши не позабыли научить васъ языку Деяро и Расина, то вы должны знать, что эта трагедія, сочиненная покойнымъ Кребильиономъ есть лучшее произведение сего трагика и одна изъ самыхъ лучшихъ между трагедіями французовъ. Мы взглянемъ мимоходомъ на подлинникъ, дабы получить понятіе о томъ великомъ подвигѣ, на который отваживался господи́нъ переводчикъ.

Ему надлежало изобразить характеръ Радамиста, одно изъ тѣхъ необычайныхъ созданій природы, въ которомъ все

Но, Геронъ, судьбы, карая злодѣянье,
 Продлили жизнь мою — въ позоръ мнѣ, въ
 наказанье!
 Злосчастнаго дара теперь ты зри въ жи-
 выхъ,
 Не радуйся, восплачь о бѣдствіяхъ моихъ.
 Узри во мнѣ предметъ, достойный грозна
 мщенія
 И смертныхъ и боговъ. — Соборъ зри пре-
 ступленія,
 Раскалїя, мукъ... ужаснѣйшїй соборъ!
 Не смѣю обращать ко небесамъ мой взоръ.
 Преступникъ я любя, злодѣй моей породы;
 Убийца — хищникъ я — страшнѣйше природы!
 И если бы мукъ мнѣ престали духъ томить,
 Что боги метятъ за зло! — и то бы я могъ
 забыть.

Одна эта статья можетъ увѣрить васъ,
 что переводчикъ совсѣмъ не вошелъ въ
 Радамисовъ характеръ. Судите сами:
 русскій Радамисъ начинаетъ восклица-
 нїемъ:

О! если бы враги, и проч.

Не думаю, чтобы такая живость была у
 мѣста въ началѣ. Свѣржное отчаяніе Ра-
 дамиса, глубокое, но не живое чувство
 есть пѣкоторымъ образомъ спокойствіе;
 онъ долженъ выдти изъ него не вдругъ —
 и первымъ его словамъ надлежало бы
 соответствовать такому ужасному состоя-
 нію духа. Перечитайте въ оригиналѣ отъ
 стиха:

Niéron, plutôt aux dieux, que la main enpe-
 nie—

до стиха:

Ne me regarde plus que comme un furieux
 въ нихъ не найдете вы той быстроты,
 которая прилична сильному движенію
 сердца; они составляютъ одинъ періодъ,
 котораго члены всѣ очень тѣсно между
 собою связаны; хотя вы и увидите, что
 стихъ:

Loin de faire éclater ton zèle, ni ta joie
 отдѣленъ отъ предыдущаго — но онъ со-
 единяется съ нимъ умственной связью.
 И читая эти стихи, не чувствуете ли
 вы, что сильное волненіе сокрыто подъ
 тишину обманчивую; это волненіе со-
 вершено обнаруживается на словѣ: furieux,
 которое какъ будто даетъ свободу стѣ-
 сненной душѣ Радамиса; и слѣдующіе

за оными стихи всѣ до одного быстры,
 каждый изъ нихъ отдѣльный; предыдущїй
 усиливается послѣдующимъ, и быстрота
 сія до самаго конца возрастаетъ; сначала
 каждое чувство изображается стихомъ
 полнымъ, потомъ стѣсняются они въ полу-
 стишія, наконецъ, что слово, то чувство:
 Usurpateur, ingrat, parjure, parricide—

И на послѣднемъ Радамисъ сетапа-
 вливается, ибо онъ не можетъ идти да-
 лѣе; онъ прибавляется съ большимъ спо-
 койствїемъ:

Sans les remords affreux qui déchirent mon
 coeur,
 Niéron, j'oublirais qu'il est un ciel vengeur.

Таково искусство великаго трагика, пол-
 наго изображаемаю имъ страсти; онъ
 выражаетъ ее не однимъ словомъ, ко-
 вмѣстѣ и расположенїемъ словъ. Посмо-
 тримъ теперь на искусство нашего пере-
 водчика.

Напрасно въ стихахъ его будете вы
 искать сего механизма, столь много со-
 отвѣтствующаго теченію страсти; быстрота
 оригинала совершенно исчезла въ пере-
 водѣ:

Но, Геронъ, судьбы, карая злодѣянье,
 Продлили жизнь мою—въ позоръ мнѣ, въ
 наказанье!

Можно ли слабѣе перевести два стиха,
 необыкновенно сильные:

Mais le ciel m'a laissé, pour prix de ma
 fureur
 Des jours, qu'il a tissu de tristesse et d'hor-
 reur.

Небо оставило ему жизнь въ награду
 за его бѣшенство, а не продлило ее!
 Не забудьте, что передъ вами говоритъ
 Радамисъ, ненавидящїй, презирающїй
 жизнь свою. Это презрѣніе приписываетъ
 онъ и самимъ богамъ. Они оставили ему
 жизнь — слѣдовательно пренебрегли ее;
 продлить ее, было бы обратить на нее
 вниманіе. Далѣе, что значать слова: въ
 позоръ мнѣ, въ наказанье, послѣ
 того, когда уже сказано выше: карая
 злодѣянье? и желаю знать, какимъ вол-
 шебствомъ очутился въ этомъ мѣстѣ по-
 зоръ? Для Радамиса нѣтъ позора; всѣ

его несчастія въ немъ самомъ—отчаяннѣйшій независимъ отъ мірныя. *Tristesse et honte*, горестъ и ужасъ—вотъ его мучители. И какъ прекрасно въ двухъ словахъ соединилъ Кребильионъ все разнообразныя муки своего Радамиста. Горестъ—въ душѣ его пылаетъ страсть безнадежная, воспоминаніе о благѣ погибшемъ безпрестанно его преслѣдуетъ, желаніе распаляется въ немъ безнадежностію. Ужасъ—онъ убійца Зепобинъ и въ сердцѣ его свирѣтствуетъ неодолима жажда мщенія, противъ котораго напрасно вооружается голосъ природы! Слѣдующіе два стиха:

Злосчастнаго царя теперь ты зря въ живыхъ,
Не радуйся, восплачь о бѣдствіяхъ
моихъ—

имѣютъ особенное свое достоинство: они забавны, и Герону труденько было бы послѣ такихъ двухъ стихковъ восплакать.

Не смѣю обращать ко небесамъ мой взоръ!
Петвиный Радамистъ, то есть Кребильионовъ, этого не говорить, и говорить не можетъ; одинъ тотъ не смѣетъ взирать на небо, кому ужасны мстителныя боги,—казнь была бы для Радамиста благомъ. Но въ предыдущемъ стихѣ читаете вы ужаснѣйшій соборъ, и тотчасъ догадываетесь, что русской Радамистъ для собора не смѣетъ устремлять на небо взора! Это дѣло другое; мы позволяемъ себѣ однако здѣсь замѣтить, что Радамисту, имѣющему такія сильныя страсти, едва ли свойственно быть покорнымъ слугою римы. Но, увы! прочитавъ слѣдующіе два стиха, мы совершенно увѣрима, что грозная рѣша повелѣваетъ имъ съ самоклятиемъ восточнаго деспота; что эта соперница Зепобинъ можетъ заставить его иногда говорить и безмыслицу:

Преступникъ я любви, злодѣй мой природы;

Убійца—хищникъ я—страшилище природы!

Немилосердая! по крайпей мѣрѣ въ первыхъ двухъ стихахъ Радамистъ, угождая прихотямъ ея, страшился глядѣть на

небо—это еще спосно. Теперь же, для того, чтобы имѣть удовольствіе преобразить его въ какого-то пензьяенимаго злодѣя своей породы, она велитъ ему безъ стыда называть себя пугаломъ, страшилищемъ природы; а ему подлежало бы просто быть клятвенно-ступникомъ, неблагодарнымъ, ибо таковъ онъ въ оригиналѣ и въ натурѣ: *Usurpateur, ingrat, parjure, parricide.*

Таковъ русской Радамистъ при первомъ выходѣ на театръ, и въ томъ явленіи, въ которомъ обнаруживается онъ весь чрезвычайный характеръ свой и всю ужасную свою участь. Оставивъ его съ Герономъ, замѣтимъ, что стихи, пропозносивые Фаразмапомъ въ слѣдующей сценѣ, разительныя своею силою:

Est-ce la guerre enfin que Neron me déclare?

Qu'il ne s'y trompe pas: la pompe de ces lieux,

Vous le voyez assez, n'éblouit point les yeux

Jusques aux courtisans qui me rendent hommage,

Mon palais, tout ici n'a qu'un faste sauvage.

La nature, marâtre en ces affreux climats,

Ne produit, au lieu d'or, que du fer, des soldats.

Son sein tout hérissé n'offre aux desirs de l'homme

Rien qui puisse tenter l'avarice de Rome—

переведены такъ:

Иль наконецъ Неронъ объявить мнѣ войну!
Рускай не льстить себя—въ странахъ
моей державы,

Нѣтъ блесковъ пышности, нѣтъ роскоши отравы,

Которая всегда глаза римлянъ слѣпнтъ;
Мой дворъ, мой вождя имѣють дикій видъ.
Не мать природа намъ—она насъ
не ласкаетъ!

Намъ злата не дарить... но вонювъ рождаетъ.

Изъ хладныхъ нѣдръ своихъ желѣзо намъ дастъ.

Здѣсь алчности римлянъ нѣ малой нищи нѣтъ.

И русскіе стихи, можетъ быть, сами по себѣ не дурны; но что же они въ сравненіи съ оригиналомъ? Я могу ошибаться—но эти девять стиховъ доказываютъ мнѣ

что переводчикъ не весьма силенъ въ живописи стихотворной. Какъ могъ бы онъ въ противномъ случаѣ превосходные стихи Кребиллона:

La nature, marâtre en ces affreux climats,
No produit au lieu d'or, que du fer, des
soldats;
Son sein tout hérissé n'offre aux desirs de
l'homme
Rien qui puisse tenter l'avarice de Rome—

въ которыхъ и самые звуки представляють воображенію нашему какую-то грозную, дикую природу, перевести слѣдующими слабыми, неживописными стихами:

Не мать природа намъ—она насъ не ласкаетъ!

Памъ злата не дарить... но воинствъ рождаеть.

Изъ хладныхъ пѣдръ своихъ желѣзо намъ даеть.

Здѣсь алчности римлянъ ни малой пищи нѣтъ.

Природу весьма позволено и въ стихахъ и въ прозѣ называть матерью; но представлять ее въ видѣ матери, которая ласкаетъ или не ласкаетъ свое дѣтище, не будетъ ли уже близко къ карикатурѣ! Требовалось перевести живописный стихъ:

La nature, marâtre en ces affreux climats—
если бы переводчикъ сказалъ:

Природа мачиха въ ужасной сей странѣ—
онъ перевелъ бы ближе, но также бы неудачно. Дѣло не въ томъ, чтобы каждое отдѣльное слово оригинала было изображено такимъ же отдѣльнымъ и то же значущимъ словомъ въ переводѣ—*marâtre* мачиха, *affreux* ужасный: въ эти слова, съ пѣкоторымъ терпѣніемъ, весьма удачно найдены въ лексиконѣ—но въ томъ, чтобы стихъ переведенный такое жъ производилъ на душѣ читателя впечатлѣніе въ пѣломъ, какъ и стихъ оригинальный; чтобы, напримѣръ, слова: *marâtre*, *affreux*, удивительно сильныя во французскомъ, были если не переведены, то непременно замѣнены другими, имѣющими соотвѣтственную имъ силу въ русскомъ—по такимъ словъ надобно искать не въ лексиконѣ, а въ воображеніи сти-

хотворномъ, и вотъ одинъ изъ безчисленныхъ случаевъ, въ которыхъ переводчикъ необходимо долженъ быть самъ творцомъ оригинальнымъ.

Послѣднее замѣчаніе. Фаразмагъ, не зная, кто Радамистъ, умертвилъ его собственною своею рукою. Умирающаго Радамиста приносятъ въ чертоги царя. За чѣмъ идешь сюда? восклицаетъ Фаразмагъ, который, при всей жестокости характера своего, чувствуетъ какое-то непонятное для него сожалѣніе къ этой жертвѣ. Хочу умереть въ твоёмъ присутствіи, отвѣчаетъ Радамистъ Кребиллоновъ:

...je viens expirer à vos yeux.

Слова сіи чрезвычайно трогательны. Радамистъ, котораго непріязненная судьба свергнула въ страшныя преступленія, исторгнувши изъ границъ сильныя страсти его, является здѣсь такимъ, каковъ онъ созданъ природою—чувствительнымъ, способнымъ любить, и даже пѣзнымъ. Умирая, онъ хочетъ увидѣть въ убійцѣ своего отца; онъ хочетъ вкусить послѣднее наслажденіе любви, простивъ жестокому истребителю своего счастья. Кребиллоновъ намѣренъ былъ сдѣлать въ нашихъ глазахъ любезнымъ того Радамиста, который за минуту ужасалъ насъ своимъ характеромъ, и ему удалось; а переводчикъ? Русскій Фаразмагъ восклицаетъ:

О лютости моей злосчастнѣйшая жертва!
За чѣмъ ведешь тебя? Что мнѣ найти ты здѣсь?..

Радамистъ.

Смерти!

Хочу, чтобы ты могъ мою кончину зрѣти!

Новая и чрезвычайно обидная несправедливость рѣшмы! Она принудила переводчика сгромоздить Фаразмаговъ послѣдній стихъ изъ шести стопъ съ половиною, и за этотъ трудъ заплатила ему очень скупо убогимъ словомъ *зрѣть*, которое совсѣмъ не можетъ быть рѣшмою къ *мертъ*. Достойное возмездіе переводнику за собственную несправедливость его [къ Радамисту!]

Что мнѣ найти ты здѣсь?—Смерти!

Но опъ уже се пашель—опъ умираеть!

Хочу, чтобы ты могъ мою кончину зрѣть! и слѣдовательно мучиться, видя кончину твоего сына. Такое ли чувство въ истинномъ Радамистѣ? И эта послѣдняя черта не служить ли новымъ доказательствомъ, что переводчикъ совсѣмъ не вошелъ въ характеръ своего героя, и что опъ слѣдовательно не исполнилъ одного изъ главныхъ условій переводчика—трагика.

По время кончпть. Скажемъ, что въ этомъ переводѣ есть и вѣсколько сильныхъ стиховъ; но ихъ число весьма невелико. Замѣтимъ одинъ самый лучший. Радамистъ, описывая Геропу любовь свою къ мертвой Зеубин, говоритъ:

Ко умноженью мукъ злочастная любовь,
Сидяла сердце мнѣ, мою волнуя кровь,
Мнѣ невозвратную потерю представляла—
Ко праху хладному душа моя пылала!

Послѣдній стихъ удивительно счастливъ и выразителенъ; и не смотря на этотъ прекрасный стихъ, мы должны признаться, что Кребильионовъ Радамистъ ожидаетъ еще искуснаго переводчика.

1811.

ЭЛЕКТРА И ОРЕСТЪ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, СОЧИНЕНІЕ
АЛЕКСАНДРА ГРУЗИНЦОВА.

«Напечатать новую сію трагедію, взятую изъ греческаго оеатра, я ласкаю себя надеждою, что она принята будетъ столь же благосклонно любителями російскаго слова, сколь одобряема была зрителями. Смѣлю могу сказать, что издаемъ трагедіи сей я приношу пользу російской словесности: тѣ изъ соотечественниковъ моихъ, которые, не находясь въ здѣшней столицѣ *), не могли видѣть ее на оеатрѣ, или тѣ, которымъ, по незнанію иностранныхъ языковъ, красоты

*) «Трагедія представлена была въ первый разъ въ С.-Петербургѣ. И.» *Прилжн. къ тексту.*

греческихъ драматическихъ сочиненій неизвѣстны, возблагодарятъ конечно не разъ за издавіе Электры и Ореста, ибо сія есть первая совершенно греческая трагедія, появившаяся на російскомъ оеатрѣ. О красотахъ оной не для чего говорить, всякой изъ моихъ читателей имѣеть ее предъ глазами; довольно и того сказать, что Софоклъ, лучший изъ греческихъ трагиковъ, славился и понынѣ извѣстенъ еще Эдипомъ и Электрою.

«Изъ числа сочинителей, подражавшихъ Софоклу, Александръ Николаевичъ Грузинцовъ неоспоримо болѣе всѣхъ почувствовать красоты греческаго стихотворца, и твореніе его весьма подходитъ къ трагедіи Софокловой; въ разсужденіи расположенія по справедливости должно называть російскую Электру превосходной. Пожалѣемъ только, что нашъ стихотворецъ не сохранилъ перваго явленія Софокловой трагедіи, содержащаго въ себѣ одно изъ лучшихъ трагическихъ изложеній, и конечно черезъ то пашеетъ опъ нѣкоторый вредъ своему сочиненію; но похвалимъ напротивъ того нашего трагика за то, что поремѣнилъ опъ въ своей трагедіи правоученіе, находящееся въ греческой, противное и правамъ нашимъ и закону нашему: въ ней злобная царица тщеславится своими преступленіями, Орестъ убиваетъ хладнокровно Клитемперу и дочь поощряетъ брата своего къ умерщвленію матери. Подвигемъ еще болѣе свойствамъ, даннымъ аргосской царицѣ въ російской трагедіи: до г. Грузинцова никто не умѣлъ обогатить лица Клитемперы, женщины толико преступной, столь благородными чувствами.

«Къ крайнему сожалѣнію моему, за недостаткомъ времени, не могу сдѣлать я подробнаго разсмотрѣнія трагедіи Александра Николаевича Грузинцова, въ которой при маловажныхъ погрѣшностяхъ въ разсужденіи стихотворенія, находятя неисчетныя красоты».

Такъ говоритъ издатель новой трагедіи *Электра и Орестъ*, которой критическимъ разборомъ желаемъ занять чита-

телей «Вѣстника». И этотъ неизвѣстный издатель конечно заслуживаетъ нашу благодарность: отъ самого сочинителя мы никогда не узнали бы, что его Электра «есть первая совершенно греческая трагедія, появившаяся на российскомъ театръ»; что «онъ неоспоримо болѣе всѣхъ почувствовалъ красоты греческаго стихотворца»; что «въ разсужденіи расположенія по справедливости должно назвать российскую Электру превосходною», и что «никто прежде г. Грузинцова не умѣлъ обогатить лица Клитемнестры, женщины толико преступной, столь благородными чувствами.» Такой языкъ, не свойственный скромности автора, приличенъ вѣжности его друга; но дружба, и самая вѣжная, никогда не избавляетъ насъ отъ справедливости и безпристрастія. Посмотримъ же, можетъ ли вѣжнѣйшій другъ Александра Николаевича Грузинцова быть названъ и безпристрастнымъ и справедливымъ?

«Электра и Орестъ есть первая совершенно греческая трагедія, появившаяся на российскомъ театръ?» Просимъ господина издателя объяснить намъ, что разумѣть онъ подъ словомъ: совершенно греческая трагедія? По формѣ своей русская «Электра» принадлежитъ неоспоримо къ трагедіямъ новымъ; а потому, что содержаніе ея почерпнуто изъ трагедій Эсхила, Софокла и Эврипида, не можетъ она быть у насъ признана первою, совершенно греческою, ибо мы уже видѣли на русскомъ театръ двѣ трагедіи, замѣтованныя отъ грековъ, *Эдипа въ Афинахъ* и *Поликсиду*; и первая, о которой имѣемъ право судить рѣшительно, потому что она уже напечатана, со многихъ сторонъ кажется намъ произведеніемъ прекраснымъ, означающимъ истинное дарованіе трагика. Первое доказательство, что дружба неизвѣстнаго издателя отступила немного отъ безпристрастія и справедливости!

«Въ разсужденіи расположенія по справедливости должно назвать

русскую Электру превосходной... До г. Грузинцова никто не умѣлъ обогатить лица Клитемнестры благородными чувствами». Увидимъ.

Трагику, при выборѣ содержанія драмы, предоставляются двѣ дороги: онъ можетъ или самъ избрѣсти свою басню, расположить ее и обработать, руководствуясь однимъ собственнымъ гениемъ; или послѣдовать за другими, то есть, обработать такую басню, надъ которою уже многіе прежде его трудились. Въ первомъ случаѣ онъ совершенно свободенъ; онъ самъ находитъ тѣ способы, которыми можетъ произвести трагическое дѣйствіе, и пользуется съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ по мѣрѣ своего дарованія. Въ послѣднемъ случаѣ, имѣя передъ глазами уже готовый образецъ, онъ видитъ все то, что прежде его сдѣлано было другимъ, и можетъ судить, умѣлъ ли предшественникъ его съ надлежащимъ искусствомъ употребить въ пользу свою тѣ средства, которыя представлялись ему въ его содержаніи: онъ можетъ присвоить себѣ его красоты и остеречь себя отъ его погрѣшностей. Главнѣйшая обязанность его состоятъ въ томъ, чтобы матеріалы, прежде его обработанные, болѣе усовершенствовать, или по крайней мѣрѣ не испортить. При выборѣ же новыхъ способовъ необходимо требуется, чтобы сіи способы, имъ найденные, были не только новые, но и лучшіе; если жъ напротивъ онъ не умѣлъ воспользоваться пособіями, которыя предлагали ему его предшественники—обезобразилъ ихъ красоты, замѣнилъ ихъ средства собственными, менѣе удачными, и перемѣнивъ ихъ порядокъ, единственно для того, чтобы не могли назвать его рабскимъ подражателемъ, сдѣлалъ теченіе драмы своей болѣе смутнымъ, то это будетъ неоспоримымъ доказательствомъ, что онъ имѣетъ весьма посредственное дарованіе трагика, и что онъ напрасно трудилъ твореніемъ своимъ Мельпомену.

Содержаніе Электры принадлежитъ къ самымъ трагическимъ, и представляетъ

обширное поле дарованіямъ стихотворца. Оно обработано было превосходнѣйшими трагиками древности и времямъ новѣйшихъ: Эсхиломъ, Софокломъ, Эврипидомъ, Кребиллиономъ, Вольтеромъ, Альфиери и нѣкоторыми другими. Слѣдовательно новому автору Электры въ твореніяхъ предшественниковъ его представлялись великія пособія; оставалось имъ воспользоваться.

Эсхилъ, первый образователь трагедіи, принявшій, такъ сказать, ее изъ колыбели, напелъ въ содержаніи Электры одно только то, что сильно дѣйствуетъ на воображеніе: доказательство, что и самое искусство его было еще во младенчествѣ, то есть, что оно еще далеко было отъ истинной цѣли своей—трогать и ужасать разительнымъ изображеніемъ страстей человѣческихъ. Въ Эсхилovýchъ *Хоефорахъ* мы видимъ дѣтей, убивающихъ мать въ отмщеніе за отца, по грозному опредѣленію неизбежнаго рока—ужасное происшествіе со всѣми ужасными его обстоятельствами! Электра, посланная Клитемнестрою съ дарами на гробъ Агамемноновъ, дабы умилостивить его раздраженную тѣнь, и вмѣсто того у самаго гроба сего призывающая мщеніе на главу своей матери; Орестъ, узанный Электрою, колеблющійся между желаніемъ отмстить и чувствомъ природы, и наконецъ уступившій силѣ небесъ и Электрѣ, клянущейся быть убійцею матери; убійство Клитемнестры, совершенное съ хладнокровіемъ, приводящимъ въ трепетъ; и наконецъ изступленіе Ореста, окруженнаго Эменидами— все это производитъ въ зрителѣ ужасъ, но только одинъ ужасъ, не смѣшанный ни съ какимъ постороннимъ благороднѣйшимъ ощущеніемъ. Софоклъ, знакомый уже съ истинною цѣлью своего искусства, основалъ все дѣйствіе трагедіи своей на томъ высокомъ характерѣ, который изобразилъ онъ въ лицѣ Электры; убійство Эгиста и Клитемнестры можно почесть одною только необходимою принадлежностію Софокловой драмы: душа ея одна Электра, твердая,

пылающая мщеніемъ, окруженная несчастіями, величественная въ горестномъ униженіи, и главное намѣреніе стихотворца состоитъ единственно въ томъ, чтобы представить этотъ великой характеръ въ различныхъ положеніяхъ, заставляющихъ различнымъ образомъ его раскрываться. Сія-то разнообразная виды одного и того же характера составляютъ всю прелесть трагедіи Софокловой; ибо съ той мпуды, въ которую зритель, оставивъ Электру, принужденъ обратить вниманіе свое на главное происшествіе—на убійство Эгиста и Клитемнестры—прелесть сія почти исчезаетъ, и слабое участіе лобопытства заступаетъ мѣсто сильнѣйшаго, которое производила въ насъ высокимъ характеромъ своимъ Электра. Эврипидъ и Кребиліонъ совершенно обезобразили этотъ характеръ; первый отдалилъ вниманіе зрителя, устремивши оное на обстоятельства постороннія, почти не принадлежащія къ дѣйствию главному; послѣдній, давши Электрѣ ей неприличную страсть, ослабилъ и самую ту, которая одна была ей прилична—ошибки сія показываютъ намъ, что покое не всегда еще можетъ быть лучшимъ. И Вольтеръ въ своемъ *Орестѣ*—не думая перемѣнять то, что было уже превосходно, то есть, сохранивъ характеръ Электры во всей его силѣ и простотѣ—старался усовершенствовать тѣ только части избраннаго имъ предмета, которыя нѣсколько пренебрежены были Софокломъ. Онъ обратилъ вниманіе на Клитемнестру и Эгиста. Клитемнестра Софоклова является на театрѣ для одной Электры; закоренѣлость ея въ преступленіи дѣлаетъ ее почти отвратительною для зрителя—Вольтеръ, поселивши въ душѣ своей Клитемнестры муку раскаянія, сдѣлалъ и ее лицомъ привлекательнымъ: его Электра поражаетъ необыкновенною силой характера, а Клитемнестра возбуждаетъ въ зрителѣ невольное состраданіе: сія разнообразныя чувства [если они только не уничтожаются одно другимъ] могутъ почесться душою трагедіи.

Эгистъ Софокловъ, ничтожное лицо, является только для того, чтобы умереть отъ руки Ореста; Эгистъ Вольтеровъ есть одна изъ главнѣйшихъ иружинъ трагедіи: давши ему характеръ подозрительнаго, дѣятельнаго и жестокаго тирана, стихотворецъ усилилъ и самое участіе любопытства, которое въ Софокловой Электрѣ весьма слабо, ибо никакая опасность не угрожаеетъ Оресту и никакое препятствіе не возбраняетъ ему умертвить Эгиста. Альфиери также представлялъ Клитемнестру, мучимую раскаяніемъ; но онъ не умѣлъ, кажется, сохранить въ изображеніи этого чувства надлежащій средины: сожалѣніе, производимое его Клитемнестрою, соединено съ презрѣніемъ, и первое почти уничтожается послѣднимъ. За то онъ лучше всеѣхъ предшественниковъ своихъ изобразилъ Ореста; онъ далъ ему то свирѣпое бѣшенство, ту сильную жажду мщенія, которыя составляютъ отличительную черту его характера, и съ этой одной стороны онъ превосходитъ Вольтера, которому уступаетъ во всемъ другомъ, и въ ходѣ драмы и въ изображеніи важнѣйшихъ характеровъ Электры, Эгиста и Клитемнестры. Наконецъ изъ рукъ Эсхила, Софокла, Эврипида, Кребиліона, Вольтера и Альфиери Электра перешла въ руки А. Н. Грузинцова. Неизвѣстный издатель его трагедіи хочетъ, если не ошибаемся, заставить насъ думать, что А. Н. болѣе подражалъ Софоклу; но мы, сличивши его Электру со всеміи трагедіями такого же содержанія, должны были увѣриться, что онъ вообще слѣдовалъ Вольтеру, изъ котораго переводилъ цѣлыя явленія, перемѣнивъ однако въ нѣкоторыхъ частяхъ его ходъ. Далѣе, г. издатель старается насъ увѣрить, что А. Н. первый сотворилъ характеръ Клитемнестры, удалившись отъ того образца, который ему представлялся въ Софоклѣ—и въ этомъ случаѣ кажется намъ, что дружба завела г-на издателя въ нѣкоторое заблужденіе. Вольтерова Клитемнестра безъ всякаго сомнѣнія служила моделью для русской Правда, что подражатель нѣсколько отда-

лился отъ образца своего; но хороши ли сдѣланныя имъ перемѣны—мы это увидимъ ниже.

Г. Грузинцовъ прежде всего показываетъ намъ Ореста и Пилада. Орестъ, повинуваясь богамъ, повелѣвающимъ ему отмстить убійцамъ Агамемнона, приближался уже на кораблѣ къ Аргосу, но волны разбили корабль; его сокровища, воины, оружіе, все было поглощено моремъ; осталась одна только урна, заключающая въ себѣ прахъ Пилисеена [Эгистова сына, убитаго въ Эпидаврѣ Орестомъ], Агамемноновъ мечъ

И перстень, коимъ персть Атридовъ украшался,
И риза, въ кося онъ отъ рукъ убійць скончался.

Орестъ выходитъ съ Пиладомъ на берегъ; они не знаютъ, въ какую страну занесла ихъ буря, видятъ старца—это Форбасъ, служитель храма, который скazujeтъ пришельцамъ, что они неподалеку отъ Аргоса, близъ гроба Агамемнонова, близъ древнихъ его чертоговъ, въ которыхъ обитаетъ Эгистъ—Орестъ въ волнѣніи. Гдѣ Электра? спрашиваетъ онъ у Форбаса.

Электра здѣсь живеть въ темницѣ заключенна.

Орестъ хочетъ легѣтъ къ ней на помощь; Пиладъ, болѣе осторожный, удерживаетъ его, напоминая о завітѣхъ боговъ, запрещающихъ ему открываться до совершенія мести. «Веди насъ во храмъ, говоритъ онъ Форбасу: первый долгъ нашъ возблагодарить безсмертныхъ за чудесное наше спасеніе на моряхъ Эпидаврскихъ».—Пойдемъ! восклицаетъ Орестъ,

Пойдемъ во храмъ, потомъ къ гробницѣ роковой,
Гдѣ скрытъ убійцами поверженный прой;
Я тризну совершить надъ гробомъ снѣмъ желаю.

Сии двѣ сцены взяты изъ Вольтера; но въ Орестѣ Вольтеровомъ составляютъ онъ начало втораго дѣйствія, а въ русской Электрѣ ими открывается трагедія. Спра-

ниваемъ: хорошо ли сдѣлалъ подражатель, перемѣнявши этотъ порядокъ? Едва ли. Въ первомъ актѣ Вольтера мы видимъ Атридовъ гробъ, мы видимъ то мѣсто, на которомъ онъ палъ подъ клинками убійцъ вѣроломныхъ, и сіи убійцы на самомъ этомъ мѣстѣ, ругаясь надъ прахомъ его, воніючимъ о мщеніи, торжествуютъ день его гвбелл; между тѣмъ несчастные дѣти его страдаютъ—Ифиза, младшая дочь Агамемнонова, уединенно оплакиваетъ отца своего въ запустѣвшихъ его чертогахъ; Электра въ дѣвкахъ; Орестъ скитается въ странахъ неизвѣстныхъ: все это прекрасно знакомитъ насъ съ происшествіями преждебывшими, и зритель вмѣстѣ съ Электрою начинаетъ желать прибытія Орестова. Напротивъ въ трагедіи господина Грузинцова при видѣ Ореста мы только узнаемъ, что онъ приходитъ для мщенія; но важность этого мщенія не можетъ еще быть для насъ ощутительна, ибо мы не знакомы ни съ горестною судьбою Электры, ни съ тѣми преступниками, которыхъ наказанія могли бы желать вмѣстѣ съ Орестомъ. И сіи двѣ первыя сцены, прекрасныя у Вольтера, будучи не на мѣстѣ въ трагедіи господина Грузинцова, теряютъ дѣйствіе свое совершенно.

Въ третьемъ явленіи приходитъ Клитемнестра — Форбасъ слышитъ удалятъ пришельцевъ; но Клитемнестра ихъ видѣла. Кто они? спрашиваетъ она у Форбаса.

Кто страшники сіи, къ странѣ пришедши сей,

Съ которыми ты здѣсь бесѣдовалъ предъ мною,

Кто родомъ таковы, какой сюда судьбою,

Или намѣренъеъ какимъ приведены?

Форбасъ.

Противнымъ вѣтромъ къ симъ брегамъ принесены.

Гдѣ ихъ отечество и кто они, не знаю,

И безъ различья всѣхъ несчастныхъ призираю

Клитемнестра.

Кто можетъ быть меня несчастій изъ людей?

О, сколько бѣдъ и мукъ на тронѣ для царей!

Здѣсь подражатель хотѣлъ быть оригинальнымъ, и ему удалось. Но можно ли такую удачу назвать счастливою? Не думаю! Попеволю вспомнишь слова Пирра: еще одна побѣда, и я погибъ! въ Вольтеровой трагедіи вмѣстѣ съ Клитемнестрою приходитъ и Эгистъ—мы знаемъ уже его характеръ подозрительный и свирѣбный, слѣдовательно приходъ его долженъ насъ привести въ ужасъ, ибо все предыдущее заставило насъ принимать живое участіе въ судьбѣ Ореста. У господина Грузинцова напротивъ приходъ Клитемнестры не производитъ никакого дѣйствія—она матъ, се не боишься; а вопросъ ея показываетъ одно только любопытство—ибо Клитемнестра, выслушавъ отвѣтъ Форбасовъ, тотчасъ забываетъ о пришельцахъ, и начинаетъ томить и читателя и зрителя элегическою исповѣдью своихъ преступленій, въ этомъ мѣстѣ весьма неприличною, ибо Форбасъ ни почему не можетъ быть повѣреннымъ Клитемнестры.—И эта сцена тѣмъ болѣе заставляетъ насъ негодовать на прихотливое желаніе господина сочинителя быть оригинальнымъ въ такое время, когда всего бы лучше было остаться смиреннымъ подражателемъ, что она замѣняетъ превосходную сцену Вольтеровой трагедіи, ту именно, въ которой мы въ первый разъ знакомимся съ Клитемнестрою и видимъ характеръ ея въ противоположности съ характеромъ Электры. Вольтеръ представляетъ намъ въ Клитемнестрѣ матъ, привязанную къ дѣтямъ своимъ чувствами природы, но отдаленную отъ нихъ своимъ преступленіемъ; она очень мало говоритъ о раскаяніи, но зритель видитъ, что она несчастна, и онъ сожалѣетъ объ ней; напротивъ признаніе слишкомъ ясное было бы для нее унижительно, оно произвело бы одно только отвращеніе. Господниъ Грузинцовъ этого не подумалъ, и вотъ что его Клитемнестра говорить Форбасу:

Когда мой духъ пылалъ любовью побѣжденный,

Не представлялся мнѣ супругъ мой пора-
женный;
Средь роскошей вела благополучны дни,
Питали страшно мысль восторги лишь одни.
Предавшись въ плѣнъ мечтамъ, въ блажен-
ствѣ утопала

И въ счастьи себѣ подобныя не считала,
Но время рушить все и за собой влечеть.
Сей огонь во мнѣ потухъ; я вижу бездну
бѣдъ!

Со трепетомъ души прошедше воспоминаю,
Злодѣйство признаю и судъ боговъ читаю.

Едва ли можно безъ непріятнаго ощуще-
нія слушать старую Клитеместру, гово-
рящую старому служителю алтаря: что
духъ ея пылалъ, что она средь рос-
кошей вела благополучны дни, что
страстную мысль ея питали одни
восторги, что она, предавшись въ
плѣнъ мечтамъ, утопала въ бла-
женствѣ. И что же ей раскаяніе? Слѣд-
ствіе изнуренія чувствъ; время, лишивъ
ее способности наслаждаться, напомнило
ей, что надобно подумать о раскаяніи, о
спасеніи души, и она готова спасаться;
по первому слову Форбаса соглашается
освободить изъ темницы Электру, кото-
рую, несмотря на жестокия угрызения
совѣсти, по сіе время держала подъ крѣп-
кимъ приемотромъ; между тѣмъ приказы-
ваетъ Форбасу приготовить алтарь бо-
гамъ, метаящимъ за преступленія.
Форбасъ упрямится, совѣтуетъ оставить
метаящихъ боговъ въ покоѣ: Клитеместра
горячится; напоминаетъ Форбасу, что онъ
можетъ раздражить свою царицу;
надобно повиноваться, и Форбасъ пови-
нуется, и алтарь будетъ готовъ въ
III явленіи третьяго акта, и Клитеместра
будетъ говорить передъ нимъ слѣдующую
галлимацію:

О тѣнь Атридова! героя грозна тѣнь!
Для тризны въ честь твою сей посвящая
день.
Молю тебя, да симъ твой арий гнѣвъ
смягчитсѣ,
Да мертвый мой супругъ со мною примир-
яется.
При жизни ты умѣлъ преступниковъ про-
щать,
Но смерти ль будешь имъ изъ гроба ото-
мщаться?
Судьба моя съ тобой на вѣки различия;

На время въ сердцѣ семь я чувства умер-
твила;
Минуто предъ тобой измѣнницей была,
Минуто... но сей мигъ я съ вѣчностью
срягла...

Боги отвѣчаютъ Клитеместрѣ громомъ!
какого другаго отвѣта могла она ожидать
за такіе стихи, особенно за мигъ, спря-
женный съ вѣчностью? И подивитесь
ея безстыдству: Эгистова супруга, убійца
Агамемнона, Клитеместра въ присут-
ствіи множества богомольцевъ, въ присут-
ствіи Электры, стоящей [конечно для
симметріи] вмѣстѣ съ Кризотемією на
козѣнахъ предъ алтаремъ, Клитеместра
называетъ Агамемнона супругомъ, съ
которымъ разлучила ее судьба, пе-
редъ которымъ она была измѣнни-
цей минуто. Такова ли должна быть
истинная Клитеместра?

Мы хотѣли сначала рассмотретьъ все
пять актовъ этой трагедіи; но такой по-
дробный разборъ могъ бы завести насъ
слишкомъ далеко; сверхъ того и предыду-
щихъ замѣчаній кажется довольно будетъ
для доказательства, что неизвѣстный из-
датель Электры напрасно называетъ ходъ
ея превосходнымъ, ибо и самыя пер-
выя сцены этой трагедіи уже показы-
ваютъ, что авторъ ея, желая сдѣлать
лучше Вольтера, сдѣлалъ гораздо хуже.
Гдѣ же превосходство? Что жъ касается
до характера Клитеместры, то А. Н. Гру-
зинцовъ безъ сомнѣнія имѣетъ право на-
зывать себя его творцомъ: портить
старое, превосходное, не есть ли творить
новое дурное?—

1818.

О НОВОЙ КНИГѢ

[ПАРРОТА: ENTRETIENS SUR LA PHYSIQUE].

Профессоръ дерптскаго университета,
г. Парротъ, поручилъ мнѣ пріятную обя-
занность распространить между русскими
и въ особенности между московскими чи-
тателями извѣстіе о сочиненной имъ
книгѣ «Entretiens sur la Physique» — Раз-

говоры о физикѣ. Лучшимъ для сего средствомъ почитаю напечатать увѣдомленіе объ ней въ вашемъ журналѣ: онъ у всѣхъ въ рукахъ, и публика имѣетъ довѣренность къ его издателю. Выписываю то, что говоритъ самъ авторъ въ своемъ объявленіи, напечатанномъ особенно на французскомъ языкѣ.

«Наука есть принадлежность человѣка; но не одинъ ученый долженъ пользоваться плодами ея: всѣ классы человѣческаго общества, по мѣрѣ своихъ потребностей, имѣютъ на нихъ право; въ особенности физикъ, котораго наука должна возбуждать вниманіе всеобщее, обязанъ знакомить свѣтскаго человѣка съ ея успѣхами, обязанъ истребить ложное мнѣніе, утверждающее, что знанія физическія неприступны по причинѣ глубокихъ умствованій и трудныхъ исчисленій, съ ними неразлучныхъ. Правда, что истина физическая должна предварительно пройти сквозь сумракъ гипотезъ и сомнѣній, сквозь длинный рядъ опытовъ, сквозь лабиринтъ исчисленій; но изъ сей лабораторіи ума человѣческаго она должна наконецъ появляться облеченная въ простоту, ясность, величіе, привлекательныя для разсудка, легко поражающія воображеніе.

«Такова цѣль сочинителя книги: *Разговоры о физикѣ*. Онъ выбралъ форму разговора, дабы избѣжать сухости и однообразія въ слогѣ, дабы владѣть вниманіемъ, не утомляя его, дабы имѣть способъ украшать цвѣтами предметъ свой, столь богатый и разнообразный, что вся трудность состоитъ только въ выборѣ лучшаго и нужнѣйшаго.

«Книга сія не есть систематическій трактатъ о физикѣ, въ коемъ обыкновенно представляется каждая теорема отдѣльно, но ясное и точное изображеніе физическихъ и химическихъ законовъ природы и главнѣйшаго ихъ примѣненія.

«Она будетъ состоять изъ двухъ частей. Въ первой—пзясненіе извѣстныхъ законовъ природы, разсматриваемыхъ въ общихъ свойствахъ матеріи, въ феноме-

нахъ движенія жидкихъ и твердыхъ тѣлъ, въ феноменахъ теплоты, свѣта, состава и раздробленія тѣлъ, электрической силы, магнита. Во второй—примѣненіе сихъ законовъ ко главнѣйшимъ явленіямъ природы. Въ сей послѣдней части заключается: 1-е, физика земли, которая разсматриваетъ нашу планету сначала въ отношеніи къ ея формѣ, величинѣ и къ дѣйствіямъ тяжести; потомъ въ отношеніи къ ея поверхности, составленной изъ горъ, пещеръ, вулкановъ, рѣкъ, озеръ и морей; наконецъ въ отношеніи къ безчисленнымъ и важнымъ явленіямъ нашей атмосферы; 2-е, главныя системы геологіи, которая изображаетъ великими чертами исторію измѣненій земнаго шара, и старается развѣрить, какимъ образомъ сіи измѣненія произвели наосаждоку видимую нами ея поверхность; наконецъ 3-е, астрономія. Подъ именемъ ея физика перелетаетъ отъ скромной обители человѣка къ небу, разсматриваетъ безчисленныя звѣзды его, пзясняетъ чудесныя движенія нашей земли и планеты, ея сопутствующихъ въ постоянномъ ея теченіи вокругъ нашего солнца.

«Картина природы, объемлющая безконечно-великое и безконечно-малое, являющая чудесную связь между явлениями и неизмѣнными законами, коимъ они всѣ вообще покорствуютъ, изображающая передъ глазами человѣка все его величіе, но въ то же время и ограниченность его силъ и слабость его зрѣнія—такая картина необходимо оживляетъ въ насъ чувство Божества, открывающагося человѣку въ такомъ величій, чувство высокое, источникъ чистѣйшихъ, блаженнѣйшихъ наслажденій».

Прибавлю нѣсколько словъ: когда я находился въ Дерптѣ, то почтенный авторъ, удостоивающій меня дружбы своей, самъ читалъ мнѣ первый томъ своей книги. Цѣль ея: сдѣлать физику пріятною, дая неспяющихъ предложить ея истины простымъ, привлекательнымъ, для всякаго равно понятнымъ языкомъ—имѣю нѣкоторое право сказать, что

авторъ совершенно достигъ этой цѣли. Будучи совершенно незнающимъ въ его наукѣ, я слушалъ его съ наслажденіемъ. Онъ умѣлъ оживить пріятностію слога сухость своей матеріи — и первая часть особенно представляла ему почти непобѣдимыя трудности: надлежало говорить о главныхъ, общихъ свойствахъ тѣлъ, о тяжести, равновѣсіи, дѣлности, плотности и проч. — предметы отвлеченныя, привлекательныя для немногихъ — и всё сіи трудности побѣждены счастливо. Особенный характеръ слога его есть ясность. Съ благоразумною умѣренностію выбралъ онъ занимательнѣйшіе между безчисленнымъ множествомъ предметовъ своей науки, и выбралъ такъ, что читатель его получаетъ полное понятіе о томъ, что узнать ему необходимо: онъ слѣдуетъ безъ труда за мыслями автора, или лучше сказать невольно вмѣшивается въ разсужденія разговаривающихъ лицъ; умъ его не бездѣйственъ, но сіе дѣйствіе не тягостно: онъ остается доволенъ и собою и своимъ наставникомъ, — и въ награду за легкій трудъ получаетъ полныя и ясныя понятія, знакомится съ окружающими его тайнами природы, находитъ и жизнь и чудеса тамъ, гдѣ прежде для незнанія его было все мертво и обыкновенно. Могутъ подумать, что авторъ, выбравъ форму разговора, идетъ по слѣдамъ Фонтенеля; но между ими великая розница, сколько могу судить по одному бѣглому чтенію. Фонтенель хотѣлъ доказать, что обо всемъ можно говорить языкомъ острымъ и шутливымъ; его Разговоры о множествѣ міровъ — блестящая игрушка. Нашъ авторъ не имѣетъ этой хвастливости: онъ болѣе думаетъ о наукѣ своей, нежели о самомъ себѣ; не хочетъ ослѣплять острою ума и красками слога, но употребляетъ ихъ, какъ средство необходимое, дабы овладѣть вниманіемъ. Въ Разговорахъ Фонтенелевыхъ дивятся Фонтенелю; Разговоры о физикѣ заставляютъ полюбить физику.

Всѣ шесть томовъ этого прекраснаго

сочиненія готовы. Почтенный сочинитель, чтобы имѣть средство напечатать книгу свою, ибо ея напечатаніе должно стоить большихъ издержекъ, считаетъ за нужное открытъ на нее подписку. Должно надѣяться, что русская публика для собственного удовольствія поддержитъ его полезное предпріятіе. Подписка для московскихъ читателей и для иногородныхъ открывается въ московскомъ почтамтѣ, въ газетной экспедиціи. Подписавшіеся платятъ за шесть томовъ на простой хорошей бумагѣ 40 руб., а на писчей 50 рублей; при подпискѣ получаютъ они билетъ, по которому и будетъ выдана пмъ книга, какъ скоро о выходѣ ея напечатается въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

1826.

ПЛАНЪ УЧЕНІЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЫСОЧЕСТВА, ГОСУДАРЯ ВЕЛИКАГО
КНЯЗЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА
АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

предварительныя понятія.

Цѣль воспитанія вообще и ученія въ особенности есть образованіе для добродѣтели.

Воспитаніе образуетъ для добродѣтели: 1) Пробужденіемъ, развитіемъ и сбереженіемъ добрыхъ качествъ, данныхъ природою, дѣйствуя на умъ и сердце, и заставляя ихъ дѣйствовать. 2) Образованіемъ изъ сихъ качествъ характера нравственнаго, обращая добро въ привычку и подкрѣпляя привычку правилами разума, воспламененіемъ сердца и силою религіи. 3) Предохраненіемъ отъ зла, устраняя все вредное, могущее ослабить естественную склонность къ добру, и содѣрая душу, сколько возможно, въ спасительной неприкосновенности къ злу. 4) Искорененіемъ злыхъ побужденій и наклонностей, пренятвуя имъ обратиться въ привычку и побѣждая вредныя привычки привычками добрыми.

Ученіе образуетъ для добродѣтели, знакомя питомца: 1) Съ тѣмъ, что окружаетъ его. 2) Съ тѣмъ, что онъ есть.

3) Съ тѣмъ, что онъ быть долженъ, какъ существо нравственное. 4) Съ тѣмъ, для чего онъ предназначенъ, какъ существо безсмертное.

Въ постепенномъ разрѣшеніи сихъ четырехъ вопросовъ заключается весь планъ ученія.

ПРОДОЛЖЕНІЕ УЧЕНІЯ.

Воспитаніе начинается съ колыбели, ученіе съ отрочества, то и другое продолжается до начала молодыхъ лѣтъ. Тогда судьба принимаетъ нитомца изъ рукъ воспитателя и наставника и продолжаетъ его земное воспитаніе до гроба: долгъ воспитателя и наставника состоитъ единственно въ томъ, чтобъ сдѣлать нитомца своего способнымъ внимать постановленіямъ судьбы и воспользоваться ими съ достоинствомъ человѣка. Кто умѣлъ имъ послѣдовать, тотъ совершилъ земное свое назначеніе и зналъ добродѣтель. Здѣсь говорится объ одномъ ученіи. Полагаю, что оно будетъ продолжаться отъ 8-ми до 20-ти лѣтъ. Его можно раздѣлить на три главныхъ періода.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ. ОТРОЧЕСТВО.

Отъ 8-ми до 13-ти лѣтъ.

УЧЕНІЕ ПРИГОТОВИТЕЛЬНОЕ.

Сей періодъ можно сравнить съ приготовленіемъ къ путешествію: надобно дать въ руки компасъ, познакомить съ картою, снабдить орудіями, нужными для пріобрѣтенія свѣдѣній и для открытій.

1. Компасъ. Предварительное образованіе ума: практическая логика.

Образованіе сердца: развитіе нравственнаго чувства посредствомъ первыхъ понятій религіи.

II. Карта. Знанія. Сообщеніе вкратцѣ, въ связи, въ ясной и полной системѣ, сообразуясь съ понятіемъ воспитанника, наблюдая нужную постепенность всѣхъ тѣхъ познаній, которыя послѣ должны быть предложены ему отдѣльно, какъ науки со всѣми необходимыми подробностями. Отвѣтъ въ связи на четыре

вопроса жизни: гдѣ я? что я? что я быть долженъ и къ чему предназначенъ?

III. Орудія. Языки способны дополнять самому сообщенныя знанія значеніями, собственно пріобрѣтенными — талантами.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ. ЮНОШЕСТВО.

Отъ 13-ти до 18-ти лѣтъ.

УЧЕНІЕ ПОДРОБНОЕ.

Продолжая сравненіе, назовемъ сей періодъ самымъ путешествіемъ. Путеводный компасъ въ рукахъ. Карта извѣстна. Дороги означены. Нѣтъ опасности заблудиться: умъ приготовленъ, любопытство пробуждено. Не опасаясь смутности и безпорядка въ понятіяхъ, воспитанникъ можетъ обращать все свое вниманіе на каждый предметъ отдѣльно.

Подробное преподаваніе наукъ, нужныхъ воспитаннику, какъ члену просвѣщеннаго общества.

Болѣе подробное преподаваніе такихъ наукъ, которыя наиболѣе нужны ему по его назначенію.

1-е. Науки антропологическія, имѣющія предметомъ человѣка: Исторія. Географія, то есть этнографія и статистика. Политика. Философія.

2-е. Науки онтологическія, имѣющія предметомъ вещь: Математика. Естественная исторія и технологія [физическая географія]. Физика.

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ. ПЕРВЫЕ ГОДЫ МОЛОДОСТИ.

Отъ 18-ти до 20-ти лѣтъ.

УЧЕНІЕ ПРИМѢНИТЕЛЬНОЕ.

Этотъ періодъ мы сравнимъ съ окончаніемъ путешествія. Свѣдѣнія собраны, остается ихъ обзрѣть, привести въ порядокъ и опредѣлить какое должно быть сдѣлано изъ нихъ употребленіе. Въ этомъ періодъ воспитанникъ болѣе дѣйствуетъ самъ, нежели пріобрѣтаетъ отъ наставника. Онъ уже не занимается никакою наукою отдѣльно, онъ самъ составляетъ

для себя коренныя правила жизни, которыя не иное что, какъ произведеніе всего, что дали ему воспитаніе и ученіе. Этотъ періодъ долженъ быть посвященъ занятіямъ собственнымъ и чтенію немногихъ истинно-классическихъ книгъ, предпочтительно такихъ, кои могутъ ознакомить питомца съ высокимъ его назначеніемъ и странною, которой онъ долженъ посвятить жизнь свою.

1) Обзорніе знаній, приобретенныхъ во второмъ періодѣ. 2) Взглядъ на мѣсто, занимаемое въ обществѣ, и на обязанности, съ нимъ соединенныя. 3) Отчетъ въ самомъ себѣ передъ самимъ собою и утвержденіе правилъ, необходимыхъ для дѣятельности добродѣтельной. 4) Идеаль чловѣка вообще и своего званія въ особенности.

ПОДРОБНЫИ ПЛАНЪ УЧЕНІЯ ВЪ ПЕРВОМЪ ПЕРІОДѢ.

1. ПРЕДМЕТЫ УЧЕНІЯ, ИХЪ КЛАССИФИКАЦІЯ И ПОРЯДОКЪ, МЕТОДА ПРЕПОДАВАНІЯ.

Если, какъ то бываетъ обыкновенно, занимать воспитанника вдругъ многими предметами, имѣющими между собою связь, но отдѣльными одинъ отъ другаго въ преподаваніи, то въ головѣ его необходимо произойдетъ безъ порядка, многое будетъ непонятно, много останется промежутокъ, ничѣмъ не наполненныхъ.

По нашему плану, въ первомъ періодѣ, предметы ученія должны быть преподаваемы въ ихъ естественной связи, не совокупно, а по порядку, съ сохраненіемъ надлежащей постепенности, переходя отъ легкаго къ трудному, такъ, чтобы въ головѣ воспитанника, по истеченіи перваго періода, могла остаться полная система пригготовительныхъ знаній.

Рядомъ съ предметами главными должны идти: для образованія ума—практическая логика, не составляющая особенной науки, но способствующая приобретать знанія; для образованія сердца—начальныя понятія нравствен-

ности, основанной на религіи христіанской, и языка, не имѣющіе никакой связи съ предметами главными, слѣдовательно—имъ не мѣшающіе. Сверхъ того, съ предметами ученія соединяется приобрѣтеніе въкоторыхъ пріятныхъ талантовъ и—для развитія силъ тѣлесныхъ—гимнастика и ручная работа. Посему предметы ученія въ первомъ періодѣ можно раздѣлить на 4 класса.

КЛАССЪ ПЕРВЫЙ.

а) Для образованія ума: практическая логика.

б) Для образованія сердца: начало нравственности христіанской.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА.

1) Упражненіе вниманія. Основаніе геометріи: объясненіе линий, фигуръ, тѣлъ.

2) Упражненіе ума. Разрѣшеніе первыхъ теоремъ геометріи. Не самому наставнику разрѣшать ихъ, но постепенными вопросами доводить воспитанника до ихъ разрѣшенія.

Счетъ. Руководствоваться таблицами Песталотци, примѣняя ихъ безпрестанно къ головному счету и ко счету цифрами. Занимать задачи изъ обыкновенной жизни и изъ предметовъ знакомыхъ.

Философическая грамматика, примѣненная къ русскому языку. Руководствоваться грамматикою Сасси. Анализъ словъ. Анализъ фразъ. Составленіе фразъ. Выраженіе мыслей, словесное и письменное. Декламация.

3) Извлеченіе правилъ изъ упражненій практическихъ.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА.

Начало нравственности христіанской. Избранныя библейскія повѣсти.

Главные факты священной исторіи древняго и новаго завета.

Простой разсказъ безъ всякихъ историческихъ разсужденій, въ связи хронологической. Извлеченіе изъ фактовъ правилъ нравственности, основанной на ученіи Спасителя.

КЛАССЪ ВТОРОЙ.

Система знаній. Нить, ихъ связующую, составляютъ сіи четыре вопроса: Гдѣ я? Что я? Что быть долженъ? Къ чему предназначенъ? Чтобы познакомиться съ человѣкомъ, надлежитъ прежде узнать то, что его окружаетъ; чтобы лучше узнать, понять, привести въ порядокъ и удержать въ памяти исторію дѣйствій человѣческихъ, надлежитъ прежде обозрѣть ту сцену, на которой онъ дѣйствовалъ, и не иначе, какъ узнавши, что былъ человѣкъ, можно опредѣлить для себя, что онъ быть можетъ, быть долженъ, къ чему предназначенъ. Это порядокъ естественный, въ немъ заключается и самый порядокъ ученія.

Первый вопросъ: Гдѣ я и что меня окружаетъ?

1) Общія понятія о тѣлахъ.

2) Тѣла небесныя.

3) Земля въ отношеніи къ другимъ тѣламъ небеснымъ. Астрономическая и математическая географія.

4) Земля отдѣльно и главныя ея части. Воздухъ, вода, суша, система водъ и суши.

Физическая географія. Рисованіе картъ, имѣя въ виду одну физическую географію.

5) Произведенія земли.

Природа и ея главные законы.—Общія понятія о физикѣ и химіи.—Произведенія природы.

Общія понятія о минералогіи и геологіи.

Общія понятія о ботаникѣ.

Общія понятія о зоологіи.

Переходъ къ человѣку.

Второй вопросъ: Что я?

1) Человѣкъ отдѣльно.

Физическій.—Общія понятія о строеніи человѣческаго тѣла.

Правственный.—Общія понятія психологіи.

2) Человѣкъ въ отношеніи къ окружающей его природѣ.—Судбы человѣческія и употребленіе произведеній при-

роды для ихъ удовольствіи.—Технологія.

3) Человѣкъ въ отношеніи къ человѣку. Потребность общежитія. Языкъ. Семейство. Народъ въ естественномъ состояніи. Естественное право. Постепенное образованіе общества политическаго. Начало политикѣи.

4) Ходъ измѣненій человѣческаго общества. Исторія вмѣстѣ съ географіею.

5) Нынѣшнее состояніе человѣческаго общества. Новѣйшая географія и статистика.

Третій вопросъ: Что я быть долженъ?

1) Человѣкъ, какъ существо нравственное, и его обязанности. Нравственность частная: мораль.

2) Человѣкъ, какъ членъ общества, и его обязанности въ семь отношеніи.—Нравственность общественная: политика.

Четвертый вопросъ: Къ чему я предназначенъ?

1) Человѣкъ, какъ существо духовное и бесмертное. Метафизика.

2) Человѣкъ, какъ существо, постигающее Бога. Богопознаніе: Религія естественная. Религія откровенная.

НВ. Здѣсь показана одна только нить, связующая предметы ученія въ первомъ періодѣ: для преподаванія каждаго предмета наставникъ сдѣлаетъ для себя особенные подробные планы.

МЕТОДА.

1) Форма преподаванія.

Разговорная. Вмѣсто того, чтобы преподавать самому въ связи—доводить постепенными вопросами ученика до того, чтобы онъ самъ выражалъ съ надлежащею ясностію то, о чемъ ему предлагать желаемъ.

Учебная. Предлагать въ связи, просто, въ строгомъ порядкѣ.

НВ. Смотря по предмету, употреблять ту или другую форму или соединить обѣ.

2) Правила преподаванія.

Наблюденіе постепенности. Переходитъ отъ легкаго къ трудному, отъ

пзвѣстнаго къ неизвѣстному. Возбужденіе собственной дѣятельности воспитанника. Чтобы онъ какъ можно болѣе находилъ самъ, а не механически затверждалъ чужое. Сохраненіе подлежащей мѣры. Одно нужнѣйшее; какъ можно менѣе такого, что вносѣдствіи можетъ быть забыто; сохранять полноту, избѣгать излишнихъ подробностей, обременительныхъ для памяти и развлекающихъ вниманіе. Облегченіе труда. Возбуждать къ труду пособиями, порядкомъ, методою, которая облегчать его, отъ него не избавляя, и, способствуя дѣятельности ума, не дѣлаютъ его лѣнивымъ. Приятность преподаванія. Стараться сдѣлать и предметъ ученія и самое ученіе привлекательными, возбуждая любопытство, владея вниманіемъ, питая воображеніе, говоря сердцу, словомъ— сколько можно, дѣйствуя на всего чловека.

3) Утвержденіе въ памяти преподаваемаго. Сколько можно избѣгать механическаго ученія наизусть. Употреблять этотъ способъ только для изощренія памяти, но утверждать въ ней выученное:

Методическимъ раздѣленіемъ предметовъ.

Соединеніемъ чувственнаго съ умственнымъ. Рисунки. Карты. Таблицы.

Частымъ повтореніемъ. Оно не должно быть рабскимъ повтореніемъ слово-слово сказаннаго прежде, а только новымъ образомъ съ новой стороны того же предмета. Вопросы по порядку. Вопросы въ разбивку. Сбивчивые вопросы. Обзорные въ связи.

Окруженіемъ воспитанника — предметами, безпрестанно напоминающими во время свободное о томъ, что занимало его въ часы ученія.

Соединеніемъ изученія языковъ съ главною цѣлію. Чтобы воспитанникъ на другомъ языкѣ и слышалъ и самъ говорилъ о томъ, что уже было ему предложено на языкѣ природномъ.

Соединеніемъ самыхъ игръ съ нѣкоторою учебною цѣлію. Волшебный фонарь. Фантазмагорія. Космограма.

КЛАССЪ ТРЕТІЙ.

Языки: французскій, нѣмецкій, англійскій и польскій; къ первому періоду принадлежатъ одна только матеріальная часть изученія языковъ, т.-е.: а) Утвержденіе въ правописаніи. б) Правильное произношеніе. в) Практическое пріобрѣтеніе навыка говорить и понимать, что говорить. г) Легкія упражненія въ слогахъ.

Правописаніе. Диктованіе фразъ, заимствованныхъ изъ главной лекціи. Исправленіе ошибокъ. Заставлять ученика самого исправлять. Переписывать исправленное.

НВ. Симъ способомъ воспитанникъ не только научится писать правильно, но и самъ для себя напишетъ на разныхъ языкахъ то, что было ему преподаваемо на русскомъ.

Произношеніе. Чтеніе простое для правильнаго произношенія. Чтеніе съ выраженіемъ: декламация. Чтеніе наизусть легкихъ стихотвореній. Пріобрѣтеніе навыка говорить. Ученіе наизусть словъ: заимствованныхъ изъ общежитія; заимствованныхъ изъ главной лекціи. Составленіе фразъ: фразъ, употребительныхъ въ общежитіи; фразъ, заимствованныхъ изъ главной лекціи.

НВ. Симъ послѣднимъ способомъ не только пріобрѣтается навыкъ говорить, — ибо ученикъ и учитель всегда будутъ имѣть готовые матеріалы для вопросовъ, отвѣтовъ и объясненій, слѣдовательно, для разговора въ связи; но въ то же время, какъ уже замѣчено выше, утвердятся въ памяти, объяснятся и дополнятся пріобрѣтенныя знанія.

Упраженіе въ слогахъ. Предметы для сочиненія можно также заимствовать изъ главной лекціи: ученикъ будетъ писать о томъ, что знаетъ, слѣдовательно, будетъ выражать свои мысли и располагать ихъ ясно и правильно. Сею методою изученія языковъ надлежитъ руководствоваться во

все продолженіе перваго періода. Къ концу его накопится большой запасъ правильныхъ фразъ. Тогда нетрудно будетъ приступить къ грамматикѣ и знанія практическія утвердить правилами теоріи. Надобно только, чтобы одна общія, философическая грамматика служила основаниемъ для всѣхъ прочихъ [лучшею кажется мнѣ грамматика Саси, переведенная на нѣмецкій языкъ Сатеромъ] и чтобы для языковъ иностранныхъ принята была за основаніе та же система, которая руководствовала въ изученіи языка природнаго.

КЛАССЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Пріятные таланты. Гимнастика. Ручная работа. Таланты. Рисованіе. Рисованіе съ натуры и съ гипсовъ: тѣлъ геометрическихъ; ландшафтовъ. Отдѣльныя части, деревья, зданія.

Правила архитектуры. Части соединенныя, полныя ландшафты. Правила перспективы. Животныхъ и человѣка. Отдѣльныя части. Цѣлыя фигуры. Правила анатоміи. Группы. Иллюминированіе: рисунковъ, конхъ содержаніе замѣствовать изъ главной лекціи, особенно—изъ натуральной исторіи, изъ географіи, изъ исторіи, изъ міеологіи.

NB. Здѣсь необходимо слѣдовать порядку главной лекціи, чтобы рисованіемъ дополнять въ связи преподаваемое въ часы уроковъ.

Сочиненіе рисунковъ. Музыка. Гимнастика. Цѣль гимнастическихъ упражненій есть не одно развитіе и укрѣпленіе силъ тѣлесныхъ, но въ то же время и дарованіе мужества и способовъ владѣть собою во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Сія важная часть воспитанія требуетъ методическаго плана, какъ и другія. Великій князь не долженъ ничего дѣлать безъ правилъ: каждый предметъ его ученія долженъ безпрестанно ему напоминать, что во всемъ главное есть правило. Необходимо нужно найти человѣка, который бы могъ руководствовать гимнастическими упражненіями по

строгой методѣ. Эта часть особенно принадлежитъ воспитанію.

Ручная работа: токарное или столярное мастерство.

NB. Не прииспособить ли ручною работою къ кораблестроенію? Великій князь могъ бы, играя, самъ построить маленькій корабль, и такимъ образомъ познакомиться съ матеріальною частью навигаціи.

Чтеніе. Рядомъ съ учебнымъ должно необходимо идти и чтеніе. Надобно читать мало, въ порядкѣ, одно полезное: нѣтъ ничего вреднѣе привычки читать все, что ни попадетъ въ руки. Это приводитъ въ безпорядокъ идеи и портитъ вкусъ. Для дѣтей множество написано книгъ. Есть много хорошаго на нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ, по почти нѣтъ ничего на русскомъ. Почитаю необходимымъ сдѣлать строгій выборъ изъ сего множества матеріаловъ, многое перевести на русскій, нужное написать по русски, все привести въ порядокъ, сообразуясь съ планомъ ученія, и такимъ образомъ составить избранную бібліотеку дѣтскаго чтенія для перваго періода. Сія бібліотека можетъ состоять изъ трехъ отдѣленій.

I-е отдѣленіе. Курсы учебный. Лекціи въ ихъ связи и порядкѣ. Карты, рисунки, таблицы.

II-е отдѣленіе. Чтеніе пріятное. Собраніе такихъ сочиненій, которыя пріятно бы занимали умъ, говорили воображенію, оживляли нравственное чувство и образовали вкусъ. Въ ихъ расположеніи надлежитъ сохранять постепенность, сообразуясь съ возрастомъ и попятіемъ воспитанника.

III-е отдѣленіе. Чтеніе наставительное. Собраніе такихъ сочиненій, которыхъ содержаніе соответствовало бы главной лекціи и которыя были бы расположены согласно съ планомъ ея, такъ, чтобы воспитанникъ, въ часы свободныя, могъ самъ дополнить пріятнымъ чтеніемъ преподаваемое въ часы ученія.

II. ВРЕМЯ.

Время надлежитъ раздѣлить на учебное и неучебное. Для того и для другаго должны быть свои занятія, порядочно расположенныя.

ВРЕМЯ УЧЕБНОЕ.

Оно раздѣляется на два періода. 1-й періодъ отъ 1-го января до половинныя іюня. 2-й періодъ отъ 1-го августа до 25-го декабря.

РАСПОЛОЖЕНІЕ УЧЕБНАГО ВРЕМЕНИ.

Вставать въ 6 часовъ. Отъ 6-ти до 7-ми часовъ: молитва, завтракъ, обзорніе того, что надлежитъ сдѣлать въ теченіи дня. Приготовленіе всего нужнаго для слѣдующаго урока. Отъ 7-ми до 9-ти ученіе. По окончаніи сего все привести въ порядокъ и все приготовить для слѣдующаго урока. Отъ 9-ти до 10-ти отдыхъ. Визиты. Отъ 10-ти до 12-ти ученіе. По окончаніи сего все привести въ порядокъ. Отъ 12-ти до 2-хъ прогулка. Отъ 2-хъ до 3-хъ обѣдъ. Все приготовить къ слѣдующему уроку. Отъ 3-хъ до 5-ти: отдыхъ, игры, прогулка. Отъ 5-ти до 7-ми ученіе. По окончаніи его все привести въ порядокъ. Отъ 7-ми до 8-ми гимнастика или игры. Отъ 8 до 9-ти ужинъ. Отъ 9-ти до 10-ти обзорніе прошедшаго дня. Журналъ.

ВРЕМЯ НЕУЧЕБНОЕ.

1. Праздничные дни: Воскресные дни. Дни рожденія и именинъ Государя Императора, государынь императрицъ, великаго князя. Святая недѣля: первые четыре дня. Святки отъ Р. Х. до Нового года.

2. Вакація отъ половинныя іюня до 1-го августа.

Расположеніе неучебнаго времени. Въ праздничные дни. Вставать въ 6 часовъ. Отъ 6-ти до 7-ми: молитва, завтракъ, чтеніе. Отъ 7-ми до 9-ти ручная работа. По окончаніи все привести въ порядокъ. Отъ 9-ти до 10-ти отдыхъ. Визиты. Отъ 10-ти до 12-ти гимнастика или чтеніе. Отъ 12-ти до 2-хъ прогулка.

IV. Давъ время отдохнуть послѣ гимнастическихъ упражненій. Отъ 2-хъ до 3-хъ обѣдъ. Отъ 3-хъ до 6-ти игры. Отъ 6-ти до 8-ми чтеніе. Ученіе игры (?) разъ въ недѣлю или въ мѣсяцъ. Отъ 8-ми до 9-ти ужинъ. Отъ 9-ти до 10-ти обзорніе прошедшаго дня. Журналъ.

Во время вакаціи.

Сіе время не худо бы посвятить исключительно практическому изученію военнаго искусства. Предлагаю для сего нѣкоторыя общія мысли. Петръ Великій имѣлъ свой потѣшный полкъ: онъ находилъ въ немъ одну забаву, но эта забава, быть можетъ, образовала Полтавскаго героя и создателя русской арміи; будущему наслѣднику его престола и въ этомъ подражать великому своему праотцу. — Можно составить маленькій временной корпусъ изъ хорошаго воспитанныхъ дѣтей, числомъ отъ 100 до 200, и снабдить его всею, что входитъ въ составъ арміи. Такой корпусъ и потѣшный полкъ существовалъ бы не болѣе шести недѣль въ году: отъ половинныя іюня до послѣднихъ чиселъ іюля. Все это время могло бы быть посвящено разнообразной военной дѣятельности, а не одной механической. Великій князь узналъ бы на опытъ службу и все ея оттыки. И сіе занятіе, которое могло бы мѣшать и вредить его ученію, когда бы оно во всякое время было соединено съ нимъ, сдѣлалось бы повымъ, весьма дѣйствительнымъ средствомъ образованія, когда бы совершенно отъ остальнаго ученія отдѣлилось, когда бы ему посвящено было только такое время года, въ которое всякое другое занятіе обременительно. Каждая вакація могла бы составлять полную кампанію и каждая кампанія могла бы имѣть предметомъ особенную часть военнаго искусства: напримеръ, первая кампанія была бы посвящена просто фронтальной службѣ; во вторую занимался бы полевыми укрѣпленіями; въ слѣдующую — артиллерию; даже могла бы войти въ этотъ порядокъ и навигація. Царскосель-

скій нрудъ легко можно обратить въ океанъ всемірный, на которомъ двѣ маленькія яхты могутъ въ одинъ день совершить путешествіе вокругъ свѣта. Такимъ образомъ великій князь, играя и переходя всѣ степени военнаго человѣка, отъ солдата до генерала, познакомился бы со всѣми подробностями службы военной. Наконецъ, могли бы постепенно дойти до самой тактики и стратегіи. Игры сіи практически приготовили бы къ методическому изученію наукъ военныхъ, коими великій князь можетъ заняться только во 2-мъ періодѣ, познакомившись предварительно съ математикою. Одно только необходимое условіе—чтобы сіи военныя наставительныя игры принадлежали исключительно одной эпохѣ года и нисколько не вмѣшивались въ остальное ученіе, которое въ противномъ случаѣ разстроитъ совершенно, ибо уничтожатъ вниманіе. Ихъ главная польза было бы не одно пріобрѣтеніе свѣдѣній военныхъ, но и укрѣпленіе силъ физическихъ, и нравственное образованіе. Великому князю должно быть не простымъ солдатомъ, а мужемъ, достойнымъ престола Россіи. И здѣсь дѣлью было бы не одно знаніе фрунта, механически пріобрѣтаемое, но и дѣятельное пробужденіе высокихъ чело-вѣческихъ качествъ—смѣлости, терпѣнія, расторопности, присутствія духа, осторожности, рѣшительности, хладнокровія, словомъ—всего, что составляетъ война въ истинномъ, прекрасномъ знаменованіи сего слова. Великій князь былъ бы въ толгѣ людей, имѣлъ бы товарищей, равнѣ съ другими несъ бы тягость долга и службы: все это самымъ благотворнымъ образомъ могло бы дѣйствовать на его умъ и сердце, развернуло бы въ немъ все чистое, чело-вѣческое; и укоренило бы его характеръ. Само по себѣ разумѣется, что начальство надъ такимъ корпусомъ должно быть поручено чело-вѣку искусному, который могъ бы изъ игрушки сдѣлать наставленіе полезное и умѣлъ бы забавою дѣйствовать на душу, про-

буждая въ ней снѣпія высокія качества. Такого рода забава не должна быть одна механическая экзерциція солдата, безплодная, если не убійственная, для нравственнаго чело-вѣка: съ нею во власти наставника весь чело-вѣкъ и всѣ его силы. Образованіе такого корпуса воиновдѣтей—не бездѣлица; надобно ихъ знать, надобно умѣть управлять ими, надобно въ настоящемъ готовить будущее. Наставникъ долженъ понимать, что здѣсь въ забавѣ дѣтской таится героизмъ мужа. И самъ онъ долженъ быть не простымъ зваткомъ фрунта, привыкшимъ видѣть въ солдатѣ одну машину, но просвѣщеннымъ знаткомъ военнаго дѣла, способнымъ понимать, что во власти его душа будущаго повелителя милліоновъ, можетъ быть—назначеннаго нѣкогда стать передъ русскою арміею и рѣшить судьбу народовъ. Такой чело-вѣкъ долженъ быть не только знакомъ съ механическими подробностями службы военной—мелкими и развѣ только потому принадлежащими государю, что онъ, какъ Петръ Великій, не долженъ быть чуждъ никакихъ подробностей,—но и съ высокимъ назначеніемъ воина, которое онъ долженъ знать не изъ военнаго устава, но изъ всемірной исторіи, изъ дѣлъ Аннибала, Юлія Кесаря, Густава Адольфа, Фридриха. Скажу болѣе, при выборѣ такового наставника надобно смотрѣть не на одни знанія военныя, но и вообще на просвѣщеніе и характеръ нравственный, дабы, наставляя, онъ могъ и воспламенить душу ко всему великому и героическому. Однимъ словомъ, сію часть воспитанія великаго князя почитаю одною изъ самыхъ важныхъ: сімъ способомъ онъ можетъ или быть навсегда испорченъ, то есть обращенъ въ мелочнаго солдата, или быть образованъ для истиннаго героизма, для чести своего вѣка, для твердаго блага Россіи. Сіи военныя игры могутъ начаться въ первомъ періодѣ и продолжаться до окончанія втораго.

III. лица.

Надзиратель за особою великаго князя. Помощникъ надзирателя. Надзиратель за учениемъ великаго князя. При немъ: переводчикъ. Рисовщикъ. Писарь.

Учители въ первомъ періодѣ: учитель французскаго языка и счета. Учитель нѣмецкаго языка. Учитель польскаго языка. Учитель англійскаго языка. Учитель рисованія. Учитель танцованія. Учитель гимнастики. Мастеровой для ручной работы.

Ихъ должности.

НВ. Здѣсь говорится объ однѣхъ должностныхъ лицъ, коимъ будетъ поручено ученіе великаго князя, ибо предлагается одинъ только планъ ученія, а не всего воспитанія.

Должность надзирателя за учениемъ великаго князя вообще: онъ наблюдаетъ [вмѣстѣ съ надзирателемъ за особою великаго князя] за ходомъ ученія и вмѣстѣ съ нимъ выбираетъ учителей.

Въ первомъ періодѣ: онъ беретъ на себя I-й и II-й классы предметовъ ученія; наблюдаетъ, чтобы учителя, каждый по своей части, для сохраненія полноты и единства въ ученіи, совершенно сообразовались съ его планомъ.

Во второмъ періодѣ: онъ присутствуетъ при главныхъ урокахъ; онъ служитъ репетиторомъ великому князю, то есть учится съ нимъ вмѣстѣ и помогаетъ ему преподаваемое учителями обращать въ свою собственность.

Онъ беретъ на себя особенно преподаваніе русскаго языка и упражняетъ великаго князя въ русскомъ слогѣ.

Въ третьемъ періодѣ: онъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ составляетъ обзоръ всего пройденнаго во второмъ періодѣ, то есть помогаетъ ему подвести итогъ подытожить, собраннаго во все годы его ученія.

Если на меня будетъ возложена обязанность надзирателя за учениемъ его высочества, то мнѣ для успѣшнаго исполненія нужно имѣть нѣкоторыя пособія. По моему плану, объемлющему весьма много предметовъ [изъ которыхъ

съ нѣкоторыми я еще самъ долженъ познакомиться], мнѣ надобно весьма много приготовляться къ часамъ учебнымъ — чтеніемъ, выписками, составленіемъ собственнаго учебнаго курса. Сверхъ того, по методѣ, мною избранной и которой пользу я знаю уже на опытъ, для утвержденія въ памяти великому князю преподаваемаго на лекціяхъ, я долженъ самъ составлять много рисунковъ, картъ и таблицъ. Одно уже ихъ составленіе беретъ много времени; если же возьму на себя и переписываніе на-чисто и приготовленіе чистыхъ рисунковъ и картъ, то потеряю бесполезнымъ образомъ часы, цѣныныя мнѣ для приготовительныхъ моихъ занятій. Мнѣ необходимо имѣть рисовщика и переписчика, которые исключительно посвятили бы себя моему дѣлу. О необходимости составить избранную бібліотеку дѣтскаго чтенія сказано выше. Сія работа требуетъ особеннаго вниманія; самъ ею заняться не могу: не буду имѣть времени. Но могу ею руководствовать. Нужно имѣть переводчика, который трудился бы подъ моимъ руководствомъ и по моему плану.

Должности учителей:

Въ первомъ періодѣ. Учители сообразуются въ планѣ своемъ съ главнымъ планомъ надзирателя.

Во второмъ періодѣ. Учители должны быть каждый профессоромъ своего дѣла; каждый долженъ дѣйствовать свободно, по собственному плану. Обязанность надзирателя: составлять цѣлое изъ разнообразныхъ уроковъ, соглашаясь съ своимъ особеннымъ планомъ.

IV. ПОСОБІЯ.

предметы ученія.

Библіотека: книги учебныя, лексіконы, избранныя классическія книги избранныя русскія книги.

Карты: новѣйшія лучшія карты, — генеральныя и спеціальныя; подробныя карты Россіи, — планы городовъ и мѣстъ.

Эстампы: виды городовъ и мѣстъ.

Архитектурныя эстампы. Портреты знаменитыхъ людей. Костюмы древніе и новыя. Изображеніе предметовъ натуральной исторіи.

Историческіе эстампы. Мифологическія изображенія. Образцы для рисованія. Гипсы для рисованія. Маленькій физическій кабинетъ. Маленькій минералогическій кабинетъ. Технологическій кабинетъ. Нѣкоторые модели и рельефы. Предметы, нужные для гимнастики. Инструменты, нужные для ручной работы. Предметы, нужные для игръ учебныхъ. *Lanterne magique*. *Fantasmagoria*. *Cosmorama*.

Помѣщеніе. Расположеніе учебной комнаты должно соответствовать плану ученія. Учебная комната есть главная сцена дѣятельности воспитанника: въ ней онъ живетъ, трудится, мыслить и веселится — все въ ней должно способствовать его занятіямъ. Расположеніе учебной комнаты должно поручить тому, кто будетъ имѣть надзоръ за ученіемъ.

1. Въ ней долженъ быть методическій порядокъ, одинъ разъ навсегда установленный. Такой порядокъ не только помогаетъ работѣ, но и спасаетъ много времени и можетъ пропзвести благотворную привычку, весьма полезную для будущаго.

2. Въ учебной комнатѣ должны быть соединены всѣ предметы учебные, расположенные такъ, чтобы всегда, безъ нарушенія порядка, было легко имѣть ихъ подъ рукою.

3. Все, что нужно укоренить въ памяти, должно быть всегда на виду, дабы то, что въ нѣкоторые опредѣленные часы преподается на лекціяхъ, было въ часы свободныя — всегда, но почувствительнымъ образомъ, безъ напряженія вниманія — повторяемо предметами, окружающимъ воспитанника.

4. Для гимнастическихъ упражненій, для игръ учебныхъ и другихъ должна быть отведена особенная большая горница. Не худо имѣть и особенную мастерскую, въ которой бы можно было работать на просторѣ, въ которой были

бы соединены всѣ инструменты, нужные для ручной работы.

нѣкоторые примѣчанія.

Ученіе, по предложенному плану, тогда только можетъ имѣть успѣхъ совершенный, когда ничто, ни въ какомъ случаѣ, не будетъ нарушать порядка, одинъ разъ навсегда установленнаго; когда и особа, и время, и все окружающее великаго князя — будутъ, безъ всякаго ограниченія, подчинены тѣмъ людямъ, коимъ его высочество будетъ порученъ довѣренностію Государя. Государь Императоръ, подтвердивъ сей планъ, да благоволитъ быть первымъ безпрекословнымъ его исполнителемъ.

Дверь учебной горницы, въ продолженіе лекцій, должна быть неприкосновенна; никто не долженъ себѣ позволять въ нее входить въ то время, которое великій князь будетъ посвящать занятію: изъ этого правила не должно быть ни для кого исключенія. Великій князь пріучится дорожить своимъ временемъ, когда увидитъ, что имъ дорожатъ и другіе, и что въ порядкѣ часовъ соблюдается строжайшая точность. Его высочество въ продолженіе своего воспитанія долженъ привыкнуть не почитать ничего выше своихъ обязанностей. Онъ долженъ идти впередъ постояннымъ и равнымъ шагомъ: порядокъ ненарушимый есть главное для сего условіе. Осмѣлюсь сказать откровенно: частые переѣзды изъ мѣста въ мѣсто кажутся мнѣ весьма вредными для занятій великаго князя. Намъ надобно имѣть одно постоянное мѣстопробываніе — въ Петербургѣ зимою и одно, такое же, внѣ Петербурга, лѣтомъ. Въ противномъ случаѣ порядокъ нарушится и нельзя отвѣчать за успѣхъ ученія. Переѣзды будутъ мѣшать и вредить вниманію, будутъ препятствовать полнотѣ и необходимому спокойствію упражненій; вмѣсто устроенной учебной комнаты, будемъ имѣть однѣ стціи, въ которыхъ нельзя имѣть подъ рукою всѣхъ предметовъ

ученія: все это произведетъ привычку къ непостоянству и безпокойную охоту перемѣнять мѣсто, весьма вредную для будущаго. Самимъ наставникамъ нельзя будетъ дѣйствовать, какъ бы они желали: могутъ ли они вѣсело перевозить съ собою все вещи для приготоуленія своего къ лекціямъ? могутъ ли имѣть вездѣ просторъ, необходимый для собственныхъ занятій? А это не бездѣлица: здѣсь о наставникахъ такъ же нужно думать, какъ о воспитанникѣ. Безполезно требовать отъ нихъ невозможнаго. И со всею готовностію повиноваться высшей вѣдѣ, они не будутъ въ состояніи ее исполнить и не должны отвѣчать за неуспѣхъ своихъ усилій.

Теперь прогулки его высочества имѣютъ цѣлью одно движеніе, полезны для здоровья. Современемъ можно будетъ соединить съ ними цѣль наставительную: можно будетъ ихъ посвящать на обзорніе разныхъ публичныхъ заведеній, зданій, кабинетовъ, мануфактуръ и проч. Но къ каждому такому обзорнію нужно быть предварительно приготоуленнымъ: въ противномъ случаѣ, обзорватель можетъ привыкнуть довольствоваться поверхностными понятіями и смотрѣть безъ вниманія—цѣлѣе не имѣетъ любопытства. Но для такихъ наставительныхъ прогулокъ, требующихъ времени свободнаго, надлежитъ, по возможности, выбирать дни не учебныя: въ противномъ случаѣ онѣ будутъ разстраивать устаноуленный порядокъ часовъ—святыню, къ которой ни подъ какимъ предлогомъ прикасаться не должно.

Дабы имѣть понятіе о ходѣ и уснѣхахъ ученія, должны быть устаноулены экзамены, ежемѣсячные и полугодовые; ежемѣсячные должны производиться въ присутствіи государыни императрицы; полугодовые [въ половинѣ іюня и въ концѣ декабря], если возможно, въ присутствіи самого государя императора.

На учебномъ столѣ должна лежать настольная книга, въ которую учителя, по окончаніи каждой лекціи, будутъ записы-

вать, каково было во время ея поведеніе и ученіе великаго князя. Осмѣливаюсь прибавить здѣсь одно замѣчаніе: изъявленное одобреніе государя императора должно быть величайшею наградою для нашего воспитанника, а изъявленное неодобреніе его величества самымъ тяжкимъ наказаніемъ. Надобно весьма дорожить еимъ важнымъ средствомъ. Смѣю думать, что государь императоръ не долженъ никогда хвалить великаго князя за прилежаніе, а просто оказывать свое удовольствіе ласковымъ обращеніемъ, безъ всякаго выраженія сего удовольствія. Таковое выраженіе должно быть предоставлено для немощныхъ случаевъ. Чѣмъ будетъ оно рѣже, тѣмъ болѣе будетъ имѣть цѣны, тѣмъ сильнѣе будетъ дѣйствіе. Великому князю надлежитъ привыкать видѣть въ исполненіи своихъ обязанностей простую необходимость, не заслуживающую никакаго особеннаго одобренія: такая привычка образуетъ твердость характера. Каждый отдѣльный хорошій поступокъ весьма маловаженъ: одно только продолжительное постоянство въ добрѣ заслуживаетъ вниманіе и хвалу. Его высочество долженъ пріучиться дѣйствовать безъ награды: мысль объ отцѣ должна быть его тайною совѣстью. Тогда только одобреніе отца будетъ для него благодѣтельнымъ счастіемъ и дѣйствительнымъ поощреніемъ къ новымъ усиліямъ. То же самое можно сказать и о выраженіи родительскаго неодобренія. Его высочество долженъ трепетать при мысли объ упрекѣ отца. Государь будетъ всегда знать о его мелкихъ проступкахъ, но пускай это будетъ тайною между его величествомъ и наставниками; пускай воспитанникъ чувствуетъ вину свою и самъ наказываетъ себя тягостнымъ своимъ чувствомъ. Но испитать явный гнѣвъ отца должно быть для него случаемъ единственнымъ въ жизни. Если когда нибудь дойдемъ до такой крайности, то лѣкарство будетъ спасительно и исцѣленіе несомнѣнно. Здѣсь у мѣста сказать нѣсколько словъ о подаркахъ, дѣлаемыхъ въ разное время

великому князю. Они непременно должны входить въ общій планъ ученія и, такъ сказать, за нимъ слѣдовать. Имѣя много бесполезнаго, ставовишься равнодушнымъ къ полезному. Великому князю не должно давать ничего такого, что не можетъ быть ему нужно въ настоящую минуту: получая преждевременно такую вещь, которую можетъ онъ цѣнить только послѣ, онъ будетъ смотрѣть на нее безъ вниманія; она успеетъ потерять для него всю свою повость прежде нежели сдѣлается ему извѣстною, и въ надлежащее время не возбудитъ желаннаго любопытства.

Если мысочайшею довѣренностію государя мнѣ будетъ порученъ надзоръ за ученіемъ его высочества, то смѣю просить его величество утвердить меня въ моемъ званіи и дать мнѣ принадлежащее мнѣ имя, дабы я имѣлъ и право и полную свободу дѣйствовать. Въ чемъ состоитъ моя должность по сему званію, о томъ уже сказано выше. Здѣсь почтаю необходимымъ представить на судъ государя императора мой собственный образъ мыслей, чтобы его величеству было извѣстно—какъ я понимаю мою обязанность, въ какомъ духѣ желаю исполнить ее.

Не отвѣчая за свои способности, отвѣчаю за любовь мою къ моему дѣлу. Я могу дѣйствовать на нравственность великаго князя однимъ только образованіемъ его мыслей. Его характеръ въ рукахъ воспитателя. И воспитатель и паставникъ идутъ къ одной цѣли, но каждый имѣетъ свой особенный кругъ дѣйствія и долженъ знать свои границы. Мой кругъ дѣйствія есть руководствовать великаго князя въ пріобрѣтеніи нужныхъ ему познаній, дабы послѣ, вмѣстѣ съ нимъ, изъ всей ихъ суммы извлечь необходимыя для него правила жизни.

Во первыхъ, скажу: его высочеству пужно быть не ученымъ, а просвѣщеннымъ. Просвѣщеніе должно познакомить его только со всѣмъ тѣмъ, что въ его время необходимо для общаго блага и,

въ благѣ общемъ, для его собственнаго. Просвѣщеніе въ истинномъ смыслѣ есть многообъемлющее знаніе, соединенное съ нравственностію. Человѣкъ знающій, но не нравственный—будетъ вредить, ибо худо употребитъ извѣстные ему способы дѣйствія. Человѣкъ нравственный, но невѣжда—будетъ вредитъ, ибо и съ добрыми намѣреніями не будетъ знать способовъ дѣйствія. Просвѣщеніе соединитъ знаніе съ правилами. Оно необходимо для частнаго человѣка, ибо каждый на своемъ мѣстѣ долженъ знать, что дѣлать и какъ поступать. Оно необходимо для народа, ибо народъ просвѣщенный болѣе привыкаетъ къ закону, въ которомъ заключается его нравственность, и къ порядку, въ которомъ заключается его благоденствіе и безопасность. Оно необходимо для народоуправителя, ибо одно оно даетъ способы властвовать благотворно.

Сокровищница просвѣщенія царскаго есть исторія, наставляющая опытами прошедшаго, нами объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомитъ государя съ нуждами его страны и его вѣка. Она должна быть главною наукою наследника престола. Исторія, освященная религіею, воспламенитъ въ немъ любовь къ великому, стремленіе къ благотворной славѣ, уваженіе къ человѣчеству, и дастъ ему высокое понятіе о его санѣ. Изъ нея извлечетъ онъ правила дѣятельности царской. Сихъ главныхъ правилъ не много. Исторія познакомитъ наследника престола съ судьбою народовъ и, объяснивъ причины ихъ бѣдствій и благоденствія во всѣхъ временахъ, должна сказать ему въ заключеніе: вѣрь, что власть царя происходитъ отъ Бога, но вѣрь сему какъ вѣрили Маркъ Аврелій и Генрихъ Великій; сію вѣру имѣлъ и Иоаннъ Грозный, но въ душѣ его она была губительною насмѣшкою надъ Божествомъ и человечествомъ. Уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ: законъ, пренебрегаемый царемъ, не будетъ хранимъ и народомъ. Люби и распространяй просвѣщеніе: оно—силъ-

нѣйшая подпора благонамѣренной власти; народъ безъ просвѣщенія есть народъ безъ достоинства; имъ кажется легко управлять только тому, кто хочетъ властвовать для одной власти—но изъ слѣбныхъ рабовъ легче сдѣлать свирѣпыхъ мятежниковъ, нежели изъ подданныхъ просвѣщенныхъ, умѣющихъ цѣнить благо порядка и законовъ. Уважай общее мнѣніе: оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха; оно вѣрнѣйшій помощникъ его, ибо строжайшій и безпристрастный судія исполнителей его воли; мысли могутъ быть мятежны, когда правительство притѣснительно или безлично; общее мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго государя. Люби свободу, то есть правосудіе, ибо въ немъ и милосердіе царей и свобода народовъ; свобода и порядокъ — одно и то же; любовь царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ. Владычествуй не силою, а порядкомъ: истинное могущество государя не въ числѣ его воиновъ, а въ благоденствіи народа. Будь вѣренъ слову: безъ довѣренности нѣтъ уваженія, неуважаемый—бессиленъ. Окружай себя достойными тебя помощниками: слѣбное самолюбіе царя, удаляющее отъ него людей превосходныхъ, предастъ его на жертву корыстолюбивымъ рабамъ, губителямъ его чести и народнаго блага. Уважай народъ свой: тогда онъ сдѣлается достойнымъ уваженія. Люби народъ свой: безъ любви царя къ народу нѣтъ любви народа къ царю. Не обманывайся на счетъ людей и всего земнаго, по имѣй въ душѣ идеалъ прекраснаго — вѣрнѣ добродѣтели! Сія вѣра есть вѣра въ Бога! Она защититъ душу твою отъ презрѣнія къ человечеству, столь пагубнаго въ правителяхъ людей. Наконецъ, въ заключеніе слова Іоанна Мюллера, которыми онъ оканчиваетъ свою «Всемирную Исторію»: «Умѣренность — порядокъ, а смыслъ ихъ: не упукай никогда изъ глазъ своей цѣли;

подвигайся впередъ не быстро, но постоянно; строй безъ спѣха, но для вѣковъ; исправляй не разрушая; не упреждай своего вѣка, и не отставай отъ него; не будь его рабомъ, но свободно съ нимъ соглашайся: будешь владѣть имъ, когда не презришь его совѣта; будешь его жертвою или окружишь себя жертвами, если хочешь его пересилить».

Таковы главные правила, которыя наслѣдникъ престола долженъ современемъ извлечь для себя изъ исторіи: свободное изложеніе ихъ передъ государемъ есть въ то же время и моя неовѣда.

Государь! можете быть, прежде я бы не съ такою довѣренностію къ вамъ употребилъ сей языкъ свободный! Но теперь, носая того, что случилось, смѣлая некрепость съ вами не стоитъ никакого успѣлія. Вы познакомили съ собою Россію; вы доказали намъ, что можете благо общему жертвовать собою; въ минуту опасности вы вѣрнулись своему народу; вашей неустрашимости обязаны мы сохраненіемъ спасительнаго царскаго трона; съ этой минуты видимъ дѣятельность, имѣемъ право надѣяться врсемѣ прекрасныхъ, порядка, законовъ, просвѣщенія, всего, что было въ душѣ Александра. При такихъ надеждахъ и мнѣ, какъ вѣрному подданному царя, какъ вѣрному сыну отечества, усладительнѣе приступить къ священному своему дѣлу. Содѣйствуйте, государь, его успѣху, помогая наставникамъ въ непарушномъ исполненіи ихъ плапа. Царствуя для блага Россіи, вы будете царствовать и для вѣшаго сына: онъ будетъ спокойно возрастать подъ благотворнымъ вліаніемъ правленія мужественнаго; современемъ отъ васъ же научится высшему искусству; а послѣдїемъ его будетъ устроенная Россія и люди, образованные вами для поддержанія съ нимъ вмѣстѣ сего устройства.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Изясненіе картинки.

Статья была написана Жуковским по поводу помѣщенія въ „Вѣстникъ Европы“ рисунка съ картины Караффа. „Картина Караффа, замѣчаетъ Тихоновъ, послужила лишь вѣнскимъ поводомъ къ тому, чтобы съ полною искренностью высказать то, что происходитъ въ душѣ поэта, что составляло его задумчивыя вѣрованія въ эту эпоху...“ Изслѣдователь справедливо называетъ статью „исповѣдью“, отрывкомъ изъ автобіографіи поэта...“

Два слова отъ издателя „Вѣстника Европы“.

„Два слова“ были помѣщены въ „Д. Евр.“ 1809, № 6 (стр. 125—130), а въ № 8 того же года въ журналѣ было отъ Семена Истомина заявлено, что никакихъ стиховъ въ редакцію онъ не посылалъ, что вообще все это слѣдвало къ-то другимъ, желавшимъ ему повредить, надъ нимъ посмѣяться („Д. Евр.“ 1809, № 8, стр. 262—264). Къ заявленію Истомина „издатель“ Жуковский присоединилъ: „Издатель желалъ бы охотно выслать господину Истомину оригиналъ присланныхъ къ нему отъ его имени стиховъ, но онъ не могъ найти его между бумагами. Господинъ Истоминъ можетъ, и не зная ни имени того глупца, который поддунулъ надъ нимъ такъ грубо, заплатить ему за обиду его прощеніемъ и презрѣніемъ“.

Благодарность любезному издателю „Аглаи“.

Издателемъ сборника „Аглая“ былъ кн. П. И. Шаляковъ.

Редакторскія замѣтки при статьяхъ „Вѣстника Европы“ 1803—1809 гг.

Изъ четырехъ этихъ замѣтокъ, помѣщенныхъ въ видѣ примѣчаній, первая находится при статьѣ: *Письмо къ издателю*, о подвигѣ русскаго самоотверженія, при наводненіи въ Якутскѣ, — напечатанной въ „Д. Евр.“ 1803 г., № 5; вторая, о Н. Ф. Алферовѣ, — при статьѣ: *Два письма русскаго путешественника изъ Константинополя и Аѳинъ* („Д. Евр.“, 1803, № 7—11); третья, о меланхоличѣ, — является примѣчаніемъ къ статьѣ: *Меланхолич. Сочиненіе женщины, которая никогда не бывала въ меланхоличѣ* („Д. Евр.“, 1808, № 19); четвертая — при статьѣ: *Филелозъ, воспитатель герцога Бургунскаго* („Д. Евр.“, 1803, № 4). Находящіеся въ послѣдней статьѣ инициалы: *И. В. Л.*, означаютъ: Ив. Вл. Лодухинъ.

Радамистъ и Зенобія.

П. Ж. Кребилльонъ († 1762) — одинъ изъ извѣстнѣйшихъ драматическихъ писателей первой половины XVIII в. *Radamiste et Zénobie* была одной изъ лучшихъ его трагедій. Переводчикъ трагедіи — Степанъ Ивановичъ Висковатовъ, въ свое время изданный на мало различныхъ драматическихъ сочиненій, а также стихотвореній, занималъ мѣсто переводчика при дирекціи петербургскихъ театровъ. Летомъ 1831 года Висковатовъ пропалъ безъ вѣсти.

Электра и Орестъ.

А. Н. Грузинцевъ — плодовитый, но довольно бездарный писатель двухъ первыхъ десятилѣтій XIX вѣка. Трагедія его *Электра и Орестъ* была представлена на петербургской сценѣ въ ноябрѣ 1809 года. Рецензія Жуковскаго вызвала возраженіе (тогда же напечатанное въ „Д. Евр.“), — невольный авторъ котораго называетъ Жуковскаго мѣлочнымъ писателемъ, завистливо относящимся къ „успѣхамъ хорошаго творенія“...

Изъ альбомовъ гр. С. А. Самойловой.

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь издаанные недавно П. К. Кузьмапомъ отрывки, читаемые въ автографическихъ альбомахъ, находящихся въ бібліотекѣ графовъ Бобринскихъ и подаренныхъ некогда Жуковскимъ гр. С. А. Самойловой, одной изъ фрейлинъ императрицы Маріи Феодоровны, въ 1821 году вышедшей замужъ за гр. А. А. Бобринскаго. Какъ справедливо замѣчено г. Кузьмапомъ, — отрывки эти „прекрасно характеризуютъ основныя черты мировоззрѣнія Жуковскаго“... Отрывки помѣчены 29 августа 1819 г., — 17 сентября 1819 г. и 7 октября того же года. Приводимъ ихъ въ этомъ порядкѣ.

„...Я когда-то сказала: счастье жизни состоитъ не изъ отдѣльныхъ наслажденій, но изъ наслажденій съ воспоминаніемъ, и эти наслажденія сравнилъ я съ фонарями, зажженными ночью на улицѣ: они раздѣлены промежутками, но эти промежутки освѣщены, и вся улица свѣтла, хотя не вся составлена изъ свѣта. Такъ и счастье жизни! Наслажденіе — фонарь, зажженный на дорогѣ жизни; воспоминаніе — свѣтъ, а счастье — рядъ этихъ фонарей, этихъ прекрасныхъ свѣтлыхъ воспоминаній, которая всю жизнь озаряютъ. Надежда — пустое слово; она привлекательна только для неопытности, которая не знаетъ еще жизни, для которой въ прелести этого слова заключена въ его непостижимости. И что надежда! Безпокойное, хотя не рѣдко сладостное ожиданіе чего-то въ будущемъ; такое ожиданіе только вредно: оно уничтожаетъ настоящее. Не забудь о будущемъ, чтобы жить какъ должно; пользуйся настоящимъ минутою, ибо только она есть вѣрное средство къ счастью! Зажигай свой фонарь, не забывая о тѣхъ, кои Провидѣніе дастъ зажечь собой: въ свое время ты оглянешься, и за тобою будетъ прекрасная, свѣтлая дорога! Между настоящимъ минутою и неизвѣстнымъ предѣломъ жизни не можетъ быть надежды, а Провидѣніе: переходя отъ одной, озаренной яркимъ воспоминаніемъ минутой, къ другой, такой же нечувствительно дойдешь до этого предѣла, за которымъ вѣрное, неизмѣнное будущее. Объ немъ можно думать безъ волненія, оно не вѣнчаетъ жизни! Но что же здѣшнее будущее? Приходитъ ли оно когда-нибудь такимъ, какимъ мы его себя воображаемъ? На что же ему вѣрять и объ немъ заботиться? Прошедшее же нуекай идти съ нами радомъ! Пусть будетъ нашимъ добрымъ утѣшителемъ, ободряющимъ спутникомъ!“

Для сердца прошедшее очно!

Можно въ какомъ нибудь образѣ сказать, что существуетъ только то, чего ужъ нѣтъ! Будущее можетъ не быть; настоящее можетъ и должно перемѣниться; одно прошедшее неподвержено непримѣняемости: воспоминаніе бережетъ его; и если это воспоминаніе чисто, то оно есть ангель-хранитель нашего счастья; оно утѣшаетъ наши горести; оно озаряетъ предъ нами неизвѣстность будущаго. Ясный фонарь на дорогѣ жизни... Что онъ? Одно ли паслаленіе, столь же быстрое и тѣльное, какъ пролетающая минута? О, нѣтъ! доброе чувство, высокая мысль, прекрасное слово—имъ однимъ припадлежитъ воспоминанію! Эти свѣтлыя минуты, въ которыя мы жили сердцемъ, созданнымъ для прекраснаго, высокаго и добраго, можно назвать минутами безстрашнаго откровенія: въ эти минуты Божество неотрицаемо. Я называлъ бы каждое прекрасное чувство, каждую высокую, сердцемъ винушенную мысль *Богомъ!* Не Онъ ли говоритъ въ нѣхъ душѣмъ человѣческой: *И здѣсь!* И какъ въ такую минуту не отвѣчать Ему: *спасибо Господи!* И рядъ такихъ минутъ, въ которыя Божество, блещущъ предъ тобою собственнымъ же твоимъ чувствомъ, не угасло, но оставило тебѣ *свѣтъ свой* въ воспоминаніи, рядъ фонарей—вотъ счастье! и оно вѣчно, какъ сердце его, съ его неизгладимыми воспоминаніями!

Еще одна мысль, которая здѣсь у мѣста: жизнь есть *воспитаніе*. Все въ ней служитъ урокомъ. Дѣла жизни—звать хорошо урокъ свой, чтобы не постигая себя передъ Верховнымъ Учителемъ. *Гдѣ* придется употребить уроки Его въ пользу, знаетъ только Онъ. Что Онъ учитъ *не напрасно*—это вѣрно, и въ *знаніи этого*, основанномъ на чувствѣ, вся наша вѣра. *Павловскъ, 29 августа, 1819 г.*

17 сентября 1819 г.

„Вы позволили мнѣ сдѣлать вамъ подарокъ въ день вашего ангела: я вдумалъ подарить васъ такою книгою, которая могла бы служить вамъ *вмѣсто руководства въ чтеніи другихъ книгъ* и добрымъ, вѣрнымъ товарищемъ на цѣлую жизнь. Книга, которую я для этого выбралъ, которой пользу *отчасти* знаю по собственному опыту (я прочиталъ ее въ первый разъ въ такое время, когда мнѣ былъ очень нуженъ ободрительный совѣтникъ; по своему *важно*му приличію лично вашего ангела, а по своему содержанию прилична вамъ. При ней Библия, необходимая для того, чтобы прочитать ее съ пользою; я выбралъ ибемскую для того, что авторъ ссылается всегда на библію ибемскую: вамъ легче будетъ отыскивать тѣ мѣста, на которыя онъ въ ней указываетъ. Приложенію же *большую книгу* вы наполните *своими*. Я началъ ее нѣкоторыми собственными мыслями, которая набросать безъ прядка и связи. Пусть будутъ онѣ здѣсь *вмѣсто предисловія*. Сие ихъ достоинство состоитъ въ томъ, что онѣ произведены искреннимъ желаніемъ вамъ такого счастья, на которое имѣете право больше многихъ и которое можете найти легче многихъ; надобно только на него *посмотрѣть со вниманіемъ* и оно ваше“..

Wisser, ein erhabner Sinn
legt das Grosse in das Leben
Und er sucht es nicht darin.

„Это великое, это прекрасное таится въ насъ самихъ; и жизнь дана для того, чтобы узнать его тайну: въ этомъ *знаніи* вся ея цѣль; оно одно составляетъ прямое ея достоинство. Жизнь есть училище, въ которое душа вхвѣтитъ младенчески, изъ котораго должна выйти возмужалая и созрѣвшая.“

„Можно сказать, что вокругъ насъ дично по существовать отдаленно: все беретъ образъ души нашей; все ея оглохоски; все оживаетъ она тѣмъ бытіемъ, которое въ ней самой таится.“

„Мыслить, чувствовать—вотъ прямая (внутренняя) жизнь наша. Она только *обнаруживается* посредствомъ дѣйствій, которыми, такъ сказать, мы связаны съ тѣмъ, что насъ окружаетъ. Чѣмъ болѣе совершенства въ мысляхъ и чувствахъ, тѣмъ лучше

и вѣрнѣе наши дѣйствія. Если дадимъ себѣ первое, то послѣднее само собою будетъ ея послѣдствіемъ.“

„Счастье жизни—красота души, неизмѣняющаяся посреди перемѣнчивыхъ случаевъ жизни.“

„Съ каждою новою мыслию, съ каждымъ новымъ чувствомъ прибавляется къ душѣ нѣчто такое, чего въ ней еще не было. Это нѣчто становится ея вѣчною, неотъемлемою собственностію.“

„Мысли и чувства, въ разное время посѣщавшія душу, сливаются въ ея сущность и составляютъ наконецъ ея величіе или низость, ея красоту или безобразіе. Такимъ образомъ, можно сказать, что наша душа, отдаленно, сама по себѣ существующая, есть въ то же время и произведеніе всего, что посредствомъ мысли и чувства вошло въ нее въ теченіи жизни: произведеніе болѣе или менѣе совершенное и *приобрѣтеніе этого совершенства*, для коего единственно дана человѣку ея земная жизнь, зависитъ отъ насъ самихъ. Провидѣніе есть только всемогущій намъ *помощникъ*: оно только предлагаетъ намъ способы, только поддерживаетъ или усиливаетъ наше стремленіе; но пользоваться предлагаемымъ способами, по повинованію святому стремленію—это предоставлено намъ самимъ и здѣсь мы неограниченно свободны.“

„Два способа пробовать сіе совершенство: *извлекать прекрасное изъ опытовъ жизни; извлекать прекрасное изъ самого себя*.“

„*Опытъ жизни*—здѣсь мы не иное что, какъ путешественники по землѣ Провидѣнія. Оно съ заботливою попечительностію окружаетъ насъ житейскими встрѣчами. Добро и зло, великое и малое, все есть его посланникъ, есть испытатель и слѣдовательно совершенствователь души нашей. Отъ насъ требуется оно только прекраснаго. Всякій случай жизни есть *средство* къ прекрасному: не намъ дѣло вступаться въ распоряженіе сихъ предлагаемыхъ намъ средствъ—мы должны и можемъ только *исполнять требованія* Промысла. Скажу опять—мы не *властны* въ выборѣ средствъ, то есть въ выборѣ тѣхъ случаевъ счастливыхъ или несчастныхъ, тѣхъ радостей или печалей, которыя должны постигнуть насъ въ жизни,—это дѣло Провидѣнія! Но мы *властны* во всякомъ случаѣ вступившаго въ одобренный имъ готово, во всякомъ случаѣ повнѣ его высокое требованіе и свободно исполнить то, чего оно требуетъ. Опытъ жизни, съ этой стороны разсматриваемые, представляются въ блѣтѣ величественномъ; жизнь въ этомъ случаѣ есть нѣчто святое и драгоцѣнное. Въ такомъ понятіи обѣ жизни заключается наша *твердость*, болѣе нужная въ мѣлкихъ, ежедневныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ легко забытьса, нежели въ случаяхъ важныхъ, пробуждающихъ всю нашу душу и заставляющихъ ее вооружиться всѣми своими силами.—Итакъ, при каждомъ представляющемся опытѣ жизни (въ этотъ разрядъ входитъ все, что *есть* насъ: и люди, насъ окружающие, и все необычная природа), при каждомъ представляющемся опытѣ жизни спрашивать: *что прекраснаго можно извлечь изъ него?* Внутренній голосъ всегда откликнется на вопросъ нашъ. *Вслушайтесь и исполните!* Душа сдѣлается выше, и мы на шагъ приближимся къ своему назначенію. Найдено прекрасное сдѣлается *нашимъ*. Свѣтлый фонарь заргоритъ и не угаснетъ. А мы *впередъ!* чтобы зажечь новый, такой же неугасимый.“

„*Извлекать прекрасное изъ самого себя*—быть съ собою, разбирать свою жизнь, свои обязанности, свое прошедшее и будущее, въ присутствіи строгаго свидѣтеля, *совѣсти*, въ присутствіи великаго ободрителя, *Бога*. Внутренность нашей души—безопазное, всегда вѣрное наше приближеніе и въ счастья, и въ несчастія. Кому знакомъ этотъ пріютъ, кому легко находить въ него дорогу, тотъ истинно независимъ; тотъ, смиренно покоряясь своей судьбѣ, никогда не будетъ ни рабомъ ея, ни жертвою. Внутренность души нашей—здѣсь наше владычество; въ это свѣтище впускаемъ мы однихъ только избранныхъ; все, что *есть* его, покоряется судьбѣ; все, что *есть* намъ, то намъ и независимо. *Взять съ собою* значить давать себѣ отчетъ въ томъ, каковы мы, что приобрѣ-

ли въ теченіе, пропущеній жизни своей, что можемъ и должны приобрести ея въ будущемъ. *Быть съ собою* значитъ давать бытію своему полноту и твердость, цѣлнть и объяснять то, что насъ окружаетъ, отдѣляться отъ внѣшняго, чтобы знакомиться со внутреннимъ. Но быть съ собою можно только въ *удовлетвѣніи*, въ которомъ, можно сказать, настоящая жизнь ваша. Оно одно даетъ намъ необходимую свободу мыслить и чувствовать, въ него приносимъ ту добычу, которую собираемъ посреди свѣта, въ немъ пользуемся сокровищемъ, нами скопленнымъ, и въ немъ только узнаемъ истинную цѣну самой свѣтской жизни.

„Однѣ изъ дѣйствительнѣйшихъ способовъ *быть съ собою* есть *чтеніе*. Если чтеніе почитать только однимъ занятіемъ, однимъ лѣкарствомъ отъ скуки, то оно не иное что, какъ разбѣжаніе, принадлежащая къ безцеленному множеству мелочей, развлекающихъ нашу душу посреди свѣта. Но совѣмъ напротивъ: чтеніе есть одна изъ *важнѣйшихъ началъ обязанности*. Миллеръ говоритъ: Lesen ist nichts; lesen und denken—etwas; lesen, denken und fühlen—die Vollkommenheit. Чтати надобно съ тою же цѣлью, съ какою надобно жить, то есть для усовершенствованія души своей. Книги—идеальный свѣтъ посреди свѣта сущающаго. Но въ существенномъ мы зависимъ отъ всего, что насъ окружаетъ; мы невластны ни выбирать, ни перемѣнять тѣхъ людей, съ коими насъ сводитъ судьба наша, мы непривольно принимаемъ тѣ впечатлѣнія, которыя даетъ намъ все окружающее насъ и отъ насъ независимое; мы свободны только *извлекать нравственное добро* изъ сихъ неовладѣстныхъ намъ впечатлѣній. Въ книгахъ напротивъ! въ нихъ, можно сказать, повторяется тотъ же мѣръ и съ тѣми же впечатлѣніями, но здѣсь мы уже *властны въ выборѣ*; здѣсь можемъ окружать себя только тѣмъ, что сходно съ нашею цѣлью, что близко нашей душѣ, что можетъ ее возвысить и усовершенствовать. Съ книгою въ рукѣ, не сходя съ мѣста, мы приключаемъ къ себѣ все, что есть, было и можетъ быть прекрасно въ природѣ, и это все единственно для того, чтобы *присвоить* его душѣ, чтобы дать ей достоинство для счастья и несчастья, чтобы освѣтить передъ нею здѣшнюю жизнь, чтобы ее приготовить для жизни будущей, вѣрной, хотя и неизвѣстной. Чтеніе въ этомъ смыслѣ есть *дѣятельность высокая, одно изъ тверднѣйшихъ основаній нашей нравственности*.

„*Чтеніе для женщинъ* не то, что *чтеніе для мужчинъ*. Кругъ мужчинъ обширный и многообразный. Сверхъ общей цѣли человѣчества, *нравственнаго образованія*, онъ можетъ имѣть и множество другихъ, особенныхъ, какъ человекъ государственный, какъ ученый и прочее. Кругъ женщинъ ограниченнѣе. Въ него входитъ одно только *просто человеческое*. Ей нужно только приобрести то, что на нѣмецкомъ языкѣ такъ прекрасно называется *Weiblichkeit* и для чего нтъ еще выраженія въ языкѣ нашемъ. Въ этомъ словѣ я вижу всю прекрасную жизнь женщины: простоту, неискренность глубокаго чувства, просвѣщеннаго анализомъ; знакомство со всѣмъ, что есть лучшаго въ природѣ и въ обществѣ; богатство свѣдѣній не для блеска, но для скромнаго внутренняго наслажденія, для мирнаго, а бы сказать, *стыдливо* снѣна посреди немногихъ, ей принадлежащихъ любовью. Женщина создана для семейства—въ немъ ея дѣятельность, чистая, всегда полезная, всегда благодѣтельная! Въ свѣтѣ она должна только находить минутный отдыхъ и то для одного равнообразія, для живнѣшаго почувствованія цѣны приного, ею одною творимаго счастья. Ей нужны только тѣ знанія, которыя могутъ быть *полезны въ тѣсномъ кругу домашняго*; она въ выборѣ ихъ должна ограничить себя однимъ только *лучшимъ* и это лучшее должна она перелить въ свою душу, дабы нравственнымъ добромъ, ею приобретеннымъ, счастливыми *немногими избранными*. Чтеніе для мужчинъ весьма часто бываетъ скучною, утомительною работою, чтеніе же женщины всегда можетъ быть чистымъ наслажденіемъ, и за сіе наслажденіе получаетъ она еще награду: *усовершенствованіе нравственное*,

то именно, что составляетъ цѣль бытія человѣческаго.

„Итакъ, въ короткихъ словахъ: читать одно *лучше* и читать *не для развлеченія*, а для того, чтобы чтеніемъ *дополнить уроки жизни*; очистить и возвысить душу, дать мыслямъ ясность, порядокъ и полноту; *явнѣе постигнуть свою цѣль* и безпрестанно усиливая свое къ ней стремленіе; читать не много, но много *мыслить*, дабы чужое обратить въ собственное. Читать въ пѣкоторыхъ *порядкѣ*“.

„Маленькая книжка, которую здѣсь прилагаю, можетъ быть прекраснымъ основаніемъ чтенія въ такомъ смыслѣ. *Вѣра, любовь, надежда*, а сказать однимъ словомъ, *высокая мудрость*—это цѣль жизни; таково содержаніе этой книжки. Въ ней мало для чтенія, зато много для размысленія. Въ ней приведено въ одинъ ясный порядокъ все то, что заключается въ разныхъ книгахъ Святаго Писанія.—*Генія истинная и нравственное совершенство одно и то же*: кто возвышаетъ душу свою, тотъ приближается съ Богомъ. Къ этому все должно вести насъ въ жизни—и *все* другія книги должны быть для васъ только дополненіемъ *этой*. Сперва прочтите ее, но, чтобы прочитать какъ должно, надобно выписать изъ библии всѣ тѣ мѣста, на которыя ссылается авторъ, и точно въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ назначилъ: такимъ образомъ, все существенное Святаго Писанія, то именно, что можетъ быть всегда примѣнено къ дѣятельной жизни, будетъ для васъ соединено въ одно порядочное цѣлое. Этой работы будетъ надолго: положите себѣ за правило каждый день *наполнить одну страничку выписками*, этого довольно: день не будетъ потерянъ. Когда всѣ выписки кончатся, то перечитайте книжку *вслухъ съ нами*—это окончательное чтеніе все возобновитъ въ мысляхъ и все приведетъ въ порядокъ. Но эти выписки не займутъ *всей* этой бѣлой книги, останется большая половина ея бѣлою: она для *дополненій*. Что найдете въ другихъ книгахъ прямо прекраснаго, такою, что можетъ быть годно для *заключенія свѣтлаго фонаря*, то записывайте сюда; но еще болѣе записывайте то, что придумаете сами; вамъ не будетъ недостатка въ прекрасныхъ мысляхъ и чувствахъ. Такимъ образомъ, эта книжка, данная вамъ въ минуту надежды, что это желаніе сбудется, эта книжка будетъ *современемъ* заключать въ себѣ сокровище *образно и прекрасно*, будетъ повѣрненнымъ и свидѣтелемъ вашей жизни, добромъ и прекрасному посвященной. А я повторю здѣсь сказанное прежде:

И вѣро—ваше сердце встрѣтитъ
Прямую предѣль жизни сей,
И рядъ вѣсельихъ фонарей
Дорогу вашу всю освѣтитъ.
Пусть друга-ангела рука
Ихъ зажигаетъ передъ вами..
А я, хотя *издалека*
За вами слѣдую глазами,
Васъ буду сердцемъ провожать
И благодарно ихъ считать.

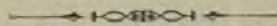
„P. S. 7 октября. Написавши все это, я былъ пѣсколько времени въ нерѣшности, отдавать ли вамъ мою книгу или нѣтъ. Признаюсь въ слабости: *любимъ студию* моя удивлялась. Дарить библию осмысленнѣйшему дѣлу, утомлять ея вниманіе со-вѣтами... я посмотрѣлъ на себя глазами свѣта и оказался смѣшнымъ самому себѣ. И въ этомъ я *виноватъ* передъ вами. Въ чистотѣ и безкорыстности моего нахвѣренія заключено и его опавшаніе. Могу быть страннымъ, только не въ вашихъ глазахъ. Если еще не имѣю права сказать: *я знаю васъ!* то могу сказать: *я васъ предчувствую!* И знаю, я вижу васъ *такое*, какою вы быть можете, въ увѣреннн, что мое предчувствіе сбудется. Эта надежда оправдывается и мой выборъ. Къ тому же я и не безъ награды: *помогите взгляду для* и *вмѣстѣ съ вами о добромъ* есть счастье. Вы не должны жить, какъ живутъ обыкновенно; жизнь ваша должна быть пре-

красною, а все прекрасное жизни можно выразить одним словом: *религія!* (изъ этого понятія исключается все, что есть суевѣріе, все, что выдуманно слабымъ невѣжествомъ; религія сближеніе съ Богомъ посредствомъ мысли, чувства, долга!). Чѣмъ рабѣ зтотъ товарищъ присоединится къ жизни, тѣмъ она яснѣе, счастливѣе, выше—и чтеніе съ выборомъ, съ порядкомъ, съ постоянствомъ есть одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ произвести это товарищество. Религія, необходимая человѣку вообще, для женщины въ особеннѣе сдужитъ самымъ надежнымъ помощникомъ: она беретъ для нея характеръ вѣрнѣйшій, ея особенному характеру болѣе соответствующій; она теряетъ для нея все метафизическое, отвлеченное и обращается въ глубокое, ясное, животворное чувство, которое убѣдительно всякаго умозрѣнія; она оживляетъ для нея ея должнѣе и даетъ ей сладостную твердость для мелкихъ, ежедневныхъ пожертвованій, которымъ женщина, по своему положенію въ свѣтѣ, безпрестанно бываетъ подвержена. Чѣмъ рабѣ войдетъ она въ ея жизнь, тѣмъ жизнь ея сдблается вѣрнѣе и безопаснѣе, тѣмъ изобильнѣе будетъ она истинными, непременными наслажденіями. Мы почти на каждомъ шагѣ встречаемъ женщинъ, которыя, посвятивъ свѣжую свою молодость легкомысленной разсѣянности свѣта, истощивъ ею дучшія свои чувства, передаются религіи въ такое время, когда свѣтъ покидаетъ ихъ: но зтотъ переходъ принужденный! Онѣ приносятъ усталую душу въ святилище, съ ними возвратно штерно, и небесное дблается для нихъ насильственною, сдбловательно, неудовлетворительною замѣною земнаго, все еще любезнаго, хотя уже

имъ давно чуждаго. Онѣ добровольныя изгнанницы, токующія втайнѣ по отчизнѣ, ими покинутой. И по болѣе части ихъ западлая религія бываетъ соединена съ нетеримостью (*intolerance*) и съ суевѣріемъ, недостойнымъ души человѣческой. Небесное должно быть съ земнымъ неразлучно: не уничтожая его, оно только его освящаетъ! Это два товарища, ведущіе насъ къ одной и той же цѣли. Не въ позднее осеннее время жизни, но въ первой молодости весенней, когда душа еще *въ цвѣту*, должны мы познакомиться съ религіей. Она не противна свѣту, не требуетъ затворничества; напротивъ, она очищаетъ и еще болѣе усиливаетъ всѣ наши житейскія связи. Но узнавая въ молодости, безъ принужденія, а по естественному стремленію души, она обращается въ ея сущность, становится радостнымъ, безмятежнымъ *вытѣе* внутреннимъ въ отношеніи къ намъ самимъ и дѣятельною любовью въ отношеніи ко всему, что насъ окружаетъ. И такая только жизнь можетъ быть *вамъ* прилична. Теперь ваша душа *въ полномъ цвѣту!* Съ запасомъ прекрасныхъ качествъ (способовъ счастья) стоите вы у начала дороги, ведущей въ обѣтовавшую землю; какъ не пожелать, чтобы вы пошли по ней, окруженныя всеми приятными, достойными васъ благами жизни! Наша душа, какъ магнитъ, имѣетъ притягательную силу для всего прекраснаго (но она можетъ имѣть и силу отрицательную, какъ тотъ же магнитъ). Этой притягательной силы въ душѣ вашей много! Давайте ей пищу: все прекрасное прильнетъ къ ней само собою. [См. Н. К. Кульмана, рюкони В. А. Жуковскаго, хранящіяся въ библіотекѣ гр. А. А. и А. А. Бобринскихъ. Извѣстія II отд. II. Ак. Наукъ, т. V, СПб., 1860, кн. 4, стр. 1081—1083. 1103—1112].

ОГЛАВЛЕНІЕ

	стр.		стр.
1797.		1809.	
Мысли при гробницѣ	3	Марина роца (старинное преданіе) . .	50
1798.		Два слова отъ издателя	68
Миръ и война	4	Печальное происшествіе	65
Жизнь и источникъ	5	О баснѣ и басняхъ Крылова	68
Речь на актѣ въ университетскомъ бла-		Московскія записки	79
городномъ палациѣ, 14 ноября		О критикѣ (письмо къ издателямъ «Вѣст-	
1798 г.	6	ника Европы»).	94
		О сатирѣ и сатирахъ Каптемира. . .	99
1800.		1808—1809.	
Къ надеждѣ	9	Редакторскія замѣтки при статьяхъ	
Мысли на кладбищѣ	10	«Вѣстника Европы» 1808—1809 гг. .	117
Истинный герой.	—		
1803.		1810.	
О путешествіи въ Малороссію.	11	Радамистъ и Зенобія	122
Вадимъ Новгородскій.	13		
1808.		1811.	
Письмо пзъ уѣзда къ издателю	20	Электра и Орестъ	128
Изъясненіе картинки	27		
Три сестры	28	1818.	
Кто истинно добрый и счастливый че-		О новой книгѣ (Nappota: Entretiens	
ловѣкъ	30	sur la physique).	133
О новой книгѣ: (Училище бѣдныхъ, со-		Планъ ученія Его Императорскаго Вы-	
чиненіе госпожи Ле пренсъ де Бо-		сочества Государя Великаго Кня-	
мошь).	33	зи Наслѣдника Цесаревича Але-	
Писатель въ обществѣ	36	ксандра Николаевича	135
Три пояса (русская сказка)	42	Примѣчанія	148

F

24.157/7-12